

ISSN 2079-1488

STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ВЫПУСК 8

ISSN 2079-1488

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ»

КАФЕДРА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛАРУСИ

STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Научный сборник

Основан в 2008 году

ВЫПУСК 8

Минск
РИВШ
2015

УДК 94(4-11)(082)
ББК 63.3(0)4
И87

Рекомендовано
Советом Государственного учреждения образования
«Республиканский институт высшей школы»
(протокол № от 2015 г.)

Редакционная коллегия:

- А. В. Мартынюк* – кандидат исторических наук, отв. редактор (Минск)
Г. Я. Голенченко – доктор исторических наук, зам. отв. редактора (Минск)
О. А. Яновский – кандидат исторических наук, зам. отв. редактора (Минск)
А. А. Любая – кандидат исторических наук, зам. отв. редактора (Минск)
Ю. Н. Бохан – доктор исторических наук (Минск)
М. Вайерс – доктор исторических наук (Бонн)
В. А. Воронин – кандидат исторических наук (Минск)
О. И. Дзярнович – кандидат исторических наук (Минск)
Д. Домбровский – доктор исторических наук (Быдгощ)
Л. В. Левицун – доктор филологических наук (Минск)
А. В. Любый – кандидат исторических наук (Минск)
И. А. Марзалюк – доктор исторических наук (Могилев)
В. Назирный – доктор истории (Краков)
Н. В. Николаев – доктор филологических наук (Санкт-Петербург)
В. А. Теплова – кандидат исторических наук (Минск)
В. А. Федосик – доктор исторических наук (Минск)
А. И. Филюшкин – доктор исторических наук (Санкт-Петербург)
А. Л. Хорошкевич – доктор исторических наук (Москва)
В. Янкаускас – доктор истории (Каунас)

Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории
И87 Восточной Европы : науч. сб. Вып. 8. – Минск : РИВШ, 2015. – 296 с.

В научном сборнике представлены актуальные исследования белорусских и зарубежных ученых, посвященные широкому кругу проблем истории Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. Сборник включен ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам.

Адресуется студентам, аспирантам, преподавателям и научным работникам, а также всем, кто интересуется историей восточных славян.

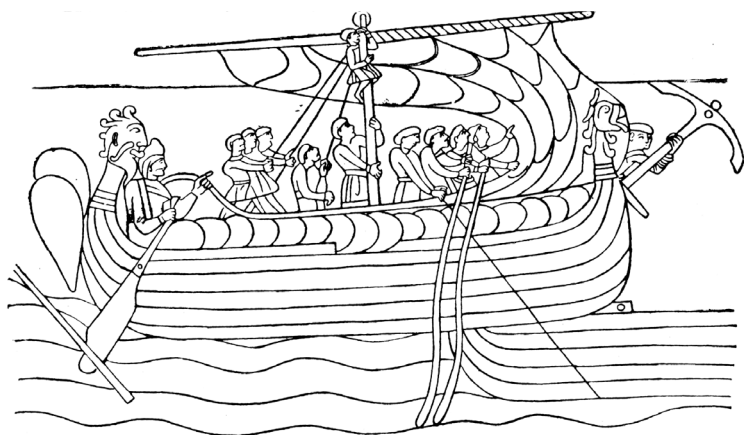
УДК 94(4-11)(082)
ББК 63.3(0)4

© Оформление. ГУО «Республиканский институт высшей школы», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ	5
<i>Чорэф М. М.</i> К вопросу о технологии монетного литья в византийском Херсоне.....	7
<i>Келембет С. Н.</i> Князь Олег Вещий и поход руси на Константинополь.....	19
<i>Самонова М. Н.</i> «Эймунд конунг» на службе у Брячислава: шведский след в истории Полоцкого княжества.....	37
<i>Жарко С. Б.</i> «Путешествие в восточные страны» Гильома Рубрука о христианах-несториянах и Монгольской империи XIII в.	55
<i>Пономарева И. Г.</i> Обряд вассальной присяги в Древней Руси.....	63
<i>Мартынюк А. В.</i> Восточноевропейские эпизоды путешествий Освальда фон Волькенштейна.....	77
<i>Афанасенко Ю. Ю.</i> Новогрудский собор 1415 г. в церковной политике великого князя Витовта.....	91
<i>Ширинский О. Ю.</i> Право на самоуправление городов Великого княжества Литовского и немецкое городское право: сравнительно-правовой анализ.....	123
<i>Бенцианов М. М.</i> Новгородские бояре – новгородские дети боярские. К вопросу о преемственности	133
<i>Евстратьев О. И.</i> Формирование южной границы Курляндского герцогства во второй половине XVI века.....	147
<i>Якубаў В. У.</i> Гістарыяграфія «інфлянцкага пытання» 1582–1621 гг.	165
<i>Матюшевская М. И.</i> Древняя Русь в научно-публицистическом творчестве Г. П. Федотова.....	179
ИСТОЧНИКИ.....	193
<i>Черкасов Д. Н.</i> Жильбер де Ланнуа и его «Voyages et ambassades» ...	195
<i>Сліж Н. У.</i> Вайна за спадчыну ў сям’і Гарнастаяў	242
РЕЦЕНЗИИ.....	259
<i>Келлер О. Б.</i> Рецензия на сборник «Исследования о “швабском зеркале” в придунайских областях»	261

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ.....	269
<i>Евстратъев О. И.</i> Древняя Русь: «своя» и «чужая».....	271
<i>Подберезкин Ф. Д.</i> Влияние или взаимодействие?	278
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	285
РЕЗЮМЕ.....	287
SUMMARY	291
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	296

СТАТЬИ

К ВОПРОСУ О ТЕХНОЛОГИИ МОНЕТНОГО ЛИТЬЯ В ВИЗАНТИЙСКОМ ХЕРСОНЕ

Трудно переоценить значимость нумизматических артефактов. Ведь их атрибуция позволяет осветить «белые пятна» истории, сведения о которых не сохранились в письменных источниках и не фиксируются в результате изучения прочих археологических памятников. К примеру, установить имена правителей и проследить важнейшие события их политических биографий, а также выявить и локализовать центры, проводившие денежную эмиссию¹. Однако рамки нумизматического исследования отнюдь не ограничиваются определением и датированием монетного материала. Дело в том, что установление обстоятельств, места, времени выпуска и длительности обращения древних монет позволяет оценить ключевые показатели античных и средневековых обществ, как-то: уровень цивилизации, организация и устойчивость государственной власти, благосостояние населения, и, наконец, степень развития технологий. Причем проследить их довольно несложно – достаточно обратить внимание на саму концепцию монетного производства.

Учитывая важность поднятого вопроса и очевидную реальность его разрешения, попытаемся рассмотреть в этом ключе денежное дело византийского Херсона, а точнее – организацию выпуска в нем литых бронз. И сразу же заметим, что, к сожалению, этот вопрос не привлек к себе внимания широкого круга нумизматов. Судим по тому, что из небольшого числа трудов, в которых затрагиваются его отдельные аспекты, можно отметить только две статьи: «О технике изготовления в средневековом Херсонесе монет типа “Ро”» Л. И. Шерешева [18, с. 38–53] и «Литые монеты средневекового Херсона» М. В. Ступко и Е. Я. Туровского [7, с. 187–200], посвященные изучению принятой в нем технологии денежного производства. Сразу же заметим, что мы находим их положения крайне важными, и, следовательно, постараемся разобрать их с предельной тщательностью.

Начнем с самого, на наш взгляд, интересного и значительного аспекта – с реконструкции литейных матриц, а также с гипотез о способах

¹ Как это, к примеру, было сделано нами при изучении монетного дела Боспора [9, с. 105–111; 10, с. 44–59; 11, с. 171–200; 12, с. 127–156; 13, с. 191–215; 14, с. 24–29; 15, с. 329–371; 16, с. 456–487].

их формирования. Так, по мнению Л. И. Шерешева, монетчики Херсона первым делом изготавливали подконические глиняные штампы (рис. 1). Их рабочие поверхности оформлялись вручную – на них вырезали фигуры и символы² [18, с. 40]. Ученый предположил, что в дальнейшем этими штампами на парных глиняных пластинах оттискивали формы [18, с. 43], пригодные для отливки монет³ (рис. 2), что, по словам исследователя, и было подтверждено в ходе проведенных им экспериментов [18, с. 44–46].

На первый взгляд, все вполне логично. Однако у нас возник ряд вопросов. Начнем с того, что формы, разработанные Л. И. Шерешевым, практически аналогичны⁴ китайским⁵ (рис. 3). Их описания известны как в русскоязычной [4, с. 40], так и в иностранной [21, р. XIX] литературе. Однако этот момент Л. И. Шерешевым был упущен⁶. В связи с этим заметим, что историку, изучающему древние технологии денежного производства, в особенности – литья, следует проштудировать доступные ему труды по интересующей его тематике⁷. А, в данном случае, обратиться к ним было бы крайне важно, так как в Китае издревле (с VII в. до н. э. до XX в. н. э.) шла масштабная эмиссия литой круглой монеты [4; 21; 22].

² Заметим, что изготовленные Л. И. Шерешевым штампы могли быть только патрицами. Ведь в противном случае на монетах не сформовались бы рельефные изображения. Допускаем, что имеем дело с досадной опiskeй. Вернее всего, исследователь резал матрицы на каком-то твердом материале, вернее всего – на камне или обожженной глине, а потом оттискивал ими описанные им в статье подконические патрицы, с помощью которых, в свою очередь, создавал формы для литья.

³ Судя по авторскому тексту, обжигались только патрицы, используемые исключительно для оттискивания форм [18, с. 40]. Однако заметим: необожженная глина неминуемо разрушилась бы под воздействием резкого и значительного перепада температуры, неизбежного при литье бронзовой монеты. Учтем и то, что даже обожженные глиняные формы следует подогревать, прежде чем заливать в них расплавленный металл. Ведь это не только защищает их от резкого перегрева, но и позволяет сплаву оптимально заполнить все выемки. Заключаем, что имеем дело не с рядовой опiskeй, а очевидной опiskeй, допущенной исследователем. Само же ее наличие ставит под сомнение успех проведенного им эксперимента.

⁴ Нюансы будут рассмотрены в свое время.

⁵ Эта форма хранится в «Shaanxi History Museum» [23].

⁶ Он ограничился ссылкой на В. А. Анохина [17, с. 46, прим. 1], причем не на последнюю, фундаментальную его публикацию «Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.)» [2], а на предварительную статью «Обзор монетного дела средневекового Херсона» [1, с. 99–113].

⁷ Мы не можем признать удовлетворительной ссылку на труды, посвященные исключительно нумизматике Херсона [18, с. 46, прим. 2]. Полагаем, что исследователю следовало бы искать аналогии, а не собирать высказывания в пользу констатации очевидного факта, что в византийском Херсоне лили монету.

К слову заметим, что формы в Китае готовили иным, неизвестным Л. И. Шершеву способом. Сначала в твердом дереве (черном кипарисе), в камне или на металле вырезали форму – матрицу (рис. 4,1). На ней размещали не только углубления для отливки монет, но и литники⁸. При этом старались добиться оптимального распределения сплава, а также сберечь форму от повреждений в процессе ее использования. В результате были разработаны различные типы матриц, позволяющие выпускать нужное количество монет с минимальными потерями металла. В них отливали матрицы⁹ (рис. 4,3), используемые, в свою очередь, для оттискивания в глине самих литейных форм¹⁰ (рис. 4,2). Впрочем, их могли создавать и в бронзе (рис. 3, 4,3). В любом случае, китайские монетные мастера могли довольно быстро снабдить денежное обращение нужным количеством однотипной монеты.

С учетом этого оценим функциональность форм, разработанных Л. И. Шершевым. Хорошо заметно, что прорезанные им литники с диаметром, значительно превышающим радиус монеты, не могли пропустить к формам нужное количество расплава. В результате исследователь получил плохие отливки: часть их пришлось бы юстировать, а часть – отбраковать из-за недолива металла (рис. 2). Зато литники оказались наполненными застывшим сплавом, выем которого неминуемо бы их разрушил. Так что формы, по логике исследователя, должны были быть одноразовыми. Однако в коллекциях музеев и в частных собраниях в изобилии находятся херсоно-византийские монеты, отлитые в частично выгоревших и подправленных формах¹¹. Очевидно, что их литники не разрушались так быстро, как предположил уважаемый исследователь. Основываясь на этом, заключаем, что эксперименты Л. А. Шершева нельзя признать ни успешными, ни продуманными.

Учитывая сложившуюся ситуацию, попытаемся восстановить технологию денежного производства в византийском Херсоне. Для этого попытаемся оценить функциональность китайской литейной формы, изображение которой приведено на рис. 3. Как видим, металл поступал в нее по широкому и глубокому литнику, сужающемуся по мере удаления от входного отверстия. Так создавалось оптимальное давление, позволяющее металлу растекаться по углублениям формы. Далее, от

⁸ К сожалению, Л. И. Шершев не уделил внимание этому вопросу. Из его статьи не ясно, по какому принципу он разместил и как формовал эти протоки.

⁹ Сведения о ней содержатся в архиве «Stack's Bowers Galleries» [24].

¹⁰ Опубликована в научно-популярной работе М. Лёве «Китай династии Хань. Быт, религия, культура» [5, рис. 50].

¹¹ Одна из таких монет – Романа III Аргири была издана нами [8, с. 137–144].

литника по полю формы отходили короткие¹² и широкие протоки, подававшие расплав в выемки, в которых отливались монеты. Все они были равно неглубоки. Полагаем, что это было сделано для избегания непроизводительного расхода сплава, и, в тоже время, позволяло получить качественные, полновесные отливки. После застывания металла из формы вынимали т. н. «денежное дерево»¹³ (рис. 5), от которого, в свою очередь, отделяли монеты.

Как видим, китайская технология позволят выпускать качественную продукцию, причем без излишних потерь материала. При этом она не приводила к быстрому разрушению форм. Судим по тому, что в Китае сохранились датированные глиняные матрицы, изготовленные на рубеже н. э. Изображение одной из них, изготовленной в сентябре 24 г. н. э., приведено на рис. 4,2. Учитывая эти факты, допускаем, что монетные мастера византийского Херсона вполне могли использовать ту же, довольно прогрессивную, технологию.

Однако заметим, что наша точка зрения вряд ли будет поддержана крымскими археологами М. В. Ступко и Е. Я. Туровским. Дело в том, что они, вслед за М. И. Скубетовым [7, с. 199, рис. 33], предположили, что деньги в византийской Таврике могли отливать в форме, изображение которой приведено на рис. 6,1. Однако обратим внимание на излишне продолжительные, неоправданно фигурные и узкие ее литники, по которым, по мнению исследователей, сплав должен был поступать к многочисленным углублениям для формовки монет, нанизанным одно на другое. Очевидно, что металл не доходил бы до последних из них, при этом излишне нагревая и деформируя форму в тех ее участках, которые располагались вблизи неоправданно узкого, и, скажем точнее – нефункционального входного отверстия.

Впрочем, у нас есть все основания полагать, что принятие ими схемы М. И. Скубетова вряд ли было безусловным. Дело в том, что ученые полагают, что монеты в византийском Херсоне изготавливали по «*клетчато-ячеичному методу отливки монет с использованием литников ленточного типа*» [7, рис. 34].

Однако исследователи не сочли нужным учесть все эти, вполне очевидные аспекты. Мало того, в качестве примера они привели весьма примечательную отливку: ветвь «денежного дерева» с двумя монетами, судя по монограммам – Иоанна I Цимискиса (969–976), соединенными

¹² Мы находим это обстоятельство крайне важным и вернемся к его трактовке в свое время.

¹³ Собрание «The British Museum» [26].

неоправданно длинными литниками [7, рис. 34]. Ее изображение приведено на рис. 6,2. Дело в том, что металла, застывшего в них, не хватило для наполнения форм. В результате отливки вышли нерельефными. Полагаем, что изделия такого качества вряд ли могли участвовать в обращении. Собственно, это учитывают и авторы, так как не приводят никаких сведений о времени, месте и обстоятельствах обнаружения, равно как и о месте ее хранения [7, с. 199]. Основываясь на этом, заключаем, что отливка, изданная уважаемыми исследователями, является современной фальшивкой, изготовленной как иллюстрация в реконструкции М. И. Скубетова.

Чтобы совершенно в этом удостовериться, обратим внимание на подлинную ветвь¹⁴ «денежного дерева» таврического литья, изображение которой приведено на рис. 6,3. Как видим, формы размещены оптимально близко друг другу. Их соединяет короткий и неглубокий, но, в тоже время, достаточно широкий литник. Формы не новы – заметны следы выгорания. Следовательно, их использовали довольно долго. И этому не следует удивляться: продуманное размещение форм и соединяющих литников делали эту матрицу чрезвычайно функциональной.

В свою очередь заметим, что реконструкция М. И. Скубетова определенно схожа с довольно широко известными в его время формами, используемыми в XIX в. для отливки фелсов¹⁵ в Марокко (рис. 7). Но, заметим, что она вряд ли была применима в Херсоне. Дело в том, что, судя по «денежному дереву», марокканскую медь отливали в каменных или бронзовых формах, не боящихся разрушения от выгорания или неаккуратного выема отливок¹⁶. Учтем и то, что североафриканские мастера не ставили перед собой цель выпускать однотипные разменные монеты, не являвшиеся основным платежным средством [25, р. 955–963].

Но вернемся к теме нашего исследования. На подлинных херсоно-византийских литых монетах заметные следы двух последовательно расположенных каналов, позволяющих быстро и равномерно наполнить формы. К слову, эту технологию использовали в Боспорском царстве уже в III в. до н. э. [17, с. 210, рис. 2]. Причем, что важно, каналы для по-

¹⁴ Ее изображение опубликовано на сайте worldofcoins.eu [20].

¹⁵ Приведенное на иллюстрации денежное дерево хранится в коллекции «Bibliothèque nationale de France» [3]. Допускаем, что М. И. Скубетов был знаком с этой технологией, так как ее использовали и во второй половине XIX в.

¹⁶ Судим по конфигурации ветвей «денежного дерева». Заметно, что в нижней части формы они сходятся слишком близко, причем так, что отливки практически соприкасаются. Понятно, что при выемке их глиняная форма была бы неминуемо разрушена.

дачи металла должны быть в сечении не менее $\frac{1}{2}$ радиуса форм, вследствие этого размещаемых как можно ближе друг к другу.

Что же касается технологии изготовления форм, то монетный двор Херсона выпускал качественные бронзы, многократно используя одни и те же штампы. Да и умения городским литейщикам было не занимать. Обратим внимание на давно уже изданные литейные формы из византийского Херсона [19, рис. 178, 179]. Заметно, что мастера могли изготавливать в них даже ажурные изделия. Причем высокое качество литья достигалось в основном продуманным расположением литников нужной конфигурации.

Вернее всего, матрицы для отливки монет в Херсоне изготавливали аналогично китайским – их враз оттискивали металлической матрицей. В результате «ветви» формируемого «денежного дерева» получались оптимальной длины: судя по известным отливкам – в две монеты (рис. 6,3). Однако, в процессе использования, а также в результате модификаций, глиняные формы приходилось править вручную [8, с. 137–144]. В результате качество оформления монет многих эмиссий оставляло желать лучшего.

Но, заметим, что освещение этого вопроса не входит в круг обозначенных нами задач. Пока же считаем своим долгом заметить, что исследования Л. А. Шершова, Е. Я. Туровского и М. В. Ступко не производят впечатление завершенных, безукоризненных и исторически плодотворных. Мы вынуждены заключить, что вопрос о методике денежного литья в византийском Херсоне все еще остается дискуссионным. Но надеемся, что наши предположения будут поддержаны научной общественностью.

Однако попытаемся оценить значимость этого исторического явления. Начнем с того, что сам факт обильной эмиссии бронз таврического литья свидетельствует о высокой потребности региональной экономики в средствах платежа, что, в свою очередь, убеждает нас в сохранении ею высоких темпов поступательного развития. Полагаем, что это обстоятельство и побудило региональные власти отказаться от традиционной для римского и византийского мира чеканки и перейти к куда более производительной технологии, нигде более имперскими денежными дворами не используемой. В свою очередь, эмиссия исключительно бронзовой монеты может быть объяснена также желанием выпускать деньги привычного населению номинала, причем при сохранении традиционной монетной стопы. Нас убеждает в этом не только хорошо прослеживаемая традиционность в оформлении таврических бронз, просматри-

ваемая даже в использовании одной системы обозначения номиналов. Далее, анализируя факт размещения на литых монетах монограмм правителей, отражения в денежной эмиссии всех пертурбаций на константинопольском олимпе, заключаем, что Таврика не выходила из-под влияния имперских властей. Учитывая эти обстоятельства, заключаем, что монеты литья византийской Таврики как нельзя лучше характеризуют не только состояние местной экономики на момент их выпуска, но и политическую структуру тогдашнего общества, тем самым, освещая те страницы ее истории, которые по разным причинам не сохранились в письменных документах.

Однако ряд вопросов все еще остаются не освещенными. Так, не ясно, каким образом в Таврику могла проникнуть китайская технология монетного литья и почему она была воспринята местными монетариями. Хотя, вполне возможно, что она была передана при посредничестве жителей Средней Азии, на территории которой в VII в. лили реплики китайской бронзы с надписью «開元通寶» (Kai Yuan Tong Bao) – «ходячая монета Кай-юань» [6, с. 35; 21, р. 106, № 14.16, 14.17]. Поиск ответа на этот вопрос станет нашей задачей на ближайшее будущее.

Список литературы

1. Анохин, В. А. Обзор монетного дела средневекового Херсона / В. А. Анохин // Нумизматика и сфрагистика. – Вып. III. – Киев: Наукова думка, 1968. – С. 99–113.
2. Анохин, В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.) / В. А. Анохин. – Киев: Наукова думка, 1977. – 176 с.
3. Античная история и нумизматика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://borgen.mybb.ru/viewtopic.php?id=311&p=20>. – Дата доступа: 30.07.2015.
4. Быков, А.А. Монеты Китая / А.А. Быков. – Л.: Советский художник, 1969. – 78 с.
5. Лёве, М. Китай династии Хань. Быт, религия, культура / М. Лёве. – М.: Центрполиграф, 2005. – 224 с.
6. Смирнова, О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза / О.И. Смирнова. – М.: Наука, 1981. – 548 с.
7. Ступко, М. В. Литые монеты средневекового Херсона / М. В. Ступко, Е. Я. Туровский // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. – 2010. – № 6. – С. 187–200.
8. Чореф, М. М. Новый тип монетного литья Херсона / М. М. Чореф // VII Таврические научные чтения (г. Симферополь, 19 мая 2006 г.): Сборник научных статей. – Симферополь: ЧП Еврострой, 2007. – С. 137–144.
9. Чореф, М. М. Памятные монеты Махара боспорского чекана как исторический источник / М. М. Чореф // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. – 2012. – № 6. – С. 105–111.

10. Чореф, М. М. «Calamitas virtutis occasio», или к истории последних лет царствования Фарнака II / М. М. Чореф // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2012. – Т. 22. – № 7 (126). – С. 44–59.
11. Чореф, М. М. «Non multa, sed multum», или дифференцы на монетах Боспорского царства периода «скифских войн» как исторический источник / М. М. Чореф // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. – 2012. – № 4. – С. 171–200.
12. Чореф, М. М. Династическая история Боспора рубежа н.э. по данным нумизматики / М. М. Чореф // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. – 2013. – № 6. – С. 127–156.
13. Чореф, М. М. К вопросу о периодизации денежного обращения Таврики в эпоху римского господства / М. М. Чореф // *Stratum plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. – 2013. – № 4. – С. 191–215.
14. Чореф, М. М. «Nomen est omen», или к истории Таврики рубежа н.э. / М. М. Чореф // Научные ведомости Белгородского государственного университета. – Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2013. – Т. 26. – № 8 (151). – С. 24–29.
15. Чореф, М. М. Боспорское царство при Фофорсе: по нумизматическим данным / М. М. Чореф // Российский археологический ежегодник. – 2014. – № 4. – С. 329–371.
16. Чореф, М. М. К биографии Асандра: путь к престолу / М. М. Чореф // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма*. – 2014. – Вып. 6. – С. 456–487.
17. Шелов, Д. Б. Анапский клад монет 1954 г. / Д. Б. Шелов // *Нумизматика и Эпиграфика*. – М.: Академия наук СССР, 1960. – Т. 1. – С. 208–214.
18. Шерешев, Л. И. О технике изготовления в средневековом Херсонесе монет типа “Ро” / Л. И. Шерешев // *Античная Древность и Средние Века*. – Свердловск, 1982. – Вып. 19: Византия и ее провинции. – С. 38–53.
19. Якобсон, А. Л. Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры / А. Л. Якобсон // *Материалы и исследования по археологии СССР*. М.: Академия наук СССР, 1959. – № 63. – 187 с.
20. Byzantine Empire: Basil I the Macedonian (867-886) Æ Follis, Cherson (Sear-1719) (Read 408 times) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldofcoins.eu/forum/index.php/topic,29375.msg187742.html#msg187742>. – Дата доступа: 30.07.2015.
21. Hartill, D. *Cast Chinese Coins* / D. Hartill. – Bloomington: Trafford Publishing, 2005. – 476 p.
22. Lacouperie, P. *Catalogue of Chinese Coins from the 7th Cent. B.C., to A.D. 621: Including the Series in the British Museum* / P. Lacouperie. – London: Trustees of the British Museum, 1892. – 509 p.
23. Shaanxi History Museum. *Western Han. Bronze Mold for Casting Wu Zhu Coins* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hua.umf.maine.edu/>

China/Xian/Shaanxi_History/pages/156_History_Museum.html. – Дата доступа: 30.07.2015.

24. Stack's Bowers Galleries – April 2015. Hong Kong. Lot # 10146. China. Wu Zhu Coin Mold. ND [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.stacksbowers.com/archivedetail.aspx?productid=8736897&ResultCount=1&sourcePage=archivesearchresults.aspx. – Дата доступа: 30.07.2015.

25. Standard Catalog of World Coins 1801–1900, 7th Edition / Cuhaj G. (Ed.). – Iola: Krause Publications Books, 2012. – 1298 p.

26. The British Museum. Coin tree of brass Guangxu zhongbaocoins [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.britishmuseum.org/explore/highlights/highlight_objects/cm/c/coin_tree_of_brass_guangxu_zho.aspx. – Дата доступа: 30.07.2015.

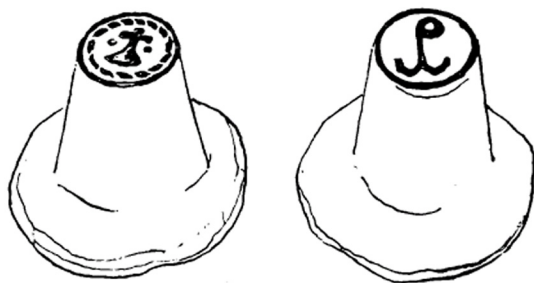

Рисунок 1. Штампы для оттискивания литейных форм (по Л. И. Шерешеву)

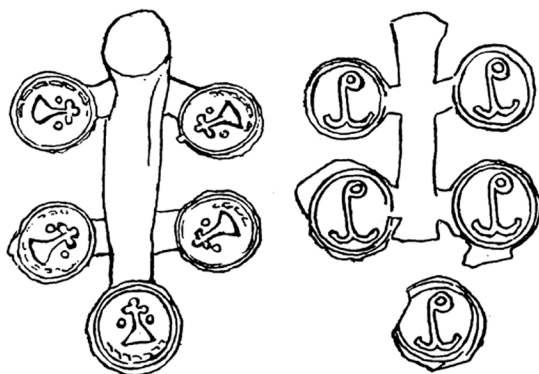

Рисунок 2. Отливки Л. И. Шерешева

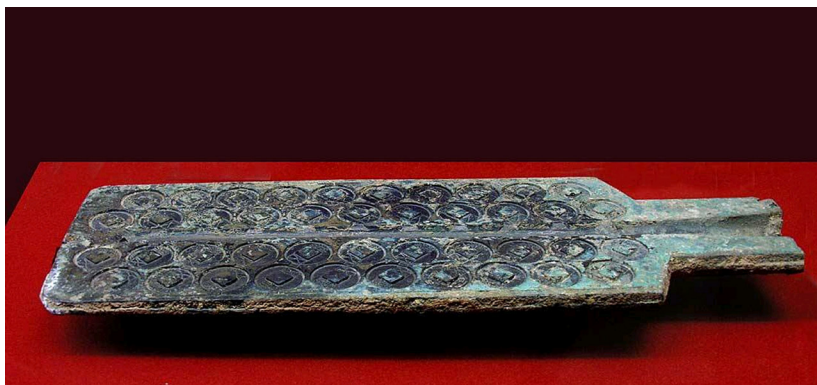

Рисунок 3. Китайская бронзовая форма для отливки монет (собрание «Shaanxi History Museum»)

Рисунок 4. К вопросу о технологии изготовления китайских литейных форм: 1 – матрица в камне (по А.А. Быкову); 2 – глиняная литейная форма рубежа н. э. (по М. Лёве); 3 – матрица для оттискивания литейной формы в глине (из архива «Stack's Bowers Galleries»).

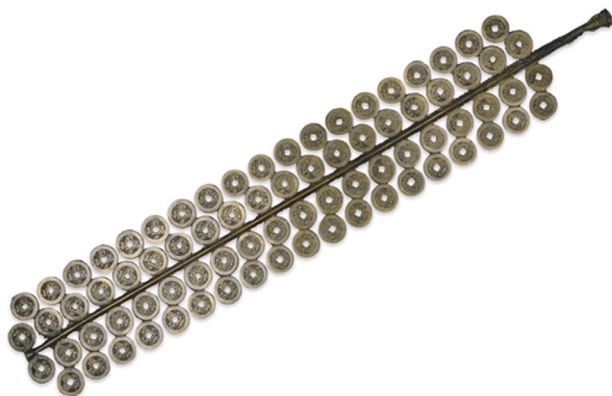
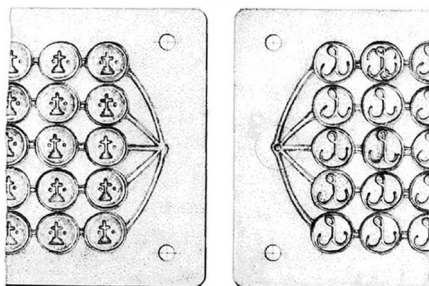

Рисунок 5. Китайское «денежное дерево» (коллекция «British Museum»)

ЧЕРТЕЖЬ
формы для отливки бронзовых монетъ
по проекту М. И. Скубетова.

1

2

3

Рисунок 6. Форма для отливки монет византийского Херсона
(по М. И. Скубетову)

Рисунок 7. «Денежное дерево» из Марокко, XIX в.
(коллекция «Bibliothèque nationale de France»)

КНЯЗЬ ОЛЕГ ВЕЩИЙ И ПОХОД РУСИ НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ

Изучение ранней истории Древней Руси IX–X вв., как это хорошо известно, связано со значительными трудностями, которые обусловлены, в первую очередь, отсутствием созданных в этот период отечественных письменных памятников историографического характера. Поэтому приоритет для историка, по крайней мере в сфере внешнеполитической деятельности первых русских князей, безусловно, представляют иностранные источники. Ведь большинство из них, несмотря на все свои недостатки (фрагментарность, тенденциозность, недостаточная осведомленность авторов), были созданы современниками событий, или же восходят к произведениям таких современников. Тогда как древнерусские предания, сохранившиеся в составе древнейших летописных сводов, были записаны только спустя одно, два и более столетий после описываемых в них событий. Эти летописные рассказы, легендарный характер и эпическое происхождение которых не вызывают никаких сомнений, естественно, требуют к себе очень критического отношения.

Следовательно, при изучении событий IX–X вв. едва ли не важнейшая задача историка состоит в том, чтобы согласовать между собой те сведения, которые сохранились о них в иностранных источниках, с одной стороны, и древнерусских преданиях – с другой. В данной работе предпринята попытка такого согласования относительно одного из важнейших, но в то же время и самых проблемных событий древнерусской истории – знаменитого похода князя Олега Вещего на Константинополь.

Вначале необходимо хотя бы вкратце остановиться на вопросе о степени исторической ценности наших отечественных, древнерусских источников о событиях IX–X вв. Как и большинство современных историков, мы согласны с выводом А. А. Шахматова о том, что древнейшим известным нам памятником русского летописания является т.н. Начальный свод (далее – НС), составленный в Киево-Печерском монастыре в конце XI в. (его более конкретная дата – 1095 г. – может быть оспорена). Этот свод в своей части до 1016 г. отразился в Новгородской I летописи младшего извода [1]. Гипотезы А. А. Шахматова о существовании более древних сводов 1039, 1050 и 1073 гг., похоже, никаких весомых оснований под собой не имеют, так же, как и аналогичные реконструк-

ции ряда других исследователей [см., например: 2, с. 78–83]. Несколько позже, в 1110-х гг., был составлен другой памятник – знаменитая Повесьть временных лет (далее – ПВЛ). Ее автор, кто бы он ни был, в основу своего труда положил НС, но значительно дополнил его древнейшую часть за счет ряда новых источников. Таковыми были т. н. «Временник» Георгия Мниха (в реальности – славянский перевод одной из редакций византийской хроники Симеона Логофета, см. ниже), «Сказание о начале славянской письменности», различные древнерусские предания и, что особенно для нас важно, три русско-византийских договора X в. Под влиянием упомянутых источников автор ПВЛ не только расширил, но и значительно изменил текст НС вплоть до середины X в. (с 945 г. и до начала XI в. тексты памятников в основном совпадают).

Начальные части обоих упомянутых сводов, с описанием событий по X в. включительно, хотя и облечены в форму классической летописи, на самом деле таковыми не являются. Уточним, что под классической летописью мы понимаем свод погодных сообщений и рассказов, записанных по еще свежим следам событий. Начальные же части и НС, и ПВЛ, являются компиляциями, которые состоят, в основном, из древнерусских преданий легендарного характера, а также выдержек из византийской хронографии. В настоящее время вряд ли могут оставаться какие-то сомнения в том, что летописный текст вплоть до конца X в. был создан автором (авторами), жившим спустя значительное время после описываемых событий. Доказательство этого тезиса не входит в задачи настоящей работы. Достаточно привести один пример, причем из самого конца интересующего нас периода – рассказ о крещении Владимира Святославича, автор которого сообщает сразу три противоречащие друг другу версии о месте крещения Владимира, бытовавшие в его время. Совершенно ясно, что этого было немыслимо для современника – летописца конца X в. или даже первой трети XI в. (не говоря о таких легендарных деталях, как, например, «прозрение» Владимира).

Летописная хронология для IX–X в. также является чисто условной, проставленной с целью придания тексту летописной формы. Она основана на тех немногих датах, которые были известны автору из византийских источников и русско-византийских договоров [3, с. 12–14]. В нескольких случаях, когда эта хронология может быть проверена более достоверными источниками, она в основном оказывается ошибочной. Что касается вопроса о том, где кончается полулегендарная, написанная в конце XI – начале XII в., часть НС и ПВЛ, и начинаются собственно летописные записи, сделанные уже рукой современника событий, то, по

нашему убеждению, такой гранью является 1000 г. Так, под 997 г. в летописи читается рассказ об осаде Белгорода печенегами, который по своей легендарной форме и содержанию представляет собой, несомненно, устное предание, записанное спустя столетие после самого события. Затем следуют два пустых года, после чего с 1000 г. читаются очень краткие, но точные записи о смертях членов княжеского семейства, явно сделанные уже рукой современника (например, под 1000 г. сообщается о смерти какой-то Малфриды без всякого объяснения, кто она такая). И далее такой характер ПВЛ, как летописи в прямом смысле этого слова, которая по своему стилю и содержанию принципиально отличается от начальной части IX–X вв., больше не меняется. Хотя не подлежит сомнению, что и за XI в. в летописном тексте имеется ряд приписок конца XI – начала XII в., вставки из литературных произведений и даже устных преданий (например, поединок Мстислава Тмутороканского с Редедей).

Итак, что же сообщают летописи – вернее, записанное в НС и ПВЛ устное предание, – о походе Олега на Константинополь? В НС Олег выступает только как воевода киевского князя Игоря. После сообщения о неудачном походе Игоря на Константинополь в 941 г., которое ошибочно записано под 6428 (920) г., здесь говорится, что русские отдыхали два года, а затем в 6430 (922) г. совершили новый поход на Константинополь, уже под предводительством Олега. Описание последнего носит насквозь легендарный характер, с чем согласны практически все исследователи вопроса. Согласно летописи, этот поход завершился триумфом: испугавшиеся греки запросили мира и по требованию Олега заплатили его воинам дань, в размере по 12 гривен на человека. Возвратившись в Киев к Игорю с богатейшей добычей, Олег за свою победу получил прозвание Вещего [4, с. 108–109].

Составитель ПВЛ значительно изменил и дополнил этот рассказ НС, основанием для чего, несомненно, послужил оказавшийся в его руках текст русско-византийского договора 911 г. А именно, из этого документа следовало, что Олег был вовсе не воеводой Игоря, а полноценным «великим князем Руским»; к тому же он действовал значительно раньше Игоря, поход которого на Константинополь в ПВЛ, на основании византийской хронографии, уже правильно датирован 941 годом. Не желая все же окончательно порывать с версией НС, составитель ПВЛ сделал Олега предшественником и опекуном Игоря, т. е. хотя и правителем Руси, но все-таки не вполне полноправным. При этом, согласно ПВЛ, Олег правил в Киеве с 6390 (882) г. до своей смерти в 6420 (912) г., т. е.

был опекуном Игоря в течение 30 лет! Это явная несуразность, обратим также внимание на «круглые» числа годов «от сотворения мира». Что касается похода Олега на Константинополь, то составитель ПВЛ перенес его под 6415 (907) г. Старый рассказ о нем НС был практически сохранен, но разбит вставкой с текстом или фрагментами русско-византийского договора (в оригинале, похоже, не датированного). Затем же в ПВЛ помещен договор 911 г., точная дата которого – 2 сентября 6420 (911) г. – была указана в самом тексте документа [5, с. 21–28].

Что касается византийских источников, то никаких прямых данных о русском походе на Константинополь в начале X в. они не содержат. Именно этот факт, наряду с легендарностью летописного предания, дали основание целому ряду историков признать поход Олега на византийскую столицу не реальным историческим событием, а лишь плодом народной фантазии (например, мнение М. С. Грушевского [6, с. 430–431]), или же вообще измышлением летописца (так полагает в своей последней работе А. П. Толочко [7, с. 46, 56]).

Те исследователи, которые отстаивали реальность похода 907 г., в основном, придерживались мнения, что об этом событии сообщалось в не дошедших до нас византийских источниках, а в дошедших – сохранились о нем лишь косвенные намеки. Главным аргументом этих историков является один фрагмент в хронике т.н. Псевдо-Симеона, который, по их версии, был основан на рассказе о походе 907 г. в какой-то ныне утраченной хронике. Поэтому на данной версии, развернутое обоснование которой дал английский историк Р. Дженкинз [8, р. 403–406], нам следует остановиться подробнее.

В хронике Псевдо-Симеона под 18 годом правления императора Льва VI (904 г.) сообщается о походе против Византии арабского флота во главе с Львом Триполийским. После известия о выступлении арабского флота Псевдо-Симеон перечисляет ряд географических объектов, с пояснением происхождения названия каждого из них. Из сообщения хроники Продолжателя Феофана мы узнаем, что речь идет о тех городах и островах, мимо которых проходил арабский флот в своем движении к острову Самофракия. Сразу вслед за этим у Псевдо-Симеона, и только у него одного, идет другой перечень географических названий, не имеющих никакого отношения к походу Льва Триполийского, опять с объяснениями происхождения каждого названия, и без всякой связи с историческими событиями. Отсюда Р. Дженкинз делает вывод, что Псевдо-Симеон, как и ранее, «из-за своей страсти к археологическим изысканиям» взял эти названия из источника, общего с хроникой

Продолжателя Феофана, но опустил сами обстоятельства их появления в источнике, Продолжатель же Феофана вообще не заинтересовался этими событиями и пропустил их в своей хронике. Дженкинз полагает, что в источнике обеих хроник описывался поход на Константинополь какого-то врага, которого он отождествляет с Олегом. Тем более, что в списке Псевдо-Симеона определенно упомянута и Русь.

Перечень Псевдо-Симеона содержит следующие названия: Месемврия, Эмос, Мидия, Силимврия, Македония, Никополь, Иерон, Фарос, Росы-дромиты, Трикефал в феме Опсикий, Радин. По мысли Р. Дженкинза, это – перечень тех географических объектов, через которые в своем походе на Константинополь прошли росы, также упомянутые в списке. Пояснение к имени росов у Псевдо-Симеона имеет ясный смысл только в начале и конце фрагмента: «Русские, также называемые дромитами, получили свое имя от некоего храброго Роса: (...) дромитами они назывались потому, что обладали способностью быстрого передвижения». Дженкинз предлагает следующий перевод трудного места в середине фрагмента: «Русские (...) усвоили изречение оракула, данное им путем внушения и божественного озарения теми, кто господствовал над ними». Упоминание «божественного озарения» предводителей росов-дромитов, как считает исследователь, вероятно, является намеком на возможность обожевления Вещего (Мудрого) Олега; Дженкинз склоняется к мысли, что речь в отрывке и идет об Олеге.

В итоге Р. Дженкинз предлагал следующую реконструкцию текста того первоисточника, из которого Псевдо-Симеон якобы заимствовал один только список названий: «Русские, также называемые дромитами, под предводительством вождей, наделенных мудростью или божественным озарением, пришли морем, обогнули мыс Эмос и перешли государственную границу в Месемврии, а сухопутное войско, пройдя через Болгарию или сойдя с судов в Месемврии (или Мидии), пробились через Фракию и достигло Мраморного моря у Силимврии. Суда, идя вдоль берега, повернули в пролив у Фароса, прошли Иерон (или разбили византийскую эскадру у Иерона) и достигли суши у Трикефала, на вифинском побережье. На Константинополь было произведено нападение с суши и моря, от Мидии до Силимврии. Византийским флотом командовал Иоанн Радин» (выводы Дженкинза, англоязычная статья которого была для нас недоступна, изложены по [9, с. 147–149]).

Достаточно очевидно, что изложенная гипотеза сама по себе является очень условной, поскольку она не содержит никаких прямых доказательств реальности русского похода на Константинополь в начале X в.

Против нее можно привести и несколько существенных аргументов. Во-первых, если бы в гипотетическом источнике Псевдо-Симеона действительно содержался рассказ о походе Олега, то это громкое событие – вражеское нападение на саму столицу Византийской империи – как представляется, было достаточно важным для того, чтобы Псевдо-Симеон использовал рассказ о нем не только как источник географических названий, а Продолжатель Феофана вообще не заинтересовался данным сюжетом. Во-вторых, порядок в перечне Псевдо-Симеона далеко не соответствует маршруту русского похода в реконструкции Р. Дженкинза. И в-третьих, в этом перечне упомянуты Македония и Никополь (Дженкинзом опущенные), которые не могли иметь никакого отношения к походу на Константинополь через Черное море.

Греческий историк А. Карпозилос обратил внимание на то, что в хронике Псевдо-Симеона интересующий нас перечень приведен дважды: первоначально – в неопубликованной части о событиях до эпохи Юлия Цезаря (список А), и только затем – в связи с походом Льва Триполитского (список Б). В списке А пояснение географических названий является более обширным и встречаются объекты, которые в списке Б пропущены; но Росы-дромиты, с объяснением происхождения их названия, упомянуты в обоих списках. Позволим себе привести две обширные цитаты из статьи Карпозилоса: «Но как оказалось возможным, что практически один и тот же перечень повторен дважды и к тому же в совершенно различных исторических рамках – один раз для эпохи до Юлия Цезаря, второй раз – для событий до 904 г.? Если справедливо мнение Р. Дженкинза, что первая часть списка Б связана с нашествием арабов, а вторая – с походом Олега, то как оправдывается появление списка А, излагающего якобы события X в., но в исторических рамках до эпохи Юлия Цезаря? Список Б ограничивается упоминанием географических названий главным образом на территориях востока империи, точнее, на побережье Малой Азии и на островах Эгейского моря, тогда как в более обширном списке содержатся также такие наименования, как Италия, Ломбардия, Сиракузы, Мефоны, Закинф и др. Однако при этом описание западных районов не связано ни с каким конкретным событием. Напротив, из сказанного выше следует, что этот вставной текст (географические, этимологические перечни А и Б) восходят к какому-то географическому первоисточнику, имевшемуся в распоряжении хрониста. Хронист пользовался им каждый раз, когда ему надо было затронуть географическую или топографическую тему. Этим и объясняется то обстоятельство, почему всякий раз, когда заходит речь о народе Рос,

он употребляет стереотипно одни и те же фразы. Таким образом, возвращаясь к главной теме нашего исследования, мы можем, видимо, сделать вывод, что «Рос» Псевдосимеона (707.3) не имеют никакого отношения к предполагаемому походу Олега или к Русско-варяжской дружине и что в данном случае лишь упомянуто наименование, находящееся в ряду многих других названий» [10, с. 116–117].

В результате своего исследования А. Карпозилос приходит к следующим выводам, процитируем их полностью:

«1) Географический список Псевдосимеона не разделяется на две части, увязываемые с двумя различными историческими событиями, как это было предложено Р. Дженкинзом.

2) Обширный перечень А является продолжением повествования о наследниках Александра Великого. Версия же перечня Б располагается в рамках исторических событий 904 г., но ни одно из названий обеих перечней не содержит никаких указаний на исторические события.

3) Относительно наименования «Рос-Дромиты» можно заключить, что как в версии списка А, так и в версии списка Б речь идет лишь об этимологии этого названия.

Следовательно, связь Рос-Дромитов с предполагаемым враждебным или же союзным появлением этого народа в Византии в 907 г. оказывается недоказанной, по крайней мере – на основании свидетельства Псевдосимеона» [10, с. 118].

По нашему мнению, с такими выводами следует полностью согласиться.

Хроника Псевдо-Симеона является не единственным источником, в котором сторонники реальности похода 907 г. пытались найти какое-то отражение этого события. А. Васильев и А. П. Каждан указали еще на несколько византийских и арабских свидетельств, в которых, по их мнению, содержатся косвенные намеки на такой поход [см. их обзор: 11, с. 100–101]. Однако при объективном рассмотрении этих свидетельств вполне очевидно, что они вряд ли могут являться сколько-нибудь убедительными доказательствами реальности русско-византийского военного конфликта в начале X в. В лучшем случае, их можно рассматривать как очень прозрачный намек на такой конфликт, но с никак не меньшими основаниями – признать такими, которые не имеют никакого отношения к походу 907 г.

Итак, мы вынуждены констатировать тот факт, что в византийских и других иностранных источниках мы не находим ни одного прямого свидетельства, а скорее всего, вообще никаких свидетельств о русском

походе на Константинополь в начале X в. Но возможно ли это применительно к такому громкому событию, как вражеское нашествие на столицу Византийской империи – крупнейший политический, экономический и культурный центр тогдашнего мира? Думается, что такая возможность является очень маловероятной, и принципиально не правы те историки, которые утверждали обратное (например, А. Н. Сахаров, писавший: «Источники “молчали” не потому, что похода не было, а потому, что сам он в представлении тогдашних хронистов являлся походом ординарным, одним из многочисленных тогдашних военных акций “варваров” против Византии» [11, с. 102]). Что же, спрашивается, могло представлять интерес для хронистов, если они не обратили внимания на появление врага под стенами самого «второго Рима»? И это тем более очевидно, что другие русские походы на Константинополь – 860, 941 и 1043 гг. – нашли отражение в целом ряде не только византийских, но и западных (итальянских) источников.

Отрицание реальности русского похода на Константинополь в 907 г., как уже говорилось, в историографии является далеко не новым, такого мнения придерживались многие отечественные и зарубежные исследователи. Однако при этом они признавали летописный рассказ о походе Олега плодом народной фантазии, в лучшем случае – считали его основой какой-то незначительный набег на византийское побережье. Именно в этом и состоит главная «загвоздка» проблемы: ведь при всем том, что летописные подробности носят явно легендарный характер, трудно согласиться с полным вымыслом, пусть и в устном предании, самого факта успешного похода Олега на византийскую столицу. Задача настоящей статьи и состоит в том, чтобы попытаться разрешить данное противоречие, которое на первый взгляд кажется неразрешимым.

По нашему мнению, признание того факта, что Олег не совершал поход на Константинополь в начале X в., отнюдь не равнозначно признанию полной недостоверности летописного предания об этом походе. Ведь необходимо учитывать то, что устная легенда о походе Олега, записанная только в конце XI в., вряд ли могла содержать сколько-нибудь конкретные хронологические ориентиры (достаточно сравнить его хронологию в НС и ПВЛ). А поэтому следует рассмотреть возможность его отождествления с русскими походами на Константинополь, которые достоверно известны по византийским источникам – в 860 и 941 гг.

С событиями 941 г. поход Олега отождествить невозможно, поскольку как византийские (Лев Диакон), так и итальянские (Лиутпранд) источники конкретно называют имя тогдашнего предводителя русов – Иго-

ря; к тому же русским войскам тогда было нанесено сокрушительное поражение. А вот к походу 860 г. летописную легенду отнести вполне возможно. Мы прекрасно осознаем, что такое предположение воспринимается как чересчур уж смелое, поскольку оно идет вразрез со всей историографической традицией (уходящей своими корнями еще в XI в.). Однако при ближайшем анализе летописного текста и византийских источников IX в. эта версия оказывается вполне реальной, а те аргументы, которые ей на первый взгляд противоречат, решающего значения иметь не могут.

Одним из таких аргументов является сообщение о походе 860 г. в составе ПВЛ. Здесь рассказ об этом походе, ошибочно помещенный под 6374 (866) г., основан на т.н. Временнике Георгия Амартола – славянском переводе одной из редакций византийской хроники Симеона Логофета [12, с. 110–111, 160]. Исключение составляет только начало рассказа, где руководителями похода называются киевские князья Аскольд и Дир [5, с. 15], тогда как ни в одном из византийских источников имя предводителя росов не указано. Однако, обращаясь к тексту более древнего НС – где сообщение о русском походе на Царьград при царе Михаиле, еще без точного указания года, восходит к тому же византийскому источнику, что и в ПВЛ, – обнаруживаем, что здесь этот поход с именами Аскольда и Диры никак не связан [4, с. 105]. Отсюда следует заключить, что сообщение ПВЛ о предводительстве Аскольда и Диры является всего лишь произвольной догадкой автора этого памятника, который практически наугад отнес правление указанных князей к 6370–6390 (862–882) гг. (опять же, обратим внимание на показательные «круглые числа» в последних цифрах этих дат).

Известно, что поход 860 г. завершился для Руси весьма удачно. Правда, по версии хроники Симеона Логофета (которая отразилась и в русской летописи) едва ли не весь флот росов был уничтожен бурей, вызванной божественным вмешательством. А «Брюссельская хроника» вообще сообщает, что росы были христианами «покорены, сокрушительно побеждены и истреблены» [12, с. 114–115, 156]. Однако гораздо важнее свидетельство непосредственного участника событий, патриарха Фотия, который в своей проповеди, произнесенной с кафедры в Святой Софии, говорил о росах как о народе, который после ухода из-под Константинополя взшел «на вершину блеска и богатства», ничего не упоминая ни о какой буре. В «Хронике венетов» Иоанна Диякона также сообщается, что «упомянутое племя (норманны-росы) с триумфом отступило восвоися» [12, с. 57, 60, 69, 151]. По мнению ряда исследовате-

лей, «спасительная буря в византийской литературе является типичным сюжетом для демонстрации божественного заступничества, что ставит под сомнение историческую ценность свидетельства Симеона Логофета» [12, с. 120]. Наконец, слова Фотия о «вершине блеска и богатства» росов после их ухода от стен Константинополя позволяют допустить, что внезапное снятие осады объяснялось получением ими значительно откупа-дани. О такой дани, как известно, сообщается и в летописной легенде об Олеге.

Учитывая то, что летописное сообщение о русском походе при Михаиле III основано только на Временнике Георгия Амартола (Симеоне Логофете), сформулируем основополагающий вопрос, на котором базируется наша версия. Могла ли устная традиция, зафиксированная в летописном придании, «на голом месте» выдумать и восторженно описать несуществующий удачный поход Олега на Константинополь, при этом полностью забыв о реальном походе 860 г.? Полагаем, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Ведь события подобного масштаба, поражавшие умы современников (поход на главный город тогдашнего мира!), обычно сохранялись в народной памяти очень длительное время. Например, походы Ивана Грозного и Ермака отразились в песнях, которые были широко распространены в России даже спустя три столетия после самих событий [13]. В качестве другого примера можно взять украинские думы о войнах Богдана Хмельницкого, тоже записанные в XIX в. А в дописменных обществах, по понятным причинам, устная память была еще значительно более «крепкой». Мы вполне согласны с мыслью Е.А. Мельниковой, что «устная традиция имела особенно важное значение для формирования древнерусской и древнескандинавской историографии. Историческая память населявших эти регионы народов, малоизвестных в странах с развитой письменной традицией, была практически единственным источником сведений для реконструкции их ранней истории. Глубина исторической памяти, т. е. время от первых событий, хотя бы смутно известных традиции, до момента записи рассказов о них, составляла несколько столетий» [14, с. 49 и дальше].

Отсюда следует другой важнейший вопрос: мог ли Олег Вещий возглавить поход на Константинополь в 860 г.? Ведь договор от 2 сентября 911 г. (включенный в состав ПВЛ) неопровержимо свидетельствует, что великий князь русский Олег действовал на полвека позже. Для устранения данного противоречия, как представляется, имеется единственный путь – признать существование не одного, а двух Олегов. Такое предположение в историографии является отнюдь не новым. Оно основа-

но на летописных свидетельствах о существовании двух или даже трех Олеговых могил. Согласно свидетельству НС, могила Олега находилась на севере, в Ладогe [4, с. 109]. Но в известной легенде о смерти князя от укуса змеи в ПВЛ сообщается, что его похоронили на киевской горе Щекавице, где могила Олега была известна еще во времена летописца [5, с. 29]. И наконец, в Киевской летописи под 6659 (1151) г. Олегова могила в Киеве определенно противопоставляется Щекавице [4, с. 428].

Версию о существовании в IX–X вв. двух Олегов, «слившихся в одно коллективное лицо в народном предании XII века», предложил В. Б. Антонович, пытавшийся таким образом объяснить свидетельства о разных Олеговых могилах в Киеве [15, с. 57]. Существование двух Олегов вполне допускал и М. С. Грушевский, предположив, что первый из них мог действовать в первой половине IX в. [6, с. 409–410]. Полагаем, что в Киеве была все же одна Олегова могила, а одно из летописных указаний на ее местоположение возникло вследствие какой-то ошибки или недоразумения.

Что касается свидетельства НС (т. е. конца XI в.) об Олеговой могиле в Ладогe, то никаких существенных причин сомневаться в существовании таковой мы не имеем. Если брать во внимание только сохранившиеся памятники, то больше всего на ее роль, конечно же, чисто теоретически, подходит главный курган скандинавского могильника в урочище Плакун. Археолог К. А. Михайлов пишет: «Доминантой этой группы следует считать большой курган, который возвышался к югу от небольших насыпей могильника. Исследования Е. Н. Носова продемонстрировали, что большой или, как его называли, “сопковидный” курган являлся одним из самых ранних и самых пышных в группе (Носов 1985: 147–155). Следует признать, что структура могильника ориентировалась именно на этот курган, как на доминанту этого участка (...). Такие исследователи, как Я. П. Ламм, Х. Арбан, М. Мюллер-Вилле, Н. Рингстед, С. Айзеншмидт считают, что обряд захоронения в камерах принадлежит элите скандинавского общества эпохи викингов (...). В Дании в X в. в погребальных камерах хоронили представителей датского королевского рода, что, скорее всего, подтверждает элитарный характер обряда (Михайлов 1996: 57; Krogh 1982). Второе погребение в камере обнаружили на вершине большого “сопковидного” кургана. Остатки инвентаря, наличие предметов из набора вооружения и снаряжения всадника, скелеты двух лошадей подтверждают принадлежность захоронения к камерам (Михайлов 1997: 105–112). Многочисленные аналогии данному захоронению открыты в могильниках Бирка, Гнэздово, Шестовицы и Тимерево, где они

датируются второй – третьей четвертью X в. (Михайлов 1997: 113–114)» [17, с. 49–50]. В настоящее время под именем «Олеговой могилы» известна одна из крупнейших, около 10 м высотой, искусственная «сопка» в комплексе таковых на берегах Волхова. Однако местные историки доказывают, что это имя закрепилось за ней только в первой половине XX в., в результате литературного недоразумения или фальсификации; на самом деле сопка возникла еще в VIII в. [18]. Вообще же, по данным археологии, грандиозные ладожские «сопки» являются памятниками местных словен, а не скандинавов-руси [17, с. 47].

Поскольку Олег первой половины X в. (предшественник Игоря) захватил Киев с севера, из Новгорода, который «унаследовал» положение северорусской столицы от Ладоги, то могилу в Ладоге логичнее будет отнести именно к этому Олегу. В таком случае киевскую Олегову могилу следует признать погребением первого Олега. Во всяком случае, согласно летописному преданию, Олег Вещий триумфально вернулся из похода на Царьград в Киев; да и само это предание явно имеет киевское происхождение. Но мог ли Киев быть исходным пунктом похода 860 г., и вообще политическим центром тогдашней Руси?

Здесь мы подходим к важнейшему вопросу о т.н. «Русском каганате». Сведения о том, что правитель русов-норманнов носил восточный титул хакана-кагана, содержатся в двух источниках 839 и 871 гг., а также у арабских авторов, сведения которых восходят к последней четверти IX в. [19, с. 16–18]. Существует мнение, что первое из этих свидетельств относится к кагану Хазарии, второе – сомнительно, а третье – легендарно; на этом основании, а также смысловом значении термина «каган» у тюрков, заключается, что правитель руси его носить не мог [7, с. 124–135]. Однако вряд ли можно игнорировать одинаковые свидетельства сразу трех разных источников, независимых друг от друга. Кроме того, даже в середине XI в. митрополит Иларион пять раз называет каганами Владимира Великого и его сына Ярослава-Георгия [20, с. 4–5, 78, 91, 92, 99]. А в киевском Софийском соборе обнаружено граффито, упоминающее «кагана нашего», вероятно, Святослава Ярославича [21, с. 49–52]. Почему же киевские князья XI в. употребляли, пусть и неофициально, титул правителей давно погибшей Хазарии? Полагаем, что вряд ли это можно объяснить чем-то другим, кроме как давней традицией, считавшей их наследниками каганов Руси IX в.

Аргументы в пользу версии, что Русь IX в. во главе с каганом располагалась в Среднем Поднепровье, систематизированы в недавних работах А. В. Назаренко и А. А. Горского. Они сводятся к следующему.

Во-первых, «(...) Факт заимствования у хазар титула правителя, которое предполагает не только политическое соперничество, но и определенную географическую близость – если не прямое соседство, то, самое меньшее, наличие даннической сферы, спорной между двумя каганами. Ясно, что среднеднепровская локализация в этом отношении сильно выигрывает. Древнерусское историческое предание, зафиксированное в начальной летописи, даже знает, что это была за сфера – северяне, радимичи, вятичи; правда, отмену хазарской дани с них летопись относит к эпохе киевских князей X в. Олега и Святослава, но это уже финал соперничества, которое, понятно, должно было начаться много раньше, в до-Олеговы времена. И напротив, крайне трудно понять, что могло побудить предводителя руси, размещавшейся где-нибудь в районе Ладоги или в Поволховье, прибегнуть к такой новации в титулатуре, которая в первой трети IX в., да и в позднейшее время, явно ничего не могла говорить окружающим его славяно-финским племенам» [19, с. 32].

Во-вторых, в т. н. «Баварском географе», памятнике IX в., русь («Ruzzi») называется сразу после хазар («Caziri»). Анализ А. В. Назаренко данного фрагмента приводит его к заключению, что «это заставляет привязывать и русь-Ruzzi, и малопонятные названия от Forsderen до Lucolane к северопричерноморскому (в широком смысле) региону, помещая их, условно говоря, между хазарами на востоке и венграми на западе» [19, с. 32–33]. А. А. Горский полагает, что «источник, скорее всего, не знает народов, живших севернее параллели Южной Балтики; так, в нем не упомянуты славяне лесной зоны Восточной Европы» [3, с. 50–51].

В-третьих, «(...) Для полноты общей картины остается подчеркнуть, что сведения византийских источников о походе 860 г. в их сумме также не могут быть в полной мере согласованы с локализацией нападавших на крайнем северо-западе Восточной Европы. Главным препятствием здесь является, безусловно, указанная выше дата появления “русского” флота под стенами Царьграда – 18 июня, коль скоро мы принимаем свидетельство “Брюссельской хроники”. Она (дата), как мы видели, с точностью до нескольких дней совпадает со временем прихода кораблей Игоря в 941 г., относительно которых нет причин сомневаться, что они отправлялись из Киева. Совсем иное дело – Ладога, Рюриково городище или т. п.). Убедительные подсчеты приводят к заключению: «Но и тогда выходит, что огромный флот в несколько сот ладей стартовал по Волхову примерно в конце апреля или начале мая, сразу после ледохода, без всякой подготовки – картина, мыслимая разве что теоретически. Допу-

стить зимовку кораблей ближе к Понту, например, в Белобережье, мы не можем, так как при налаженной византийской разведке это исключило бы внезапность нападения, а оно было именно внезапным, как подчеркивал патриарх Фотий (...)» [19, с. 33–34; также 3, с. 50].

Казалось бы, на основании письменных источников, как говорится, «все сходится». Однако дело в том, что археологами не обнаружено никаких скандинавских (русских) древностей ни в Киеве, ни вообще в Среднем Поднепровье, которые бы датировались ранее рубежа IX–X вв. Тем не менее, это еще не повод категорически отрицать среднеднепровскую локализацию «Русского каганата». Протицируем профессионального археолога Н. А. Макарова: «Единственным приемлемым разрешением противоречий между письменными источниками и археологией является признание того, что политическая организация руси в это время была еще достаточно эфемерной структурой, находившейся в самой начальной стадии формирования. Сеть административных центров в этом объединении еще не сложилась, население, инкорпорированное в эту систему, было немногочисленно. В таком случае отсутствие археологических следов скандинавов или славянизированного скандинавского населения первой половины IX в., которые могли бы быть связаны с русью с Средним Поднепровьем, не может быть решающим аргументом против южной локализации «русского каганата» [22, с. 456–457].

А вот еще выводы археолога, специалиста по Среднему Поднепровью. «Масштабный разгром населения волынцевской культуры обусловил серьезное запустение Днепровского Левобережья, а также заметное падение хазарского влияния в материальной культуре северян раннероменского этапа, что в первой трети IX в. трудно связать с иными событиями, кроме начала проникновения русов в Среднее Поднепровье и возникновения «Русского каганата».

Летопись связывает освобождение полян от хазарской дани с мирным появлением в Киеве варягов Аскольда и Дира около 862 г. Реальная хронология событий относит их к первой трети IX в. и указывает на совершенно другой, насильственный характер подчинения Киева русам, разгромившим старокиевское городище. К сожалению, на сегодня у нас нет реальных фактов, подтверждавших бы существование Киева во второй трети IX в., т.е. во время наиболее захватывающих событий в истории «Русского каганата»: посольства 837–839 гг. и походов на Су-рож 852 г. и на Константинополь 860 г. Поселения культуры Лука-Райковецкой на Замковой горе возникают во второй пол. IX в., но после 860 г. или раньше – сказать пока невозможно. (...) Лишь в 80-е гг. IX в.,

когда возникает Подол, подчиняются и частью переселяются в Киев северяне, а на Старокиевской горе начинает формироваться курганный могильник, в Киеве наконец-то археологически вычлняются “русы” [23, с. 115–137].

Вообще же соотношение письменных свидетельств и данных археологии, как известно, является одной из главных проблем при изучении сообществ со слабо развитой материальной культурой. Игнорировать аргументы о том, что русь во главе с каганом, внешняя активность которой была направлена на Византию (и явно Хазарию), помещалась в Среднем Поднепровье, мы не можем. Вероятно, эта среднеднепровская «группа» руси IX в., или т. н. «Русский каганат», принадлежала к несколько другой материально-культурной традиции, чем «группы» ладожско-новгородская и верхневолжская. Эти последние оставили после себя значительное число скандинавских древностей, а их внешняя активность была направлена, в первую очередь, на торговлю с Востоком, о чем свидетельствует топография находок кладов куфических монет IX в. [см. карту: 24, с. 387].

Таким образом, по нашему мнению, в середине IX – начале X в. в Киеве правили два князя с именем Олега. Олег I княжил в середине IX в.; именно он возглавил успешный поход на Константинополь 860 г., в результате которого взял с Византийской империи значительную дань-контрибуцию. Сведения об этом походе, хотя и без имени русского предводителя, сохранились в целом ряде византийских источников. На основе одного из них (Временника Георгия Амартола/Симеона Логофета) нашествие на Константинополь было описано также в русском летописании – НС и затем ПВЛ. В то же время на Руси было известно местное предание об удачном походе Олега, которое со временем приобрело легендарный характер и не содержало конкретных хронологических ориентиров. И летописец, как это иногда случается в компилятивных произведениях, объединяющих различные по своему характеру источники, два разных свидетельства об одном и том же событии принял за два разных события. Тем более, что у Логофета/Амартола результат похода 860 г. был представлен чуть ли не как полная катастрофа русского флота (это противоречит свидетельству очевидца об удачном возвращении росов), а в древнерусской легенде, наоборот, успех Олега был заметно преувеличен. В результате предание о походе Олега было отнесено к первой четверти X в., когда княжил другой Олег, в народной традиции конца XI в. уже слившийся с первым. О том, что в начале X в. никакого русского похода на Константинополь не было, красноречиво свидетель-

стует полное молчание о таком во всех византийских источниках, которые никак не могли пропустить столь громкое событие, как вражеское нападение на столицу империи.

В древнейшем НС сообщение о русском походе при Михаиле III, основанное на Временнике Амартола/Симеоне Логофете, подобно своему византийскому источнику, имени предводителя росов не указывало. Однако несколько позже автор ПВЛ, по собственной догадке, «сделал» таковыми Аскольда и Дира, киевских князей второй половины IX в., тем самым еще более усугубив допущенную своим предшественником ошибку.

Итак, краткие выводы предложенной в настоящей статье версии сводятся к следующему. Князь Олег I, который за удачный поход 860 г. на греческую столицу или что-то другое получил прозвание Вещего, вероятно, был похоронен в своем стольном Киеве – одном из главных из центров тогдашней руси (скандинавских воинов и торговцев); здесь и столетия спустя была известна его могила. После него в Киеве утвердились Аскольд и Дир, которые, согласно летописной легенде, являлись там соправителями, но могли княжить и в последовательном порядке [см., например: 6, с. 407–408]. Затем где-то в начале X в. эти князья (или один из них?) были убиты выходцем с севера – князем ладожско-новгородским Олегом. Именно этот Олег II в 911 г. заключил договор с Византийской империей, полностью внесенный в состав ПВЛ. Мы считаем довольно вероятной версию К. Цукермана (основанную на анализе еврейского Письма из каирской генизы, НС и арабского автора Ибн Мискавейха), согласно которой Олег, на склоне жизни уже разделявший власть с новым князем Игорем, принял участие в его походе на Константинополь в 941 г. Потерпев сокрушительное поражение, Олег, в отличие от Игоря, не стал возвращаться в Киев, а при содействии хазар через какое-то время отправился в поход в Закавказье; здесь, под стенами Бердаа, он и погиб зимой 944/945 г. [25, с. 75–83]. Вполне логично, что дружинники Олега не стали хоронить своего предводителя на чужбине, среди крайне враждебного им населения, и забрали его остатки с собой на Русь. Похоронили Олега на его «исторической родине», в Ладоге, где еще в XI в. была известна его могила, которая явно скрывала останки другого князя, чем Олегова могила в Киеве.

Список литературы

1. Шахматов, А. А. Киевский Начальный свод 1095 года / А. А. Шахматов // А. А. Шахматов. 1864–1920: сб. ст. и материалов. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1947. – С. 117–160.

2. Поппэ, А. В. А. Шахматов и спорные вопросы начала русского летописания / А. В. Поппэ // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. – 2008. – № 3. – С. 76–65.
3. Горский, А. А. Первое столетие Руси / А. А. Горский // *Средневековая Русь*. – Вып. 10. – М.: Индрик, 2012. – С. 7–112.
4. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950. – 642 с.
5. Полное собрание русских летописей. – М.: Языки славянской культуры, 2001 [СПб., 1908]. – Т. II. Ипатьевская летопись. – 648 с.
6. Грушевський, М. Історія України-Руси / М. Грушевський. – Київ: Наукова думка, 1991 [Київ, 1913]. – Т. I. – 736 с.
7. Толочко, А. Очерки начальной Руси / А. Толочко. – Киев; СПб.: Laurus, 2015. – 336 с.
8. Jenkins, R. J. The supposed Russian attack on Constantinople in 907: evidens of the Pseudo-Symeon / R. J. Jenkins // *Speculum*. – Vol. XXIV, № 3. – Cambridge, 1949.
9. Николаев, В. Д. Свидетельство хроники Псевдо-Симеона о руси-дромитах и поход Олега на Константинополь в 907 г. / В. Д. Николаев // *Византийский временник*. – М., 1981. – Т. 42. – С. 147–153.
10. Карпозилос, А. Рос-дромиты и проблема похода Олега против Константинополя / А. Карпозилос // *Византийский временник*. – М., 1988. – Т. 49. – С. 112–118.
11. Сахаров, А. Н. Поход Руси на Константинополь в 907 г. / А. Н. Сахаров // *История СССР*. – 1977. – № 6. – С. 72–103.
12. Кузенков, П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках / П. В. Кузенков // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2000 г. – М.: Восточная литература, 2003. – С. 3–172.
13. Вейнберг, П. Русские народные песни об Иване Васильевиче Грозном / П. Вейнберг. – СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1908. – 206 с.
14. Мельникова, Е. А. Историческая память в устной и письменной традиции (Повесть временных лет и «Сага об Инглингах») / Е. А. Мельникова // *Древнейшие государства Восточной Европы*. 2001 год. – М.: Восточная литература, 2003. – С. 48–82.
15. Публичные лекции по геологии и истории Киева, читанные профессором П. Я. Армашевским и В. Б. Антоновичем в Историческом обществе Нестора-летописца в марте 1896 года. – Киев, 1897.
16. Лебединцев, П. Г. Какая местность в древности называлась Ольговой могилой / П. Г. Лебединцев // *Университетские известия*. – Киев, 1876. – № 12. – С. 29–34.
17. Михайлов, К. А. Элитарные могилы Старой Ладogi на фоне погребальных традиций эпохи викингов / К. А. Михайлов // *Ладога и Ладожская земля в эпоху средневековья*. – СПб.: Нестор-История, 2006. – Вып. 1.– С. 47–53.
18. Панченко, А. А. «Дружина пирует у берега...»: на границе научного и мифологического мировоззрения [Электронный ресурс] / А. А. Панченко, Н. И. Пет-

ров, А. А. Селин. – Режим доступа: <http://altladoga.narod.ru/newsarh/2005/pps.htm#17>. – Дата доступа: 10.08.2015.

19. Назаренко, А. В. Русь IX века: обзор письменных источников / А. В. Назаренко // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. – М.; Вологда: Древности Севера, 2012. – С. 13–35.

20. Молдаван, А. М. «Слово о законе и благодати» Илариона / А. М. Молдаван. – Киев: Наукова думка, 1984. – 240 с.

21. Высоцкий, С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. / С. А. Высоцкий. – Киев: Наукова думка, 1966. – Вып. I. – 240 с.

22. Макаров, Н. А. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий / Н. А. Макаров // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. – М.; Вологда: Древности Севера, 2012. – С. 449–459.

23. Комар, А. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева / А. Комар // *Ruthenica*. – Київ, 2005. – Т. IV. – С. 115–137.

24. Леонтьев, А. Е. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII–X в. / А. Е. Леонтьев. Е. Н. Носов // Русь в IX–X веках. Археологическая панорама. – М.; Вологда: Древности Севера, 2012. – С. 387–401.

25. Цукерман, К. Про дату навернення хозар до іудаїзму й хронологію князювання Олега та Ігоря / К. Цукерман // *Ruthenica*. – Київ, 2003. – Т. II. – С. 53–84.

«ЭЙМУНД КОНУНГ» НА СЛУЖБЕ У БРЯЧИСЛАВА: ШВЕДСКИЙ СЛЕД В ИСТОРИИ ПОЛОЦКОГО КНЯЖЕСТВА

Одним из наиболее ярких и значительных проявлений скандинаво-славянских связей в истории белорусских земель являются уникальные сведения «Эймундовой пряди» («Eymundar þáttur») о Полоцке и участии Эймунда во взаимоотношениях Полоцка с Новгородом и Киевом во время княжения Брячислава Изяславича (1003–1044 гг.). В основу «Эймундовой пряди» легли рассказы исландцев – участников похода Эймунда на Русь, которые вернулись на родину, что делает ее важным источником для исследования политических событий первой половины XI в. [1]. Это произведение было написано не позднее середины XIII в. [2, с. 153; 3, с. 160–162]. Прядь сохранилась в составе «Саги об Олаве Святом» по «Книге с Плоского Острова» [3, с. 152].

Особо отметим, что по количеству упоминаний в древнескандинавских источниках Полоцк идет вслед за Новгородом, Ладогой и Киевом, что свидетельствует о его хорошей известности во всей Скандинавии. Первый полоцкий князь Рогволод, вероятно, происходил из Норвегии [4]. Исландец Торвальд Кодранссон содействовал распространению христианства в Полоцке [5]. Дочь минского князя Володора Глебовича София стала женой датского короля Вальдемара Великого [6]. И наконец, в данной статье мы рассмотрим вопрос о возможном шведском происхождении Эймунда и обстоятельствах его службы на Руси, связанных с Полоцком. В тексте пряди он называется «Эймундом конунгом», что указывает на его принадлежность к королевскому роду. Ранее мы обращались к проблематике участия скандинавов в отношениях Полоцка с Новгородом и Киевом на основе анализа сведений «Эймундовой пряди» и летописей [7; 8, л. 83–91]. Данная работа представляет собой дополненное и переработанное исследование.

Основной источник древнерусской истории, «Повесть временных лет» (далее – ПВЛ), освещает события, связанные как с междоусобицами Владимировичей, так и с взаимоотношениями новгородских и киевских князей с полоцкими князьями, довольно тенденциозно. Использование иностранных источников помогает создать более полную и достоверную картину. Начиная с XIX в., историки привлекают «Эй-

мундову прядь» для изучения династической борьбы сыновей Владимира Святославича – Ярослава, Бориса, Святополка в 1015–1019 гг., Ярослава и Мстислава в 1024–1026 гг. [9; 10; 11; 12; 3]. В этих усобицах также принял участие полоцкий князь Брючислав. Кроме того, «Эймундова прядь» содержит наиболее подробный рассказ о службе скандинавских наемников – варягов у древнерусских князей. Она полностью посвящена пребыванию на Руси «Эймунда конунга» – представителя королевского рода, который сначала служил Ярославу Мудрому, а затем перешел к Брючиславу Изяславичу.

О происхождении Эймунда известно не только из «Эймундовой пряди», а также из «Саги об Ингваре Путешественнике» («*Yngvars saga víðförla*») [13]. Однако в этих сагах даются разные версии его генеалогии. Начнем с рассмотрения «Эймундовой пряди». Как уже было отмечено выше, это произведение было включено в состав «Саги об Олаве Святом». Однако о связи Эймунда с норвежским конунгом Олавом Святым (1014–1028 гг.) речь идет только в прологе и заключительной части пряди, а в основном повествовании о ней нет и следа. Данные факты заставляют очень настороженно отнестись к рассказу о норвежском происхождении Эймунда, содержащемся в пряди [14, с. 29; 3, с. 159–160]. По ее сведениям, Эймунд, как и Олав Святой, происходил из норвежской королевской династии потомков Харальда Прекрасноволосого (872–930 гг.).

В «Саге об Ингваре Путешественнике» рассказывается о знаменитом походе шведского предводителя Ингвара на восток, историчность которого подтверждается многочисленными руническими камнями, установленными в Швеции в память о его участниках [15; 16, с. 301]. Согласно «Саге об Ингваре» отцом Ингвара был Эймунд, который идентичен Эймунду из «Эймундовой пряди», поскольку в обоих произведениях он участвовал в междоусобице сыновей Владимира Святославича на стороне Ярослава, в ходе которой убил (ослепил – по «Саге об Ингваре») одного из них по имени Бурислав [14, с. 20–22]. Однако в «Саге об Ингваре Путешественнике» Эймунд имеет иное происхождение – он принадлежит к шведской королевской семье. Одним из аргументов в пользу шведских корней Эймунда, главного героя «Эймундовой пряди» является то, что данное имя присутствует в антропонимиконе шведской династии и не встречается у норвежских конунгов [14, с. 30].

На основании сведений рунических камней (U 513, U 540, Sö 179, Sö 279) и «Саги об Ингваре Путешественнике» российский скандинавист Ф.А. Браун в 1910 г. выдвинул гипотезу о том, что Ингвар был сы-

ном шведского конунга Эймунда (Эмунда) известного по прозваниям Старый или Злой [17]. Американский исследователь Р. Кук, сопоставив норвежскую и шведскую версии о происхождении Эймунда, представленные соответственно в «Эймундовой пряди» и «Саге об Ингваре Путешественнике», пришел к выводу о большей степени достоверности шведской версии [18]. Дальнейшее исследование вопроса о генеалогии Эймунда было продолжено в работах российского историка С.М. Михеева, посвященных реконструкции борьбы за власть между сыновьями Владимира Святославича в 1015–1019 гг. [3; 14]. Анализ древнерусских и скандинавских источников, проведенный С.М. Михеевым, позволил ему не только поддержать гипотезу Ф.А. Брауна, но и придать ей более полное обоснование. Предположение С.М. Михеева об идентичности Эймунда из «Эймундовой пряди», Эймунда из «Саги об Ингваре Путешественнике», Эймунда из рунической надписи Sö 279 и шведского конунга Эймунда Старого позволяет объяснить многие неясности шведской истории XI в. [3, с. 189–193; 14, с. 31–34]. Наиболее вероятно, что эта надпись должна читаться следующим образом: «Эй(рик велел) установить камень (этот по Ингвару и Харальду,) сыновьям Эймунда. (Они умерли) на юге, в Серкланде» [3, с. 184–185].

Рисунок 1. Рунический камень Sö 279

Обратимся к главным действующим лицам политической истории Швеции этого времени. Одним из основных источников, из которых нам известно о шведских конунгах, являются «Деяния архиепископов Гамбургской церкви» Адама Бременского (XI в.) [19]. Около 995 г. шведским конунгом стал Олав Шетконунг из древней шведской династии. Сохранились сведения о его двух сыновьях и дочери – старший сын

Эймунд родился от наложницы, а младший – Анунд-Якоб и дочь Ингигерд – от законной жены. Около 1019 г. Олав отдал Ингигерд в жены новгородскому князю Ярославу Владимировичу. В качестве свадебного дара от Ярослава Ингигерд получила Ладогу с прилегающими землями. Около 1020 г. на тинге соправителем Олава был избран Анунд-Якоб. Когда около 1022 г. отец Анунда-Якоба умер, он стал единовластным правителем. При Анунде-Якобе состоялся поход Ингвара на восток, который по предположению Е. А. Мельниковой был связан с походом Владимира, сына Ярослава Мудрого, на греков в 1043 г. [15]. Около 1051 г. Анунд-Якоб умер и на троне его сменил старший брат Эймунд, вошедший в историю как Старый или Злой. Он правил до своей смерти около 1056 г. После Эймунда древний шведский королевский род начинает угасать. Новым шведским конунгом стал Стейнкель (около 1056–1066 гг.), происходивший из другого рода. После его смерти началась борьба за шведский трон между представителями старой и новой династий, среди которых был также Анунд из Руси. Победа досталась сыну Стейнкеля – Инги (около 1080–1112 гг.).

Таким образом, по мнению С. М. Михеева гипотеза о том, что Эймунд из «Эймундовой пряди» и «Саги об Ингваре» является шведским конунгом Эймундом Старым (около 1051–1056 гг.), может объяснить многие неясные моменты, связанные с правлением шведских конунгов. Во-первых, соправителем Олава Шетконунга около 1020 г. был выбран его младший сын Анунд-Якоб, поскольку Эймунд в это время находился на Руси. Во-вторых, рунические камни в память о сыновьях Эймунда (U 513, U 540, Sö 179, Sö 279) были поставлены не самим Эймундом, так как во время их установки он был не в Швеции, а на Руси. В-третьих, Адам Бременский мог назвать одного из претендентов на шведскую корону «Анундом из Руси» по причине того, что Анунд, как и его отец Эймунд, долгое время провел на Руси и вернулся только после смерти Стейнкеля [14, с. 31–34].

Теперь перейдем к анализу сведений «Эймундовой пряди» с целью верификации летописных известий об участии полоцкого князя Брячислава Изяславича в междоусобицах Владимировичей в 1015–1026 гг. В «Эймундовой пряди» упоминаются по именам четыре древнерусских князя – Вальдимар, Бурислав, Ярислейв, Вартилава. Вальдимар – это хорошо известный в древнескандинавских источниках киевский князь Владимир Святославич (980–1015 гг.). Его сыновьями прядь называет Бурислава, Ярислейва и Вартилава. Ярислейв – это Ярослав, князь новгородский в 1010–1019 гг., князь киевский в 1019–1054 гг., наибо-

лее известный русский князь в древнескандинавской литературе. Традиционно считается, что под именем Бурислав упоминается Святополк Владимирович, князь туровский и в 1015–1019 гг. князь киевский [20, с. 113]. Эта идентификация основана на сведениях древнерусских источников, которые называют Святополка главным соперником Ярослава в борьбе за киевский стол. В пряди основными противоборствующими сторонами являются Ярислейв и Бурислав. Несхожесть имен «Бурислав» и «Святополк» объяснялась тем, что в противостоянии Ярослава со Святополком важную роль играл польский князь Болеслав I Храбрый (992–1025 гг.), который выступил на стороне своего зятя Святополка [10, с. 1072]. Однако в историографии существует еще одна точка зрения, согласно которой «Бурислав» – это собирательное имя, которое объединило всех главных соперников Ярослава – Бориса, Святополка и Болеслава [20, с. 115–116]. Это, в свою очередь, позволило некоторым историкам предположить, что описанное в саге убийство Эймундом Бурислава является свидетельством того, что виновником смерти Бориса был не Святополк, а Ярослав и служившие ему варяги [21, с. 47; 11, с. 30–31]. Напомним, что в древнерусских источниках убийство Бориса и его брата Глеба приписывается Святополку. Украинский исследователь А.Б. Головка полагает, что летописная версия взаимоотношений Святополка, Бориса, Глеба и Ярослава является тенденциозной и не отражает исторической реальности второго десятилетия XI в. По его мнению, «Эймундова сага» содержит более достоверные сведения об участниках княжеского конфликта: скандинавы во главе с Эймундом прибыли в 1016 г. в Новгород на службу к Ярославу, который вел борьбу с киевским князем Буриславом-Борисом [11, с. 30–32]. В новейшей российской историографии С. М. Михеев предложил новую реконструкцию междоусобицы 1015–1019 гг., основанную на анализе древнерусских и скандинавских источников. Он пришел к выводу, что Борис, возможно, являвшийся союзником Святополка, был убит варяжскими наемниками Ярослава во главе с Эймундом в промежутке между 1016 и 1021 гг. Рассказ о гибели Бориса сохранился в «Эймундовой пряди», в которой он назван Буриславом [3, с. 265].

Сыном Вальдимара сага называет также полоцкого князя Вартилава, под которым следует понимать Брячислава Изяславича. Однако Брячислав в действительности приходился внуком Владимиру и племянником Ярославу. А. И. Лященко объяснял превращение племянника Ярослава в его брата тем, что древнерусские князья различных степеней родства называли себя официально и в приватном разговоре братьями [10, с. 1086].

Современные российские исследователи считают, что превращение Вартилава в брата Ярислейва произошло под влиянием традиционной в фольклоре триады братьев [22, с. 516]. Р. Кук полагает, что фигура Вартилава является сочетанием двух образов – Брячислава и Мстислава Владимировича. От имени Брячислава образовано имя «Вартилав», а также именно его резиденция Полоцк (*Palteskju*) упоминается в тексте пряди. Мстислав – это настоящий брат Ярослава, тмутараканский и черниговский князь, который, как и Вартилав в пряди, заключил с Ярославом мирный договор, а после смерти (Мстислав умер в 1036 г.) его владения перешли к Ярославу [18, с. 69].

Если древнерусские князья Вальдимар и его сын Ярислейв неоднократно упоминаются в исландских текстах, встречается в них также имя «Бурислав», то сведения пряди о полоцком князе Вартилаве являются уникальными в древнескандинавской литературе. Эта уникальность говорит в пользу высокой степени их достоверности. По мнению С. М. Михеева текст пряди имеет более ранний и более поздний слои. Маркерами позднего слоя являются хорошо известные исландской аудитории персонажи – Олав Святой, Ингигерд, Ярислейв. Первоначальная версия повествования об Эймунде, возникшая на основе рассказов исландцев из отряда Эймунда, должна была содержать уникальные сведения о переходе Эймунда на службу к Вартилаву [3, с. 166–167]. Имена этих исландцев приведены в тексте пряди в рассказе об убийстве конунга Бурислава: «Однажды рано утром Эймунд позвал к себе Рагнара, родича своего, десять других мужей, велел оседлать коней, и выехали они из города двенадцать вместе, и больше ничего с ними не было. Все другие остались. Бьерн звался исландец, который поехал с ними, и Гарда-Кетиль, и муж, который звался Аскель, и двое Тордов» [1, с. 131].

В свою очередь, мы также хотим обратить внимание на еще один отличительный аспект, связанный с информацией пряди о существовании в Полоцке некой власти, которая контролировала деятельность князя. В частности, полоцкий князь должен был с ней согласовывать вопрос о приеме на службу наемников. Более подробно данный аспект будет рассмотрен нами ниже. Здесь необходимо отметить, что нетипичность этой информации о Полоцке в сравнении со сведениями о Новгороде позволяет отнести ее к первоначальному варианту повести об Эймунде. Это означает, что исландцы, служившие Эймунду и принесшие рассказы об их приключениях на Руси, прибыли в Полоцк вместе со своим предводителем и находились там какое-то время. Таким образом, сообщение пряди о службе Эймунда у полоцкого князя Брячислава следует при-

знать вполне достоверным. К сомнительным сведениям исследователи относят те, которые содержатся в прологе и эпилоге пряди [10, с. 1083; 3, с. 173]. Это, например, информация о ранней смерти Брячислава, получении Эймундом Полоцка, смерти Эймунда, правлении Рагнара в Полоцке. Они были необходимы составителю пряди для придания завершенности ее композиции и введения в контекст событий популярного в Исландии героя саг – норвежского короля Олава Святого с целью включения пряди в состав «Саги об Олаве Святом» [3, с. 168–169].

Для реконструкции событий, связанных с участием Эймунда во взаимоотношениях Полоцка с Новгородом и Киевом следует сопоставить сведения древнерусских, древнескандинавских и иных источников, в которых фигурируют варяги, Брячислав, Ярослав и другие участники княжеской междоусобицы. Ярослав, как сообщает ПВЛ в статьях 1015 г., 1018 г. и 1024 г., регулярно использовал варягов во внутривосточной борьбе на Руси. В ПВЛ по имени упомянут только один из варяжских предводителей Ярослава – Якун, участвовавший в битве при Листвене в 1024 г. Его идентифицируют с норвежским ярлом Хаконом Эйрикссоном [23]. «Эймундова прядь» называет имя еще одного скандинавского предводителя, Эймунда, побывавшего на службе у Ярослава и Брячислава. Идентификация Эймунда с Якуном, предложенная белорусским исследователем Ю. А. Зайцем, не имеет под собой серьезного основания [24]. Наиболее обоснованной следует признать гипотезу шведского рунолога Э. Брате и украинско-американского историка О. Прицака, поддержанную новой аргументацией С. М. Михеева, о том, что Якун – это норвежский ярл Хакон Эйрикссон [25, с. 440–454; 21].

При сопоставлении летописных данных об убийстве Бориса и о битве между Ярославом и Святополком под Любечем в 1016 г. со сведениями пряди об убийстве Бурислава Эймундом и о битве на реке между Ярислейвом и Буриславом (первое военное столкновение с участием Эймунда на Руси) многими исследователями было выявлено их близкое сходство [3, с. 169, 212]. Данное сходство указывает на то, что в убийстве Бориса и битве под Любечем принимал самое непосредственное участие Эймунд и его отряд.

После убийства Бориса Эймунд, вероятно, перешел на службу к Брячиславу [3, с. 265]. Основанием для этого перехода послужило то, что Полоцк был крупным политическим центром Руси, а его князь являлись серьезным противником для новгородско-киевских правителей. Об этом, как сообщает прядь, было хорошо известно Эймунду, который перед уходом сказал Ярославу: «... менее всего тебе хочется, что-

бы мы ушли к Вартилаву конунгу, брату твоему, но мы все же поедем туда и сделаем для него все, что можем, а теперь будь здоров, господин» [1, с. 133]. Свидетельством военной силы Полоцка является сообщение ПВЛ под 1021 г. о походе Брячислава на Новгород: «В лѣто 6529. Приде Брячиславъ, сынъ Изяславль, внукъ Володимѣрь, на Новѣгородъ, и зая Новѣгородъ, и поимъ новгородцѣ и имѣнье ихъ, поиде Полотъску опять. И пришедшу ему к Судомири рѣцѣ, и Ярославъ ис Кыева въ 7 день постиже и ту. И побѣди Ярославъ Брячислава, и новгородцѣ вороти Новугороду, а Брячиславъ бѣжа Полотъску» [26, с. 64]. Однако поражение Брячислава в битве с Ярославом в итоге привело к неожиданному результату. Другие источники (Софийская первая, Воскресенская летописи) добавляют, что Ярослав отдал Брячиславу два города, Усвят и Витебск, после чего они установили союзнические отношения: «И отътолѣ (из Полоцка. – М. С.) призвакъ к себѣ (Ярослав. – М. С.) Брячислава, и давъ ему два города Вѣсвачь и Видбескъ, и рече ему: “буди же со мною заодинь”. И воеваше Брячиславъ съ великимъ княземъ Ярославомъ вся дни живота своего» [27, с. 134; 28, с. 328]. В Тверской летописи вышеизложенные сведения о примирении Брячислава и Ярослава дополняются репликой, что первый был киевскому князю «братанич» [29, с. 143].

Вероятно, что нападение Брячислава на Новгород, которое в конечном итоге привело к расширению территории Полоцкого княжества и заключению мира с Ярославом, произошло не без участия варяжского отряда Эймунда, значительно усилившего войско Брячислава. Присутствие варягов в войске полоцкого князя и их участие в походе Брячислава на Новгород подкрепляется сообщением польского историка Яна Длугоша: «После того как князь Руси Ярослав обратил в бегство и уничтожил одного противника, а именно князя Святополка, возник другой противник, и место брата занял племянник. Князь Бретислав, сын полоцкого князя Изяслава, собрав войско из своих полочан и варягов, выступает против Новгорода...» [30, с. 245].

Поход Брячислава на Новгород был организован при поддержке политической и торговой элиты Полоцка, для которой Новгород являлся основным конкурентом в осуществлении торговли по пути «из варяг в греки». Об этом говорят уникальные сведения «Эймундовой пряди» о функционировании в Полоцке структуры, ограничивавшей власть князя: «Конунг (Брячислав. – М. С.) сказал (Эймунду. – М. С.): “Дайте мне срок посоветоваться с моими мужами, потому что они дают деньги, хотя выплачиваю их я”. Эймунд конунг соглашается на это. Вартилав конунг собирает тинг со своими мужами и говорит им, какой слух про-

шел о Ярицлейве конунге, брате его, – что он замышляет отнять его владения, и говорит, что пришел сюда Эймунд конунг и предлагает им свою помощь и поддержку. Они очень уговаривают конунга принять их. И тут заключают они договор...» [1, с. 134].

Таким образом, согласно сведениям пряди в Полоцке решение о приеме отряда наемников и заключении с ними договора Брячислав должен был принимать только по согласованию с местной элитой, в то время как в Новгороде Ярослав делал это единолично. Это свидетельство того, что уже в XI в. в Полоцке оформилась политическая сила, представлявшая интересы города и ограничивавшая власть князя. В этой связи Г. В. Штыхов высказывал мысль о существовании боярского совета в Полоцке [31, с. 15]. Другие исследователи считали, что известие саги о тинге (др.-исл. *þing* – народное собрание), в котором участвовали «мужи» Брячислава, говорит о зависимости полоцкого князя от вечевого собрания горожан [32, с. 254]. На наш взгляд, закрепление в Полоцке Изяслава и его сына Брячислава стало возможным благодаря поддержке местной политической и торговой элиты, заинтересованной в утверждении в Полоцке власти собственной княжеской династии, происшедшей от внука Рогволода – Изяслава. Городская элита Полоцка была, видимо, достаточно сильной в политическом и экономическом плане, чтобы противостоять притязаниям новгородских и киевских князей.

«Эймундова прядь» также рассказывает о военном противостоянии Брячислава и Ярослава. Их войска, согласно сведениям пряди, так и не вступили в бой между собой. Эймунд пошел на хитрость и захватил в плен жену Ярослава – Ингигерд. Ярослав был вынужден заключить мир по совету жены: «Она (Ингигерд. – М. С.) сказала Ярицлейву конунгу, что он будет держать лучшую часть Гардарики (Русь. – М. С.) – это Хольмгард (Новгород. – М. С.), а Вартилава – Кэнугард (Киев. – М. С.), другое лучшее княжество с данями и поборами; это – наполовину больше, чем у него было до сих пор. А Палтескью (Полоцк. – М. С.) и область, которая сюда принадлежит, получит Эймунд конунг и будет над нею конунгом...» [1, с. 136–137]. По условиям мирного соглашения, приведенного в пряди, на Руси произошло перераспределение власти: Брячислав получил Киевское княжество, Ярослав – Новгородское, а Эймунд стал полоцким князем. Нам представляется, что заключение договора между Брячиславом и Ярославом, в результате которого полоцкому князю отошли Витебск и Усвят, вполне могло произойти при посредничестве Эймунда и Ингигерд, которые, вероятно, приходились друг другу сводными братом и сестрой.

Некоторые белорусские историки не исключают возможности участия Брячислава в управлении Киевом [33, с. 153]. Очевидно, что в 1020-е гг. Ярославу был необходим союзник в борьбе с еще одним братом, тмутараканским князем Мстиславом, также заявившим свои права на Киев. Этим союзником, вероятно, принимая во внимание рассмотренные выше сообщения Софийской первой и Воскресенской летописей о заключении Ярославом соглашения с Брячиславом, стал полоцкий князь. Ю. А. Заяц предположил, что Брячислав был наместником Ярослава в Киеве в 1024–1026 гг., поскольку после поражения от Мстислава под Лиственом в 1024 г. Ярослав два года находился в Новгороде [12, с. 23–24]. Для укрепления союза Ярослав мог отдать Брячиславу Минскую волость [34, с. 11]. О. Н. Левко, опираясь на сообщение «Эймундовой пряди» об увеличении владений Брячислава, также считает, что около 1024 г. Минская волость была присоединена к Полоцкой земле [35, с. 60]. Аргументом в пользу установления дружественных отношений между Ярославом и Брячиславом может выступать сообщение ПВЛ под 1024 г., в котором говорится, что Ярослав дал своему сыну, родившемуся в этом году, имя Изяслав, которое, как известно, носил отец Брячислава. С. В. Тарасов также считает, что до 1026 г. Брячислав и Ярослав управляли Киевом со своих «отчин» Полоцка и Новгорода соответственно, что подтверждается летописными данными о существовании в Киеве «Брячиславова двора» и двора «мужей Ярославовых» [36, с. 78]. В 1026 г. Ярослав заключил мир с Мстиславом, и на смену дуумвирату Ярослава и Брячислава пришло двоевластие Ярослава и Мстислава, продолжавшееся до смерти последнего в 1036 г.

Несмотря на то, что сообщение «Эймундовой пряди» о правлении Брячислава в Киеве не имеет прямого подтверждения в других письменных источниках, некоторые исследователи полагают, что Брячислав Изяславич, а затем его сын Всеслав пытались реализовать свое право на киевский стол [37, с. 154–155]. В этой связи И. А. Марзалюк отмечает, что полоцкие князья наряду с новгородскими и киевскими князьями оспаривали статус сакрального центра (три Софийских собора в Новгороде, Киеве и Полоцке) именно своего государственного образования и верховенства своей династической линии над остальными Рюриковичами [37, с. 156]. По нашему мнению, полоцкие Изяславичи все же не считали реализацию права на киевский стол главной политической целью своей династии, поскольку были в первую очередь «Роговолодовыми внуками». Их родовым владением еще при Владимире Святославиче был признан Полоцк – после смерти Изяслава в 1001 г. Владимир не

предпринял никаких попыток посадить в Полоцке другого своего сына. Присоединяясь к мнению И. А. Марзалюка и О. Н. Левко, мы считаем, что Изяслав получил полоцкий стол именно в качестве наследника своего деда Рогволода и благодаря этому он положил начало новой династии полоцких князей, состоявших также в родстве с киевским княжеским домом [37, с. 153; 35, с. 59]. Вероятно, что закрепление за Рогволодовичами-Изяславичами Полоцка в качестве их наследственного, по материнской линии, владения (от Рогнеды и Рогволода) привело в дальнейшем к утрате полоцкими князьями их права по отцовской линии (от Владимира Святославича) претендовать на киевский стол. Кроме того, в соответствии с «родовым сюзеренитетом» дети Изяслава, который умер раньше своего отца, не могли претендовать на наследование киевских земель [41, с. 60–61].

В предыдущих наших работах при рассмотрении проблемы династического статуса полоцких князей в роду Рюриковичей мы использовали данные таблицы лично-родовых знаков Рюриковичей С. В. Белецкого, в которой также представлены атрибуты знаков полоцким князьям Изяславу, Брячиславу и др. [38; 39]. Однако в одной из новейших публикаций по проблеме атрибуты знаков Рюриковичей С. М. Михеев убедительно показал, что точной идентификации поддаются только три княжеских знака – трезубцы Владимира Святославича и Ярослава Владимировича, двузубец – Святополка Окаянного [40]. В этой связи необходимо обратить особое внимание на печать из Новгорода с трезубцем и легендой, которую В. Л. Янин прочитал как «Изас(лав)ос» и на этой основе обосновал предположение о ее принадлежности полоцкому князю Изяславу Владимировичу. С. М. Михеев обоснованно считает данную атрибуцию ошибочной [40, с. 52–54]. Таким образом, на сегодняшний момент не имеется достоверных данных о лично-родовых знаках полоцких князей, что ограничивает возможность их использования в исследовании генеалогическо-династических вопросов.

Большинство исследователей, анализировавших сведения «Эймундовой пряди», отвергают возможность вокняжения Эймунда в Полоцке на основании того, что в ПВЛ смерть Брячислава отнесена к 1044 г., после чего полоцкий стол унаследовал его сын Всеслав. Отсутствие каких-либо данных об Эймунде и его потомках в древнерусских источниках не позволяет говорить о его княжении в Полоцке [42, с. 122, прим. 1; 14, с. 35–36]. Однако вполне вероятно, что Эймунд мог получить от Брячислава в управление некоторые полоцкие земли. Например, как в 1019 г. еще один швед – ярл Регнвальд Ульвссон стал править в Ладоге

от имени Ингигерд, своей родственницы по материнской линии. Похоже, что после похода на Новгород и битвы на реке Судоме в 1021 г. или чуть позже Эймунд был вознагражден землями за службу полоцкому князю. О. И. Сенковский полагал, что это могли быть ливонские земли, а А. П. Сапунов – Герсике, принадлежавший в XI–XIII вв. Полоцкому княжеству [9; 43, с. 20]. Ю. А. Заяц выдвинул гипотезу о том, что Эймунд был отправлен Брючиславом на юго-восточную окраину Полоцкой земли – в Друцк [24].

На наш взгляд, в качестве вероятной территории, на которой мог обитать Эймунд и его варяжская дружина, следует рассмотреть городище XI–XIII вв. у деревни Масковичи (расположено в 6 км. к северу от г. Браслава, Витебская область), представлявшее собой опорный пункт Полоцкого княжества на Западно-Двинском пути на пограничье с балтами. Именно на этом поселении был обнаружен один из самых ярких следов пребывания скандинавов на белорусских землях – большой комплекс с руническими и руноподобными знаками, которые соотносятся со скандинавской рунической письменностью XII–XIV вв. [44, с. 213]. Отправка Эймунда в пограничный пункт выглядит вполне логично с точки зрения политики, которую, вероятно, в то время проводил Брючислав Изяславич. На основании предположения о том, что при Брючиславе возник город Браслав, в историографии преобладает мнение, что полоцкий князь после заключения мирного соглашения с Ярославом начал активно действовать в западном направлении – способствовал колонизации кривичами балтских земель и выстроил оборонительную линию на границе с опорными пунктами, среди которых было также городище в Масковичах [33, с. 213].

Е. А. Мельникова полагает, что носителями рунического письма из Масковичей могли быть славянизированные потомки варягов, которые в трансформированном виде сохранили свой язык и письменность. Специфика надписей говорит о том, что скандинавы проживали здесь долгое время, на протяжении многих поколений, и процесс их ассимиляции затянулся до XIII в. [16, с. 213–247]. О военизированном и торговом характере поселения свидетельствует сюжетика рисунков, в которой выделяются изображения кораблей и вооруженных воинов, одетых в шлемы и кольчуги, нередко с мечами в руках [16, с. 216]. В этой связи очень интересно наблюдение, сделанное Е. А. Мельниковой, о сходстве одного из рисунков из масковичского комплекса со сценой, изображенной на саркофаге уппсальского епископа Генриха, участвовавшего в первом шведском крестовом походе в Финляндию в середине

1150-х гг. под предводительством конунга Швеции Эрика Святого [16, с. 233–234]. Е. А. Мельникова полагает, что человек, вырезавший рисунок, знал рельеф или имел о нем подробную информацию. На этом основании можно предположить, что жители поселения поддерживали связи со Швецией, что, в свою очередь, подтверждает вероятность присутствия здесь с 1020-х гг. шведского конунга Эймунда со своими людьми.

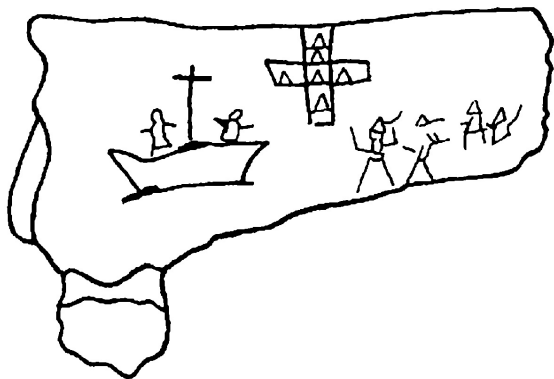

Рисунок 2. Граффито из масковичского комплекса [16, с. 233]

Рисунок 3. Рельеф на саркофаге епископа Генриха [16, с. 234]

В соответствии с гипотезой Е. А. Мельниковой, Ингвар, сын Эймунда, принимал участие в походе Владимира Ярославича на греков в 1043 г. и затем погиб где-то на юго-востоке Европы [15]. Выходит, что Эймунд, находясь на службе у полоцкого князя, также поддерживал хорошие отношения с Ярославом Мудрым. Это вполне естественно, поскольку женой Ярослава была Ингигерд, сводная сестра Эймунда, а значит, что Владимир Ярославич и Ингвар приходились друг другу двоюродными братьями. Теперь попытаемся ответить на вопрос о том, когда Эймунд покинул свои «русские владения». В память об участниках похода Ингвара, в том числе и в память о его предводителе (Sö 179, Sö 279?), в Швеции были установлены рунические камни, но среди тех, кто их устанавливал, Эймунда не было. Следовательно, что во время их установки, около 1044–1045 гг., он все еще был на Руси. С Эймундом, вероятно, находился его сын, которого Адам Бременский называет «Анундом из Руси».

Таким образом, можно предположить, что Эймунд на протяжении более чем двадцати лет был наместником или воеводой Брючислава на северо-западной окраине Полоцкого княжества. Когда около 1051 г. умер его младший брат – шведский конунг Анунд-Якоб, Эймунд уже вернулся на родину и занял королевский трон. Ему было около шестидесяти лет, и поэтому он вошел в историю как Эймунд Старый. Однако на масковичском поселении осталась довольно многочисленная группа скандинавов, среди которых была также какая-то часть из дружины Эймунда. Их славянизированные потомки как минимум до середины XII в. сохраняли контакты со Швецией, о чем свидетельствует осведомленность о деятельности уппсальского епископа Генриха. При этом необходимо учитывать, что выдвинутые гипотезы требуют дальнейшего исследования.

В целом, саги отражают активное участие скандинавов в политических событиях, происходивших на Руси. Эймунд, вероятно, сын шведского конунга, родившийся от наложницы, посчитал необходимым отправиться на службу к русским князьям, чтобы добыть славу и богатство и тем самым упрочить свой династический статус как претендента на шведскую корону. Судя по всему, эта цель была достигнута и после смерти младшего брата Эймунд смог занять шведский трон. В пользу данной гипотезы свидетельствует и тот факт, что пребывание на Руси представителей скандинавских королевских династий не было редким явлением. Так, при дворе Владимира Святославича и Ярослава Мудрого побывали четыре норвежских конунгов, являвшихся одними из самых

известных и прославившихся скандинавских правителей: Олав Трюгвасон (995–1000 гг.), Олав Святой (1014–1028 гг.), Магнус Добрый (1036–1047 гг.) и Харальд Суровый (1046–1066 гг.) [45].

Анализ древнерусских и скандинавских источников показывает, что варяжские наемники во главе с Эймундом приняли активное участие в важнейших событиях, связанных с восстановлением и укреплением Брячиславом Изяславичем государственно-политической самостоятельности Полоцкого княжества. Переход Эймунда на сторону Брячислава способствовал усилению позиций Полоцка в противостоянии с Новгородом и Киевом. Основной претендент на власть в Киеве Ярослав в обмен на поддержку Полоцкого княжества санкционировал его территориальное расширение (Усвят, Витебск, Минск) и признал его политическую самостоятельность. Следующим направлением в политике Брячислава стало закрепление власти Полоцка в северо-западном направлении – на балто-славянском пограничье. Вероятно, что именно здесь Эймунд получил в свое управление земли от полоцкого князя, и его резиденцией на долгие годы стало поселение в Масковичах.

Список литературы

1. Прядь об Эймунде // Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия: в 5 т. / Ин-т всеобщ. истории РАН; под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой, А. В. Подосинова. – М., 2009. – Т. 5: Древнескандинавские источники / сост.: Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон, Е. А. Мельникова. – С. 121–138.
2. Глазырина, Г. В. Правители Руси (обзор древнескандинавских источников) / Г. В. Глазырина // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исслед. / Ин-т рос. истории РАН. – М., 2001. – 1999: Восточная и Северная Европа в средневековье. – С. 143–159.
3. Михеев, С. М. «Святополкъ съде в Киевѣ по отци»: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках / С. М. Михеев. – М.: Ин-т славяноведения РАН, 2009. – 292 с.
4. Самонова, М. Н. Рогволод и Рогнеда: скандинавские корни полоцкой княжеской династии / М. Н. Самонова // Alba Ruscia: белорусские земли на перекрестке культур и цивилизаций (X–XVI вв.) / отв. ред. А. В. Мартынюк. – М.: Квадрига, 2015. – С. 8–26.
5. Самонова, М. Н. Скандинавы и христианизация Полоцкой земли / М. Н. Самонова // Православие и культура: сб. науч. статей, посвященный 1025-летию Крещения Руси. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2014. – С. 76–81.
6. Самонова, М. Н. Полоцкое княжество в системе династических связей и политических взаимоотношений Руси со Скандинавией и Польшей в XI – начале XIII вв. / М. Н. Самонова // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. – Минск: РИВШ, 2012. – Вып. 5. – С. 7–25.

7. Самонава, М. М. Полацка-кіеўскія адносіны па сведчаннях «Эймундавай сагі» / М. М. Самонава // Скарына і наш час: матэрыялы IV Міжнар. навук. канф.: у 2 ч. / рэдкал.: А. А. Станкевіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель: ГГУ ім. Ф. Скорины, 2008. – Ч. 1. – С. 62–68.
8. Самонова, М. Н. Скандинаво-славянские связи на белорусских землях в IX–XIII вв. (по письменным источникам): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / М. Н. Самонова. – Минск, 2014. – 145 л.
9. Сенковский, О. И. Эймундова сага / О. И. Сенковский // Ulver.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://norse.ulver.com/src/konung/eymund/gu.html>. – Дата доступа: 25.08.2015.
10. Лященко, А. И. «Eymundar saga» и русские летописи / А. И. Лященко // Изв. Акад. наук СССР. Сер. 6. – 1926. – Т. 20, № 12. – С. 1061–1086.
11. Головкин, А. Б. Земли Западной Руси и объединительная политика Киевского государства в X – первой трети XII в. / А. Б. Головкин // Киев и западные земли Руси в IX–XIII вв.: сб. ст. / редкол.: Л. Д. Поболь [и др.]. – Минск, 1982. – С. 25–44.
12. Заяц, Ю. А. Полоцкие события «Саги об Эймунде» / Ю. А. Заяц // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы навук. канф. к 1130-годдзю Полацка / Ін-т гісторыі НАН Беларусі, Полацк. гіст.-культур. запаведнік; уклад. Т. А. Джумантаева. – Полацк, 1992. – С. 23–24.
13. Глазырина, Г. В. Сага об Ингваре Путешественнике: Текст. Перевод. Комментарий / Г. В. Глазырина. – М.: Вост. лит., 2002. – 464 с.
14. Михеев, С. М. Эймунд – убийца Бориса, Ингвар Путешественник и Анунд из Руси: к вопросу о шведах на Руси в XI веке / С. М. Михеев // Ruthenica / Ін-т історії НАН України. – Київ, 2006. – Т. 5. – С. 19–36.
15. Мельникова, Е. А. Экспедиция Ингвара Путешественника на восток и поход русских на Византию 1043 г. / Е. А. Мельникова // Скандинавский сборник = Skrifter om Skandinavien / Тартус. ун-т. – Таллинн, 1976. – Вып. 21. – С. 74–87.
16. Мельникова, Е. А. Скандинавские рунические надписи: новые находки и интерпретации: тексты, пер., коммент. / Е. А. Мельникова. – М.: Вост. лит., 2001. – 496 с.
17. Браун, Ф. А. Кто был Ингвар-путешественник? / Ф. А. Браун // Записки Неофилологического общества при Императорском С.-Петербургском университете. – СПб., 1910. – Вып. 4. – С. 131–153.
18. Cook, R. Russian history, Icelandic story, and Byzantine strategy in Eymundar þáttur Hringssonar / R. Cook // Viator: Medieval and Renaissance Studies. – 1986. – Vol. 17. – P. 65–89.
19. Адам Бременский. Деяния архиепископов гамбургской церкви // Адам Бременский, Гельмольд из Босау, Арнольд Любекский. Славянские хроники / пер. И. В. Дьяконова и Л. В. Разумовской. — М.: СПСЛ; Русская панорама, 2011. – С. 7–150.
20. Древнерусские города в древнескандинавской письменности: тексты, пер., коммент. / сост.: Г. В. Глазырина, Т. Н. Джаксон; Ин-т истории АН СССР. – М.: Наука, 1987. – 209 с.

21. Павленко, Н. И. История СССР с древнейших времен до 1861 года / Н. И. Павленко, В. Б. Кобрин, В. А. Федоров; под ред. Н. И. Павленко. – М.: Просвещение, 1989. – 558 с.
22. Глазырина, Г. В. Скандинавские источники / Г. В. Глазырина, Т. Н. Джексон, Е. А. Мельникова // Древняя Русь в свете зарубежных источников: учеб. пособие / Е. А. Мельникова [и др.]; под ред. Е. А. Мельниковой. – М., 1999. – С. 408–563.
23. Михеев, С. М. Варяжские князья Якун, Африкан и Шимон: литературные сюжеты, трансформация имен и исторический контекст / С. М. Михеев // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2008. – № 2. – С. 27–32.
24. Заяц, Ю. А. Завершение восточно-европейской эпопеи принца Эймунда, или Варяги на юго-восточной окраине Полоцкой земли в первой половине XI в. // Матэрыялы па археалогіі Беларусі: навук. зб. – Вып. 24: Даследаванне сярэднявекowych старажытнасцей Цэнтральнай Беларусі (памяці Ю. А. Заяца). – Мінск, 2013. – С. 28–33.
25. Прицак, О. Походження Русі = The origin of rus': в 2 т. / О. Прицак. – Київ: Ін-т сходознавства: Обереги, 1997. – Т. 1: Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг). – 1080 с.
26. Повесть временных лет / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – 2-е изд. – СПб.: Наука, 1996. – 667 с.
27. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской Археографической комиссией. – СПб.: Археогр. комис., 1851. – Т. 5: Псковские и Софийские летописи. – VI, 277 с.
28. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской Археографической комиссией. – СПб.: Археогр. комис., 1856. – Т. 7: Летопись по Воскресенскому списку. – VIII, 301 с.
29. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Императорской Археографической комиссией. – СПб.: Археогр. комис., 1863. – Т. 15: Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. – VII, 504 с.
30. Щавелева, Н. И. Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша: кн. 1–6: текст, пер., коммент. / Н. И. Щавелева; под ред. и с доп. А. В. Назаренко. – М.: Памятники ист. мысли, 2004. – 495 с.
31. Штыхов, Г. В. Древний Полоцк (IX–XIII вв.) / Г. В. Штыхов. – Минск: Наука и техника, 1975. – 136 с.
32. Фроянов, И. Я. Города-государства в Древней Руси / И. Я. Фроянов, А. Ю. Дворниченко // Становление и развитие раннеклассовых обществ: город и государство / под ред. Г. Л. Курбатова [и др.]. – Л., 1986. – Ч. 3. – С. 198–311.
33. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экоперспектыва, 2007–2011. – Т. 1: Старажытная Беларусь: ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. / В. Вяргей [і інш.]; рэд. тома: М. Чарняўскі, Г. Штыхаў. – 2007. – 350 с.
34. Заяц, Ю. А. Менская земля: этапы фарміравання / Ю. А. Заяц // Беларус. гіст. часоп. – 1993. – № 4. – С. 8–15.

35. Левко, О. Н. Полоцк и объединительные процессы XI–XIII вв. / О. Н. Левко // Полоцк / О. Н. Левко [и др.]; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.); науч. ред. О. Н. Левко; Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск: Беларус. навука, 2012. – С. 59–66.
36. Тарасаў, С. В. Брачысаў Ізяславіч / С. В. Тарасаў // Энциклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. В. Біч [і інш.], – Мінск, 1994. – Т. 2. – С. 78.
37. Марзалюк, І. А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы: X–XVIII стст. / І. А. Марзалюк. – Магілёў: МДУ, 2003. – 322 с.
38. Белецкий, С. В. Лично-родовые знаки князей-Рюриковичей на металлических подвесках XI в. / С. В. Белецкий // *Ruthenica* / Ин-т історії НАН України. – Київ, 2002. – Т. 1. – С. 134–151.
39. Казаков, Е. П. Костяная рукоять из раскопок Измерского поселения и генеалогия лично-родовых знаков Рюриковичей X–XI вв. / Е. П. Казаков, С. В. Белецкий // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: сб. ст. памяти проф. И. В. Дубова / под ред. А. Н. Кирпичникова, В. Н. Седых. – СПб., 2004. – С. 73–77.
40. Михеев, С. М. К проблеме атрибуции знаков Рюриковичей / С. М. Михеев // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2014. – № 4. – С. 45–63.
41. Левко, О. Н. Средневековые территориально-административные центры северо-восточной Беларуси: формирование и развитие / О. Н. Левко; Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск: Беларус. навука, 2004. – 280 с.
42. Грушевський, М. С. Виїмки з жерел до історії України-Руси до половини XI віку / М. С. Грушевський. – Львів: Друкарня НТШ, 1895. – 145 с.
43. Сапунов, А. П. Сказание исландских, или скандинавских саг о Полоцке, князьях полоцких и р. Западной Двине / А. П. Сапунов // Полоцко-Витебская старина / Витеб. учен. арх. комис. – Витебск, 1916. – Вып. 3. – С. 1–33.
44. Дучиц, Л. В. Надписи и знаки на костях с городища Масковичи (Северо-Западная Белоруссия) / Л. В. Дучиц, Е. А. Мельникова // Древнейшие государства на территории СССР, 1980: материалы и исслед. / Ин-т истории АН СССР. – М., 1981. – С. 185–217.
45. Джаксон, Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси: из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X – первой половины XI в. / Т. Н. Джаксон. – М.: Яз. рус. культуры, 2000. – 192 с.

Жарко С. Б.

«ПУТЕШЕСТВИЕ В ВОСТОЧНЫЕ СТРАНЫ» ГИЛЬОМА РУБРУКА О ХРИСТИАНАХ-НЕСТОРИАНАХ И МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ XIII в.

Францисканец (минорит) Гильом Рубрук, родом из Фландрии, участник шестого крестового похода, был направлен в Монголию французским королем Людовиком IX Святым. Потерпев поражение при городе Мансуре и попав в плен к «неверным сарацинам», Людовик IX по возвращении стремился заключить союз с монголами против «врагов Христа» в Малой Азии. С этой целью и было организовано путешествие Рубрука. Путь в Каракорум – столицу Монгольской империи – Рубрук начал с Крыма – Солдайн (Сурожа, нынешнего Судака. – С. Ж.), затем попал в лагерь Сартака, сына Бату-хана, откуда добрался до ставки самого Бату-хана, который и направил его к Мунке-хану в Каракорум. Описание своего путешествия Рубрук закончил к 1256 г., т. е. через год после своего возвращения. Очевидно, что он был лучше подготовлен к своему путешествию, чем его предшественники, в частности, францисканский монах итальянец Иоанн де Плано Карпини. Несомненно, что Рубрук черпал свои сведения о маршруте путешествия из книги Карпини «История монголов», где содержится ценная информация о географии Азии. Считается, что именно Гильом Рубрук первым из европейцев в своем сочинении «Путешествие в восточные страны» отождествил жителей Китая с «серами», известными из трудов древнегреческих географов. Он же впервые сообщил и о Великой китайской стене, и о хождении в Китае бумажных денег, а кроме того, Рубрук оставил подробное и, очевидно, достоверное описание города Каракорум. Известно, что он отличался широким научным кругозором, что подтверждается фактом его общения со своим сверстником (также францисканским монахом), ученым из города Оксфорда, Роджером Бэконом.

Гильом Рубрук достаточно подробно пишет о христианах-несториянах, которых он встретил в Монгольской империи, но надежды найти христианскую поддержку здесь могли бы рассеяться уже после знакомства с описанием путешествия Плано Карпини. Тем не менее, последовавший за ним Гильом Рубрук все еще надеялся найти такую поддержку, предполагая, в частности, что сын Батыея Сартак – истинный христианин. Однако он убедился в обратном: «... по смерти Кон-хана

этот несторианец превознес себя в короли, и несториане называли его королем Иоанном, говоря о нем вдесятеро больше, чем согласно было с истиной. Поэтому они распространили и про Сартака, будто он христианин; то же они говорили про Мангу-хана и про Кен-хана, потому что те оказывают христианам больше уважения, чем другим народам; и, однако, на самом деле они не христиане» [3, с. 219]. Очевидно, речь идет о нескольких общинах христиан-несториан на территории Монгольской империи. Далее Гильом Рубрук пишет: «Первая супруга (Мангу-хана. – С. Ж.) по имени Котота Катен с очень многими другими госпожами вошла со своим сыном Балту, и христиане распростерлись на земле, касаясь ее лбом, по обычаю несториан, а после этого дотронулись правой рукой до всех образов» [3, с. 220]. Это свидетельство того, что Мангу-хан действительно покровительствовал христианам-несторианам. Более того, Гильом Рубрук сообщает, что «у сына хана есть наставник, один несторианский священник по имени Давид, который учит его» [3, с. 221]. Далее он пишет, что «когда мы приехали к Мангу-хану, то я увидел далеко перед концом двора, в восточном направлении, дом, на котором был крестик» [3, с. 222]. Армянский монах, которого нашел там Гильом Рубрук, сказал Мангу-хану, что если тот пожелает стать христианином, то весь мир придет в повиновение ему, и что ему будут повиноваться франки и великий папа [3, с. 222]. Рубрук ответил монаху следующее: «Я охотно буду внушать ему, чтобы он стал христианином, ибо я прибыл ради того, чтобы всем это проповедовать. Я буду обещать ему также, что франки и папа сильно обрадуются, и будут считать его братом и другом» [3, с. 254]. Как следует из этого сообщения, целью миссии Гильома Рубрука было выяснение возможности заключения союза с монголами посредством христиан-несториан.

Следующей целью миссии была совместная борьба с мусульманами на Ближнем Востоке и по всему Средиземноморью. По этому поводу Гильом Рубрук отмечает следующее: «В грамоте Бату, которую он посылал Мангу-хану, будто мы искали войска и помощи от Сартаха против сарацин. Тогда я выразил сильное удивление, т.к. знал, что в вашей грамоте не было об этом никакого упоминания, кроме того, что вы внушали ему быть другом всех христиан» [3, с. 254]. Рубрук высказывает предположение, что подобного рода сведения могли исходить из Армении. Об этом он пишет следующее: «... так как толмачами были армяне из Великой Армении, сильно ненавидевшие сарацин, я опасался, как бы они случайно не перевели по своему усмотрению чего-нибудь нарочно с целью вызвать ненависть и затруднения против сарацин» [3, с. 251].

В своем сочинении «Путешествие в восточные страны» Гильом Рубрук пишет также и о происхождении Чингиса и татар. Рубрук пересказывает легенду о царствовании священника Иоанна и связывает ее с происхождением татар. Так, он сообщает следующее: «За пастбищами священника Иоанна были пастбища моалов (монголов. – С. Ж.), а рядом с моалами были бедняки по имени тартары. В то время в народе моалов был некий ремесленник Чингис, который выступил против Унк-хана, приемника царя Иоанна... Тогда Чингис обратился к татарам и моалам: “Так как у нас нет вождя, наши соседи теснят нас”. И татары и моалы сделали его вождем и главою» [3, с. 238]. Таким образом, Гильом Рубрук указывает, что Чингис-хан был выходцем из народа моалов, впоследствии он объединил моалов и татар и стал у них вождем. Более того, в сообщении Рубрука ничего не сказано о противостоянии татар и монголов. Однако в этом же описании содержится интересная деталь: «Унк-хан тогда собрал войско и поехал в землю моалов, ища самого Чингиса, а тот убежал к татарам и там спрятался». В этом эпизоде, вероятно, описана борьба Чингисхана с племенем меркитов. Подобного характера сведения содержатся в «Сокровенном сказании»: «...меркиты шли по его следу по таким болотам, по такой чаше, что сытому не проползти. Однако изловить его все же не смогли» [1, с. 18].

Гильом Рубрук, как и Плано Карпини, земли, подвластные монголам именует Команией: «А когда пришли татары в эту землю, команы бежали к берегу моря» [3, с. 238]. Можно даже утверждать, что произошла смена кочевых элит: то, что раньше принадлежало кипчакским ханам, теперь находилось в распоряжении монгольских ханов и царевичей. Кочевая орда Бату-хана совершала сезонные перемещения вдоль восточного берега Волги, а вдоль западного берега кочевала орда Сартака, сына Бату-хана. Другие члены рода Джучи кочевали со своими ордами вдоль Дона и Яика. Рубрук по этому поводу пишет следующее: «...они поделили между собою всю Скифию, которая тянется от Дуная до восхода солнца; и всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своею властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью. Именно зимою они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север в более холодные» [3, с. 241].

Что же касается термина «орда», то Гильом Рубрук употребляет его в смысле «кочевая ставка». Так, он пишет следующее: «Когда я увидел двор Баату, то содрогнулся, потому что его собственные дома выглядели как некий большой город, вытянутый в длину и окруженный со всех

сторон людьми на целых три или четыре левки... Поэтому они называют на своем языке двор словом “орда”, что означает середину» [3, с. 242]. Следует отметить, что первая фраза процитированного фрагмента не сразу понятна. Казалось бы, городом должна была выглядеть вся ставка в целом, а не только «собственные дома» Батия. Разъяснение вносится другой цитатой из его сочинения: «У Баату двадцать шесть жен, у каждой из которых один большой дом. А когда они устанавливают дома, первая жена устанавливает свой двор первым с запада, а затем другие – согласно их положению. Поэтому двор одного богатого моала будет выглядеть как некий большой город» [3, с. 242].

Рассказывая «об орде Баату», Гильом Рубрук описывает жилище монголов: «Дом они ставят на колесах из плетеных прутьев; бревнами же служат прутья, сходящиеся к верху в виде маленького колеса» [3, с. 279]. Очевидно, что францисканец описал так называемую неразборную юрту, которая перевозилась на специальных платформах. Причем далее Гильом Рубрук замечает, что «однажды вымерил ширину между следами колес одной повозки в 20 футов... И когда они снимают свои дома для остановки, они всегда поворачивают ворота к югу и последовательно размещают повозки с сундуками с той и другой стороны вблизи дома» [3, с. 279]. Описывая кочевой быт монголов, Рубрук рассказывает и о городе Каракоруме: «В городе Каракоруме имеются два квартала: один сарацин, другой квартал катаев. Вне этих кварталов находятся большие дворцы, принадлежащие придворным секретарям. Там находятся двенадцать кумирен различных народов, две мечети, в которых провозглашают закон Магомета, и одна христианская церковь на краю города» [3, с. 230]. Следует еще раз подчеркнуть, что Гильом Рубрук единственный из всех европейских путешественников представил столь подробное описание Каракорума.

Внешний вид монголов Рубрук миссионер восстанавливает так: «Мужчины выбривают себе на макушке головы четырехугольник, и с передних углов ведут бритые макушки головы до висков. В углах затылка они оставляют волосы, из которых делают косы, которые заплетают, завязывая узлом до ушей. Платья девушек не отличаются от платья мужчин» [3, с. 230]. Далее миссионер сообщает: «...кроме того, они носят украшения на голове, именуемое бока, устраиваемое из древесной коры. Эту боку они покрывают драгоценной шелковой тканью» [3, с. 214]. В последнем цитируемом отрывке речь идет не о женском головном уборе, а об имперской униформе. То же самое можно утверждать и об описываемой им мужской прическе. Знакомит Гильом Рубрук

и с одеждой монголов. Он пишет: «И зимою они всегда делают по меньшей мере две шубы... Эти шубы по большей части сшиты из шкур волчьих и лисьих. Бедные приготавливают верхние шубы из шкур собачьих или козьих. Богатые шелковыми охлопками, которые весьма легки, мягки и теплы» [3, с. 214]. Далее он пишет об их напитках и пище: «Зимою они делают превосходный напиток из риса, проса, ячменя и меду, чистый как вино, а вино им привозится из отдаленных стран. Летом они заботятся только о кумысе»; «летом, пока у них тянется кумыс, они не заботятся о другой пище. Зимой едят сушеное мясо» [3, с. 214].

Как и Иоанн де Плано Карпини, Гильом Рубрук рассказывает об идолопоклонстве татар. В отличие от Плано Карпини, который описывает монголов язычниками, Гильом Рубрук считает их буддистами: «... точно также все жрецы их бреют голову и бороду; одеяние их желтого цвета. <...> Отсюда, когда я в Каракоруме вошел в один храм их и застал их там сидящими, я на разные лады пробовал вызвать их на разговор и никоим образом не мог» [3, с. 221]. Речь в описании, вероятно, шла о буддийском монастыре. Далее следует свидетельство идолопоклонства монголов: «Жрецы их указывают наперед дни счастливые и несчастные для производства всех дел; отсюда татары никогда не собирают войска и не начинают войны без их решительного слова; они давно вернулись бы в Венгрию, но прорицатели не позволяют этого» [3, с. 251]. Далее он сообщает сведения, также встречаемые у Плано Карпини: «Они переправляют между огнями все посылаемое ко двору и имеют от этого надлежащую долю» [3, с. 251]. Очевидно, что здесь имеется в виду монгольский обряд очищения огнем посольских даров. И в русских летописях содержатся свидетельства о том, что князья предварительно должны были кланяться огню; поздними переписчиками летописей очистительный обряд мыслился как начало придворных церемоний поклонения хану. Далее Гильом Рубрук пишет: «Они очищают также всякую утварь усопших, проводя ее через огонь. Именно, когда кто-нибудь умирает, все принадлежавшее ему отделяется и не смешивается с другими вещами двора, пока все не будет очищено огнем» [3, с. 251].

Гильом Рубрук пишет о тех народах, которые он встретил на территории Монгольской империи: «Я спросил также о городе Талас, в котором были немцы, рабы Бури, про которых говорил брат Андрей и про которых я также много спрашивал при дворе Сартаха и Бату» [3, с. 282]. Попутно он сообщает о конфликте между Бату и Бури: «Тогда Бату написал его людям, чтобы они привели к нему господина их связанным, что те и сделали. И затем приказал отрубить ему голову» [3, с. 282]. Следует

отметить, что сведения францисканца подтверждает «Сокровенное сказание». Однако известно, что при казни князей ханского рода монголы соблюдали обычай не проливать крови. Поэтому вряд ли Бури отрубили голову, как описывает Рубрук. Своих князей монголы убивали иначе: закатывали в войлок и топили.

Обратим внимание на описание им встречи с лотарингской женщиной: «... нас нашла одна женщина из Метца в Лотарингии по имени Пакетта, взятая в плен в Венгрии. Она принадлежала ко двору той госпожи, которая была христианкой» [3, с. 291]. Рубрук далее пишет: «Эта женщина рассказала нам, что в Каракоруме живет золотых дел мастер родом из Парижа, по имени Вильгельм. Фамилия его Бушье, а имя отца его Лоран Бушье» [3, с. 295]. Очевидно, он имел в виду парижанина Гийома Буше, который жил в Каракоруме и выполнял там ряд художественных работ по украшению дворца Менгу-хана. Так, например, сам Гильом Рубрук описывает серебряный фонтан, находившийся при дворе Менгу-хана: «При входе в него мастер Вильгельм парижский сделал для хана большое серебряное дерево, у корней которого находились четыре серебряных льва» [3, с. 296].

Следует также отметить, что Гильом Рубрук, как и Иоанн де Плано Карпини, упоминает о так называемых водных монголах или «су-моал»: «Там жили народы по имени су-моал, то есть моалы вод, ибо “су” значит “вода”. Они живут рыбной ловлей и охотой, не имея никаких стад, ни крупных, ни мелких» [3, с. 293]. В отличие от Плано Карпини, Гильом Рубрук упоминает о су-монголах в связи с описанием земель, лежащих в окрестностях ханского дворца. Более того, далее он пишет, что к северу также нет ни одного города, а живет народ, разводящий скот, по имени керкисы [3, с. 294]. Очевидно, что Рубрук имеет в виду киргизов. Далее он сообщает: «Живут там также оренгаи, которые подвязывают себе под ноги отполированные кости и двигаются на них по замерзшему снегу... На западе соприкасаются с землею паскатири» [3, с. 293]. Под названием «оренгаи» имеются в виду урянкат. Следует отметить, что Гильом Рубрук упоминает лесных урянкат. Что касается так называемой «земли паскатири» у миссионера, то под этим термином следует понимать Великую Венгрию. Ценны его свидетельства и о других живущих там народах: «...к северу находятся огромные леса, в которых живут два рода людей, именно моксель, не имеющие никакого закона, чистые язычники» [3, с. 279]. Очевидно, что описанная им народность моксель это современная народность мокша финско-мордовского происхождения. В сочинении «Путешествие в восточные страны» Гийома Рубрука

имеется упоминание и об аланах: «Накануне Пятидесятницы пришли к нам некие аланы, которые именуются там асс, христиане по греческому обряду, имеющие греческие письмены и греческих священников. Однако они схизматики, подобно грекам, но чтут всякого христианина без различия лиц» [3, с. 279]. Очевидно, что францисканец описывает аланов, при этом замечая, что название «асс» является их самоназванием. О том, что Гильом Рубрук встретил русских и венгров, свидетельствует следующий фрагмент из его сочинения: «Спрашивали также они и многие другие христиане, русские и венгры, могут ли они спастись, потому, что им приходилось пить кумыс и есть мясо животных» [3, с. 282].

В своем сочинении Гильом Рубрук пишет о происхождении титула «хан». Возможно, об этом он упоминал в частной беседе с Роджером Бэконом. Брат Роджер Бэкон, в свою очередь, со ссылкой на книгу Гильома Рубрука, путая термины «хан» и «кам» (шаман), пишет: «Хам – титул и означает то же, что и прорицатель. Ведь предводители там управляют народом с помощью прорицаний и наук, которые сообщают людям о будущем... И все татарские властители называются «хам», как у нас они именуются императорами и королями» [2, с. 312]. Как видно из сообщения, Роджер Бэкон, как и Гильом Рубрук ошибочно представляли себе происхождение титула «хан».

В сочинении Гильома Рубрука содержатся также сведения и о дипломатическом церемониале при дворе хана Бату: «... наш проводник внушил нам, чтобы мы ничего не говорили, пока не прикажет Бату, а тогда говорили бы кратко. <...> Мы получили внушение не касаться веревок палатки, которые они рассматривали как порог дома. Мы стояли там в нашем одеянии, босиком, с непокрытыми головами... <...> Тогда Бату сделал знак преклонить оба колена, что я и сделал, не желая спорить из-за этого» [3, с. 294]. В данном случае следует подчеркнуть, что монгольский церемониальный жест – преклонение на оба колена – есть знак покорности и повиновения монгольскому правителю как божеству. Рубрук отмечает особое расположение монголов в палатке Бату-хана: «Бату сидел на длинном троне; рядом с Бату сидела одна госпожа. Мужчины же сидели направо и налево от госпожи; то чего женщины не могли заполнить на своей стороне» [3, с. 295]. Это сообщение Гильома Рубрука свидетельствует о том, что францисканец воспринимался вне социальной структуры Монгольской империи.

Описание путешествий в Монгольскую империю и город Каракорум в 1253–1255 гг. Гильом Рубрук составил в виде отчета французскому королю Людовику IX. «Путешествие в восточные страны» – ценный ис-

точник по истории монголов, а также географии и истории завоеванных ими земель. Путешествие Рубрука предоставило новые для своего времени сведения, а его наблюдательность позволила заметить множество деталей и подробностей из повседневной жизни монголов XIII века. Сочинение Гильома Рубрука занимает одно из первых мест среди источников, описывающих Азию в XIII в.

Список литературы

1. Козин, С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. / С. А. Козин. – М., Л.: АН СССР, 1941. – 611 с.
2. Матузова, В. И. Английские средневековые источники IX–XIII вв. / В. И. Матузова – М.: Наука, 1979. – 308 с.
3. Плано Карпини. История монголов. Гийом Рубрук. Путешествие в восточные страны / пер. И. М. Минаев. – М.: Наука, 1997. – 287 с.

ОБРЯД ВАССАЛЬНОЙ ПРИСЯГИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

В основе сюзеренитета-вассалитета, системообразующего средневекового института, лежали служебные отношения, построенные на иерархии и базирующиеся на лично-договорной основе. На Западе исходным их элементом была публичная церемония заключения предполагаемыми сеньором и вассалом договора (разновидность commendации, лат.: *commendatio* – передача себя под покровительство, *commendare* – поручать, вверять). Она включала три категории символических элементов: слово, жест, предмет. Варьируясь в зависимости от времени, региона и ранга сторон ритуал приобрел более или менее законченный вид в XI в. [1, с. 495]. Первый исследователь отношений сюзеренитета-вассалитета на Руси – Н. П. Павлов-Сильванский, разложил обряд (названный им «феодалный договор») на два элемента: оммаж (фр. *hommage* из лат. *homagium*, от *homo* – человек), в рамках которого приносилась клятва верности (лат. *fidelitas*), и инвеституру (лат. *investitura* от *investire* – облачать, облекать) [2, с. 96]. В идеальном варианте церемония состояла из 3 частей: оммаж, клятва верности, инвеститура, но по признанию Ж. Ле Гоффа, «весьма часто совокупность ритуальных действий выражается в одной единственной фразе, во всяком случае объединяются оммаж и клятва верности» [3, с. 222]. Последовательность частей ритуала в разных местах и в разное время отличалась, при этом они переплетались, перетекали друг в друга. Типичным было присутствие в обряде двух присяг: собственно клятвы верности (непосредственно сопряженной с вассальным договором) и церковной (во исполнении).

Отечественные историки не раз высказывались о существовании древнерусского обряда, соответствовавшего оммажу. Н. П. Павлов-Сильванский был уверен, что на Руси и на Западе «служебный вассальный договор» скреплялся сходными ритуалами. С. В. Юшков также считал, что вассалы должны были присягать своему сюзерену, но ограничился предположением, что «соглашение о службе, очевидно, сопровождалось целым рядом юридических и бытовых обрядностей» [4, с. 247]. Л. В. Черепнин был категоричнее: указав на феодальный характер междукняжеских договоров, он прямо написал, что их заключение сопровождалось процедурой оммажа. С ним солидарен А. И. Филюш-

кин, признающий, что древнерусский обряд поступления на службу предполагал оммаж и клятву верности. Допускает существование соответствующих церемониальных действий М. Б. Свердлов. П. С. Стефанович эти мнения не разделяет. Обнаруживаемые параллели с Европой он рассматривает вне контекста отношений сюзеренитета-вассалитета [5, с. 148–209; 6, с. 406].

В статье предпринята попытка доказать существование на Руси публичного акта, устанавливавшего вассальные отношения, сопоставимого с оммажем, и, по возможности, реконструировать составлявшие его ритуальные действия. Восстановление словесной составляющей не входит в задачу исследования. Отдельные замечания высказываются лишь по мере необходимости для усиления аргументации.

На Западе оммаж инициировала коммендация. Не существовало жесткой регламентации, кто из двух участников начинал обряд. Нет полной ясности и в том, кто, что и когда говорил [3, с. 214]. В любом случае, несомненно, что предполагаемый вассал озвучивал желание стать человеком сеньора. Обратившись с соответствующей просьбой, безоружный с обнаженной головой и коленопреклоненный, он вкладывал свои руки в руки будущего господина, который поднимал его, после чего следовал символический поцелуй. Кандидат становился «человеком уст и рук сеньора» [1, с. 24–25; 3, с. 216–217].

На Руси коммендация называлась «челобитьем» [2, с. 97; 7, с. 60], а само действие и (судя по приводимым далее цитатам) оммаж в целом обозначались словосочетаниями: «бить челом», «ударить челом», и глаголами: «кланяться», «поклониться»¹, позднее – «приказаться». После похода Владимира Мономаха в 6625 (1117) г. на владими́ро-во́лынско-го князя Ярослава Святополчича, тот «покорившуся и *вдарившю челом* перед стрьем (дядей. – *И. П.*) своим Володимером, и наказав его Володимер о всем, веля ему к собе приходити, когда тя позову»². Сев в 6657 (1149) г. в Киеве, Юрий Долгорукий послал в Чернигов за Владимиром Давидовичем, «и приеха Володимир к Гюргеви, и *поклонися* емоу».

¹ Следует иметь в виду их употребление и вне контекста служебных отношений, как правило, в связи с различными обращениями-просьбами.

² Все цитаты воспроизводятся в упрощенной орфографии: вышедшие из употребления буквы заменяются современными, обозначающими тот же звук; отсутствующие буквы (в словах под титлами и выносные) внесены без выделений; заглавные буквы, «Ъ» и «ь» поставлены по правилам современного правописания; буквы старого алфавита, вышедшие из употребления, заменяются современными; кириллические обозначения чисел заменяются арабскими. Пунктуация проставляется в соответствии с действующими нормами.

В 6658 (1150) г. Изяслав Мстиславич приехал к дяде Вячеславу Владимировичу. Войдя в сени, он «поклонися ему. Вячеслав же вста противу Изяславу и целовастася, и седоста оба по месту», после чего Изяслав произнес: «отце³, *кланяю ти ся*: не лзе ми ся с тобою рядити» (здесь, пожалуй, воспроизведено наибольшее число элементов ритуала, зафиксированное источниками; хорошо видно, что словом «кланяться» («поклониться») обозначалось не только собственно действие). В 6662 (1154) г. Вячеслав Владимирович призвал сына Ростислава и, сообщив ему о том, что по причине старости он готов уступить ему власть, предложил сыну формально сохранить прежнюю иерархию: «ты мя имей отцом и честь на мне держи». «Ростислав же то слышав и *поклонися* отцю», произнеся: «Имею тя отцом, господином» [9, стб. 284, 384, 397, 470–471]. В 1478 г. в рамках мероприятий по покорению Новгорода «*били челом* великому князю в службу бояря новгородстии все и дети боарьские, и житии, да *приказався*, вышли от него» [10, с. 321–322].

По предположению Н. П. Павлова-Сильванского, при челобитьи совершался поклон в землю [11, с. 288; 2, с. 101, 502–504; 12, с. 36–37; 13, с. 62]. Галицкая летопись (памятник XIII в.), рассказывая о визите князя Даниила Романовича к Батью, сообщает: «Данилови Романовичю, князю бывшоу великоу, обладавшоу Роускою землею, Кыевом и Володиме-ром, и Галичем со братом си, инеми странами, ныне седить *на коленю* и *холопом*⁴ *называется*, и дани хотят» [9, стб. 807–808]. Миниатюра Радзивилловской летописи [о датировке ее протографа XI – началом XIII в. см.: 15, с. 14, 17–18; 16, с. 14; 17, с. 53–90; 18, с. 250], изображающая вокняжение Всеслава Брючславича в Полоцке (6552 (1044) г.), показывает его сидящим на столе, а перед ним двух людей, один из которых склонился, другой стоит на коленях, положив руки к ногам князя [19, л. 89 об. – в./пр.]. Последний жест примечателен, так как Н. П. Павлов-Сильванский, приводя несколько вариантов оммажа, описанных западными историками, среди них называет и такой, когда, стоя на коленях, человек клал руки под ноги господина [2, с. 503–504]. В 6684 (1176) г. к Михаилу Юрьевичу Владимирскому обратились суздальцы с предложением стола. На сопровождающей летописный текст миниатюре князь показан сидящим в торжественной позе с поднятым мечом, а один из

³ В литературе присутствуют различные мнения по поводу употребления понятий рода-ства [подробнее см.: 8, с. 44–45]. В приводимых примерах термин «отец» несомненно употребляется в значении «господин» и увязан с вассалитетом.

⁴ Употребление термина «холоп» здесь следует трактовать как обозначение зависимого правителя, вассала [14, с. 80–81].

присутствующих стоит на коленях. В тексте сказано, что побывав в Суздале и Ростове, князь «сотвори людем весь наряд и утвердися крестным целованием с ними» [19, л. 221]. Миниатюра изображает вокняжение (князь на троне с поднятым мечом – типичная поза) или осуществление оммажа после интронизации.

Ж. Ле Гофф, изучавший символическую интерпретацию ритуалов западноевропейского вассалитета, поцелуй при оммаже (лат. *osculum*, «поцелуй верности»⁵) связывает с дохристианскими временами, когда так отмечалось вступление в инородную общину (например, через брак) [3, с. 229]. Летописцами фиксируется практика обмена поцелуями между князьями и дружинниками. В 6677 (1169) г. князь Михаил Георгиевич, «целовав брата своего Глеба и всю дружину братнюю», выступил в поход на половцев. Когда московского великого князя Дмитрия Ивановича в 1380 г. отыскивали после Куликовской битвы и поведали ему о победе, он «целовав брата своего (двоюродного, удельного серпуховско-боровского князя Владимира Андреевича) и вся оставши его воеводы и воинство, и нача ездити по побоищу» [9, стб. 231; 21, стб. 257, 359; 22, с. 487]. Приведенные примеры не имеют прямого отношения к оммажу, но вполне могут быть увязаны с этикетом сюзеренитета-вассалитета. Бытование «целований» позволяет с большой долей вероятности считать, что *osculum* был частью челобитья.

При оммаже через сплетение рук (лат.: *immixtio manuum*) вассал вверял себя сеньору. Символика руки архаична и выражает среди прочего наставление, защиту, осуждение, власть, высокий статус. В основе лежит жест касания, с которым связано обладание [20, с. 26–28]. В отношениях сеньора и вассала мануальные жесты главным образом означали покровительство, повиновение и власть [3, с. 215–216, 222]. Н. П. Павлов-Сильванский указал на древний обряд «рукобитья» (когда с силой ударяют и крепкожимают правые руки) при заключении сделки, распространенный в ряде стран [2, с. 494–495]. О манипуляциях в древнерусском оммаже, возможно, свидетельствует употребление слова «подручник» и словосочетаний: «дать (дасться) в руки» (антитеза – «приятъ под руку (руки)»), «быть под рукой» и «ходить в руку». На некоторые формулы указал еще Н. П. Павлов-Сильванский, предпола-

⁵ *Osculum* обычно трактуется как символ верности [о других интерпретациях см.: 3, с. 212–213]. Жест имеет глубокие корни и унаследован человеком от далеких предков: по наблюдениям биологов, у приматов причмокивание означает доброжелательность (основу классификации жестов заложил Ч. Дарвин в работе «Выражение эмоций у человека и животных», 1889 г.). [О происхождении поцелуя, функциях и символике см.: 20, с. 50–61].

гавший связь их с челобитьем [2, с. 504]. Признает существование манипуляций М. Б. Свердлов: «Вероятно, существовал особый жест киевского князя, символизировавший установление его верховной власти над подчиненным племенным князем и его племенным княжением». С X в. используются титул «великий князь» и символическое значение руки и стола, они должны были соотноситься с церемониями приведения под руку и посажения на стол [23, 157, 166]. П. С. Стефанович находит выражение «идти в руку» в эпосе викингов, считая его стереотипным при вступлении в дружину [24, с. 408–409, сн. 34].

По-видимому, истоки обрядности восходили еще к доисторическим временам, когда начали возникать потестарные структуры вождистского типа. Русские послы, заключавшие мир с греками в 6420 (912) г., заявили, что они посланы от великого князя русского Олега и от всех «иже *соуть под роукою* его светлых и великих князь (так. – *И. П.*) и его великих бояр» [9, стб. 24; 21, стб. 33]. Н. А. Лавровский убедительно доказал, что здесь имеет место перевод греческого выражения. Им отмечено, что понятие *руки* в византийской традиции увязывалось с властью: ее приобретением, подчинением, покорением [25, с. 96–101]. П. С. Стефанович, в отличие от других историков, не видит здесь присутствия вассалитета и вместе с тем допускает, что Русь X в. могла быть объединением «ярлов» «под рукою» киевского «конунга» с особым статусом [23, с. 159–160; 24, с. 389–390, 438, 439; 26, с. 61; 27, с. 164]. Очевидно, что приведенная фраза призвана указать на отношения господства-подчинения, хотя трактовать их как вассальные при отсутствии дополнительной информации было бы излишне смело. Вместе с тем, есть и другие примеры употребления летописцами выражений с термином «рука», вполне увязываемые с вассалитетом. В Софийской первой летописи дружинники, побуждая Бориса Владимировича занять киевский стол после смерти отца (1015 г.), напомнили ему о своем подчинении: «Се бо вои вси *в руку твою суть*» [28, с. 116]. Наряду с Новгородской четвертой через новгородский владычный свод Софийская первая летопись восходит к своду митрополита Фотия 1418 г. [29, с. 6–11]. В Новгородской четвертой в этом месте читается ранний текст: «се дружина оу тебе отня и вои» [9, стб. 118; 21, стб. 132]. Таким образом, текст Софийской летописи следует считать поздним, передающим представления XV в. В 6605 (1097) г. Давид Святославич, оправдываясь за свои неблагоприятные поступки, объяснил их тем, что он должен был их совершать, выполняя вассальные обязанности («неволя ми было... *ходяче в руку*»). В том же году Давид Игоревич, комментируя неповиновение Василия

(Василька) Ростиславича Святополку Изяславичу, обвинил его в игнорировании вассальных обязанностей, сказав последнему: «Видиши ли, не помнить тебе, *ходя в руку твою*». В 6641 (1133) г. перед смертью Мстислав Владимирович, оставляя княжение брату Ярополку, «ему же и дети свои с Богом *на руке* предать». При этом был заключен договор, обязывавший Ярополка отдать переяславский стол сыну Мстислава, что свидетельствует о вассальном характере отношений князей. Когда Андрей Боголюбский в 6682 (1174) г. направил посла к Ростиславичам с распоряжениями, один из них (Мстислав) возмутился, заявив, что они его «до сих мест акы отца имели», он же «с сьякими речьми прислал не акы къ князю, но акы *к подручнику и просту человеку*». Определение «подручник» здесь сопряжено с упоминанием рядового вассала. Можно предположить, что при челобитьи вассалов-князей и нетитулованных вассалов применялись разные жесты (возможно, для князей позволяющее подчеркнуть достоинство *immixtio manuum* – рукопожатие, а для рядовых слуг – положение руки на плечо). К сожалению, других материалов, подтверждающих это предположение нет. Источники, скорее его опровергают. Летописец вложил в уста Мстислава Данииловича (6796 (1288) г.) следующие слова: «Данило король (Даниил Романович Галицкий), оже мя еси *приял под свои руке*, а что ми велишь, а я рад, господине, тебе слоушаю». Сообщение о поездке после смерти Ивана Калиты (1340 г.) князей в Орду, Вологодско-Пермская летопись сопровождает записью о том, что русские князья были даны «*в руке*» его преемнику Семену Ивановичу (в Воскресенской – «*под руке*») [9, стб. 232, 241, 294, 573, 912; 21, стб. 33–34, 267, 442; 30, с. 206; 31, с. 114].

Архаичность жестов с участием рук проявляется в сходстве ритуала челобитьи с обрядами, бытовавшими в народной среде. У славян при приведении невесты в дом жениха ее передавали «из рук в руки». У германцев фиксируется использование в брачной церемонии меча, как символа власти (у славян – плетка) и коленопреклонение, означавшее вступление под власть [32, с. 47–51]. Ритуальные действия при челобитьи, несомненно, опирались на древнюю традицию, но определить на какую (славянскую или иноземную, учитывая происхождение правящей династии и интернациональность связей варягов с возможными заимствованиями) затруднительно.

Обязательной и важнейшей частью церемонии была присяга, в рамках которой происходило клятвозаверение вассала в преданности сеньору (*fidelitas*). Теоретическое обоснование института впервые в отечественной историографии сделано П. С. Стефановичем, отказывающимся при-

знать его присутствие на Руси [5, с. 164–170; 6, с. 392–393]. В источниках клятвы упоминаются довольно часто. Крайне редки, но все-таки встречаются случаи, которые можно увязать с *fidelitas*. Нет полной ясности с известием статьи за 6641 (1133) г. Ипатьевской летописи, сообщающей, что севший в Киеве Ярополк Владимирович, решив посадить в Переяславле племянника Изяслава Мстиславича, послал за ним в Полоцк, и его «приведе и с клятвою». Прозрачнее текст за 6796 (1288) г. Посол Юрия Львовича Галицкого от имени своего князя обратился к Владимиру Васильевичу (Васильковичу) Волынскому со словами: «*Господине, строю (дядя. – И. П.) мой, Бог ведает и ты, како ти есмь слоужил со всею правдою своею...*» [9, стб. 294–5, 911]. Судя по контексту и словосочетанию «своя правда» здесь речь идет о клятве верности [о значениях слова правда см.: 33, с. 96–99]. Знакомство с *fidelitas* русских князей показывают их договоры с литовскими великими князьями. Среди статей, завершающих договор Бориса Александровича Тверского с Витовтом (1427 г.), присутствует следующая: «А на сем на всем яз, князь велики Борис Александрович, дал есмь правду своему господину, деду, великому князю Витовту, и крест целовал к нему» [34, № 23, с. 63]. В договоре Витовта с рязанским великим князем Иваном Федоровичем (около 1430 г.), в противне, составленном от имени последнего, записано: «Господину, осподарю моему... Витовтоу, се яз... добил есми челом, дался есми ему на слоужбу..., и Витовт принял меня... на слоужбу... Слоужити ми ему верно, безхитростно» (см. также современный договор с пронским князем Иваном Владимировичем и договор 1442 г. Федора Львовича Новосильского и Одоевского с Казимиром) [34, № 25, с. 68; № 26, 39]. В договоре 1442 г. Федора Львовича Новосильского и Одоевского с Казимиром Ягеллоном, выступающим в статусе литовского великого князя, от лица Федора Львовича записано: «Бил есми челом великому князю Казимиру королевичу, иж бы мене прынял у службу, и велики князь Казимир королевич, по моему чолобитью, мене жаловал, прынял мя в службу... А мне ему служити вернее, без всякое хитрости, и во всем послушному бытии». В случае смерти князя зафиксированный порядок отношений распространялся и на наследников: «А толко хто не всхочет правды дати и грамоты своее таковы ж не всхочет дати, а потому же их (Казимир. – И. П.) не всхочет держати, ино снять целованье долов (долой. – И. П.), а нам воля» (см. также похожий текст в договоре 1459 г. Казимира с новосильскими и одоевскими князьями Иваном Юрьевичей, Федором и Василием Михайловичами, где они названы «слугами» Казимира и обязуются служить верно) [34, № 39, с. 118; № 60, с. 193].

Сохранились развернутые тексты присяг русских князей XIV–XVI вв. Самые ранние дошли в договорах московских великих и удельных князей как их составная часть. Из дошедших договоров первый – Семена Гордого с братьями (историками предложены несколько датировок, укладывающихся в период 1340–1351 гг.), последний – Василия III с Юрием Ивановичем Дмитровским (1531 г.) [34, № 2, 101. Датировку см.: 35, с. 20–25; 36, с. 279–280; 37, с. 843–847; 38, с. 101–175]. Первый из сохранившихся договоров со служилым князем (князем-вассалом не членом московской династии), содержащий текст присяги, заключен в конце 1440-х гг. между Василием II и Иваном Васильевичем Горбатым из суздальского дома [34, № 52; 39, с. 185–187]. Более раннее косвенное свидетельство о присягах московскому великому князю служилых князей содержит московско-тверской договор 1399 г., в котором Василий I упоминает о них сопровождая словами: «кого ми Бог поручил...» [34, № 15, с. 42. Датировку см.: 39, с. 178–179; 40, с. 293. Статья сохранена и в последующих московско-тверских договорах: 34, № 59, с. 188, 191; № 63, с. 204, 207; № 79, с. 298, 300]. Видеть здесь отсыл к *fidelitas* позволяют следующие летописные примеры. Ранее упоминалось, что в 6641 (1133) г. перед смертью Мстислав Владимирович, оставляя княжение брату, «ему же и дети свои с Богом на руце предасть», по-видимому, сопроводив вверение детей процедурой, включавшей и апелляцию к богу. В 6656 (1148) г. сын Юрия Долгорукого Ростислав, рассорившись с отцом, пришел к Изяславу Мстиславичу Киевскому и «поклонился». Летописец приписывает ему слова, обращенные к Изяславу: «*нарек Бога и тебе*». С. М. Соловьев, перевел это место как: «поручивши себя Богу да тебе» [9, стб. 366–367; 41, с. 441]. Можно согласиться с такой интерпретацией, приложимой и к первому примеру («кого ми Бог поручил...»): похоже, летописец пересказал ритуальную фразу. Юрий Львович Галицкий, жалуясь в 6796 (1288) г. Владимиру Васильевичу Волынскому на притеснения отца, отобравшего у него города, через посла попросил дать ему Берестье, предварив просьбу словами: «Бью челом Богу и тебе» [9, стб. 911]. Рассказывая о событиях 1231 г. в Галиче, летописец пишет, что отроки Даниила Романовича, уверяя его в преданности, заявили: «Верни есмы Богу и тебе, господину нашему» [9, стб. 763]. П. С. Стефанович, отмечая употребление формул с упоминанием бога, указывает на сходство с западной практикой, но связывает явление не с вассальными, а властными отношениями. Под влиянием античного дискурса и христианской теории богоустановленности власти средневековыми идеологами создавался и культивировал-

ся своего рода «этос правителя» (комплекс идей и этических норм, требующих верности и повиновения правителю). В частности, следствием этого было сложение и распространение формулы *«fideles Dei et regi»* («верные Богу и королю»), выражавшей связь верности Богу и установленной им императорской власти. В этой связи употребление на Руси формул с упоминанием бога П.С. Стефанович считает только результатом «аналогичных процессов роста государства и политического применения христианских идей» [6, с. 405–406, 410]. Приведенные примеры несомненно связаны со служебными отношениями. В двух случаях речь идет об обязанности господина покровительствовать вассалу, в последнем случае отроки прямо называют Даниила Романовича господином. Упоминание бога в этих примерах и двух остальных, когда инициируются сеньориально-вассальные отношения, связано с тем, что бог выступает свидетелем и гарантом исполнения договора.

Для нетитулованных лиц (по меньшей мере, для служилой верхушки) первое упоминание о заключении договора связано с выехавшими в Москву тремя татарами из «двора царева». Приехав осенью 1393 г. к Василию I, они «в ряд рядишася и биша ему челом, хотяще служити». Отсутствие актов (и известий о них), оформлявших служебные отношения князей с нетитулованными вассалами, ведет к выводу о неизбежном существовании установленной публичной церемонии, заменявшей письменное соглашение: иного способа их зафиксировать просто нет. Самый ранний задокументированный текст боярской присяги содержит формуляр укрепленной грамоты («Грамота жаловалная князя великого к его боярам о их вине», предположительно 40-х гг. XV в., первый дошедший акт этого вида составлен в 1474 г.) [5, с. 170–182; 42, № 46; 43, с. 432–435], но отдельные употребленные формулы фиксируются в летописях начиная со статей, посвященных событиям X в., что свидетельствует об их ритуальном произнесении задолго до фиксации в актах.

Частью церемонии был обет, который давался обеими сторонами в знак нерушимости договора. С утверждением христианства получила распространение клятва с использованием священного предмета: евангелия, мощей, креста. На Руси утвердилось крестоцелование [5, с. 164–170]⁶, прибегали и к целованию икон [9, стб. 395]. Эта часть обряда воспроизводится на миниатюрах Радзивилловской летописи [19, л. 237 об. – в.: целование Рюрика Ростиславича Киевского и чернигов-

⁶ Летописи нередко упоминают о крестоцеловании как князей, так и служилых людей. Разумеется, не все случаи в силу того, что крестоцелование не клятва верности, а клятва во исполнение, имеют отношение к оммажу.

ских князей Ольговичей Роману Мстиславичу Галицко-Волынскому; л. 244: Рюрика Ростиславича Всеволоду Юрьевичу Владимирскому]. По-видимому, необязательным в силу древности обряда поступления на службу, но практикуемым и со временем все более желательным было благословение духовного лица. Самое раннее свидетельство: миниатюра Радзивилловской летописи, изображающая крестоцелование князей 6683/1175 г. Михаила и Всеволода Юрьевичей, Ярополка и Мстислава Ростиславичей на признание старшинства Михаила в присутствии черниговского епископа [19, л. 217 об. – в.].

Оформление вассалитета, как правило, подразумевало личное участие сторон. Ж. Дюби дает этому следующее объяснение. Условия жизни в раннее средневековье были таковы, что «на подчинение может рассчитывать лишь такой вождь, которого можно увидеть, услышать, осязать, с которым можно разделить стол и кров..., чей щит рядом, кто охраняет и защищает» [44, с. 17–18]. Важность личного присутствия при оформлении вассалитета русскими источниками отражена только материалами XVI в. В 1514 г. смоленские князь и бояре после взятия Смоленска войском Василия III пришли к «великому государю челом ударити и *очи его видети*, да туто и приказалися великому государю, и крестъ целовали» [45, с. 19]. Выразителен пример, связанный с событиями 1553 г. Заболевший Иван IV в ожидании смерти приказал привести князя Владимира Старицкого и ближних бояр «к целованию на царевичево княже-Дмитреево имя». На другой день он распорядился принять присягу у остальных бояр в передней избе по причине того, что ему «при собе их приводити к целованию истомно... И боярин князь Иван Михайлович Шюйской учал противу государевых речей говорить, *что им не перед государем целовати не мочно: перед кем им целовати, коли государя тут нет?*» [45, с. 524]. Даже на излете эпохи вассалитета личное участие в оформлении отношений считалось нормой, нарушение которой могло стать поводом, для отказа присягать. При особых обстоятельствах все-таки происходило заочное оформление вассалитета. Владимир Святославич в 6488 (980) г., склоняя на свою сторону воеводу брата Блуда, заручился согласием воеводы, признать его господином через посла [21, стб. 76]. В 6672 (1164) г., после смерти черниговского князя Святослава Олеговича его вдова с епископом и княжескими мужами «передними» сначала целовали крест на том, что не будут посылать к племяннику умершего князя Святославу Всеволодовичу, а затем целовали крест о признании своим князем его сына Олега. Епископ, принявший сторону племянника, отправил к нему послание с сообщением о смерти дяди и

призвал Святослава поспешить с приездом, предупреждая, что уже послали за Олегом, и что он еще не приехал, но мужи покойного князя уже «по своей воли взмешь ряд с ним» [9, стб. 522–523].

Вступлению в сеньориально-вассальные отношения могла предшествовать предварительная договоренность через посредника по инициативе одной из сторон. Владимир Святославич сделал предложение Блуду через своего посланника, в уста которого летописец вложил ритуальную фразу от имени князя («Имети тя хочю во отца место, и многу честь возьмешь от мене»). Соответственно формализованным был и переданный ответ Блуда: «Буду тебе в сердце и в приязньство» [5, с. 170–182].

Итак, древнерусские источники позволяют утверждать, что на Руси в период бытования служебных отношений по типу вассальных практиковался оформлявший их обряд, сопоставимый с оммажем. Впрочем, иного быть и не могло. В традиционном обществе, с его идеологией незыблемости общественного порядка (свойственной и христианскому миропониманию), когда чин [46, с. 343–345] пронизывал все сколько-нибудь значимые сферы общественной деятельности, установление отношений, лежащих в основе взаимодействия членов господствующего класса, не могло не быть упорядоченным. На Руси ритуал сложился к XII в. Скучность информации позволяет только предполагать существование различий в церемонии для князей, знати и рядовых слуг. Можно также думать, что на протяжении столь длительного времени в ней происходили изменения.

Список литературы

1. Арнаутова, Ю. Е. Инвеститура / Ю. Е. Арнаутова // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия». – Т. 22. – 2009. – С. 495–505.
2. Павлов-Сильванский, Н. П. Феодализм в России / Н. П. Павлов-Сильванский. – М.: Наука, 1988. – 472 с.
3. Ле Гофф, Ж. Другое средневековье: Время, труд и культура Запада / Ж. Ле Гофф. – Екатеринбург: Изд. Урал. ун-та, 2000. – 327 с.
4. Юшков, С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства / С. В. Юшков – М.: Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1949. – 546 с.
5. Стефанович, П. С. Князь и бояре: клятва верности и право отъезда / П. С. Стефанович, А. А. Горский, П. В. Лукин // Древняя Русь. Очерки политического и социального строя. – М.: Индрик, 2008. – С. 148–209.
6. Стефанович, П. С. Древнерусские выражения верности дружинников и присяга в сравнительном контексте / П. С. Стефанович // Образы прошлого: Сборник памяти А. Я. Гуревича / сост.: И. Г. Галкова [и др.]. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2011. – С. 392–410

7. Черепнин, Л. В. Из истории древнерусских феодальных отношений XIV–XVI вв. / Л. В. Черепнин // Исторические записки. – Т. 9. – М.: Изд. АН СССР, 1940. – С. 31–80.
8. Лавренченко, М. Л. «Быти всем за один брат». Прагматика терминов родства в диалогах Киевской летописи (1146–1154) / М. Л. Лавренченко // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2014. – № 1 (55). – С. 43–57.
9. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). – Т. 2. – М.: Языки русской культуры, 1998. – С. 1–938.
10. Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. – Т. 25. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 7–396.
11. Сергеевич, В. И. Древности русского права: в 3 т. / В. И. Сергеевич. – Т. 1. – М.: Зерцало, 2006. – 524 с.
12. Тихомиров, М. Н. Феодальный порядок на Руси / М. Н. Тихомиров. – М.; Л.: Молодая гвардия, 1930. – 79 с.
13. Пашуто, В. Т. Черты политического строя древней Руси / В. Т. Пашуто // Древнерусское государство и его международное значение / под ред. Л. В. Черепнина. – М.: Наука, 1965. – С. 11–127.
14. Горский, А. А. О происхождении «холопства» московской знати / А. А. Горский // Отечественная история. – 2003. – № 3. – С. 80–83.
15. Арциховский, А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник / А. В. Арциховский. – М.: МГУ, 1944. – 102 с.
16. Рыбаков, Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники / Б. А. Рыбаков. – М.: Наука, 1971. – 296 с.
17. Подобедова, О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания / О. И. Подобедова – М.: Наука, 1965. – 335 с.
18. Лурье, Я. С. Летопись Радзивилловская / Я. С. Лурье // Словарь книжников и книжности Древней Руси: в 3 вып. / Д. С. Лихачев (отв. ред.). – Вып. I (XI – первая половина XIV в.). – Л.: Наука, 1989. – С. 248–251.
19. Радзивилловская летопись. Текст, исследование. Описание миниатюр. – Т. 1. – СПб.; М.: Глагол, 1994. – 415 с.
20. Байбурин, А. К. У истоков этикета / А. К. Байбурин, А. Л. Топорков. – Л.: Наука, 1990. – 168 с.
21. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. – Т. 1. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 1–488.
22. Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. – Т. 4, ч. 1. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 1–632.
23. Свердлов, М. Б. Домонгольская Русь: князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. / М. Б. Свердлов. – СПб.: Академический проект, 2003. – 736 с.
24. Стефанович, П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI вв. / П. С. Стефанович. – М.: Индрик, 2012. – 656 с.
25. Лавровский, Н. О византийском элементе в языке договоров русских с греками / Н. Лавровский. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1853. – 160 с.

26. Пашуто, В. Т. Внешняя политика Древней Руси / В. Т. Пашуто. – М.: Наука, 1968. – 474 с.
27. Сахаров, А. Н. Дипломатия Древней Руси / А. Н. Сахаров. – Л.: Наука, 1980. – 383 с.
28. Софийская первая летопись старшего извода // ПСРЛ. – Т. 6. – Вып. 1. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 1–542.
29. Бобров, А. Г. Из истории летописания первой половины XV в. / А. Г. Бобров // Труды отдела древнерусской литературы РАН / Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). – Т. 46. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. – С. 3–20.
30. Летопись по Воскресенскому списку // ПСРЛ. – Т. 7. – М.: Языки русской культуры, 2001. – С. 1–217.
31. Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. – Т. 26. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2006. – С. 9–373.
32. Шпилевский, С. Семейные власти у древних славян и германцев / С. Шпилевский. – Казань: Унив. тип., 1869. – 400 с.
33. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. редактор Г. А. Богатова. – Вып. 18. – М., 1992. – С. 96–99.
34. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1950. – 586 с.
35. Черепнин, Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков / Л. В. Черепнин. – Ч. 1. – М.; Л.: Изд. АН СССР, 1948. – 472 с.
36. Зимин, А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. / А. А. Зимин // Проблемы источниковедения / А. А. Новосельский (отв. редактор) – Вып. VI. – М.: Изд. АН СССР, 1958. – С. 275–324.
37. Аверьянов, А. К. О степени достоверности «Жития Сергия Радонежского» / А. К. Аверьянов // Герменевтика древнерусской литературы / Д. С. Менделеева (отв. ред.). – Сб. 12. – М.: Знак, 2005. – С. 833–854.
38. Кучкин, В. А. Договор 1348 г. великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном Звенигородским и Андреем Серпуховским / В. А. Кучкин // Средневековая Русь / А. А. Горский (отв. ред.). – Вып. 8. – М.: Индрик, 2009. – С. 101–175.
39. Назаров, В. Д. Служилые князья Северо-Восточной Руси в XV в. / В. Д. Назаров // Русский дипломатарий / А. В. Антонов (отв. ред.). – Вып. 5. – М., 1999. – С. 175–196.
40. Кучкин, В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века: внешнеполитические договоры / В. А. Кучкин. – М.: Древлехранилище, 2003. – 367 с.
41. Соловьев, С. М. История России с древнейших времен / С. М. Соловьев // Сочинения: в 18 кн. – Кн. I. Т. 1–2. – М.: Голос, Колокол–Пресс, 1998. – 752 с.
42. Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века / сост. и подгот. текста А. И. Плигузов; науч. ред. А. В. Кузьмин. – 2-е изд. – Ч. 1. – М., 2008. – № 45.
43. Пономарева, И. Г. Укрепленные грамоты (классификация и хронология) // Материалы XXIV междунар. науч. конф.: «Проблемы дипломатики, кодико-

логии и актовой археографии», Москва 2–3 февраля 2012. – М.: РГГУ, 2012. – С. 432–435.

44. Дюби, Ж. Европа в средние века / Ж. Дюби. – Смоленск: Полиграмма, 1994. – 316 с.

45. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // ПСРЛ. – Т. 13. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 1–544.

46. Черная, Л. А. О понятии «чин» в русской культуре XVII в. / Л. А. Черная // Труды отдела древнерусской литературы / РАН. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). – Т. 47. – СПб., 1993. – С. 343–345.

Мартынюк А. В.

ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКИЕ ЭПИЗОДЫ ПУТЕШЕСТВИЙ ОСВАЛЬДА ФОН ВОЛЬКЕНШТЕЙНА

Тирольский поэт Освальд фон Волькенштейн (*Oswald von Wolkenstein*) принадлежит к числу наиболее известных поэтов позднего Средневековья и является одной из знаковых фигур истории и культуры Австрии [см.: 8, S. 406–408]. Его биография довольно хорошо изучена благодаря работам нескольких поколений литературоведов и историков. Следует отметить грандиозную работу по выявлению, систематизации и публикации документальных сведений о жизни Освальда, которая была проведена австрийским германистом Антоном Швобом и его сотрудниками (в рамках нашей статьи интерес представляет первый том данного издания [4]). Перу А. Швоба принадлежит также и биография Освальда, которая выдержала несколько изданий и может быть названа классической [12]. В изучение проблематики внесла свой вклад и жена А. Швоба, Уте Моника Швоб: по отдельности и в соавторстве они написали более 50 статей, посвященных биографии и произведениям Освальда фон Волькенштейна [наиболее важные статьи были переизданы недавно в их совместном сборнике: 13]. В настоящее время жизнь и творческое наследие тирольского поэта продолжает привлекать внимание исследователей, многие из которых институализировали свою работу в рамках «Общества Освальда фон Волькенштейна» (основано в 1980 г.).

Освальд фон Волькенштейн родился около 1376 г. В возрасте десяти лет он покидает Тироль и вплоть до 1400 г. ведет образ жизни странствующего оруженосца. К этому времени относится период «больших путешествий» Освальда, о которых он будет вспоминать в своих позднейших стихах. На рубеже веков он возвращается домой и активно участвует в политической жизни Тироля, начиная с этого времени его имя все чаще упоминается в документальных источниках. В 1415 г. Освальд фон Волькенштейн поступает на службу к императору Сигизмунду Люксембургскому, выполняет его дипломатические поручения в разных европейских странах, принимает участие в Констанцком соборе 1414–1418 гг. и в походах против гуситов и т.д. Связи с Сигизмундом Освальд поддерживал вплоть до смерти императора в 1437 г. Поэта отнюдь не отличал возвышенный и миролюбивый нрав: его жизнь была полна конфликтами и имущественными спорами с соседями и родственниками (за

это ему благодарны историки, получившие в свое распоряжение многочисленные документальные материалы), политической борьбой с тирольским герцогом Фридрихом IV Габсбургом, которая принесла ему заключение в тюрьму, и т.д. Каждое из этих событий может стать предметом специального изучения, а то и приключенческой повести. Долгая и насыщенная событиями жизнь поэта окончилась 2 августа 1445 г.

В наши задачи не входит рассмотрение поэтического наследия Освальда фон Волькенштейна. Отметим лишь, что он был представителем нового поколения литераторов, привнесших в свои произведения личностное начало и решительно порывающих со средневековой традицией анонимности автора. Свидетельством этого является и замечательная портретная миниатюра, которая украшает одну из рукописей с собранием стихотворений Освальда, созданную по его заказу около 1432 г. (рисунок 1). Собственно, это первое в истории немецкой литературы

Рисунок 1. Портрет Освальда фон Волькенштейна (около 1432 г.)

реалистическое портретное изображение, помещенное автором в свое произведение. Другим известным изображением Освальда является его портрет в образе крестоносца на памятном камне в кафедральном соборе тирольского города Бриксен, которое, как предполагают исследователи, поэт заказал перед своим путешествием в Святую Землю в 1408 г. (рисунок 2). Данные изображения позволяют нам составить хорошее визуальное представление об Освальде и даже проследить динамику развития его образа: от сурового бородатого воина под знаком креста до сознающего свою важность поэта и сановника, с пышными локонами и знаками рыцарских орденов на груди.

В стихах Освальда фон Волькенштейна содержатся многочисленные упоминания стран, которые он посетил во время своих путешествий. К сожалению, содержание этих стихотворений не оправдывает надежд историка. Поэту было важнее перечислить страны, произвести на читателя впечатление их количеством, нежели чем сообщить какие-либо све-

дения о них. Поэтому рассказы о путешествиях в стихах Освальда выглядят как своеобразные «каталоги стран». Трудно удержаться от слова «бахвальство» при перечислении тех языков, которыми, которым якобы владел поэт (здесь и дальше все переводы фрагментов из стихотворений Освальда фон Волькенштейна принадлежат автору; ссылки на произведения поэта даются с дополнительным указанием номера стихотворения и стихотворных строк по классическому изданию К. К. Кляйна):

*franzoisch, mörisch, katlonisch und kastilian,
teutsch, latein, windisch, lampertisch, reuschisch und roman,
die zehen sprach hab ich gebraucht, wenn mir zerran...*

[5, S. 49, стих 18:21–23]

*Французский, мавританский, каталонский и кастильский,
немецкий, латынь, виндский, ломбардский, русский и романский,
на этих десяти языках я говорил, когда попал в нужду...*

Упоминание русского языка приводит нас к восточноевропейской проблематике в творчестве поэта. В произведениях Освальда фон Волькенштейна встречается целая серия упоминаний о его путешествиях по данному региону. Поэт несомненно бывал в разных странах Восточной Европы и неоднократно говорит об этом при перечислении своих путешествий:

*Durch Reussen, Preussen, Eiffenlant,
gen Litto, Liffen, übern strant,
gen Tenmarckh, Sweden, in Prabant,
durch Flandern, Franckreich, Engelant
und Schottenland...*

[5, S. 144, стих 44:7–11]

*Через Руссию, Пруссию, Лифляндию,
в Литву, Ливонию, по берегу моря,
в Данию, Швецию, в Брабант,
через Фландрию, Францию, Англию
и Шотландию...*

Как будет показано ниже, некоторые участки пути могут быть интерпретированы как реальные маршруты, другие скорее подчинены логике стихосложения (например, от Швеции к Брабанту). В рамках данной статьи мы постараемся систематизировать восточноевропейские эпизоды путешествий Освальда фон Волькенштейна и связать их как с фактами его биографии, так и с конкретными историческими событиями.

Изучение творческого наследия и биографии Освальда фон Волькенштейна прошло несколько этапов. Первоначально сообщения о путешествиях в далекие страны воспринимались исследователями с некоторым скепсисом. Однако исследования последних лет (и прежде всего упомянутая выше работа по систематизации сведений о Волькенштейне, предпринятая А. Швобом) показали, что под многие путешествия, упоминаемые поэтом, можно подвести документальное обоснование. Это относится, в частности, к неоднократно упоминаемой в стихах Освальда Пруссии. Пруссия играла особую роль в рыцарской культуре XIV – начала XV века. Многие представители европейской знати отправлялись в это время на помощь Тевтонскому ордену, чтобы принять участие в рейзах (нем. *reysa*: поход, бой, битва) – военных экспедициях на литовских язычников и русских «схизматиков». В изучении данной проблематики классическими являются работы немецкого исследователя Вернера Паравичини [9; 10]. Активное участие в рейзах принимала и австрийская знать, чему нами была посвящена специальная публикация [3]. Таким образом, путешествия Освальда фон Волькенштейна в Пруссию следует рассматривать в историческом контексте «великой эпохи рейз». В нашем распоряжении есть три документальных свидетельства пребывания Освальда фон Волькенштейна в Пруссии и его контактах с Тевтонским орденом. Рассмотрим их в хронологическом порядке [см. также обзорную статью А. Швоба и У. М. Швоб, где учтены связи семьи Волькенштейнов с баллеем Ордена в Тироле: 13, S. 59–75].

В «Мариенбургской книге казначея» (*Marienburger Tresslerbuch*) в период между 26 октября и 22 ноября 1399 г. зафиксирована выплата орденским комтуром Кенигсберга 150 прусских марок некоему «Волькенштейнцу» (*Wolkensteyner*), в котором исследователи небезосновательно видят Освальда [7, S. 36; см. также: 4, S. 19–21]. Не совсем ясен характер этой выплаты: был ли это заем (обычная практика для «гостей», прибывших в Пруссию для войны с язычниками; суммы в 100, 200 или 300 марок характерны для займов, которые брали рыцари среднего достатка [см.: 10, S. 211–218, 220–221]), или же выплата за уже выполненную (военную) службу? Во втором случае можно попытаться оценить характер этой службы, опираясь на данные В. Паравичини, посвятившего логистике и финансированию крестовых походов в Прибалтику значительный раздел своей книги. Жак д'Эш, патриций из Меца, оценил свои расходы на участие в зимней рейзе 1399/1400 г. в 50 прусских марок [10, S. 165]. Графу Жану де Блуа поездка в Пруссию в 1368/1369 г. (один из наиболее хорошо задокументированных походов) стоила значительно

дороже: по 284 прусских марки на «коня», т.е. вооруженного воина своей свиты [10, S. 167]. Между этими крайними полюсами располагаются другие учтенные В. Паравичини расходы на участие в рейзе в Пруссию: 55, 56, 163, 166, 182, 190 марок на одного участника экспедиции [10, S. 173]. В эту сумму входила не только собственно плата воину за службу (в это время около $\frac{1}{2}$ прусской марки в день на «копье» в составе трех человек [10, S. 180]), но и вооружение, снабжение его конем, пропитание и ночлег на протяжении всего похода и т.д. Разумеется, размер расходов сильно зависел от продолжительности экспедиции: так, «дорогой поход» графа де Блуа в 1368/1369 г. продолжался шесть с половиной месяцев, из которых сама рейза в Литву была лишь кратким эпизодом. Все эти выкладки позволяют нам выдвинуть следующее предположение: 150 прусских марок, выданных Освальду фон Волькенштейну осенью 1399 г., могут свидетельствовать о том, что он выполнил перед Орденом полноценную военную службу – «конно, людно и оружно». Такая сумма примерно соответствовала бы выплате за службу «копья» из трех человек на протяжении нескольких месяцев. В каком же военном предприятии мог принять участие Освальд?

Необходимо обратить внимание на время выплаты: летом этого года состоялся поход великого князя литовского Витовта на татар, закончившийся его поражением в битве на реке Ворскле 12 августа 1399 г. Из многочисленных источников известно, что в войске Витовта был и отряд немецких рыцарей (100 «копий» [см.: 9, S. 31, Tab. 3]). Не принимал ли Освальд фон Волькенштейн участие в этом походе Витовта? В этом случае описание его пути «через Пруссию, Литву, Татарию...» (*Gen Preussen, Littwan, Tartarei...* [5, S. 49, стих 18:17]) приобрело бы почти географическую точность. Косвенным аргументом в пользу этого предположения может служить «конвой» выплаты Волькенштейну: непосредственно перед ней идет выплата слугам (*dyner*) из Эльбинга и Бальги, которые «пришли от татар» (*von Tatern qwomen*) и направлялись в Бранденбург, а за ней – выплата Альбрехту Каршову, который совершал поездку по Пруссии с группой литовских бояр (*mit den bayorn von Littouwen im lande umme reit*). Необходимо исправить ошибку комментаторов австрийского издания, превративших этих бояр в «баварцев» [4, S. 19] (благодарю коллегу С. В. Полехова за указание на данное обстоятельство). Впрочем, между Волькенштейном и литовскими боярами стоит прозаическая выплата плотнику в Мемеле, которая снижает значимость этого «татарско-литовского» контекста. Тем не менее, хронологическая близость документально засвидетельствованного пре-

бывания Освальда фон Волькенштейна в Пруссии и битвы на Ворскле позволяет в качестве осторожной гипотезы говорить о его возможном участии в этом сражении. Впрочем, не исключен и иной вариант: если рассматривать 150 марок как заем, то, возможно, Освальд готовился принять участие в зимней рейзе в Жемайтию, которая состоялась в январе-феврале 1400 г. [10, S. 39, Tab. 49].

Второй раз имя Освальда упоминается в письме знатного тирольского рыцаря Экхарда фон Виландерса (*Eckhard von Vilanders*), отправленном из Кенигсберга 13 ноября 1401 г. (год в письме не указан и устанавливается с помощью косвенных данных [4, S. 28–31]). Экхард рассказывает своему корреспонденту, горожанину Бриксена Балтазару Мейсло, об участии в «доброй летней рейзе» и о своем решении остаться в Пруссии и поучаствовать также в зимней рейзе, а потом, возможно, проехать в Ливонию и далее «против русских из Великого Новгорода» (*geg(en) Reißzzen zu groß Naugart*). Упомянутые в письме летнюю и зимнюю рейзы можно отождествить, по мнению А. Швоба, с походами в сентябре 1401 г. и феврале 1402 г. соответственно [4, S. 29–30; см. также: 10, S. 39–40, Tab. 49]. Для этих целей Экхарду понадобились деньги, которые он занял у орденских властей в Кенигсберге. Поэтому автор письма просит выплатить эти деньги (400 дукатов, что примерно соответствует 200 прусским маркам) орденскому комтуру в тирольском городе Боцен (Больцано) до дня Святой Троицы в следующем году (май 1402 г.) или в течение 14 дней после него. Эта выплата должна быть произведена «с ведома Освальда Волькенштейна» (*mit des Oßwaldes wolkenstainers wissen*). Подобное условие предполагало, что Освальд будет иметь возможность сообщить властям Ордена о своевременном возвращении долга. Таким образом, данное сообщение показывает связь Освальда фон Волькенштейна с Орденом и его некоторую известность в Пруссии. Вероятно, в выборе кандидатуры Освальда как свидетеля сыграли свою роль и родственные связи, т.к. род Волькенштейнов был ответвлением старого тирольского рода Виландерсов, а Экхард приходился Освальду двоюродным братом.

Третьим свидетельством является запись в «Мариенбургской книге казначея» от 16 ноября 1402 г., согласно которой орденский комтур Мариенбурга оплатил счета Волькенштейна (*Wolkensteyner*) за его пребывание на постоялом дворе – обычная практика по отношению к посланцам, гонцам и иным лицам, прибывшим в орденские владения с официальным поручением [7, S. 193; см. также: 4, S. 59–61]. Хотя здесь, как и в первом документе, Освальд не назван по имени, нет ни-

какого сомнения, что речь идет именно о нем: целая серия документов, выданных его братьями в Тироле в октябре и ноябре 1402 г., говорит об Освальде как отсутствующим в это время в стране [см.: 4, S. 41, 48, 55]. Отсутствие личного имени Освальда в «Мариенбургской книге казначея» говорит о его невысоком социальном статусе и в то же время косвенно указывает на то, что его хорошо знали в Ордене. Вероятно, Освальд фон Волькенштейн в молодые годы неоднократно бывал в Пруссии – участвовал как рядовой воин или оруженосец в военных походах, выполнял функции гонца (об этом он сам говорит в своих стихах: *renner* – гонец [5, S. 48, стих 18:13]) и т. д. Можно согласиться с мнением публикаторов документа, допускающих участие Освальда в зимней рейзе против Литвы, которая состоялась в январе-феврале 1403 г. В этом походе войско крестоносцев воевало и под Гродно (*Garten*) [10, S. 40, Tab. 49], что могло дать основания поэту для упоминания о своем пребывании в «земле русских». В середине мая этого же года Освальд был уже в родном Тироле [4, S. 64].

Счет Освальда за пребывание на постоялом дворе был оплачен 16 ноября 1402 г. Интересно отметить, что несколькими днями раньше точно так же были оплачены счета двух русских гонцов князя Свидригайло, по имени Иван (*Ywan*) и *Rostaw*(?) [7, S. 193]. Разумеется, соседство в документе не означает соседства в реальной жизни, однако какие-то контакты с русскими (*Reussen*) у Освальда были, недаром он упоминает о своем владении русским языком. Возможно, именно Пруссия была местом некоторых таких контактов.

Кроме прямых документальных свидетельств, на участие тирольского поэта в прусских рейзах могут указывать косвенные соображения. В одном из стихотворений Освальд фон Волькенштейн говорит о своих дружеских отношениях с герцогом Брига (в Силезии) [5, S. 56, стих 19:81] и графом Эттингеном [5, S. 56, стих 19:73]. Эти же знакомые поэта Людвиг фон Бриг (*Ludwig II. von Brieg*) и Людвиг фон Эттинген (*Ludwig XI. von Öttingen*) оказываются и венгерском Вишеграде 5 мая 1419 г., когда другой силезский герцог, Пржемысл фон Троппау (*Přemysl I. von Troppau*) выдал Освальду фон Волькенштейну привилегию на изменения в гербе [см. специальную статью А. Швоба, посвященную этому сюжету: 13, S. 259–267]. Получение такого рода привилегии было весьма почетным (она позволяла Освальду и его потомкам «сепарироваться» от других линий рода Волькенштейнов), стоило денег и обычно предполагало некоторые связи между дарителем и получателем привилегии. Случайно ли, что все названные выше высокородные друзья по-

эта имели ярко выраженный «пруссский бэкграунд»? Герцог Людвиг фон Бриг совершил рейзу в Пруссию в марте 1408 г., герцог Пржемысл фон Троппау – в конце ноября – начале декабря того же года [9, S. 32, Tab. 3, S. 33, Anm. 61]. А 18 мая 1419 г., через две недели после выдачи привилегии в Вишеграде, герцог фон Троппау и граф фон Эттинген была направлены императором Сигизмундом в качестве послов к Тевтонскому ордену [4, S. 262]. Следует согласиться с А. Швобом, что связь тирольского поэта с силезскими герцогами могла быть обусловлена их общим участием в крестоносном движении на Балтике [4, S. 261]. Более того, можно выдвинуть предположение, что Освальд фон Волькенштейн принимал участие в каком-то из походов 1408 г. Напомним, что в этом году Освальд заказал изображение себя в образе крестоносца в кафедральном соборе Бриксена (рисунок 2). Традиционно это связывают с его желанием совершить путешествие в Святую Землю. Однако Освальд мог выполнить в 1408 г. свой долг *miles chistianus* в Пруссии. Сохранившиеся в Тироле документы с упоминанием поэта имеют следующие лакуны: с декабря 1407 г. по июль 1408 г., с начала июля по начала декабря этого же года и с декабря 1408 г. по май 1409 г. [13, S. 295]. Эти хронологические рамки не исключают встречу Освальда фон Волькенштейна в Пруссии как с герцогом Людвигом, так и с герцогом Пржемыслом.

Таким образом, есть целая серия прямых и косвенных свидетельств о пребывании Освальда фон Волькенштайна в Пруссии и его возможном участии в военных походах против «язычников и схизматиков». По крайней мере в двух случаях пребывание поэта в Пруссии подтверждается документально. Можно выдвинуть предположение, что таких поездок было больше: ранние годы жизни Освальда, на которые пришлось его «большие путешествия», хуже всего обеспечены документальными источниками. Многие годы спустя поэт (в 1427 г., когда сам был схвачен и посажен в тюрьму своими противниками) сравнивал себя с пленником, захваченным во время рейзы:

*Darnach so ward ich gen Insbruck
ain Preussen vart gen hoff köstlich gefüret,
dem meinem pfärd all über rugk
verborgenlichen niden zü versnüret.*

[5, S. 96, стих 26:51–54]

*После этого меня повезли ко двору в Инсбрук –
как во время похода в Пруссию, торжественно,
на спине моего собственного коня,
крепко привязанного снизу.*

Рисунок 2. Освальд фон Волькенштейн в образе крестоносца (1408 г.)

Данные строки могут рассматриваться как воспоминание поэта о завершении удачной рейзы, когда «гости» Ордена возвращаются в Кеннигсберг из набега на язычников с добычей и пленниками. Любопытен и термин, который при этом использует Освальд: *Preussen vart*. Это не просто «поездка в Пруссию», это сугубо военно-технический термин, означающий участие в крестовом походе.

Приведенные документы (особенно письмо Эххарда фон Виландерса) являются ярким свидетельством продолжения традиции походов против «язычников и схизматиков» и в начале XV века. Крестоносцев не сильно смущал тот факт, что Литва уже в 1387 г. была крещена и вошла в семью христианских народов. Путешественник начала XV в., епископ Султании Иоанн де Галонифонтибус, писал: «Позади них [русских земель. – А. М.] лежит Литва, малая страна, раньше язычники, сейчас же, милостью Христовой, христиане, хотя и не все. Так как об этом всем известно, я пойду далее» (*Lituana retro ipsos parva patria, aliquando pagani, nunc autem gratia Christi Christiani, licet non omnes, ideo transeo quia notum est omnibus*) [2, с. 88]. Интересно отметить, что Галонифонтибус побывал в Пруссии практически одновременно с Освальдом фон Волькенштейном и тоже был отмечен в «Мариенбургской книге казначея»: 7 и 23 января и 23 февраля 1407 г. [7, S. 416–418]. Грюнвальдская битва 1410 г. завершила великую эпоху рейз, а вместе с ней и «большой XIV век» в целом.

С Восточной Европой, на этот раз с южными ее регионами, связан другой эпизод путешествий Освальда фон Волькенштейна. В своих стихах Освальд дважды вспоминает, как он потерпел крушение на Черном море и спасся, удерживаясь несколько дней на винной бочке:

*die swarzen see lert mich ain vas begreifen,
Do mir zerbrach mit ungemach mein wargatein.
ain koufman was ich, doch genas ich und kom hin,
ich und ain Reuss; in dem gestreuss houbgüt, gewin,
das sücht den grund und swam ich zu dem reiffen.*

[5, S. 49, стих 18:28–32]

*Черное море научило меня обнимать бочку,
когда к моему несчастью развалился мой корабль.
Я был купцом, но я спасся и выбрался оттуда,
я и один русский; все мое имущество и прибыль
пошли ко дну, а я выплыл на берег.*

*Darnach über ettlich wochen
got lech mir seinen hüt,
ain schiff ward mir zerbrochen
auff wilden meres flüt,
ich lert ain vas begreifen
mit gutem malvasir,
das zoch mich zu dem reiffen;
verzagt so hett ich schier.*

[5, S. 81–82, стих 23:49–56]

*Через несколько недель после этого
Господь взял меня под свою защиту,
когда развалился мой корабль
в бурных морских волнах,
я успел ухватиться за бочку
с доброй мальвазией,
и она вынесла меня на берег,
хотя я чуть не погиб.*

По мнению А. Швоба, исследовавшего биографию Освальда фон Волькенштейна, в этом описании отразился литературный мотив спасения на бочке, что не отменяет реальности самого события [12, S. 31–33]. Этот биографический эпизод подтверждается изображением, которое Освальд в память о своем спасении установил в кафедральном соборе Бриксена. По-видимому, это была алтарная картина, так как поэт ее «заказал нарисовать» (*malen lassen*). Этот памятник не сохранился до наших дней, но его видел и описал двумя столетиями позже Маркс (Маркус) Зиттих фон Волькенштейн (1563–1620), потомок старшего брата поэта Михаэля, собиравший сведения о тирольских древностях для своей «Хроники Тироля»: «Он был на море в Барбарии (*Barbaria*), когда он потерпел кораблекрушение и три дня держался за бочку с мальвазией, потом он через языческие страны (*durch die Heidenschafft*) вернулся домой, как это видно на изображении в соборе, где он отслужил благодарственную мессу и заказал нарисовать это изображение» [цит. по: 12, S. 31–32]. Маркс Зиттих перенес это событие в абстрактную Барбарю, хотя в стихах самого поэта весьма конкретно говорится о Черном море (*swarzen see*) и о спасшемся вместе с ним «русском» (*Reuss*). Таким образом, несмотря на литературные топосы, нет серьезных оснований сомневаться в реальности этого драматического эпизода.

Когда могло произойти «морское приключение» Освальда фон Волькенштейна? В систематизированных документальных свидетельствах о жизни поэта обращает на себя внимание период с 13 мая 1403 г. до 26 февраля 1404 г., когда он вероятно отсутствовал в Тироле [4, S. 64–67]. Эти даты позволяют поместить морское путешествие Волькенштейна в исторический контекст эпохи. 20 июля 1402 г. в битве при Анкаре Тимур (Тамерлан) разгромил войско турецкого султана Баязида Молниеносного, что привело к снятию блокады Константинополя турками и продлило существование Империи еще на полвека. Таким образом, летняя навигация 1403 г. была благоприятным временем для морского путешествия по Восточному Средиземноморью и Черному морю. Ве-

роятно, именно тогда Освальд посетил многие страны этого региона, о которых он упоминает в своих стихах: Армению, Персию, Татарию, Сирию, Романию (Византию), Турцию и Иберию [5, S. 143–144, стих 44:2–5].

Этот краткий эпизод, который в стихах Освальда служит примером превратности судьбы, не лишен интересных подробностей. Поэт называет тип судна – бригантина (*wargatin*), легкий парусник средиземноморских купцов и разбойников, а также товар – мальвазия. Это вино было не только предметом престижного потребления, но играло также важную роль в церковном обряде причащения и поэтому импортировалась на русские земли. Историки много бы отдали за любую дополнительную информацию о том «русском», вместе с которым Освальд спасся на бочке с мальвазией. Но даже в таком кратком виде сообщение представляет ценность как свидетельство об участии выходцев из восточнославянских земель в торговых операциях на Черном море. Вероятнее всего, Reuss был купцом из Червонной Руси, главный город которой, Львов/Лемберг, переживал в это время период своего подъема. Большое значение Львова и его связь с черноморской торговлей отмечают многие источники конца XIV – начала XV в. На Каталонском атласе 1375 г. Львову посвящена отдельная глосса: «Город Львов (*ciutat de Leo*). Сюда прибывают купцы, которые следуют из Леванта через Немецкое море во Фландрию» [цит. по: 6, S. 31, Taf. IV]. Бургундский рыцарь Жильбер де Ланнуа, посетивший город в 1421 г., отметил роскошный обед, которым его угостили горожане, и наличие там армянской общины [см. новое издание записок Жильбера де Ланнуа в настоящем издании]. Баварец Иоганн Шильтбергер, возвращавшийся через Львов на родину в 1427 г., охарактеризовал его как «главный город в меньшей Белой России» [1, с. 69]. Таким образом, Львов в начале XV в. был ключевым пунктом коммуникаций в этом регионе. Поскольку русские земли (*Reussen*) числятся в «каталоге стран», которые посетил Освальд, не исключено, его путь домой от берегов Черного моря тоже лежал через Львов и земли Червонной Руси. Подобный маршрут мы находим в путешествии другого австрийского рыцаря, Фридриха фон Кройцпеха, проехавшего через этот регион полувеком раньше (в 1348–1349 гг.): Константинополь, Кафа, Татария, Руссия, Мазовия, Польша, Пруссия [11, S. 46].

Можно подвести некоторые итоги. Стихотворения Освальда фон Волькенштейна содержат целую серию сюжетов, имеющих отношение к Восточной Европе. Тирольский поэт продолжил традицию участия знати из австрийских земель в рейзах в Пруссию. Документально фик-

сируются два случая пребывания Освальда фон Волькенштейна в Пруссии (в 1399 и 1402 гг.), но, вероятно, таких поездок было больше. Нет основания не доверять поэту, когда он говорит и о своих путешествиях по Руси, Ливонии, Литве, Татарию и др. Упоминание Освальда о владении русским языком, пусть и является скорее всего бахвальством, но предполагает его неоднократные контакты с выходцами из восточнославянских земель. Наконец, рассказ о кораблекрушении на Черном море и спасении на винной бочке вместе с русским представляет из себя чрезвычайно живой эпизод межкультурных контактов, которых так мало дошло до нас от «темных веков» восточноевропейского Средневековья. Завершить же данную статью хочется словами самого Освальда фон Волькенштейна:

*Es wer noch vil ze sagen,
da wil ich lassen von,
was ich in jungen tagen
geaubenteuert han
mit kristan, reussen, haiden...*

[5, S. 84, стих 23:129–134]

*Еще много чего можно было бы рассказать,
но я оставляю это,
про то, как я в молодые годы
испытывал приключения
с христианами, русскими, язычниками...*

Список литературы

1. Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке / под ред. З. М. Буниятова. – Баку, 1984.
2. Мартынюк, А. В. Русь и Литва в сочинении Иоанна де Галонифонтибуса / А. В. Мартынюк // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. – Вып. 4. – Минск, 2011. – С. 79–88.
3. Мартынюк, А. В. Под стягом святого Георгия: австрийские крестоносцы в походах на Литву и Русь / А. В. Мартынюк // *Studia Historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы. – Вып. 7. – Минск, 2014. – С. 119–134.
4. *Die Lebenszeugnisse Oswalds von Wolkenstein. Edition und Kommentar* / Hrsg. von A. Schwob. – Band 1: 1382–1419, Nr. 1–92. – Wien, Köln, Weimar, 1999.
5. *Die Lieder Oswalds von Wolkenstein* / Hrsg. von K. K. Klein. – Tübingen, 1962.
6. *Freiesleben, H.-Ch. Der Katalanische Weltatlas von Jahre 1375* / H.-Ch. Freiesleben. – Stuttgart, 1977.
7. *Marienburger Tresslerbuch der Jahre 1399–1409* / Hrsg. von E. Joachim. – Königsberg, 1896.

8. Niederstätter, A. *Österreichische Geschichte. 1400–1522. Das Jahrhundert der Mitte: an der Wende vom Mittelalter zur Neuzeit* / A. Niederstätter. – Wien, 1996.
9. Paravicini, W. *Die Preussenreisen des europäischen Adels* / W. Paravicini. – Teil 1. – Sigmaringen, 1989.
10. Paravicini, W. *Die Preussenreisen des europäischen Adels* / W. Paravicini. – Teil 2. – Sigmaringen, 1995.
11. Peter Suchenwirt's Werke aus dem vierzehnten Jahrhunderte: Ein Beytrag zur Zeit- und Sittengeschichte / Hrsg. von A. Primisser. – Wien, 1827.
12. Schwob, A. *Oswald von Wolkenstein. Eine Biographie* / A. Schwob. – Bozen, 1978.
13. Schwob, A., Schwob, U.M. *Ausgewählte Studien zu Oswald von Wolkenstein* / A. Schwob, U.M Schwob. – Innsbruck, 2014.

НОВОГРУДСКИЙ СОБОР 1415 г. В ЦЕРКОВНОЙ ПОЛИТИКЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВИТОВТА

Православная церковь в Восточной Европе в конце XIV – начале XV в. была представлена единой Киевской митрополией во главе с митрополитом Киприаном, который находился в Москве и иногда посещал западнорусские епархии своей юрисдикции. На данный период приходится усиление Великого княжества Литовского, которое соперничало с Великим княжеством Московским за влияние на землях бывшей Древней Руси. С целью ослабления влияния Москвы на православное население восточнославянских земель Великого княжества Литовского был созван поместный церковный собор в Новогрудке, на котором был избран независимый глава Киевской митрополии – Григорий Цамблак. 600-летний юбилей Новогрудского собора придает особую актуальность данной теме. Многие проблемы, связанные с рецепцией этого исторического события, остаются недостаточно освещенными и спорными в историографии до сих пор.

Предыстория собора. Избрание Григория Цамблака киевским митрополитом с целью сепарироваться в церковной политике от московского влияния – такова историографическая концепция, ставшая за несколько столетий изучения проблемы своего рода хрестоматийной. Она представлена в нескольких вариациях. Часть исследователей придерживаются той точки зрения, что создание независимой митрополии было осуществлено с намерением заключения локальной церковной унии с Католической церковью и дальнейшего прозелитизма на восточнославянских землях [7, с. 511; 45, с. 291–302; 72, с. 205]. Ее можно обозначить, согласно Я. Страдомскому, «концепцией автономизации Литовской церкви и унии с Римской церковью» [69, с. 172].

Интересным представляется мнение Н. Г. Пашкина, который считает, что поместный собор в Новогрудке и избрание Григория Цамблака митрополитом были инициированы византийской стороной с целью его участия в работе Констанцского собора [31, с. 75]. Исследователь рассматривает визит в Краков генерального викария Доминиканского ордена грека Федора Хризверга в контексте избрания Григория киевским митрополитом. В 50-х гг. XX века польский ученый О. Халецкий уже

высказывал предположение о том, что Федор Хризверг мог встречаться в Кракове с Григорием Цамблаком [57, с. 28; 7, с. 512]. Но, ввиду отсутствия источников, исследователям не удается добиться большей ясности по данному вопросу.

На наш взгляд, основной причиной избрания Григория Цамблака послужило прежде всего стремление к независимой политике великого князя Витовта. Это проявилось не только в военно-политической сфере (в частности, в расширении влияния ВКЛ на восточнославянские земли [41, с. 165; 6, с. 290; 73, с. 104–105]), но и в области церковной политики: великий князь хотел основать отдельную от Москвы православную митрополию и собственную католическую митрополию, канонически обособленную от Гнезно и Львова [64, с. 109–110]. По мнению П. П. Соколова, в церковно-политическом конфликте Литвы и Москвы не последнюю роль сыграл князь Свидригайло Ольгердович – политический конкурент Витовта [41, с. 165–167; 72, с. 205–206].

Корпус летописных известий о русском периоде деятельности Григория Цамблака обстоятельно проанализирован болгарскими исследователями Н. Дончевой-Панайотовой [14, с. 77–92; 13, с. 76–84; 12, с. 153–194] и епископом Нестором [27]. Ученые отмечают, что русские летописи, в частности Никоновская летопись, возводят начало церковного противостояния Литвы и Москвы к митрополиту Фотию. После смерти митрополита Киприана он прибыл в Москву только через четыре года на Пасху 1410 г. [21, с. 213], где обнаружил, что некоторые бояре воспользовались периодом вдовствования кафедры (1406–1410), чтобы присвоить себе церковные земли и имущество. Фотий принял решительные меры по возврату имущества: «<...> и стяжаніа митрополіи своя церковнаа и доходы Фотѣй митрополит начят обновляти, и что гдѣ изгибло начят изыскати, или от князей и боярь что изообижено, и от иныхъ нѣкихъ лихоимцевъ что восхищено <...> онъ же вся сіа отъ нихъ взимае и утверждае» [21, с. 213].

Просьбы о возврате церковного имущества содержатся также в двух посланиях митрополита Фотия к князю Василию Дмитриевичу. Во втором послании он прямо указывает, что сам князь виноват в том, что: «<...> церковь Божию уничижилъ..., насилствуя, взимая неподобающая <...>» и просит князя покаяться [30, с. 289–296, 296–304; 70, с. 64; 72, с. 208]. Данные действия, естественно, настроили московский нобилитет против Фотия. Никоновская летопись отмечает, что бежавшие от Фотия из Москвы «лукавии чловецы» сначала прибыли к черниговскому епископу, а оттуда отправились к Витовту и обвинили Фотия в пренебрежении своими обязанностями в Литве, а также в требовании им

непомерных церковных сборов [41, с. 160, 70, с. 64], тем самым было положено начало конфликту между ними. В летописи приведены имена двух бежавших в Литву, которые были виновны в хищении церковного имущества: Савва Авраамиев и Фома Лазарев [21, с. 224; 41, с. 160]. Примечательно, что Савва Авраамиев потом вернулся в Москву, но, за клевету на митрополита, его покарал Бог при пожаре в Москве: «огнь, яко облакъ, преклонися отъ горницы Фотѣвы и снѣде его жива». Фома Лазарев тоже пострадал от пожара и раскаялся в клевете и злословии на митрополита [21, с. 224]. Бежавшие обвинили Фотия в том, что он перемещал в Москву древние церковные ценности, находившиеся в Киеве [21, с. 223; 41, с. 160]. Особое внимание обращает на себя тот факт, что имущественные тяжбы переросли в столь крупный конфликт, что противники Фотия вынуждены были скрываться в Великом княжестве Литовском. Возникают закономерные вопросы: поддерживал ли князь Василий намерения митрополита Фотия и помирились ли к тому времени Фотий и Василий? На последний вопрос можно было бы ответить положительно, так как начиная с 1411 г. Фотий активно способствовал заключению династического брака между дочерью князя Василия и сыном императора Мануила. Остальные аспекты церковно-политической ситуации в Московском княжестве в источниках представлены недостаточно, но факт бегства представителей московского нобилитета говорит сам за себя. Еще одно обстоятельство могло настроить против Фотия население Москвы – это изъятие церковного имущества во время голода и эпидемий, последовавших после нашествия татар на Москву незадолго до приезда митрополита [7, с. 399; 58, с. 53].

В своем «Окружном послании» князь Витовт отмечает, что ему было глубоко неприятно, когда митрополит Фотий, как и его предшественники, вывозил ценности и налоги из ВКЛ, а затем передавал их в Москву и Константинополь [1, с. 36; 8, с. 353; 41, с. 164–165]. Возможно, что смещение с кафедры перемышльского епископа в 1412 г. польским королем Владиславом Ягайло также было реакцией на политику Фотия [45, с. 289; 69, с. 172]. Некоторыми исследователями высказывалось мнение, что митрополит был готов завершить перемещение своей кафедры из Киева в Москву: «и всю честь великіа Кіевьскія церкви на ино мѣсто преносить, идѣже живетъ, еже есть во глаголемый тамо градъ Москву» [21, с. 223; 70, с. 65; 54, с. 49; 59, с. 76].

Очевидно, что церковно-политический конфликт Москвы и Вильно имел давнюю предысторию и Фотий оказался заложником сложившейся ситуации.

Первый синод 1413/1414 г. Реакция Витовта на обвинения Фотия в пренебрежении киевской митрополией была столь стремительной и решительной, что создается впечатление, словно он ждал возможности для реализации каких-то своих церковно-политических планов [6, с. 291]. В конце 1413 г. – начале 1414 г. великий князь постановил созвать синод [11, с. 138]. Согласно Никоновской летописи, на нем присутствовали епископы: Феодосий Полоцкий, Иоанн Галицкий, Севастиан Смоленский, Евфимий Туровский, Исаак Черниговский, Дионисий Луцкий, Герасим Владимирский, Харитон Холмский, Павел Червенский [41, с. 167; 21, с. 223; 58, с. 56, 70, с. 64]. При анализе состава участников синода особого внимания заслуживает тот факт, что на соборе присутствовали представители Галицкой митрополии (включала в себя Владимирскую, Луцкую, Перемышльскую, Туровскую и Холмскую епархии [см. соотв. Библиографию: 10, с. 7; 54, с. 50]), большая часть которой в данный период находилась в составе Польского королевства. Это свидетельствует об активном участии короля Владислава Ягайло в проведении собора. Из участников собора не верифицирована только личность епископа Павла Червенского, в частности, его каноническая принадлежность [70, с. 67–68].

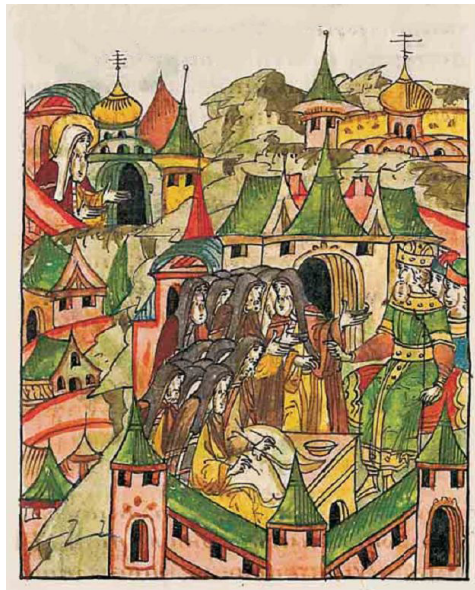

Рисунок 1. Первый синод (миниатюра Лицевого летописного свода) [22, с. 344]

Князь призвал епископов избрать отдельного митрополита киевского, но они отказались. В послании «Иже иногда митрополиту бывшему Киевскому и всея Руси Фотію» они объявили, что не хотят признавать его своим митрополитом [1, с. 33; 30, с. 307–308; 41, с. 168–169; 3, с. 133–134]. В это же время великий князь Витовт приказал провести инвентаризацию Софійского кафедрального собора в Киеве и всей земельной собственности митрополита в Литве. По-видимому, было отправлено посольство в Константинополь с просьбой о назначении нового митрополита [69, с. 172–173]. Об этом свидетельствует последующая логика развития событий и факты из послания Витовта. Подробные результаты инвентаризации отражены в послании князя Витовта тверскому князю Иоанну Михайловичу [см. документы в приложении].

Предчувствуя назревающий раскол, митрополит Фотий решил примириться с Витовтом. Ю. К. Бегунов относит поездку Фотия в ВКЛ к марту 1414 г. [3, с. 134]. Существует мнение о том, что Фотий отправился в Константинополь для переговоров о браке Иоанна Палеолога и дочери Василия Дмитриевича и Софьи Витовтовны Анны и по пути должен был встретиться с Витовтом [41, с. 169]. В случае отрицательного результата переговоров с князем, он должен был прибыть в Константинополь для обсуждения данного вопроса с патриархом и, тем самым, не допустить разделения митрополии. Фотий был задержан на границе ВКЛ, а по другим данным – изгнан из Киева [11, с. 138]. В. И. Петрушко полагает, что конфликт произошел в 1414 г. в Гродно [72, с. 213]. Витовт не только отказался от примирения, но и помешал митрополиту ехать в Константинополь, а также изгнал его наместников из Литвы [21, с. 224; 41, с. 170; 51, с. 37; 6, с. 291; 5, с. 363, 372–373]. По данным летописи, он также секуляризировал часть имущества митрополита и раздал своей знати [41, с. 169; 3, с. 133; 58, с. 55; 70, с. 65].

Второй и третий синоды 1414 г. Летом – в начале осени 1414 г. великий князь Витовт созвал второй синод, где напутствовал епископов избрать митрополита: «Изберите, кого хотите, митрополита на Киев, да идетъ въ Царьградъ къ патриарху, да поставлень будетъ на Киев в митрополиты» [21, с. 224; 41, с. 170]. Я. Страдомский полагает, что синод был созван в Новогрудке [69, с. 173]. Часть епископов избрала Григория Цамблака, а другая хотела примирения с Фотием [21, с. 224; 48, с. 157–158, 164–174]. Собственно, с этого синода начинается церковный раскол между Москвой и Вильно [41, с. 171].

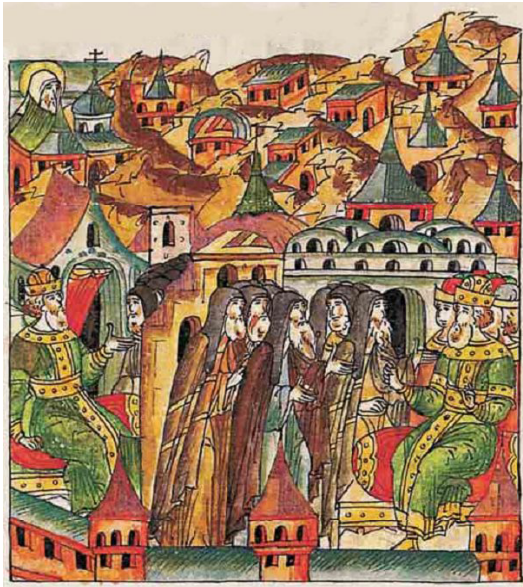

Рисунок 2. Второй синод (миниатюра Лицевого летописного свода)
[22, с. 355]

После избрания Григорий был отправлен в Константинополь для утверждения и посвящения патриархом с достаточно интересной формулировкой: «инако бо <...> не мочно избыти отъ Фотѣва насиліа» [21, с. 224–225; 6, с. 292; 51, с. 37–38; 48, с. 177]. М. Хеппель относит данное событие к концу июня – началу июля 1414 г., полагая, что после указанного синода Григорий ездил в Москву [58, с. 59; 72, с. 214–215]. Очевидно, Витовт не хотел идти на конфликт с константинопольским патриархом, поскольку не требовал избрания своего прежнего кандидата Феодосия Полоцкого, а, наоборот, оставил избрание митрополита на усмотрение собора. Из этого можно сделать вывод, что кандидатура Григория Цамблака уже была согласована, и он какое-то время находился в ВКЛ [58, с. 58; 65, с. 19; 70, с. 65]. По мнению британской исследовательницы М. Хеппель, Цамблак все же был никому не известен. Избрание «никому не известного кандидата» она связывает с опасением епископов выступать против канонического митрополита [58, с. 58]. Выдвижению кандидатуры Григория Цамблака могли поспособствовать его родственники, которые занимали высокие посты в Византийской империи и были тесно связаны с Палеологами.

Существует не бесосновательное мнение о том, что перед поездкой в Константинополь Григорий побывал в Москве [58, с. 59; 70, с. 65; 6, с. 291; 11, с. 138; 69, с. 172]. В западнорусских летописях при описании эпизода о чудесах от Колочской иконы Пресвятой Богородицы в августе 1414 г. встречается упоминание о том, что Цамблак находился некоторое время в Москве [16, с. 55; 20, с. 19–35, 36–67]. Согласно Супрасльской летописи, это произошло в конце 1413 г. [20, 36–67]. Анализируя причины визита Цамблака в Москву, Ф. Дж. Томсон выдвигает несколько гипотез: 1) Григорий хотел заручиться поддержкой Фотия на разделение митрополии и на собственное избрание [4, с. 166; 6, с. 291–292; 18, с. 17; 39, с. 81; 48, 176–177; 58, с. 59]; 2) искал опоры в лице московского князя Василия Дмитриевича [62, с. 517; 63, с. 37]; 3) Цамблак прибыл в Москву, чтобы наладить контакты с анти-Фотиевой фракцией [58, с. 59]. С другой стороны, Ф. Дж. Томсон, вообще ставит под сомнение достоверность данного сообщения [70, с. 65]. На наш взгляд, целью визита Григория Цамблака могла быть встреча в Москве с Софьей Витовтовной. Великая княгиня играла не последнюю роль в государстве. Повлиять на Софью, а через нее и на князя Василия, в данном случае было намного проще, чем решать подобные проблемы через контакты с какими-то фракциями. Вполне возможно, что с этой целью он произнес «Надгробное слово» митрополиту Киприану не в 1409 г., а в 1413/1414 г. во время своего визита [2, с. 297–307; также см. исследование о «Надгробном слове» митрополиту Киприану [12]].

Миссия Григория в Константинополь была безуспешной [58, с. 59; 70, с. 65], поскольку патриарх Евфимий II отказал ему в посвящении [60, с. 3–4; 51, с. 38; 48, с. 178]. М. Хеппель полагает, что это было связано с сопротивлением Константинополя по вопросу разделения митрополии, так и с назначением кандидатуры митрополита не через греческий синод [58, с. 60–61; 11, с. 138; см. также документы в приложении]. Можно согласиться с мнением П. П. Соколова, который считает, что император не хотел портить отношения с князем Василием по причине династического брака между императорской и великокняжеской семьями [41, с. 171–172; см. также документы в приложении].

Некоторые исследователи полагают, что во время этой поездки патриарх Евфимий II и синод отлучили Григория от церкви [41, с. 172; 72, с. 215]. Данное предположение было решительно отвергнуто Ф. Дж. Томсоном [70, с. 70–71] на основании следующих аргументов: во-первых, простая просьба о посвящении не может быть поводом для какого-либо канонического наказания, во-вторых, если бы Григорию

пригрозили наказанием, это было бы оскорблением самому Витовту, который его послал [70, с. 70]. Нельзя не согласиться с точкой зрения Ф. Дж. Томсона, поскольку вряд ли епископы в последующем согласились бы посвящать человека, отлученного от церкви и лишённого сана.

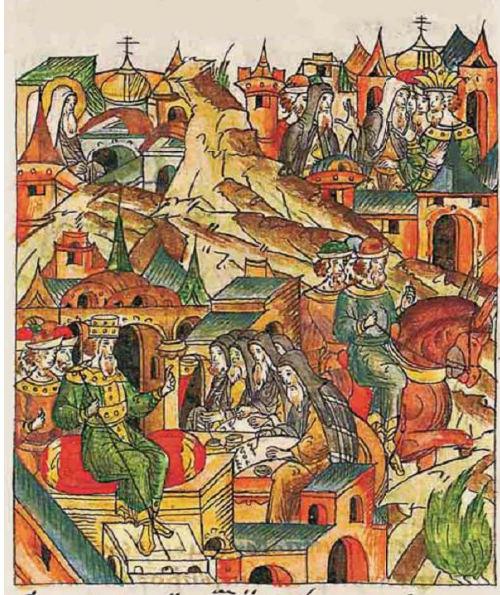

Рисунок 3. Третий синод (миниатюра Лицевого летописного свода)
[22, с. 357]

Из-за неудачи, которая произошла в византийской столице, Витовт согласился пойти на уступки. В своем письме патриарху он потребовал назначить отдельного митрополита на усмотрение константинопольской стороны [58, с. 61]. Весной 1415 г. Витовт созвал третий синод [41, с. 173; см. документы в приложении], на котором было решено отправить еще одно посольство в Константинополь. В ультимативной форме великий князь литовский заявил, что если патриарх не пожелает посвятить нового митрополита «по правилам» или послы не вернуться к празднику Успения Пресвятой Богородицы (то есть 15 августа), тогда епископы посвятят Григория без патриаршего одобрения [1, с. 35–37]. Не совсем понятно, был ли Витовт готов принять греческого митрополита, избранного в Константинополе [4, с. 167, 171; 7, с. 401; 58, с. 61; 18, с. 18; 63, с. 37; 41, с. 173–174, 181; 48, с. 179]. Два византийских дипломата – Дисипат от имени Мануила II и архимандрит Гавриил от

имени Евфимия II [41, с. 174; 3, с. 134; см. документы в приложении] – по своем возвращении от Василия Дмитриевича получили от Витовта продление срока до дня св. Филиппа (то есть 14 ноября) [1, с. 36–37; 52, с. 102; 60, с. 4], из чего можно заключить, что Витовт до последнего не желал идти на открытый конфликт с Константинополем.

Четвертый синод. Накануне назначенного срока Витовт созвал четвертый синод в Новогрудке. Епископы, видя, что избрание нового митрополита не было одобрено в Константинополе, вступили в полемику с великим князем. В споре с епископами аргументация Витовта была куда более убедительна: «аще не поставите ми митрополита в моей земли на Киевѣ, то злѣ умрете» [21, с. 227], впрочем в Густынской летописи эта фраза принимает несколько иную окраску: «аще ли же не хотите поставити себѣ здѣ митрополита, а потомъ кто поидеть ко митрополиту въ Москву, относя казну зъ моя державы во ину область, смертію умреть» [8, с. 353].

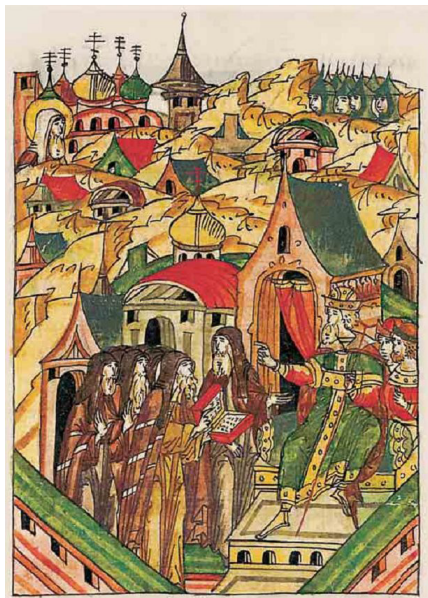

Рисунок 4. Четвертый синод – Новогрудский собор 1415 г.
(миниатюра Лицевого летописного свода) [22, с. 376]

Инtronизация Григория состоялась 15 ноября 1415 г. в церкви Пресвятой Богородицы [1, с. 33; 53, с. 44–45; 51, с. 38–40; 71, с. 224]. На соборе присутствовали: епископ Исаакий Черниговский, архиепископ

Феодосий Полоцкий, епископ Дионисий Луцкий, епископ Герасим Владимирский, епископ Иоанн Галицкий, епископ Севастиан Смоленский, епископ Харитон Холмский, Павел Червенский, епископ Евфимий Туровский [21, с. 227].

После посвящения в митрополиты участниками собора вместе с Григорием Цамблаком было составлено Синодальное постановление, знаменующее собой новое направление в славяно-византийских отношениях [30, 309–314; 28, с. 114; 28, вып. 2, с. 414; 16, с. 56–57; 5, с. 377; 36, с. 259; 35, с. 88; 21, с. 227; 26, с. 242; 66, с. 360; 72, с. 215–216]. Имена двоих епископов – Иоанна Галицкого и Павла Червенского, которые присутствовали на первом синоде в конце 1413 г. – начале 1414 г. и на синоде в ноябре 1415 г., – отсутствуют в «Соборной грамоте литовских епископов». В то же время в этом документе фиксируется новое имя Геласия Перемышльского [30, с. 309–310; 54, с. 51; 70, с. 67; 29, с. 406; 36, с. 259]. Отсутствие имени Иоанна Галицкого, по мнению Ф. Дж. Томсона, указывает на то, что он мог сохранять свои притязания на эту митрополию [70, с. 67–68; 50, с. 132; 34, с. 6–7; 47, с. 117; 55, с. 334; 54, с. 43; 43, с. 139–143, 187; 61, с. 328; 24, с. 64–69]. Ю. К. Бегунов полагает, что Иоанн Галицкий – это Иоанн, епископ Луцкий, который управлял Галицкой митрополией с 1397 по 1415 г. [3, с. 211].

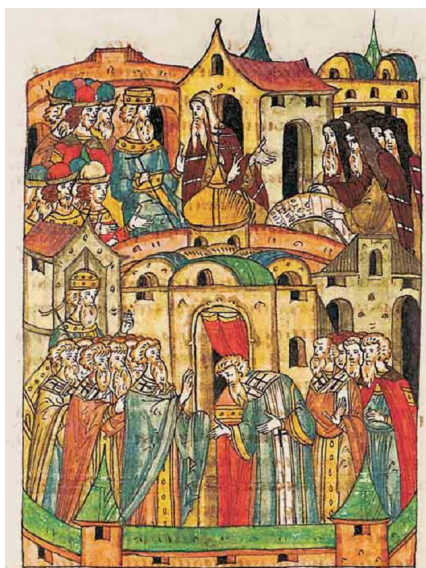

Рисунок 5. Интронизация Григория Цамблака
(миниатюра Лицевого летописного свода) [22, с. 379]

На первом синоде Феодосий был епископом полоцким, а в Синодальном постановлении 1415 г. он назван уже архиепископом [30, с. 309; 51, с. 35; 5, с. 358]. Неизвестно, было ли это повышение вознаграждением за его поддержку Григория и кто мог пожаловать ему это звание. Примечательно, что в синодальном постановлении из Никоновской летописи титул Феодосия представлен как: «смирный архієпископ Феодосій Полотцкій митрополіи Кієвскіа» [21, с. 227], а еще более интересное сообщение из Соборной грамоты из сборника XVII в., где титул звучит несколько иначе: «смирный архієпископъ Феодосеи Полотцкій и Літовскій» [38, л. 315 об.; см.: 15, с. 122–128; 53, с. 44–45]. Возможно, Феодосий исполнял обязанности главы новообразованной митрополии до избрания Григория Цамблака. В.И. Петрушко отмечает, что титул архиепископа Феодосий получил во время визита в Константинополь в 1406 г. для поставления на киевский митрополичий стол и с тех пор им титуловался в грамотах [72, с. 205; 75, с. 241]. Ключевая роль архиепископа Полоцка на синоде, по всей видимости, была связана с некоторой самостоятельностью епархии в составе Киевской митрополии [75, с. 230], тем более, что полоцкие епископы выступали советниками в церковных вопросах великих князей литовских [75, с. 241]. А. В. Кузьмин делает немаловажное замечание о том, что появление архиепископа Феодосия первым в списке епархиальных архиереев ВКЛ – участников собора – было связано с политическим влиянием Витовта, так как в некоторых летописных редакциях первым в списке значится Исаакий, епископ черниговский [75, с. 240]. В Киевской митрополии в XI – середине XV в. черниговский архиерей занимал более почетное место, чем полоцкий, что соответствовало иерархии старшинства церковных центров на Руси, сложившейся не позднее 30-х гг. XII в. [75, с. 240]

На волне церковно-политического противостояния между Вильно и Москвой сразу после Новогрудского собора великий князь Витовт с целью расширения своего влияния предпринял попытку церковного присоединения Тверского княжества под каноническую власть новоизбранного митрополита. С этой целью от имени Витовта, Григория Цамблака и собора епископов князю Иоанну Михайловичу Тверскому был адресован ряд посланий [72, с. 216; 73, с. 104–106; см. документы в приложении]. Тем не менее, ожидаемого результата от этого не последовало.

Полемика после синода в Новогрудке. В «Соборном постановлении» епископы отмечали, что Фотий пренебрегал своей паствой, собирал церковные доходы, но сам проживал в другом месте и, кроме

того, перевез древние сокровища киевского храма Св. Софии: «точію приходы церковныя собирая и живяше индѣ и старая устроєніа и честь кїевскоѣ церкви на ино мѣсто полагаше» [30, с. 310–311; 1, с. 33–35; 15, с. 122–128; 3, с. 134–137]. Витовт изгнал его и потребовал у императора и патриарха нового митрополита. Эту просьбу отверг император Мануил II. После чего Витовт: «сѣбра вся князи литовскихъ и русскихъ земель и иныхъ странъ, елико суть ему покорени Богомъ», созвал собор, на котором избрал Григория Цамблака киевским митрополитом. В свою защиту епископы ссылались на пример князя Изяслава Киевского [30, с. 311], а также автокефалии Болгарской и Сербской церковей [45, с. 292; 69, с. 173–174]. Епископы подчеркнули, что признают патриарха константинопольского как своего духовного отца: «патріарха убо святѣйша Константиноградскаго имама, патріарха и отца», но не станут терпеть вмешательства императора, который не позволяет патриарху и синоду посвящать никого, кроме своих кандидатов. Епископы упомянули о симонии в случаях с Киприаном, Пименом, Дионисием и многими другими [30, с. 313–314; 21, с. 230; 68, с. 165; 45, с. 292]. По этой причине они посвятили Григория, достойного кандидата на эту должность [30, с. 314; 21, с. 227; 14, с. 83, 86; 13, с. 82]. Стоит отметить, что впервые синод открыто обвинил императора в симонии и цезарепапизме [70, с. 67; 45, с. 292; см. документы в приложении].

В это же время Витовт издал «Окружное послание» [1, с. 35–37; 69, с. 174; 70, с. 68], в котором объяснял свою позицию. Несмотря на то, что он не является православным по вероисповеданию: «хотя есмо не у вашей вѣрѣ», он весьма озабочен тем, чтобы способствовать благополучию своих православных подданных, и по этой причине после смерти митрополита Киприана послал Феодосия Полоцкого в Константинополь для назначения его преемником, но получил отказ [41, с. 176]. Аргументация Витовта аналогична аргументации епископов, его крайне волновал вопрос материальных ценностей, которые вывозились за рубеж: «колко церковныхъ приходовъ поемлючи, на иная мѣста носили и давали» [3, с. 141]. По прибытии Фотия из Константинополя Витовт согласился признать его при условии, что он будет находиться в Киеве. Однако новый митрополит бывал у него во владениях редко, а позднее Фотий к тому же еще перевез древние киевские церковные сокровища в Москву. По этой причине совместно с епископами и согласно каноническим правилам было постановлено посвятить Григория в митрополиты Киевские и всея Руси. Витовт, подчеркивая еще раз, что он не православного вероисповедания, поставил перед выбором всех верующих:

либо поддержать Григория, либо принять католичество [70, с. 69; 51, с. 39–40; 54, с. 53; 61, с. 330–331; 67, с. 342, 62]. «Хто хочеть по старинѣ дръжатися подь властію митрополита Кіевскаго, ино такъ добро, а хто не хочеть, ино воля ему есть; но то знайте: занеже мы есмо не ваше вѣры, а коли быхмо хотѣли того, штобы въ нашей дръжавѣ вѣра ваша меншалася и угыбала, а церкви ваши не строены, и мы быхомъ в томъ не пѣчаловалися, воля намъ есть» [1, с. 35–37]. Похожее по содержанию послание Витовт отправил и великому князю Иоанну Тверскому [см. приложение документов].

Согласно Никоновской летописи, митрополит Фотий написал послание в Киев всем князьям и православным людям, в котором открыто обвинил Витовта в расколе: «Витоѡт веліе насильство сотвори, раздраніа и разколы единѣй церкви Киевстѣй и всея Русіи <...> приведѣніа страхом мірскіа власти и по хотѣнію своему мірскому принуди епископовъ другаго митрополита поставити» [21, с. 230]. Начало изложенного послания похоже на парафраз послания Фотия в Киево-Печерский монастырь 1417 г. [28, с. 116–117; 3, с. 166]. Но это не то «Окружное послание», которое известно науке, хотя контекст церковно-политического противостояния изложен в летописи верно.

В «Окружном послании русскому духовенству» митрополита Фотия, написанном в конце 1415 г. или начале 1416 г. [30, с. 315–356], осуждающем посвящение Григория, риторика по отношению к Витовту вовсе отсутствует. Фотий в своем письме в Псков от 9 сентября 1416 г. ссылается на данное послание, из чего следует, что оно было разослано до этой даты [70, с. 70; 30, с. 364; 3, с. 162; 60, с. 5–6]. К этому времени, по-видимому, митрополит еще не получил послание константинопольского патриарха Иосифа II [30, 357–360], согласно которому Григорий был лишен сана и отлучен от церкви.

Послание Фотия представляет собой пространный документ, изобилующий цитатами из Священного Писания и выдержками из творений святых отцов. Главной целью послания было доказать нелегитимность избрания Григория Цамблака – «церковного мятежника». В послании митрополит Фотий утверждал, что, когда Григорий поехал в Константинополь добиваться посвящения, он был лишен сана, отлучен от церкви и едва избежал других наказаний: «отъ святѣйшаго вселенскаго патрїарха Евѡимїа и отъ божественаго и священнаго збора извержень бысть изъ сану и проклять, и отонуду побѣжавъ, таже отъ мѣста на мѣсто преходя» [30, с. 330; 1, с. 315; 37, с. 418–439; 3, с. 147]. Данное место вызывает у исследователей закономерные вопросы: мог ли патриарх

Евфимий II отлучить Григория, когда тот был с миссией в Константинополе, и мог ли патриарх Иосиф II в последующем отлучить Григория повторно? Ф. Дж. Томсон [70, с. 71–72] систематизировал мнения по данной проблеме. Так, некоторые исследователи считали, что патриарх Евфимий II мог отлучить Цамблака до посвящения: М. Генев [4, с. 167], И. Б. Греков [6, с. 292], А. В. Карташев [17, с. 342], А. Кремлевский [19, с. 684], Х. Ликовский [62, с. 517], Ю. В. Пелешенко [32, с. 35], И. Снегаров [39, с. 81; 40, с. 272]. Другие ученые придерживались той точки зрения, что патриарх Евфимий II отлучил Григория после его посвящения: А. Амман [49, с. 123], Дж. Джилл [56, с. 25]. В. Киселков высказал идею о том, что патриарх Евфимий II отлучил Григория дважды: до и после посвящения [18, с. 20]. Иногда встречается мнение, что патриарх Иосиф II повторил отлучение Евфимия II [17, с. 344; 33, с. 114], либо подтвердил его [3, с. 164]. Ранее уже отмечалось, что подобное было невозможно.

По замечанию французского исследователя Ж. Даррузе, письмо митрополита Фотия могло быть написано приблизительно летом 1416 г., так как оно не содержит никаких ссылок на патриарха Иосифа II [60, с. 5–6]. Исследователь считает, что патриарху Евфимию II не было необходимости вводить какие-либо наказания, тем более, что патриарх Иосиф II в письме митрополиту Фотию не цитирует приговор своего предшественника; он только сообщает, что слышал о Григории Цамблаке, и что синод отлучил его от церкви [30, с. 357–360; 3, с. 162–163; 60, с. 11; см. документы в приложении]. Письма, в которых патриарх и император требовали изгнать Григория, были также направлены великому князю Витовту [60, с. 12]. Указанное письмо патриарха Иосифа II митрополит Фотий цитирует только в 1417 г. в послании в Киево-Печерский монастырь: «И сего ради и божественный и священный сборъ по [с]лучаю събрався, <...> и судомъ сихъ опщїимъ имѣемъ сего Цамблака, по божественнымъ священнымъ правиломъ, извержена и отлучена и проклята» [28, с. 116; 3, с. 163, 166]. Ситуация нам представляется следующим образом: 1) Григорий не был лишен сана, когда ездил в Константинополь к патриарху Евфимию, поскольку потом был посвящен в митрополиты; 2) он мог быть лишен сана скорее всего после интронизации на Новогрудском соборе; 3) патриарх Иосиф II мог уже только отлучить Григория от церкви, ввиду имевшегося ранее канонического наказания. Из дальнейших событий можно заключить, что Григорий мог быть отлучен и лишен сана на некоторое время, до принесения покаяния.

Проблема признания Григория Цамблака. Отдельной проблемой выступает признание Григория Цамблака со стороны Константинополя

и Москвы. Большинство исследователей склонны думать, что Григорий не был официально признан отдельным митрополитом для ВКЛ. Но некоторые все же допускают такую возможность, среди них авторитетные российские ученые Б. Н. Флоря, А. А. Турилов, Е. М. Ломизе. На наш взгляд, вторая позиция заслуживает более детального рассмотрения.

Прежде всего, сам патриарх Иосиф II в своем письме митрополиту Фотию, отмечает, что нужно незамедлительно привести ситуацию в мирное русло, разрешить проблему с отлучением людей, которые поддержали раскол по своему неразумию. Патриарх пишет, что Григорий «никакоже да не имѣть ослабы сему пріати, дондеже пребудеть въ безаконномъ своемъ дѣйствѣ; егда же ли покается и отступитъ здѣанія своего, и припадетъ къ рассужденію божественаго и священнаго собора» [30, с. 359; 3, с. 163;]. Патриарх видит решение конфликта в изгнании Григория Витовтом: «понеже есть умный [Г]осподарь, да створитъ исправленіе о бывшихъ и отгонитъ упражнена его» [30, с. 360; 3, с. 163], далее: «Добро есть да вся та предъ тобою исправятся, и удобно есть се зѣло тебѣ и всѣмъ, яко да придеши къ намъ, аще князь великій Витоѡтъ не отженеть его» [30, с. 360; 3, с. 163; см. также документы в приложении]. Е.М. Ломизе полагает, что изгнание Цамблака было формальным предлогом для пересмотра дела. Из дальнейших известий ученый заключает, что оно было пересмотрено заочно, так как ни Фотий, ни Григорий в Константинополь не явились. Е. М. Ломизе не исключает, что митрополит Фотий не поехал туда по причине обвинений литовской стороны [23, с. 106]. Б. Н. Флоря и А. А. Турилов также отмечают, что в 1418 г. Григорий Цамблак в своей речи назвал императора «своим сятельнымъ господиномъ» [45, с. 294; 44]. Все исследователи единогласны в том, что ко времени визита на Констанцский собор Григорий был признан и восстановлен в сане, так как на православной литургии в Констанце, которую служил Цамблак, присутствовали византийские послы [23, с. 106; 45, с. 294].

Б. Н. Флоря и А. А. Турилов ссылаются на Я. Фиялека [54, с. 51], который приводит цитату из Густынской летописи о признании Григория Цамблака патриархом Иосифом II [45, с. 294; 44]. Правда, в летописи речь идет о патриархе Каллисте (Каллист II Ксанфопул – 1397 г.): «святѣйшый же патриархъ Каллисть не хотѣ, да смятеніе будеть во православныхъ, благослови Руси посвятит себѣ Григорія на митрополию Кіевскую, его же посватиша благословеніемъ патріаршимъ, ноеврія 15» [8, с. 353; 9, с. 133]. Очевидно, что летописец допустил ошибку, так как в летописи сообщается, что патриарх Каллист посвятил и митрополи-

та Фотия [8, с. 352; 9, с. 132]. Впрочем, проблема не решена до конца и является спорной [72, с. 217]. По нашему мнению, свидетельство из Густынской летописи нельзя недооценивать или полностью отвергать. Источник интересен также тем, что содержит краткие аллюзии на Констанцкий собор [8, с. 353; 9, с. 132].

Риторика восточнославянских источников после Новогрудского собора начинает существенно меняться на более сдержанную, особенно после поездки Цамблака на Констанцкий собор. Григорий Цамблак предстает уже борцом за права православного населения в Великом княжестве Литовском [72, с. 218].

Большое количество произведений, надписанных именем Григория Цамблака, было распространено и на территории Великого княжества Московского [25, с. 18], многие из них используются или цитируются в трудах других церковных писателей. Вряд ли это было бы возможно, если бы Григорий был «отлучен от Церкви и проклят»!

На мысль о том, что конфликт был приведен к формуле «Григорий-Фотий», по аналогии с «Алексий-Киприан», наводит и то обстоятельство, что практически сразу после смерти Григория Цамблака митрополит Фотий вновь стал единственным митрополитом ВКЛ и ВКМ. Заметим, что у Витовта на этот раз уже не возникает никаких вопросов ни к Константинополю, ни к Москве. Однако существует мнение и о том, что это было связано с возникшими церковными проблемами в ВКЛ из-за отлучения клира и паствы, поддержавших раскол [72, с. 221].

Стоит иметь в виду, что, согласно каноническому праву, при снятии сана его уже невозможно вернуть [46]. Отсюда логичный вопрос: какое наказание было наложено на Григория Цамблака, если, несмотря на лишение сана, он все же продолжал служить в епископском достоинстве, нарушая церковные каноны и будучи одновременно строгим исихастом?

Подводя итог, можно сделать ряд выводов:

Собор 1415 г. в Новогрудке стал началом существования в пределах ВКЛ не просто отдельной от Москвы митрополии, а отдельной самоуправляемой Православной церкви, что, по замечанию А. А. Турилова, послужило прологом к автокефалии Русской церкви [44].

Противоречивой и неоднозначной представляется ситуация с отлучением и извержением из сана Григория Цамблака и дальнейшим его признанием. На наш взгляд, церковно-политический конфликт был улажен и приведен к формуле «Григорий-Фотий», основанной на каноническом прецеденте, который был реализован при митрополите Алексии и митрополите Киприане.

Великий князь Витовт получил независимую от восточного соседа церковно-политическую структуру. Дальнейшая деятельность митрополита Григория Цамблака была направлена на укрепление независимости Православной церкви в ВКЛ, а также увеличение церковно-политического влияния на остальные восточнославянские земли. Одним из проявлений данной церковной политики было православное посольство в 1418 г. на Констанцкий собор, где митрополит Григорий Цамблак являлся единственным православным, а также восточноевропейским и восточнославянским иерархом, присутствовавшим на католическом соборе.

Список литературы

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846. – Т. 1. 1340–1506. – 420 с.
2. Афанасенко, Ю. Ю. Церковно-политические взаимоотношения русских земель Великого княжества Литовского и Болгарии в конце XIV века / Ю. Ю. Афанасенко // *Colloquia Russica. Series I, vol. 5.* – Kraków–Bratislava, 2015. – S. 297–307.
3. Бегунов, Ю. К. Творческое наследие Григория Цамблака = The creative heritage of Gregory Camblak / Ю. К. Бегунов. – Женева: Буй Турь. – Велико Търново: ПИК; Издательство Великотърновского университета им. Св. Кирилла и Мефодия, 2005. – 731 с.
4. Генов, М. Григорий Цамблак (Из историята на културните сношения между българи, руси, сърби и румъни) / М. Генов // *Българска историческа библиотека* / ред. В. Н. Златарски [и др.]. – София, 1930. – Т. 2. – Год. III. – С. 150–195.
5. Голубинский, Е. Е. История Русской церкви / Е. Е. Голубинский. – М.: Крутицкое патриаршее подворье: общество любителей церковной истории, 1997. – Т. 2, ч. 1. – 919 с.
6. Греков, И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.) / И. Б. Греков. – М.: Наука, 1975. – 518 с.
7. Грушевський, М. Історія України-Руси / М. Грушевський. – Нью-Йорк: Книгоспілка, 1955. – Т. 5. – 687 с.
8. Густынская летопись / Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1843. – Т. II. – 377 с.
9. Густынская летопись / Полное собрание русских летописей / текст подг. Ю. В. Анхимюк [и др.]. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – Т. XL. – 202 с.
10. Гудзяк, Б. Криза і реформа: Київська митрополія, Царгородський патріархат і генеза Берестейської унії / Б. Гудзяк. – Львів: Інститут історії церкви Львівської богословської академії, 2000. – 426, XVI с.
11. Дончева-Панайотова, Н. Григорий Цамблак и българските литературни традиции в Източна Европа XV–XVII в. / Н. Дончева-Панайотова. – Велико Търново: Веста, 2004. – 575 с.

12. Дончева-Панайотова, Н. Слово на Григорий Цамблак за митрополит Киприан / Н. Дончева-Панайотова. – Велико Търново: ПИК, 1995. – С. 33–35.
13. Дончева-Панайотова, Н. Руският илюстриран летописен свод от XVI век за Григорий Цамблак / Н. Дончева-Панайотова / Търновска книжовна школа: четвърти международен симпозиум. Велико Търново, 16–18 октомври 1985 г. – София: Изд. на Българската Академия на Науките, 1985. – С. 76–84.
14. Дончева-Панайотова, Н. Староруските летописи за Григорий Цамблак / Н. Дончева-Панайотова / Търновска книжовна школа: пети международен симпозиум. Велико Търново, 6–8 септември 1989 г. – Велико Търново: Университетско изд. «Св. Св. Кирилл и Методий», 1994. – С. 77–92.
15. Древняя российская вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей Российских, до истории, географии и генеалогии российских касающихся, изданная Николаем Новиковым. – М.: Тип. Компании Типографической, 1790. – 2-е изд. – Ч. 14. – 496 с.
16. Западнорусские летописи // Полное собрание русских летописей / под ред. С. Л. Пташицкого и А. А. Шахматова. – СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1907. – Т. XVII. – 648 с.
17. Карташев, А. В. Очерки по истории русской церкви / А. В. Карташев. – Париж: YMCA Press, 1959. – Т. I. – 681 с.
18. Киселков, В. С. Митрополитъ Григорий Цамблакъ / В. С. Киселков. – София: Печатница на военно-книгоиздателския фондъ, 1943. – 68 с.
19. Кремлевский, А. Григорий Цамблак / А. Кремлевский // Православная богословская энциклопедия или богословский энциклопедический словарь / под ред. А. П. Лопухина. – Петроград: Тип. А. П. Лопухина, 1903. – Т. IV. – С. 683–687.
20. Летописи белорусско-литовские // Полное собрание русских летописей / сост. и автор предисл. Н. Н. Улащик. – М.: Наука, 1980. – Т. XXXV. – 306 с.
21. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей / под. ред. С. Ф. Платонова. – СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1897. – Т. XI. – 262 с.
22. Лицевой летописный свод XVI в. Русь (1411–1432 гг. от В.Х.). – М.: Благотворительный фонд содействия развитию культуры «Общество любителей древней письменности», 2013. – Т. 12. – 482 с.
23. Ломизе, Е. М. Константинопольская патриархия и церковная политика императоров с конца XIV в. до Ферраро-Флорентийского собора (1438–1499) / Е.М. Ломизе // Византийский временник / отв. ред. Г.Г. Литаврин. – М.: Наука, 1994. – Т. 55 (80). – Вып. 1. – С. 104–110.
24. Макарий (Булгаков), митр. История Русской церкви / Митр. Макарий (Булгаков); науч. ред. А. А. Турилов. – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. – Кн. 3. – 702 с.
25. Мечев, К. Григорий Цамблак / К. Мечев. – София: Наука и изкуство, 1969. – 282 с.
26. Московский летописный свод конца XV в. // Полное собрание русских летописей. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1949. – Т. XXV. – 464 с.

27. Нестор, еп. Руски летописни известия за Киевско-Литовския митрополит Григорий Цамблак (1414–1419). Текстовете и коментари / еп. Нестор // Търновска книжовна школа: трети международен симпозиум. Велико Търново, 12–15 ноември 1980 г. – София: Изд. на Българската Академия на Науките, 1984. – С. 340–346.

28. Новгородская и Псковская летописи // Полное собрание русских летописей. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1848. – Т. IV. – 360 с.

29. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Полное собрание русских летописей / под ред. А. Н. Насонова. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950. – 568 с.

30. Памятники древнерусского канонического права // Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссией / под ред. А. С. Павлова. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1880. – Т. VI, ч. I: Памятники XI–XV вв. – 316, 70, XX с.

31. Пашкин, Н. Г. Византия в европейской политике первой половины XV века, 1402–1438 гг.: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03 / Н. Г. Пашкин. – Екатеринбург, 2003. – 256 л.

32. Пелешенко, Ю. В. Розвиток української ораторської та агіографічної прози кінця XIV – початку XVI ст. / Ю. В. Пелешенко. – К.: Наукова думка, 1990. – 142 с.

33. Петкова, И. Григорий Цамблак и православие на Балканите / И. Петкова. – София, 1996. – 127 с.

34. Петрушевич, А. С. Краткое историческое известие о времени введения христианства на Галичской Руси, особенно же об учреждении святительских столиц в Галиче и Львове, и о святителях сидевших на упомянутых столицах / А. С. Петрушевич. – Львов: Тип. Ставропигийского Института, 1882. – 15 с.

35. Продолжение летописи по Воскресенскому списку // Полное собрание русских летописей. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1859. – Т. VIII. – 302 с.

36. Псковская вторая и Софийская первая летописи // Полное собрание русских летописей. – СПб.: Тип. Э. Праца, 1851. – Т. V. – 286 с.

37. Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века / под ред. В. И. Буганова. – М.: Институт истории СССР АН СССР, 1987. – Т. 2. – С. 221–458.

38. Сборник полемический против латинян [рукопись] // Российская государственная библиотека. – [Б.м.], вторая четверть (?) XVII в. – Фонд 173. I. – ед. хр. №80 – 318 л.

39. Снегаров, И. Духовно-културни връзки между България и Русия през средните векове (X–XV в.) / И. Снегаров. – София: Синаodalна печатница, 1950. – 96 с.

40. Снегаров, И. К истории культурных связей между Болгарией и Россией / И. Снегаров // Международные связи России до XVII в. / редколл.: А. А. Зимин, В. Т. Пашуто. – М.: Изд. АН СССР, 1961. – С. 257–276.

41. Соколов, П. П. Киевский митрополит Григорий Цамблак: очерк его жизни и деятельности / П. П. Соколов // Богословский вестник. – Сергиев Посад: 2-ая

тип. А. И. Снегиревой в Сергиевом Посаде Московской губ., 1895. – Т. 3, август № 8. – С. 157–199.

42. Софийские летописи // Полное собрание русских летописей. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1853. – Т. VI. – 358 с.

43. Тихомиров, Н. Д. Галицкая митрополия: церковно-историческое исследование / Н. Д. Тихомиров. – СПб.: Печатня Евдокимова, 1895. – 187 с.

44. Турилов, А. А. Григорий Цамблак / А. А. Турилов; под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II // Православная энциклопедия. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2006. – Т. 12. – С. 583–592.

45. Флоря, Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье / Б. Н. Флоря. – М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2007. – 528 с.

46. Цыпин, Владислав, прот. Извержение из сана / прот. Владислав Цыпин // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2009. – Т. 21. – С. 542–545.

47. Чубатий, М. Історія християнства на Русі-Україні / М. Чубатий // Праці Греко-Католицької Богословської Академії, т. XLIII. – Рим: Український Католицький Університет ім. св. Климента папи, 1976. – Т. 2. – Ч. 1 (1353–1458). – 262 с.

48. Яцимирский, А. И. Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности / А. И. Яцимирский. – СПб.: Тип. Вайсберга и Гершунина, 1904. – 501 с.

49. Ammann, A. Abriss der ostslawischen Kirchengeschichte / A. Ammann. – Wien: Herder, 1950. – 748, XVI s.

50. Blazejovskij, D. T. Hierarchy of the Kyivan Church: (861–1990) / D. T. Blazejovskij. – Rome: Editiones Universitatis Catholicae Ucrainorum S. Clemens Papae, 1990. – Т. 72. Sacrum Ucrainae millennium. – Vol. 3. – 539 s.

51. Chodyncki, K. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita Polska: zarys historyczny 1370–1632 / K. Chodyncki. – Warszawa: Drukarnia Kasy im. Mianowskiego; skład główny Kasa imienia Mianowskiego. Instytut Popierania Nauki, 1934. – 632 s.

52. Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neuen Zeit. Reihe A. Regesten. Abteilung I. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches / bearb. von F. Dölger, P. Wirth. – München-Berlin: C. H. Beck, 1965. – 5. Teil. Regesten von 1341–1453. – 138, XXXII s.

53. Daniłowicz, I. Skarbiec dyplomatów papieżkich, cesarskich, królewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów / I. Daniłowicz. – Wilno: W drukarni A. H. Kirkora, 1862. – Т. 2. – 369 s.

54. Fijalek, J. Biskupstwa greckie na ziemiach ruskich od pol. 14 w. / J. Fijalek // Kwartalnik Historyczny / red. A. Semkowicz. – Lwów: Nakładem Zakładu Nar. imienia Ossolińskich, 1897. – Т. 11. – С. 49–56.

55. Giedroyć, M. The Ruthenian-Lithuanian Metropolitanates and the Progress of Christianisation 1300–1358 / M. Giedroyć // Nuovi studi storici 17. Le origini e le

svippulo della cristianita slavo-bizantina / S. W. Świerkosz-Lenárt. – Roma: Istituto storico italiano per il Medio Evo, 1992. – P. 315–342.

56. Gill, J. The Council of Florence / J. Gill. – Cambridge [u.a.]: Cambridge Univ. Press, 1959. – 452, XVIII s.

57. Halecki, O. From Florence to Brest (1439–1596) / O. Halecki. – Rome: Sacrum Poloniae Millenium, 1958. – 444 s.

58. Heppel, M. The Ecclesiastical career of Gregory Camblak / M. Heppel. – London, 1979. – 134 s.

59. Jablonowski, H. Westrusland zwischen Wilna und Moskau. Die politische Stellung und die politischen Tendenzen der russischen Bevölkerung des Grossfürstentums Litauen im 15. Jh. / H. Jablonowski // Studien zur Geschichte Osteuropas. – Leiden: E.J. Brill, 1955. – 167 s.

60. Le patriarcat byzantin: recherches de diplomatie, d'histoire et de géographie ecclésiastique. Série I, Les registres des actes du patriarcat de Constantinople, vol. I. Les actes des patriarches / par J. Darrouzès. – Paris 1991. – Fasc. VII. Les Regestes de 1410 à 1453 suivis des Tables générales des Fascicules I–VII. – 197, X p.

61. Lewicki, A. Sprawa unii kościelnej za Jagiełły / A. Lewicki // Kwartalnik Historyczny / red. A. Semkowicz. – Lwów: Nakładem Zakładu Nar. imienia Ossolińskich, 1897. – T. 11. – S. 310–337.

62. Likowski, H. Kwestya Unii Kościoła Wschodniego z Zachodnim na soborze konstancjeńskim / H. Likowski // Przegląd Kościelny / red. X. S. Okoniewski, X. Dr. S. Trzeciak. – Poznań: Nakładem redakcyi, Czcionkami drukarni sw. Wojciecha, 1906. – T. 8 (1905). – S. 510–519. – T. 9 (1906). – S. 7–20, 168–186.

63. Loenertz, Raymond-J. Les dominicains byzantins Théodore et André Chrysobergès et les négociations pour l'union des Églises grecque et latine de 1415 à 1430 / Raymond-J. Loenertz // Archivum Fratrum Praedicatorum. – Roma, Largo Angelicum, 1: Istituto Storico Domenicano, 1939. – Vol. 9, Janvier. – P. 5–61

64. Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae illustrantia, XII: Pomniki dziejowe wiek ó w średnich do objaśnienia rzeczy polskich służące / Codex epistolaris saeculi decimi quinti / coll. opera A. Lewicki. – Kraków: Akademia Umiejętności, 1891. – T. 2.: 1382–1445. – LXXVII, [3], 531, [1] s.

65. Onasch, K. Grundzüge der russischen Kirchengeschichte / K. Onasch. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1967. – 133 s.

66. Pelesz, J. Geschichte der Union der ruthenischen Kirche mit Rom von den ältesten Zeiten bis auf die Gegenwart / J. Pelesz. – Wien-Würzburg: Mechitharisten-Buchdruckerei, 1878. – Bd. 1. – 638 s.

67. Prochaska, A. Dążenie do unii cerkiewnej za Jagiełły / A. Prochaska // Przegląd Powszechny. – Kraków: Druk. W.L. Anczyca i Spolki, 1896. – T. 50. – S. 329–351. – T. 51. – S. 42–64

68. Stökl, G. Die Ostslaven zur Zeit des Konstanzer Konzils / G. Stökl // Die Welt zur Zeit des Konstanzer Konzils. – Konstanz [u.a.]: Thorbecke, 1965. – Bd. 9: Konstanzer Arbeitskreis für Mittelalterliche Geschichte. – S. 149–169.

69. Stradomski, J. Literacka, polityczna i cerkiewna działalność prawosławnego metropolity kijowskiego Grzegorza Camblaka w świetle współczesnych mu źródeł / J. Stradomski // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego [=ZNUJ MCCCII]. Z religijnych zagadnień średniowiecza. Studia Religiológica z. 41 / pod red. J. Drabiny. – Kraków: Wydawnictwo UJ, 2008. – S. 167–182.

70. Thomson, F. J. Gregory Tsamblak the man and the myths / F. J. Thomson // Slavica Gandensia / Ed. Dr. J. Vereecken. – Gent: Department of Slavonic and East European Studies, 1998. – 25/2 – 149 s.

71. Trajdos, T. M. Metropolici kijowscy Cyprian i Grzegorz Camblak (bulgarscy duchowni prawosławni) a problemy Cerkwi prawosławnej w państwie polsko-litewskim u schyłku XIV i pierwszej ćwierci XV w. / T. M. Trajdos // Balcanica Posnaniensia. Acta et studia. – Poznań: Instytut Historii UAM, 1985. – T. 2. – S. 211–234.

72. Петрушко, В. И. Между Вильно и Москвой: Русская митрополия и государственно-церковные отношения в первой трети XV в. / В. И. Петрушко // Вестник церковной истории / гл. ред. С. Л. Кравец. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2014. – 3/4(35/36). – С. 204–235.

73. Турилов, А. А. Послание митрополита Григория Цамблака великому князю Тверскому Ивану Михайловичу (1415 г.) / А. А. Турилов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2015, № 4 (62). – С. 104–106.

74. Сборник посланий [рукопись] // Государственный исторический музей (ГИМ). Музейское собрание № 1209. – [Б.м.], XVII в. – ГИМ 38137. – 254 лл.

75. Кузьмин, А. В. Грамоты, связанные с деятельностью Полоцких епископов и архиепископов в XIV – середине XV в. как источник по истории Полоцкой епархии / А. В. Кузьмин // Вестник церковной истории / гл. ред. С. Л. Кравец. – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2012. – 1/2 (25/26). – С. 229–254.

Приложение

Предлагаемый корпус документов связан с изданием Григория Цамблака на Новогрудском соборе. Все послания содержатся в сборнике XVII в. Музейского собрания № 1209 Государственного исторического музея, ед. хр. ГИМ 38137 (листы 216 об. – 236), выполнены скорописью [см. подробнее 73; 74]. За исключением послания Григория Цамблака великому князю тверскому Иоанну Михайловичу, остальные источники из указанного сборника публикуются впервые. В то же время упомянутое послание содержало ошибки в указании листов сборника и некоторые орфографические огрехи, что было учтено и исправлено в данной публикации.

Глава 47. Послание патриархово митрополиту Фотию.

Священнейший митрополите Киевский и всеа Русии и всесчастнейший о Святем Дусе возлюбленный брате нашего смирения и сослужбениче, Фотие! Благодать буди и мир от Бога твоему святителству. И смирение наше, судбами, имиже Бог весть, на высокий патриаршеский

вздох стол, | [Л. 216 об.] судом священнаго и божественнаго собора и избранием, и произволением державнейшаго и святаго ми самодержца. Восхотех же убо вскоре ко твоему святительству написати о нас извещение, даючи бывшего от бывшего, но нестроения ради путнаго ни от нас к вам проходящим, ниже от вас к нам, и возбрани нам се. Како же убо писание твоего святительства прииде к нам, и промыслихом тако послати ко твоему святительству, и пишем с тем же вашим человеком, моление имеючи во здравии прияти ти наше писание, и по нашему желанию да совершится. Да есть же ти ведомо, возлюбленный брате, како прияхом писа | [Л. 217] ние от твоего святительства, и познахом пространно еже сотвори Цамблак Григорие. Уведахом же и преже о сем, и от того часа думаем елико есть о исправлении вещи сея на ползу твоего святительства. А еже понужаеши на подвизание наше смирение ко исправлению сего бывшего, и достоин: подобно есть се, яко бо наше беззаконное и нечестивое дело вси християне зело должны суть подвизатися о сем, якоже и ты. А яко мы убо како и нас свое себе се вменихом, паче же изрядно скорбен о сем неудоленно, державнейший мой святыи самодержец, како по достоянию подобает христоролюбиву | [Л. 217 об.] благоверну царю: також и мы скорбни о сем зело, и имеем нужу, яко да исправити се по закону и по правилом, како Богу любо. А о сем убо ни како да не будет от нас ослабление или отдание, будучи тамо Цамблаку Григорию. Они же убо себе о сем много мыслят, но немощну никако быти их помышлению; думаем же о Бозе, како будет исправление о бывшем сем: се же сотворившися еже беззаконне дерзостное дело на разрушение закону и божественным правилом и всему церковному преданию. И подобает купно всем стати о Церкви Христове и подвизатися, якоже мощно. Он же от того беззаконнаго действа ничтоже | [Л. 218] себе приобрете, разве извержение и отлучение, и проклятие; надежди же никакоже да не имеет ослабы сему прияти, дондеже пребудет в беззаконном своем действе; егда же ли покается и отступит от злодеяния своего, и припадет к разсуждению божественнаго и священнаго собора, и хошет быти о нем, еже Богом явится божественному и священному собору. Ныне же божественный и священный собор, собрався по случаю, священныя святители, митрополиты всечестнейшия Ираклийский и Ангирский, и инии мнози, и судом сих общим повержетца Цамблак Григорий, по божественным и священным | [Л. 218 об.] правилом, по извержению, во отлучение и в проклятие. И сего ради писал царь святыи к великому князю Витовту, такоже и мы, о исправлении вещи сея, и надеемся, понеже есть умный государь [господарь], да сотворит исправление о бывших

и отгонит упражнена его. И аще сие будет, пишем ко твоему святительству, да приидеши к нам на борзе, понеже потребно есть, да в соборе подумаем о сущих тамо христиан, како ибавятся от отлучения и тягости, еже есть на них от божественных правил, да неразумения их ради пребудет на них тягость. Аще не попечемся о сем, сами суд приемем о сем и о исправлении прочном. Добро есть да вся та пред тобою испра | [л. 219] вятся, и удобно есть се зело тебе и всем, яко да приидеши к нам, аще князь Витовт не отженеть его. И убо нудим тя, да приидеши к нам, и остало в твоём разсужении, и моего сына великого князя. Благодать же Божия и мир, и любовь, и молитва моя, и благословение да будет с твоим святительством.

Глава 48. Послание патриархово, к великому князю Василию.

Возлюбленне, свате державнейшаго и святаго ми самодержца, преславне, благородне, мужественне, разумне, великий княже Московский и всеа Руси, о Святем Дусе возлюбленне, сыне нашего смирения, Василие! Благодать, мир, милость | [Л. 219 об.] и на вся, и на благая душевна вкупе и телесна. Молится смирение наше да будет от Бога Вседержителя твоему господству. Смирение наше судьбами, имиже Бог весть, на высокий патриаршеский взыде стол, избранием и разсуждением божественнаго и священнаго собора, и хотением и произволением державнейшаго и святаго самодержца. Восхотех же вскоре писати о нас, обычнаго ради пребывания к господству твоему, извещение духовно и любовно известити и послати молитву и благословение к великому ти господству и всея твоя державы. И как измышлехом о сем и прияхом писание всечестнейшаго митрополита Киивскаго и всеа Руси, о Святем | [Л. 220] Дусе возлюбленнаго брата и сослужебника нашего смирения Фогия, и познахом пространно о действе еже сотвори Цамблак, а и прежь о сем уведахом. И от того времени думаем ко исправлению вещи сия и на угождение господству твоему. И да будет совестно благородию твоему, яко да на всякую беззаконную и непреподобную вещь, вси христиане должны суть подвизатися, якоже и мы. Понеже, како от нас яко своя себе се вменихом, изрядно о сем скорбен и сетовен неудоленно зело державнейший святыи мой самодержец, якоже по достоянию подобает христороливиу, благочестиву, благоверну царю, | [Л. 220 об.] святому самодержцу. Сиче же сетовални есмы о сем велми, и имеем нужу всяко, яко да исправим се по закону и по правилу, как Богу любо. Да о сем убо да не будет от нас никак ослабление или отдание тамо пребывающу Цамблаку. Они же убо себе о сем много мыслят, но немощну

никако быти их помышлению; мыслим же о Бозе, како исправление будет сим бывшим исцеленно: се же бо сотворившееся не о Бозе дерзостно дело на разрушение закону и божественным правилом, и всему церковному преданию. И подобает всем вам купно поревновати о Церкви Христове и подвизатися, якоже мощно превде [правде]. Он же, | [Л. 221] Цамблак, от беззаконного своего действия ничтоже себе приобрете, разве извержения и отлучения, и проклятия от божественного и священного собора; надежды же убо никак ослабы имеет сему себе прияти, дондеже пребудет в беззаконном своем действе; егда же покается и отступит от злодеяния своего, и припадет к разсуждению божественного и вселенского, и священного святого собора, и хошет быти о нем, от Бога явитися божественному собору о его присвоении токмо к православию, а не еже священство дати ему. Ныне же божественный и священный собор, собрався по случаю, божественни и священни | [Л. 221 об.] митрополити: всечестнейший Ираклийский, и Ангирский, Никомидийский, Сидиниский, Волоский, Патрьский, Перефеоритский, Амастридский, Сурожский, Дритский, Силиврийский, Ганский, Софийский, Тарский, и с сими боголюбивии епископи: Афирский, Родостовский, и много боле ста, и судом сих общим повержен Цамблак Григорие, по божественным и священным правилом, по извержению, во отлучение и проклятие. Сего ради писал святыи мой самодержец и аз к великому князю Витовту, яко да исправит се, понеже есть умный великий князь, и сотворит ныне исправление бывшии вещи сея, и упразднив, отгонит | [Л. 222] безстудного того отгуду. И аще сие сотворится от него, пишем брату нашему митрополиту Киевскому и всеа Русии Фотию приити к нам безпереводно, понеже потребно есть, да подумаем о сущих тамо христиан, яко да избавятся отлучения и тягости, еже на них от божественных правил, да неразумения их ради пребудет на них тягость. От нашего ради попечения, да не приимем о сих суда. Пишем о сем господству твоему, еже да приити к нам брату нашему, се бо есть зело потребно к православию и чести, и составление твоего господства, тако же и брату нашему, и всей твоей державе. | [Л. 222 об.] А аще князь великий Витовт не отгонит того Цамблака, и не пишем брату нашему Фотию да приидет к нам, понеже убо всяку вещь сотворити хошем богоугодно, и в хотение твоего господства. И уповаем имеюще Бога и святого самодержца, еже бо в его времена и наша, не попустится никако быти вещи сей. Благодать же Божия и молитва моя, и благословение да есть с великим твоим господством.

Глава 49. Послание царево к митрополиту Фотию.

Преосвященнейший митрополите Киевский и всеа Русии и пречестне, Фотие! Слышахом убо беззаконное дело, еже сотворил Цамблак на Христову Церковь, и сетовални есми недоуленно зело о сем по досто | [Л. 223] янию, понеже сотворившееся от него на отвержение есть божественных и священных правил, и предания церковнаго, и чина, и обычая. И сий убо аще пребывает в сих и хошет приити достойна злодеянию своему, еже якоже преже обрете и до сего времени, яко отвержен и проклят от Христовы Церкви. Мы же тщахомся и тщимся с Богом по достоянию сего управления. Сего ради со святым собором писахом ко епископом ваша власти, писахом же возлюбленному брату нашего царствия великому князю Витовту, надеяние имеючи на Бога, понеже разумен есть великий князь, и сотворит достойно управление | [Л. 223 об.] сему, яко да отгонит оттуду беззаконнаго Цамблака, упражнена от власти еяже причастися. И да пишет к тебе, яко да дерзаеши путем и нам по его державе. Пишет же к тебе, еже да не сотвориши инако, но да приидеши к нам безперевода наборзе, понеже потребно есть, да подумаем со Христовою Церковию о исправлении места того христианству, еже како будет промышление исцеленно тем, и удобно есть се зело, да будет се при тебе. Сего ради пишем ти, да не сотвориши инако, аще князь великий Витовт не упразднит, и не отгонит Цамблака, и не пишем к тебе, да | [Л. 224] приидеши к нам, но стало се во твоём хотении и разсуждении. Обаче яко и готов да будет, аще собором нам явится, и пишем ко твоему святительству, яко да приидеши к нам, возложив надежду на Бога и на Христову Церковь. И пространно отписание да уразумеши всесвященнаго моего владыки вселенскаго патриарха. Сего ради и не пишем болши, доволне бо есть, се еже бысть ведание царства нашего.

Глава 50. Послание царево, к великому князю Василию Димитриевичю.

Преславнейший и светлейший любовный сыне и свате царства моего великий княже, Василие! Мы, помощию Божию, во здравии своем имамы ся добре, | [Л. 224 об.] яко да здравствуеши и ты, и имееши во всем добре. Много время есть, еже неприяхом писания твоего, но ниже ты от нас. Вина же бысть сему, еже быхом в нижних местех наших, ина же вина, нестроения ради путнаго оттуду, еже сотворил Григорие Цамблак беззаконное дело на Христову Церковь. И ныне же сказал нам человек сей, яко идет к вам. И сего ради пишем к тебе и з Богом имамы се добре, и царица моя мати твоя, и сын наш царь, и возлюбленная наша дщи

и ваша, и иные наши дети. И пишем сия к вам, еже познахом яко желаете слышати о нас, якоже и мы желаем слышати вашего здравия | [Л. 225] и радости, како да будет с Богом добре. И сего ради пишете к нам о сих и о иных всех, иже требуете, и хошет быти все исполнено по вашему хотению и нашему, о действе еже сотворил Цамблак. Сотворихом со Христовою Церковию, елико достойно, и писахом о сем возлюбленному свату нашему великому князю Витовту, пишем же и ко преосвященному митрополиту Киевскому и всеа Русии Фотию, елико имеши познати от писания его, еже пишем к нему, и от всесвященнаго нашего владыки великого вселенскаго патриарха, надеяние имущи на Бога, яко да по достоянию исправим сие | [Л. 225 об.].

Глава 51. Послание Цамблаково, к великому князю Иоанну Тверскому.

Благословение Григория, митрополита Киевскаго и всеа Русии, о Святем Дусе возлюбленному сыну нашему князю великому Иоанну Тверскому. Сыну наш, Богом возлюбленный и нашего смирения, да ведаеш еже отныне есть моление наше к Господу о вашем здравии. Мы слыхали есмя о твоём благочестии, и о христолюбии, еже имееш любовь велику ко Господу о своём спасении. Ты же к нам, ни мы к тебе ништо не посылахом писаний, понеже бяше время таково не пришло о наших вещех. Сего ради ныне даем ведание господству твоему, еже есть Божиим изволением, | [Л. 226] и того неизреченными и непостижимыми судбами, и великого князя Витовта Литовскаго и многих русских стран государя хотением, и избранием боголюбивых епископов, и всех князей православных, и христоименитых божиих людей, и всего собора великого, вступихом на высок престол Киивские церкви пасти стадо Христова по заповедем Христовым. Сего ради о вас есмь должен Бога молити и о вашем здравии и научати, якоже достоит нам. И тако господство ваше да посылаеши к нам о всяких вещех прилучающихся на всяка дела ваша, еже на благочестие ваше и спасение. А мы есмы должны Бога молити за тебе, | [Л. 226 об.] и за дети твоя, и за вся твоя. И да быхом слышали о здравии вашем. А милость Божия и наше благословение да будет с тобою, и с твоею княгиною, и с твоими детми, и со всеми твоими.

Глава 52. Послание цамблаковых владык, к великому князю Иоанну Тверскому.

Богом возлюбленному о Святем Дусе сыну нашего смирения князю великому Ивану Тверскому. Всяк дар совершен, свыше ото Отца све-

том, достиже и до нас смиренных, егоже и мы держащесе, и ныне тем даром многия наша издалеча скорби, еже о Церкви нашей матери, утешение обретохом, сицевым образом последовавшим вещем. Смиреннии епископи русских стран и братия друг другу | [Л. 227] по Духу Святому, Феодосий, архиепископ Полоцкий и Литовский, и Черниговский Исакий, Луцкий Дионисий, Володимерский Герасим, Смоленский Севастиан, Туровский Евфимий, Холмский Харитоний, понеже видехом презираему от митрополита Фотия церковь Киевскую, яже есть глава всеа Руси, стадо Христово небрегомо и спогипе готово, скорбехом о том и печални быхом, имуще пастыря именем, а делом же не имуще: ниже бо хотяше сидети у церкви, даной ему от Бога, и справити люди божия, якоже достоин митрополиту, но паче приходы церковныя избирая живяше инде старая устроение и честь | [Л. 227 об.] Киевской церкви на иное место прелагаше. И тако нам скорбящим о церкви и о людех божиих подвиже милостивый Бог сердце великого князя Александра, зовомого Витовта, Литовскаго и многих русских земель государя [господаря]; того убо митрополита изгна Фотия, посла же во Царьград, ко царю и к патриарху, и проси дати ему митрополита, хотяща быти людям божиим на спасение достойна, тоя церкви на утвержение. И царь и патриарх не восхотеша послушати прошения его правого, своих делея прибитков неправедных. Он же с нами совещався, истинно и праведно, яко правый и истинный государь [господарь] и великий князь. И собра вси князи | [Л. 228] литовские земли, русских земель и иных стран, елико суть ему покорени наша церкви, и бояр и велмож, и архимандритов, и игуменов благоговейных, и иноков, и попов. И сих всех советом и волею, и нашим собранием и хотением, и сошедшеся в Новем граде Литовстем, у святей церкви Пресвятыя Богородицы, и по благодати, данной нам от Святаго Духа, поставихом митрополита святейшей церкви Киевской и всеа Руси, именем Григория, по преданию святых апостол, якоже пишут в своих правилах: «Два или три епископы рукупологают митрополита», якоже иже преже нас сотвориша епископи, при великом князе Изяславе Киивском, поставиша сами | [Л. 228 об.] митрополита по правилом; якоже иже преже нас крещени болгаре и нам средницы сотвориша, своими епископы поставльше перво себе святителя. Такоже и сербскаго языка епископи разсудивше, яко по правилом есть и по апостолскому уставу, сотвориша себе святыми епископы первосвятителя, и даже и до днес есть, поспешествующу Богу, первосвятитель в Сербской земле, имей многы епископы под собою. Таже не толика есть Сербская земля, елико Руска, яже есть во области великого князя Александра, преже нареченнаго Витовта, но есть мала

землею и людьми. Что глаголем о болгарех и сербех? От святых апостол ставление тако уста | [Л. 229] вление бысть. На всех равно православных епископех благодать действует Святаго Духа: ибо апостоли егда поставлены быша, и они иже инех поставиша, и паки они и других, и тако благодать Святаго Духа даже и до нас смиренных дойде; имамы власть, яко апостольстии ученицы, многими испытании и сходитися и поставляти своему стаду пастыря достойна, егоже Бог хочет. И якоже и власть имамы от Господа: еже аще свяжем на земли, будет связан на небеси, и иже аще разрешимъ на земли, будет разрешен на небеси. И яко да не рекут нецыи: «Отлучаемся от веры, понеже митрополита сами поставляем»; да не буди то: но | [Л. 229 об.] не отлучаем. Таковое слово кто речет, неразумен есть. Но мы предание от святых церквей и от святых отец держим благочестиво исповедуем, проклинаем же всякую ересь, чюжу апостольскаго и отечьскаго предания; к сим же и Симонфискую ересь анафеме отсекаем, продающую на злате и на серебре дар Святаго Духа. Патриарха убо святейшаго Константиноградскаго имамы, патриарха и отца, и прочих патриархов, Александрийскаго, и Антиохийскаго, Иерусалимскаго, и тех митрополитов, и тех епископов, отцы и братию по Духу Святому; согласно с ними держим исповедание веры, и такоже мудствуем и учим якоже они: но отвра | [Л. 230] щаемся, не могуще терпети еже есть на Церковь Божию насилование царево; ибо святой великий патриарх божественный и священный собор Константиныграда по правилом поставити митрополита не могут дати, но кого царь повелит, отсюда продается и купуется дар Святаго Духа, якоже отец его сотвори на Киевскую церковь, во днеш наших, о Киприяне митрополите, и о Пимине, и о Денисии и о иных многих, не смотрящих на церковную честь, но смотрящих на серебро и злато многое. Отсюда быша протори мнози, и смущения, и убийства, еже всех лютейше, безчестие церкви Руской. Сего ради расудихом | [Л. 230 об.] и рассмотрим, яко неправедно нам есть таковыя примати оттуду митрополиты, иже куплею поставления бывают от царя, мирянина будуща человека, а не по воли патриархове и по преданию сущаго собора апостольскаго. Темже снидохомся мы, по благодати данной нам от Святаго Духа, поставихом достойна святиля Руской церкви. В лето 6924-го. И индикта 9-го.

Глава 53. Послание Витовтово к великому князю Иоанну Тверскому.

От великого князя Витовта, князю великому Иоанну Тверскому. Даем тебе ведомо про митрополию Киивскую и всеа Руси. Про то, чтоже из-

давна разсмо | [Л.231] трили есмы, что митрополия Киевская церковь не строится, но скудеет: митрополитов колко было за нашу память? Церкви не строили, или как было издавна, на колко церковных приходов то емлячи, на иная места носили и давали! И устроения церковная свято-сти великия страсти Христовы, скатерть Святой Богородицы, и образы Христовы, и Богородицыны честнии златом оковани, и потиры аспид-ныя золотом обложени и з драгим камением, многоценни, и ризницы честнии, и иное различное многое устроение церковное многоценное, и всю честь церковную Киевской митрополии инде относили; что была старые князи издавна | [Л. 231 об.] нарядили и подавали церкви на свою честь и на свою память, опрично иного злата и серебра и изров [уборов], колко в чужую землю относили, то всего кто может и исчези? Про тож то мы усмотривше, по смерти Киприяна митрополита, послали есмы во Царьград владыку Полоцкого Феодосия, к царю и к патриарху, просячи их, чтоб его поставил нам митрополитом, чтобы сидел митрополит на столе Киивской митрополии по старине и строил бы церковь по давно-му, как наш, занеже божием изволением тое место Киев мы обладаем. И они того не хотели нам учинити, не поставили нам Феодосия митро-политом, | [Л. 232] но прислали к нам своего митрополита Фотия. И мы того Фотия и не хотели было прияти, а потом погадали есмы, а он обе-щался нам, что ему жити на Киеве у нас и церковь строити. И приняли были есмы его на митрополию Киивскую, и он паки туто, у нас на Ки-еве, не жывал, толко звался митрополитом Киевским словом, а церковь Киивскую пунту учинил. Про тож мы, не могли того терпети, и церкви тоя не хотя видети оскудения митрополии Киивские, и згадавше с на-шею братьею, и со князми рускими наших русских земель, что нам есть Богом покорено, того Фотия из стола Киивские митрополии изогнали есмы; во Царьград | [Л. 232 об.] ко царю и патриарху, жалуяся и вся тая дела являя им о церкви Киивские митрополии, и просили есмы их, чтобы поставили нам Григория митрополитом; и они того нам також не учинили. Ино то есмы гораздо познали на них, что хотят они того, чтобы по своей воли ставили митрополита своего, по накупу, хто ся у них на-купуает, как они хотят, чтобы се было в их воли в таковой, что здесь бы грабя, пусто чиня, а к ним выносил. Про тоже мы погадав и со владыка-ми нашими, што суть в нашей земли, и со архимандриты, рекли есмы, што про то учиним, что царь и патриарх нам не хотят дати такова митро | [Л. 233] полита, што Церковь бы строил, занеже нам того смотря жаль: хотя есмы и не ваша веры, а инья люди ис сторон рекут, что: «Государь [господарь] не тоя веры, того дея и церковь оскудела», ино того бы

слова на нас от людей не было; а митрополича дела суть явны, что от него нестроение, но грабление, и опущение церкви. И владыки так нам отвечали: «Колиж тако есть, а и сами то и не те перво слышим, и видим, что церковь скудеет, а царь и патриарх строителя доброго к нам церкви Божии не дадут: и по правилом, нам годится самим избором поставити митрополита, как же было и преже сего также; при великом | [Л. 233 об.] князе Изяславе Киевском епископи собрався зборомъ, поставили митрополита Киеву и всеа Русии, а то нашли есми, написано стоит в летописцех в русских, в Киевском и Володимерском, и в иных. И потом, погадав, рекли есмы: «И еще пошлем во Царьград, ко царю и патриарху». И послали есмы послы наши месяца марта, а указали есми им говорити царю и патриарху тако: «Толко же паки не дасте нам митрополита, мы хоцем паки избором митрополита поставити по правилом, как же и перво сего было, што пишет в летописцех русских». А срок послом нашим учинили есмы, быти у нас опять на ильин день, а потом срок | [Л. 234] есмы им отложили до Успения Пресвятыя Богородицы. И потом из Москвы идучи во Царьгород пришли к нам послы, царев посол Дисипат, а другой патриарш архимандрит Гавриил, и просили велми о том деле, што быхом срок и еще отложили до Филипова дни, доколе бы они тамо, дошед, поговорили о том царю и патриарху. И мы, по их прошению, отложили есмы срок до святаго апостола Филиппа. А до того срока, по нашему слову, как ся есмы и няли, а по их прошенью, тако ждали есмы, а про послы наши так и не слышим, где суть. Инии так же рекли нам владыки, по правилом, и как в летописцех пишет, с нашею братьею и с нашими князми | [Л. 234 об.] рускими наших русских земель, и с нашими владыками и со архимандриты съехався избором, поставили есмы митрополита Киевской митрополии и всеа Русии, по давному. Про то же пишем вам, чтобы есте то знали и ведали, как ся то есть доспело. А кто хоцет по старине держатися под властью митрополита Киевского, ино таки добро, а кто не восхоцет, воля ему есть; но то знайте: занеже есмы не ваша веры, а коли быхом того хотели, штобы в нашей державе ваша мешалась и меншала, а церкви бы ваши не строины были, и мы о том быхом не печаловалися, воля нам есть. Но, коли б митрополита | [Л. 235] не было, или владыка которой бы умерл на которой епископы, и мы быхом возми от Рима епископа своего уставили, или на митрополию, или на которой ли епископы, или какова ли наместника быхом своего держали по нашей воли. А доходы митрополича и епископы брали быхом себе; но мы хотячи то, чтобы вера ваша не мешалась и не угибала, и церквам бы вашим строение было, и мы так учинили, поставили есмы

митрополита, избором на Киевскую митрополию, нешто бы туто строение было церковное, и честь руская туто бы стояла в земли своей. Как же болгаре усмотривше и сербы учинили | [Л. 235 об.] себе сами, митрополиты по правилом и первосвятители, и держатся до сего дни так: а то мы учинили есмы, чтобы по старине митрополит сидел в Киеве на столе своем, как пошло от начала, занеже то было недавно учинилась, што митрополит почал жити на Москве, а здесья церковь Киевскую оскудили и пугу учинили. Писано в Нове городке в субботу по святого Филиппа дни. Индикта 9-го.

ПРАВО НА САМОУПРАВЛЕНИЕ ГОРОДОВ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И НЕМЕЦКОЕ ГОРОДСКОЕ ПРАВО: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Зарождение городского самоуправления

В первой половине XVI века в городах Великого княжества Литовского отмечается бурный рост населения, производства и торгового капитала. Общее количество городов и местечек Княжества за короткий срок увеличилось почти вдвое и составило 757 [5, с. 98]. Рост городов был обусловлен глубинными изменениями модели социально-экономического развития, определивших на столетия вперед весь ход государственного строительства. Точкой отсчета явилась коронация первого и единственного литовского короля Миндовга в 1253 г., которая вывела Великое княжество Литовское на европейский путь развития. Завершение консолидации отдельных княжеств, построение развитого государственного аппарата и развитие торговли, ремесла и книгопечатания позволили ВКЛ стать составной частью правового, экономического и культурного пространства Европы. Общеευропейские процессы оказывали непосредственное влияние на развитие ВКЛ во всех без исключения областях, но наиболее ярко это влияние проявилось в управлении городами.

Необходимой предпосылкой для дальнейшего развития города, завершившего строительство городских стен, замка, храма и рынка, как наглядно продемонстрировал опыт западноевропейских городов, явилось право на самоуправление. Действовавшие ранее нормы обычного права уже не могли в полной мере удовлетворять потребности горожан в регулировании все более сложных экономических отношений. По этой причине наиболее крупные города стали добиваться для себя права на самоуправление по примеру немецких и польских городов [5, с. 98].

Немецкое городское право: магдебургская, любекская и нюрнбергская правовая семья

Самой распространенной правовой системой городского самоуправления в Европе, начиная с XII в., было так называемое магдебургское право, получившее свое название от саксонского города Магдебург

(нем.: Magdeburg). Однако первенство здесь принадлежит не магдебургской, а менее известной любекской правовой семье (от г. Любек, нем.: Lübeck). Самым древним правом городского самоуправления в Германии считается право вестфальского г. Зёст (Soest), составленное между 1151 и 1156 гг. Именно от него и берет свое начало Любекское городское право. Сам Любек получил право на самоуправление в 1160 г. [6, с. 63], а Магдебургу право городского самоуправления было даровано архиепископом Вихманом (Wichmann) в 1188 г. и подтверждено грамотой Альберта в 1294 г. [9, с. 7]. Самый ранний пример дарования нюрнбергского городского права – это привилегия короля Филиппа, дарованная в 1200 г. баварскому городу Ленкерсхайму (Lenkersheim) [6, с. 74].

Различия в правовых семьях немецкого городского права состоят в организации органов самоуправления: например, любекское право, в отличие от магдебургского, не предусматривает создание скамьи судебных заседателей-шеффенов (Schöffen). По сути, вся полнота законодательной, судебной и исполнительной власти в городах с любекским правом находилась в руках Совета. Следующее отличие состояло в имущественных правах супругов. Если право Магдебурга рассматривало имущество каждого супруга по отдельности, то право Любека допускало ответственность вдовы должника собственным имуществом [6, с. 65].

Отличие нюрнбергской семьи состоит в том, что основной акцент делался на рассмотрении судебных жалоб и апелляций, с которыми обращались в Малый Совет Нюрнберга представители других городов, в том числе магдебургской и любекской правовой семьи. Разъяснения или испрошенные приговоры – «хейшуртайли» (Heischurteile) – составляют основу любекской системы права. Наиболее важные из них записывались в книги Совета (Ratsbücher), а также в общем порядке в Книги корреспонденций (Briefbücher).

В дальнейшем под магдебургским правом для белорусских городов понимаются все три правовые семьи немецкого городского самоуправления, а также их разновидности, как например хелмское право. Оно берет свое название от города Хелма (Chelmno, Culm), пожалованного Конрадом Мазовецким призванному им в 1228 г. Тевтонскому ордену. От него же в 1233 г. Хелм получает право на самоуправление, подтвержденное в 1251 г. наместником магистра ордена в Ливонии и Пруссии Эбергардом Сейне (Eberhardus de Seyne). Хелмское право принадлежит магдебургской правовой семье, с тем отличием, что имущество супругов считалось общим, и переживший супруг наследовал половину имущества умершего супруга [9, с. 30].

Распространение немецкого городского права на территории Великого княжества Литовского

Первыми белорусскими городами, получившими жалованную грамоту на самоуправление, были Вильно (1387 г.), Брест (1390 г.) и Гродно (1391 г.). Впоследствии грамоты дополнялись и подтверждались великими князьями. Среди историков нет единого мнения, когда окончательно оформились правоотношения между княжеской властью и городами по вопросам самоуправления. Поэтому называются различные даты получения городами Княжества магдебургского права. Так, например, С.П. Стренковский ставит под большое сомнение наделение Гродно правом на самоуправление в 1391 г., ссылаясь на отсутствие записи об этом в Актах Виленской комиссии, и датирует наделение Гродно магдебургским правом более чем на сто лет позднее – в 1496 г. [7, с. 49].

Подобное различие во мнениях не удивительно, поскольку трудно однозначно определить момент, когда город получил право на полное самоуправление, как оценивать партикулярные права на самоуправление, и где проходит граница литовско-белорусско-русского правового круга? Так, Ф. В. Тарановский утверждает, что последний галицкий князь Юрий жалует городу Санок привилегию на магдебургское право еще в 1339 г. А до этого князь Галицкой Руси Даниил Романович и его потомки призывают немецких купцов селиться в русских городах, а также обещают торуньским купцам право свободной торговли в своих владениях [9, с. 17].

Немецкая исследовательница Шубарт-Фикенчер (Schubart-Fikentscher) утверждает, что в Новгороде, Пскове и Ковно еще в XIII в. действовали соглашения (skra), наделявшие немецких купцов особыми привилегиями и судебными иммунитетам. Точная дата заключения соглашений (skra) неизвестна, возможно указать лишь приблизительные даты: между 1265 и 1275 гг. (I skra), 1295 г. (II skra), 1325 г. (III skra) и между 1355 и 1361 гг. (IV skra) [13, S. 521]. Шубарт-Фикенчер с большими оговорками видит в новгородском соглашении прообраз городского самоуправления и относит его к любекской правовой семье. В особенности учреждение в Новгороде юридически самостоятельной немецкой торговой конторы (Kantor), позволяет ей сделать вывод о наличии некой организационной структуры, своеобразного городского Совета [13, S. 517]. Подобные торговые соглашения заключали в XIII в. и другие древнерусские города – Смоленск, Полоцк и Витебск, но нигде дело не дошло создания юридически независимого органа торгового (но не общегородского) самоуправления.

Как уже было отмечено выше, первыми литовскими и белорусскими городами с полным магдебургским правом были Вильно и Брест. Сразу после подписания Кревской унии польский король и великий князь Владислав-Ягайло выдает привилегию столице Княжества Вильно, желая полностью уравнивать ее в правах с польской столицей в Кракове. Точно так же действует он и в отношении Бреста. В период борьбы между Ягайло и Витовтом, последний повторно дает привилегию на самоуправление Бресту, но в качестве примера приводит уже не Краков, а польский Люблин [1, с. 416]. Отсюда следует сделать вывод, что грамота Витовта не подтверждает грамоту Ягайло, а заменяет ее, и он хотел это подчеркнуть [7, с. 49].

После столетнего перерыва наступает новая волна выдачи городам ВКЛ грамот на магдебургское право. После избрания в 1492 г. Александра великим князем магдебургское право жалуются в течение всего двух десятилетий Брянску (1493 г.), Бельску (1495 г.), Киеву (1497 г.), Полоцку (1498 г.), Дрогичину (1498 г.), Минску (1499 г.), Мельнику (1501 г.), Волковыску (1503 г.), Новогрудку (1511 г.), подтверждают и расширяют до полного права на самоуправление Гродно (1496 г.) и Луцк (1497 г.).

Столетняя задержка объясняется тем, что вначале право на городское самоуправление насаждалось сверху и носило в определенной мере искусственный характер. Основным движущим мотивом было тщеславие («а чем мы хуже немцев и поляков?») и борьба за влияние между Ягайло и Витовтом. Впоследствии магдебургское право органично вписалось в правовую систему Великого княжества Литовского, сложилась определенная юридическая практика и были подготовлены собственные кадры. Белорусские города уже требовали от великого князя большей самостоятельности и знали, как ей распорядиться. В отличие от городов Северной Руси – Новгорода и Пскова, где городское самоуправление так и осталось в зачаточном состоянии, – на территории Княжества магдебургское право получили все крупные города и даже местечки [8, г. 68]. Основная движущая сила была при этом не великокняжеское тщеславие, а стремление городов самим определять свою судьбу.

Классификация немецкого городского права, действовавшего на территории Великого княжества Литовского

Немецкое право городского самоуправления, действовавшее на территории Великого княжества Литовского, независимо от принадлежности к правовой семье подразделялась на подлинное право (*Landrecht*

или *Speculum Saxonum*) и муниципальное право Вайхбилд (*Weichbild* или *Jus Municipale*, в современной терминологии «soft law» – мягкое право). Неотъемлемой и весьма важной составляющей права городского самоуправления являлось обычное право, действовавшее для данной местности.

Среди отечественных и зарубежных историков нет единого мнения, как непосредственно применялось магдебургское право на территории Княжества, каким было его содержание и классификация. Российский профессор Антонович считает, что из магдебургского права взято было только внешнее устройство городов, руководящими же юридическими нормами были местные обычаи [9, с. 33]. На такой же позиции стоят и авторитетные белорусские историки И. А. Юхо [10, с. 201] и Т. И. До-внар [5, с. 103].

Противоположной точки зрения придерживается российский историк Владимирский-Буданов, который полагает, что действовавшее на территории Княжества городское право основывалось именно на чужеземных источниках права, а не на местных обычаях. Такой отход от старинных древнерусских обычаев и, как следствие, последовавшая за ним децентрализация власти и послужили, по его мнению, причиной последующего упадка городов Речи Посполитой [3, с. 2].

Примирительную позицию занимает профессор Кистяковский, который считает магдебургское право не номинальным, а реально действующим. С другой стороны, магдебургское право «терпело видоизменения от местных юридических обычаев и воззрений, которые нередко действовали наряду с ним и его заменяли» [9, с. 37]. Подобную точку зрения высказывает и польский историк Бардах [2, с. 110]. Действительно, насаждаемое сверху магдебургское право вначале рассматривалось как нечто чуждое устоявшемуся укладу жизни белорусских городов. Но постепенно ситуация менялась. Искусственно привитое Ягайло и Витовтом на правовом древе ВКЛ, магдебургское право прижилось и принесло свои плоды. В конце XVI вв. городское самоуправление рассматривалось как большая привилегия, а его лишение как тяжкое наказание. Так, после убийства униатского епископа Кунцевича взбунтовавшимися жителями г. Витебска в 1623 г., город был лишен права на городское самоуправление, а городская ратуша разрушена [10, с. 171].

Кодификацию магдебургского права, действовавшего на территории белорусских земель Княжества, осуществили Варфоломей Гроицкий и Павел Щербич во второй половине XVI в. Их труды представляют собой перевод с латинского на польский язык подлинных норм магдебург-

ского права, составленных Николаем Яскером в 1535 г., и их адаптация к местным порядкам [9, с. 24].

Первое сочинение Гроицкого «Артикулы» (*Artykuły*) было отпечатано в краковской типографии Лазаря в 1558 г. Там же Гроицкий напечатал и все остальные свои сочинения. «Артикулы» практически аутентичны немецким источникам земельного и муниципального права – «Саксонскому зеркалу» (*Sachsenspiegel*) и «Вайхбильду Магдебурга» (*Magdeburger Weichbild*). Содержание «Артикулов» представляет собой кодификацию основных институтов гражданского права: обязательства, завещания, договоры купли-продажи, поручения и др., а также порядок отправления правосудия [4, с. 19]. Всего «Артикулы» содержат XXXI раздел, в каждом от двух (Раздел VIII. «О примирении путем третейского суда») до 31 статьи (Раздел XXII. «О судьях и об отпращивании правосудия»). Дополняют «Артикулы» нормы гражданского процессуального права, собранные Гроицким в сочинении «Порядок» (*Porzadek*) в 1559 г. Как утверждал сам Гроицкий в обращении к читателю, мещане Речи Посполитой уже двести лет живут по магдебургскому праву, но не имеют руководства по судопроизводству на родном языке. Вследствие этого судьи судят не по писаному праву, а по своему усмотрению или на основании несправедливых обычаев [9, с. 116].

Завершают труды Гроицкого сборник уголовного права «Поступок» (*Postempek*) 1559 г. и критический анализ устаревших норм магдебургского права «Титулы» (*Tityły*) 1567 г. «Поступок» представлял собой обширное извлечение из уголовного кодекса «Каролина» (*Constitutio Criminalis Carolina*), названного в честь издавшего его императора Священной Римской империи Карла V в 1532 г. По словам выдающегося немецкого юриста Савиньи, это был самый совершенный по своей краткости и ясности немецкий уголовный закон вплоть до XVIII [12, S. 52]. Гроицкий перевел «Каролину» на польский язык и адаптировал ее положения к местному праву.

«Титулы» Гроицкого представляют попытку восполнить пробелы магдебургского права с помощью субсидиарных источников, к которым тогда относились римское частное право и местные обычаи. Например, раздел «О завещаниях» Гроицкий почти целиком заимствовал из римского права, поскольку *Speculum Saxonum* и *Jus Municipale* признавали, главным образом, завещание по закону [9, с. 131].

Павел Щербич напечатал два сочинения, по сути представлявшие перевод с латинского и немецких языков *Speculum Saxonum* и *Jus*

Municipale. Заслуга Щербича в том, что он использовал в качестве аутентичного латинский текст обоих оригиналов и указывал на их расхождения с немецкими текстами, каждый раз давая им объяснения. Кроме того, он ввел в оборот некоторые новые термины, не существовавшие в польском юридическом языке. Сознательно упрощая содержания текстов и объясняя значения новых терминов, он, вслед за Гроицким, стремился объяснить основы магдебургского права как можно большему кругу «сырых мещан» (prostaczków) [9, с. 161].

Отличия в праве городского самоуправления в Саксонии, Польше и Великом княжестве Литовском

Несмотря на то, что Великое княжество Литовское начиная с XVI в. активно включилась в общеевропейский процесс развития, несомненно, сохранялись весьма значительные отличия от немецкой и польской модели городского самоуправления. Уже в Польше немецкое городское право натолкнулось на серьезное сопротивление со стороны местных жителей, не желавших порывать с традициями и обычаями своих предков. Преодолеть это сопротивление удалось лишь после того, когда большая часть населения городов Польши стали составлять этнические немцы, а остальную часть – онемеченные поляки. Постепенно войтам и/или городским советам удалось отменить, заменить или заблокировать нормы польского обычного права, препятствовавших применению права немецкого.

Различия местных обычаев в Польше и Саксонии были весьма значительными. Если немецкие земли переняли римскую правовую традицию, а вместе с ней и право частной собственности на землю, то в славянском мире издавна земля находилась в собственности общин. Римские патриции, владевшие землей, предпочитали селиться вместе и свои поселения ограждать стеной для защиты от врагов. Таким образом, у римлян сначала появились частные землевладельцы, ставшие впоследствии городскими жителями.

В Саксонии население первых городов состояло из «среднего сословия», к которому принажалось родовое рыцарство и возвышалось крепостное крестьянство, обретшее за городскими стенами свободу. Постепенно различия нивелировались, образовывались равноправные союзы (Altbürger) и городские общины превратились в сословие горожан-бюргеров (Bürger) [3, с. 93].

У славян происходил обратный процесс. Наиболее предприимчивые люди стремились выделиться из общины, основывая обособленные по-

селения, из которых потом возникали города. Земля по-прежнему находилась в собственности общины, что мешало развитию институтов частной собственности. Движущим началом у славян были коллективизм и совместное владение собственностью, в противоположность западноевропейскому индивидуализму и институтам частной собственности.

На территории Беларуси население городов в период формирования городского самоуправления составляли местные жители, крепко державшиеся старины. Особенно наглядно это демонстрируют волостные грамоты городам Полоцку и Витебску, где подтверждается сохранение всех древних порядков [11, с. 151]. Процесс полной имплементации норм немецкого права городского самоуправления так и не был завершен, поскольку социальная и культурная среда родоначальника (Саксонии) и адепта (Великого княжества Литовского) были слишком различны. Местное право в городах Княжества по-прежнему играло большую роль, в значительной степени «трансформируя» магдебургское право. Тем не менее, пусть и в видоизмененном виде, но немецкое право городского самоуправления реально применялось городскими магистратами, о чем свидетельствует богатая юридическая практика [8, с. 3, Приложение А-К].

Помимо правовых, социальных и культурных отличий имелись еще и значительные географические различия. Наличие водных путей по Рейну, Дунаю, Эльбе и их притокам давало возможность саксонским и силезским купцам достичь побережья Балтийского, Черного и Средиземного морей. Развитие торговли влекло за собой развитие ремесел. Торговые гильдии и цеховые братства ремесленников в Западной Европе представляли собой грозную силу, с которой вынуждены были считаться даже короли.

В Великом княжестве Литовском концентрация населения, торговый оборот, уровень производства и урбанизации были гораздо ниже. По этой причине купечество и ремесленники не смогли стать самостоятельной политической силой, способность решительно и успешно отстаивать свои интересы. Население по-прежнему преобладало в сельской местности, производство носило, в основном, аграрный характер. Города на территории Беларуси получили право на городское самоуправление княжеской милостью, и от новых правителей уже в составе Российской империи пришел на него запрет. Первую попытку устранения городского самоуправления предприняла Екатерина II в 1785 г., а окончательный запрет был введен в 1840 г. Николаем I [5, с. 268–271].

Выводы

Оценивая итоги и значение немецкого права городского самоуправления в Великом княжестве Литовском, трудно сделать однозначные выводы. С одной стороны, это приобщило население Княжества к европейским традициям, с другой стороны внесло свой вклад в общий разлад дел и анархию в Речи Посполитой, закончившиеся разделом и гибелью.

Городское самоуправление, несомненно, внесло свой вклад в развитие духовной и общественной жизни белорусских городов, с их неповторимым колоритом и укладом жизни. Основные принципы справедливого судопроизводства – учреждение суда на основании закона, выборность судей и участие общественности в отправлении правосудия, а вместе с ними и основы формирования правового государства – были заложены нормами магдебургского права.

Богатая судебная практика магистратов свидетельствует о том, что начиная с XVIII века и вплоть до раздела Речи Посполитой, магдебургское право широко применялось в белорусских городах, почти полностью вытеснив обычное право. Но до создания своего национального государства, ни поляки, ни белорусы дело не довели, оказавшись под властью могущественных соседей. Каким было бы дальнейшее развитие оценивать трудно, поскольку история не знает сослагательного наклонения.

Список литературы

1. Акты Литовско-Русского государства / изд. М. В. Довнар-Запольским. – Вып. 1 (1390–1529). – М.: Унив. тип., 1899. – XII, 416 с.
2. Бардах, Ю. Штудыі з гісторыі Вялікага Княства Літоўскага / Ю. Бардах; пер. М. Раманоўскага і А. Істоміна; прадм. Г. Сагановіча. – Мінск: Беларускі Гістарычны Агляд, 2002. – 459 с.
3. Владимирский-Буданов, М. Ф. Немецкое право в Польше и Литве / М. Ф. Владимирский-Буданов. – СПб.: Манускрипт, 1868. – 312 с.
4. Дзёрбіна, Г. В. Крыніцы магдэбургскага права ў Вялікім Княстве Літоўскім XVI ст. / Г. В. Дзёрбіна // Магдэбургскае права на Беларусі: матэрыялы навук. канф., прысвеч. 500-годдзю выдачы гораду Мінску граматы на магдэбургскае права (Мінск, 26 сак. 1999 г.). – Мінск: БДУ, 1999. – С. 14–21.
5. Доўнар, Т. І. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: вучэб. дапам. / Т. І. Доўнар. – Мінск: БДУ, 2011. – 552 с.
6. Келлер, О. Б. Средневековое немецкое право на землях Центральной и Восточной Европы в XIII–XVIII веках / О. Б. Келлер. – Минск: РИВШ, 2012. – 244 с.
7. Стрэнкаўскі, С. П. Прывлеі і вольнасці беларускіх гарадоў з нямецкім правам у канцы XIV – канцы XVIII стст. / С. П. Стрэнкаўскі. – Мінск: МІГРА, 2008. – 251 с.

8. Стрэнкоўскі, С. П. Градское самакіраванне на тэрыторыі Беларусі (канец XIV – XVIII ст.ст.): у 2 ч. / С. П. Стрэнкоўскі. – Ч. 2– Мінск: Мін. гар. ін-т развіцця адукацыі, 2013. – 548 с.

9. Тарановский, Ф. В. Обзор памятников магдебургского права западно-русских городов литовской эпохи. Историко-юридическое исследование / Ф. В. Тарановский. – Варшава: Типография Варшавского округа, 1897. – 202 с.

10. Юхо, Я. А. Гісторыя дзяржавы і права Беларусі / Я. А. Юхо. – Ч. 1. – Мінск: РІВШ, 2000. – 349 с.

11. Юхо, Я. А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі / Я. А. Юхо. – Мінск: Універсітэцкае, 1992. – 270 с.

12. Savigny, F. C. von. Vom Beruf unserer Zeit für Gesetzgebung und Rechtswissenschaft / F.C. von Savigny. – Heidelberg: Verlag Mohr und Zimmer, 1814. – 162 с.

13. Schubart-Fikentscher, G. Die Verbreitung der deutschen Stadtrechte in Osteuropa. Forschungen zum deutschen Recht. Band IV, Heft 3 / G. Schubart-Fikentscher. – Weimar: Verlag Herm. Böhlau, 1942. – 525 с.

НОВГОРОДСКИЕ БОЯРЕ – НОВГОРОДСКИЕ ДЕТИ БОЯРСКИЕ. К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Обосновывая поход 1471 г., составители московских летописей риторически обвиняли новгородцев во «многих изменах». По словам автора тенденциозных «Словес избранных от святых писаний... о гордости величавых мужей новгородских», «сии людие новгородстии не первую измену показывают». Волшебством был «отнят ум» у московского ставленника архиепископа Сергия, затем новгородцы «хотели убить Якова Захарича, наместника новгородцкого», что в лишний раз подтверждало их мятежный характер. Нелицеприятный взгляд на характер новгородцев был озвучен в летописном своде 1479 г. Рассказ об изгнании князя Романа в 1171 г. был дополнен едким комментарием: «таков бо бе обычай окаянных смердов изменников» [27, с. 7, 236, 238; 33, 258].

Извечные «изменные» склонности служили оправданием для проведения масштабных «выводов». Первые из них были произведены Иваном III уже в 1476 г., затронув шестерых представителей первостатейного боярства. С большим размахом выселения продолжились после присоединения Новгорода в 1478 г. В конце 80-х гг. по летописным данным было переведено «боле семи тысяч житих людей на Москву». Реальные цифры, вероятно, были в несколько раз меньше. В других летописях численность новгородцев оценивалась скромнее – «голов болши тысячи» – и, даже в этом случае, скорее всего, включала в себя не только землевладельцев, но и городских жителей – «житых» [6, с. 315–322; 31, с. 37, 238].

Упоминание в писцовых книгах «бояр новосведенных» и «сведенных своеземцев» свидетельствуют, что подобные переселения продолжали проводиться и в 90-е гг. XV века. Григорий Михайлович Тучин, например, подписывал договор с Ливонским орденом еще в 1493 г. [44, с. 123]. Выселения затронули также новгородских купцов. Из Москвы стали назначаться архиепископы, окружившие себя представителями московских боярских и княжеских фамилий. В конце века на службе у Святой Софии состояли, в частности, князь Иван Иванович Кривоборский, Константин и Михаил Клеопа Васильевичи Кутузовы, Семен Яковле-

вич Бельский Плещеев, Василий, Иван и Захар Васильевичи Пушкины. Разгром ереси «жидовствующих» и конфискации земельных владений у крупнейших монастырей значительно ослабили позиции новгородского духовенства, тесно связанного прежде с правящей элитой. Судя по агиографической литературе, настоятелями некоторых новгородских монастырей также были назначены «москвичи». В житии Варлаама Хутынского упоминаются игумен Сергей, выходец из московского Андроникова монастыря, виновный в «оскудении хлеба» [11, с. 54]. Позднее Хутынским монастырем также управляли назначенные из Москвы клирики – Никифор, Досифей Тутолмин и инок Иосифо-Волоколамского монастыря Феодосий.

Можно констатировать, что борьба с новгородской «крамоллой» велась сразу по нескольким направлениям. Ее основным инструментом стало переселение выходцев из Северо-Восточной Руси, большая часть из которых была представлена детьми боярскими. Именно они получили конфискованные у прежних землевладельцев «боярщины» и в определенном смысле стали наследниками самих новгородских бояр.

Идеологическое противостояние новгородского боярства и великокняжеской власти, известное в основном со слов официальных московских летописцев, не вело к решительному отмежеванию от сложившихся в Новгороде традиций, тем более, что некоторые переселенцы сами оказались здесь далеко не по своей воле [5, с. 245–248].

При этом некоторые новгородские бояре, будучи переселенными в «города Московской земли», смогли занять здесь довольно видное положение. Уже во второй половине 80-х гг. жалованные грамоты на свои владения в Ярославском и Костромском уездах получил Павел Васильев Люткин. Позднее он был кормленщиком в Устюженском уезде [3, № 226–227, с. 247–248, № 241, с. 262]. В первой трети XVI в. должности волостелей занимали новгородцы Максим Доможиров (его родственник Гаврила Матвеев Доможиров в 1538 г. был волостелем в Балахне, а сын ключником в Нижнем Новгороде), Яков Скомантов, Яков Иванов Дмитриев Исаков. Последний приходился внуком казненному сразу после Шелонской битвы «крамолнику» Дмитрию Исаковичу Борецкому и правнуком «прелестные жены Марфы», знаменитой Марфы-посадницы. Кроме того, Иван Захарьин Овинов описывал земли в Нижегородском уезде, Кузьма Фефилачев – в Рязанском, а Исаак Шенкурский был отмечен в разрядах в качестве одного из воевод у «наряда» [25, с. 171; 1, № 6, с. 9, № 9, с. 10; 42, с. 673–676; 35, с. 70].

Большое число потомков новгородских бояр было записано в Дворовой тетради по Юрьеву, Владимиру и Костроме: Самсоновы, Исаковы, Горошков, Шенкурские, Фефилаьевы, Новгородцевы, Кузьмин, Телятев, Подножкины [41, с. 149, 151–152, 155]. Очевидно, что уже в начале века представители этих фамилий входили в состав Государева двора. Идеологический пафос противостояния, таким образом, не слишком препятствовал прагматическому использованию «новгородцев» в интересах организации управления и службы.

Стоит подчеркнуть, что «выводы» местных землевладельцев в Новгородской земле производились без какого-либо плана. Изначально не ставилась задача полной ликвидации боярского землевладения. Процесс земельных конфискаций растянулся на несколько десятилетий, в ходе которых пришлые «московские» землевладельцы соседствовали со «старыми боярами». Первые поместные грамоты были выданы уже в 1482 г., в то время как некоторые бояре (например, уже упомянутый Г. М. Тучин) занимали свое место еще в начале 90-х годов. «Новгородская сила», участвовала в 1481 г. в походе «на немцы», а в 1485 г. в завоевании Тверского княжества. То есть, в течение, по крайней мере, одного десятилетия пришлые «москвичи» соседствовали и несли службу совместно с представителями местного боярства.

Анализ писцовых книг позволяет сделать предположение, что некоторые бояре на первых этапах выселений сами получили пожалования из фонда конфискованных земель. Г. М. Тучин владел землями, принадлежавшими прежде Кузьме Фефилаьеву и Ивану Кузьмину. «Боярщины» Ивана Лошинского достались Власу, Василию и Ивоне Космыниным [4, с. 268].

Некоторые из прежних землевладельцев, несмотря на признание рядом историков тотального характера «ломки старого землевладения», сумели не только сохранить свои земли, но и получили статус полноценных детей боярских. И если Андрею Савелову (Савельеву), однофамильцу «москвича» Гневаша Савелова, и братьям Якову и Петру Дементьевым Луневым достались в поместья части их собственных земель, то, например, поместье С. Лисичникова было составлено из участков других лиц [27, с. 175, 232, 237].

Распространенность некоторых фамилий и их происхождение от личных имен не позволяет сделать выводы о более широком представительстве новгородцев среди помещиков, хотя такой вариант кажется вполне вероятным.

Часть боярских вотчин перешла к «москвичам» в виде приданого за новгородскими боярышнями. Описание конца 90-х гг. зафиксировало ряд подобных примеров. Среди представителей первостепенных родов породнились с новгородцами Василий Захарыч Кошкин, передавший своему сыну фамилию Ляцкий (от Лядского погоста Шелонской пятины), Иван Андреевич Черный Колычев и Илья Васильевич Квашнин. Менее знатное происхождение имели Филя Борисов (Трофимов), Иван Андреев Наумов, Тимофей Иванов Зезевитов и Тимофей Иванов Окунь Линев, хотя и они, скорее всего, входили в число дворовых детей боярских.

Зезевитовы в середине XVI в. служили по «дворовому» списку из Переславля-Залесского, а Трофимовы – по Юрьеву. И. А. Наумов, вероятно, происходил из коломенцев Наумовых, входивших в окружение великого князя. Его потомки числились среди дворовых Деревской пятины. Сын Т. Окуня Линева, Андрей в 1545 г. получил в кормление половину «писчего» в Русе, а его сын Иван находился среди дворовых Водской пятины [38, с. 68, 84, 152, 159–160; 2, № 201, с. 169].

Интересно отметить, что при помощи браков породнились между собой И. В. Квашнин, Т. И. Зезевитов, а возможно и В. З. Ляцкий, связавшие свои судьбы с родственницами новгородского боярина Федора Андреевича Хромого [20, ст. 56, 306; 19, ст. 222; 15, с. 57–60].

Действуя подобным образом, представители новгородского боярства стремились упрочить свое положение в ходе начавшихся земельных конфискаций. Эта цель не была достигнута в полном объеме. Родство с семьями приближенных великого князя не спасло их самих от выселения. Земли, оставшиеся за пределами приданого, были отобраны. «Приданные боярщины», тем не менее, остались за новыми владельцами. До поры до времени на подобное уменьшение фонда государевых земель смотрели «сквозь пальцы». Существенное увеличение размеров наделов задействованных в них детей боярских было даже учтено при последующих раздачах и, таким образом, узаконено де факто.

Впоследствии судьба этих «боярщин» сложилась по-разному. На рубеже веков, при наметившемся дефиците земель для новых раздач, «незаконные» приобретения служилых людей обратили на себя внимание новгородской администрации.

Конфискации подверглись владения Ф. Б. Трофимова и И. А. Наумова. У Т. И. Зезевитова были отняты земли в Бежецкой пятине, в то

время как водскую часть своего поместья он смог благополучно передать сыновьям. Отобраны были «приданные» земли и у Окуня Линева, хотя позднее часть из них вернулась обратно, составив впоследствии поместье его сына Андрея [17, ст. 374, 516; 19, ст. 16, 23, 24, 186, 190, 291; 21, ст. 56]. В полном объеме, как это всегда бывает, сохранили свои новгородские земли более знатные Иван Васильевич Ляцкий, И. А. Черный Колычев и И. В. Квашнин. Владения И. В. Ляцкого и И. А. Черного Колычева имели статус вотчин и могли передаваться по наследству без санкционирования великокняжеской властью. Потомки И. А. Черного Колычева сохраняли их за собой еще в 80-е годы XVI в. Земли И. В. Ляцкого были конфискованы только после его бегства в Литву в 1534 г. [14, с. 120–123; 26, с. 128–129].

За исключением И. В. Ляцкого, потомки всех перечисленных «москвичей» впоследствии были тесно связаны по службе с новгородской корпорацией.

Часть помещиков составили «люди» новгородских бояр. В их число вошло несколько десятков «ивангородцов» – «пятибежников», получивших наделы в Водской и Шелонской пятинах неподалеку от Ивангорода. Более весомыми были наделы некоторых других слуг новгородских бояр, ставших полноценными детьми боярскими. Всего удастся насчитать порядка 18 подобных примеров: «люди» Ивана Лошинского, Ивана Петрова (Чашникова?) и Василия Никитина. Некоторые из них владели очень внушительными поместьями. Якову Бункову, «человеку» И. И. Лошинского (пожалованное ему поместье находилось неподалеку от владений его бывшего «господина») принадлежала, например, 61 обжа. Крупные размеры этих поместий объяснялись, вероятно, ранним временем их испомещения.

Сохранялся также пласт своеземцев (земцев). Владения земцев и помещиков часто образовывали сложную чересполосицу, с обилием «вопчих» деревень. Земцы, числясь по особым спискам, несли службу (в том числе, и «далнюю») наравне с новгородскими помещиками. В писцовых книгах принадлежавшие им участки нередко именовались поместьями («дьяки новгородцкие... дали в поместье земцу Сенке Тресте»; «прежние дьяки наши Вязга Суков да Ишюк Бухарин отделили были им, в тое придачу, из земетцких поместей, девять беж»). Закономерно, что в конце XVI в. земцы были уравнены в правах с детьми боярскими.

В некоторых случаях можно говорить о созвучии фамилий «старых» вотчинников и сменивших их помещиков, которое не могло быть про-

стой случайностью. В Локоцком погосте Деревской пятине, присутствовал «боярин» Д. В. Кишкин и его дети. Здесь же получили поместья братья Ушак, Ширшик и Племянник Кишкины и их младшие родственники. Кишкиным позднее принадлежали вотчины на территории Можайского уезда, так что, скорее всего, эта семья была связана по службе с Андреем Углицким, переселившись на новгородские поместья уже после 1492 г. [18, ст. 7, 13, 21, 61; 38, с. 123].

В Шегринском погосте ситуация была более запутанной. Полными тезками были житий Алексей Васильев Квашнин, встречавший в 1476 г. великого князя Ивана III в Новгороде, и «новый» помещик с тем же набором имени, отчества и фамилии, который принадлежал к знатному старомосковскому боярскому роду. Его брату Михаилу Квашнину досталась «боярщина» Тимофея Квашнина сельцо Квашнино [18, ст. 187, 211, 224].

В Водской пятине обнаруживаются подобные «созвучия». Земли Луки Исакова Федотына достались трем братьям Федосовым «Шереметевским». Рядом с «боярщинами» Михаила Иванова Секирина поместья получили два брата Михаила Васильевых Секириных. «Старыми» вотчинниками были братья Лукины Норововы, в то время как среди помещиков упоминается Лука Пашков Нороватого [19, ст. 537, 569, 594, 745, 803, 899, 922]. В Бежецкой пятине известны были помещики Онаньины, среди которых был Ермола Яган. В той же пятине была расположена волость «Якимовская Онаньиная» [25, с. 172, 227].

Трудно сказать, насколько осознанными было использование такого рода созвучий новгородской администрацией (а, в случае с Квашниными, это весьма вероятно) при проведении поместных раздач. Подобная путаница приводила к тому, что, зачастую, сами новгородские дворяне, потомки первых помещиков, не могли или не хотели разобраться со своим происхождением. Уже через несколько поколений они использовали близость фамилий для создания родословных легенд, в которых подчеркивали связь с местными, хорошо известными по летописным сообщениям, боярами.

Статус детей боярских, как правопреемников бояр, несколько раз использовался при заключении соглашений с Ливонским орденом и немецкими купцами, утверждавшихся новгородскими наместниками. В «докончаниях» крест целовали «новгородские бояре» Семен Петрович и Иван Тимофеевич Замыцкие, Григорий Петрович Валуев, Иван Иванович Пушкин, Иван Федорович Заболоцкий, Тимофей Иванович Картмазов. Все они были выходцами из московских служилых фами-

лий и из массы остальных помещиков выделялись лишь своим более знатным происхождением [12, с. 246; 40, с. 60, 94]. Московское правительство уделяло большое внимание сохранению видимости преемственности. Вяземскими «боярами», отметившимися в порубежных столкновениях в конце XV в., рассматривались, например, дмитровцы Степан Повадин и Юрий Шепяков.

Наблюдатели из соседних западноевропейских государственных образований не видели разницы между новгородскими боярами и сменившими их детьми боярскими [см., например: 8, с. 564].

Подобное отношение было характерно и для бытового восприятия помещиков в самой Новгородской земле. В 1571 г. местный летописец как важное событие выделил смерть боярыни Евдокии Самариной. В следующем году было вновь отмечено: «постригли боярыню Васильеву жену Разладину». Самарины и Разладины были различными ветвями Квашниных, к которым в Новгороде было особое отношение. Как заметил А. Н. Насонов, Новгородская IV летопись по списку Дубровского содержала ряд легендарных сведений из истории Квашниных, касающихся выезда их предка Родиона Нестеровича и его столкновений с Акинфом Великим. Происхождение этих уникальных известий связано было, видимо, с участием кого-то из Квашниных в работе над новгородским сводом 1539 г., составленным по повелению архиепископа Макария. На владычной службе отметились, в частности, Александр Васильевич (еще в конце 30-х гг. находился на великокняжеской службе) и его сыновья Иван и Андрей Рубцовы-Квашнины. Стоит добавить, что среди чудес Варлаама Хутынского было исцеление отрока Симеона Самарина от рода «болярска» [32, с.166; 16, с. 271–272; 23, с. 36–37; 11, с. 63–64].

Устранению чужеродности московских «сведенцев» во многом способствовало усвоение ими сложившихся здесь духовных традиций. В том числе, принятие ими культов новгородских святых, а также налаживание связей с собственно новгородскими монастырями и церквями. Уже в конце XV в. московские переселенцы обращались за помощью к новгородским святым. Купец Алексей Курюков фигурировал в житии Зосимы и Савватия Соловецких [9, с. 277–278]. Его родственник Богдан Курюков упоминался в житии Александра Свирского, а позднее стал постриженником основанного им монастыря.

Учеником самого Александра Свирского был помещик («некий боярин») Андрей Завалишин, позднее получивший известность как Адриан Андрусовский. В житии этого святого фигурирует еще один поме-

щик, «боярин» Тимофей Апрелев. Игуменом Соловецкого монастыря в 30-е гг. XVI в. (с 1534 г.) был Алексей Юренев, выходец из семьи помещиков Бежецкой пятины. Его родственник Савватий Юренев был старцем Варлаамова-Хутынского монастыря [10, л. 466, 472, Л. 490 об., 495 об.; 11, с. 78]. Монахом Соловецкого монастыря в 1537 г. стал Федор Кольчев, будущий митрополит Филипп.

Активное церковное строительство вели купцы Сырковы. «Попечением» Таракановых и Курюковых были возведены церкви в Новгороде и его окрестностях [7, с. 34–40]. При всей неоднозначности этого процесса (Таракановы, например, продолжали более «тяготеть» к собственным «московским» монастырям, делая туда крупные вклады), видно стремление этих «сведенцев» укрепить за счет подобных действий свое положение в городской среде.

В синодике Борисоглебской церкви середины XVI в. помимо собственно новгородцев были записаны поминования родов Ивана Ивановича Шушерина, Петра Ивановича Милюкова, князя Федора Мышецкого и Стефана Андреевича Пустошкина [43, с. 8].

Характерным показателем переориентации на новгородские ценности служит использование «москвичами» некоторых типичных для Новгорода до московского завоевания прозвищ и имен. Писцовое описание Шелонской пятины конца 30-х гг. XVI века зафиксировало у помещика Василия Иванова Колосова двух сыновей – Казимирца и Короба [20, ст. 347]. Сочетание двух этих прозвищ в кругу одной семьи было далеко не случайно. В последние десятилетия новгородской независимости заметными персонами здесь были братья Василий Казимир и Яков Короб. Тысяцкий, а затем посадник Василий Александрович Казимир в 1456 г. «бился много» под Старой Русой. В 1471 г. был одним из предводителей новгородцев в Шелонской битве, где попал в плен и был отправлен в заточение. В 1481 г. он был среди воевод, посланных во Псков. Вместе с братом Яковом Коробом его «поимали» в том же 1481 г. [6, с. 255, 281, 306, 320]. Он, очевидно, был весьма популярен в Новгороде, позднее став прототипом былинного героя Василия Казимировича, хорошо известного среди сказителей русского Севера [34, с. 355–368]. Об известности В. А. Казимира свидетельствует упоминание его племянников Ивана и Григория Михайловых как «Казимировых сестричичей». Принадлежавший ему в Новгороде сад еще в 80-е гг. XVI века именовался «Казимировым».

Использование прозвищ этих братьев-посадников В.И. Колосовым для обозначения своих сыновей свидетельствует о том, что память о них

сохранялась в среде новгородских детей боярских спустя полвека после присоединения Новгорода.

Не меньшей известностью пользовался Василий Буслаев, еще один герой новгородского былинного эпоса. Прозвище Буслау, производное от имени Буслав (Быслав, Сбыслав), встречалось в среде псковского боярства (Федор Буслаевич) и в самом Новгороде (например, вотчинники Быславские). В писцовой книге 30-х гг. XVI века упоминаются Буслау (Буслан) Ильин Понафидин и его брат Василий (как у былинного героя) [29, с. 275–276, 478; 30, с. 173]. Это же прозвище (Буслав) принадлежало в 70-е гг. XVI века одному из Лаптевых.

В Деревской пятине известен был носитель еще одного характерного, сугубо новгородского прозвища – Посадник Лопухин [29, с. 107]. Более проблематично определить происхождение его современников, помещиков Бежецкой пятины, Посадниковых (Посадничей), которые могли быть связаны со «старыми» новгородскими землевладельцами.

Значительной популярностью в Новгородской республике пользовалось некалендарное имя Богдан. Писцовые книги рубежа XV–XVI вв. показывают, что среди «старых» землевладельцев это имя (личное имя, а также использование в виде отчества и фамилии) встречается не менее 8 раз: Есипов (Носов), Трубицын, Яковль, Перфуров (Кошкин), Кавский, Спицин (Спенцын), Норовов, Вырский, Александров (возможно, одно лицо с Богданом Вырским). Еще в нескольких случаях оно использовалось для обозначения отчества, фамилии и имени мужа (Иван Богданов Онуфриев, Василий Богданов Яконов (Воецкий), Константин Богданов Бабкин, Онанья Богданов, Савелий Богданов, Ивоня Богданов, Федор Богданов, Иван, Филя и Мартемьян Богдановы, Офимья Богдановская жена Тулитова). Наиболее известным персонажем в этом ряду был Богдан Васильевич Есипов, посадник и крупнейший землевладелец, «боярщины» которого были расположены на территории нескольких новгородских пятин.

У выходцев из Северо-Восточной Руси, фигурировавших в тех же писцовых книгах (порядка полутора тысяч имен), это имя не было зафиксировано ни в одном из возможных сочетаний. Писцовые книги конца 30-х гг., дошедшие в отрывочном виде, и платежная книга 1543 г. Деревской пятины показывают совершенно иную картину. Не менее 31 «москвичей» второго и третьего поколений, принадлежавших к различным социальным слоям, носили имя Богдан. 28 из них были детьми боярскими: Беклемишев, Шишмарев, Чириков, Оничков,

Порецкий, Темкин, Жиборов, Мякотин, Стогов, Репьев, Куликов, Мякинин, Воронов, Посохов, Родичев, Обутков, Луховитин, Шамшов, Клементьев, Кузминский, Борков, Печенегов, Рахманов, Борыков, Бутурлин, Румянцев, Хватырев, князь Корецкий; двое принадлежали к числу купцов – Птицын и Курюков, а Богдан Непоставов Рукавов был подьячим.

Ни в одном из приведенных примеров не удастся проследить связь этих лиц с прежними новгородскими землевладельцами. Распространение этого имени, в первую очередь, было связано с восприятием ими новгородских традиций, носителями которых в первой трети XVI в. стали являться потомки московских переселенцев, хотя после появления на московской службе большого числа выходцев из Великого княжества Литовского это имя приобрело также определенную популярность и в других частях страны.

Сближение «москвичей» и «старых» бояр подтверждается анализом сохранившихся дворянских родословных. В челобитной, поданной в 80-е гг. XVII века дворянами Савеловыми прямо указывалось на их происхождение от новгородского боярина Ивана Кузьмича Савелкова. Его жена с сыном Гневашом, якобы, после опалы остались в «новгородских пределах; и Гневыш с детьми своими служили по Новгороду, и с того времени прозванием стали слыть и писатца Савеловы». Гневаш Савелов действительно упоминается в писцовых книгах, но его связь с упомянутым И. К. Савелковым выглядит маловероятной. Характерно, что эта легенда была повторена таким авторитетным знатоком генеалогии как Л. М. Савелов [37, с. 1].

Не понимая сути происходивших в конце XV в. перемен, Матюшкины также удревняли время своего появления в Новгороде. В их родословной упоминается легенда о пожаловании поместья Евсевию (татарину Албаушу) и его детям князем Александром Невским. О выезде предка к Василию Темному и пожалованию ему поместий в Деревской пятине писали также Лихачевы [36, л. 8 об.; 13, с. 152–154].

Аналогичная метаморфоза произошла в восприятии новых новгородцев (sic!) при московском дворе. Обращает внимание жесткая формулировка в преамбуле дозорной книги части Бежецкой пятины 1565 г.: «которые князи и дети боярские царя государя землю государеву крали и таили», демонстрирующая не слишком лицеприятное отношение московской администрации к новгородским помещикам [28, с. 48]. Мотив «измены», озвученный Иваном Грозным спустя несколько лет для обоснования опричного погрома Новгорода 1569–1570 гг.,

во многих деталях повторял выдвинутые столетие назад обвинения. В наказе послам, отправленным в 1571 г. в Вильно, на случай расспросов о причинах новгородского похода вспоминались события XV в.: «коли князь Семен Лугвень и князь Михайло Олелкович в Новгороде были, ино и тогда Литва Новагорода не умели удержати» [39, с. 777]. «Изменный» характер новгородцев времен независимости, таким образом, был распространен на сменивших их московских купцов и детей боярских.

Со временем память о мятежности новгородского боярства и его конфликтах с великокняжеской властью ушла в глубокое прошлое. А воспоминания о силе и влиятельности местного «величавого» боярства стали частью наследия новгородского дворянства, во многом определив впоследствии его специфическое положение в системе других служилых корпораций Московского государства [24, с. 93–94, 202].

Список литературы

1. Акты служилых землевладельцев XV–XVII века. Т. 4 / сост.: А. В. Антонов. – М.: Древлехранилище, 2008. – 632 с.
2. Акты служилых землевладельцев XV–XVII века. Т. 1 / сост.: А. В. Антонов, К. В. Баранов. – М.: Археографический центр, 1997. – 432 с.
3. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. Т. 3 / сост.: И. А. Голубцов. – М.: Наука, 1964. – 688 с.
4. Бассалыго, Л. А. Перечень сведенных новгородских землевладельцев / Л. А. Бассалыго // Писцовые книги Новгородской земли. – Т.6. – М.: Древлехранилище, 2009. – С. 204–340.
5. Бенцианов, М. М. Дети боярские «наугородские помещики». Новгородская служилая корпорация в конце XV – середине XVI в. / М. М. Бенцианов // Проблемы истории России. – Екатеринбург, 2000. – Вып. 3. – С. 241–277.
6. Бернадский, В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке / В. Н. Бернадский. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1961. – 399 с.
7. Варенцов, В. А. Московские гости в Новгороде / В. А. Варенцов // Вопросы истории. – 1982. – № 8. – С. 31–42.
8. Видекинд, Ю. История десятилетней шведско-московитской войны / пер. С. А. Аннинского, А. М. Александрова; под ред. В. Л. Янина, А. Л. Хорошкевич. – М.: Памятники исторической мысли, 2000. – 625 с.
9. Дмитриева, Р. Н. Житие Зосимы и Савватия Соловецких в редакции Спиридона-Саввы / Р. Н. Дмитриева // Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования. – СПб.: Наука, 1991. – 365 с.

10. Житие Александра Свирского. – РНБ. Погодинское собрание. – Ф. 874. – Л. 443–514 об.
11. Житие Варлаама Хутынского в двух списках. – СПб., 1881. – 110 с.
12. Казакова, Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения, конец XIV – начало XVI вв. / Н. А. Казакова. – Л.: Наука, 1975. – 359 с.
13. Лихачев, Н. П. Вкладная запись выдающегося генеалогического содержания / Н. П. Лихачев // Известия русского генеалогического общества. – СПб., 1903. – Вып. 2. – С. 149–164.
14. Лихачев, Н. П. Родство Колычевых с новгородцами / Н. П. Лихачев // Известия русского генеалогического общества. – СПб., 1900. – Вып. 1. – С. 120–123.
15. Мятлев, Н. Родство Квашниных с новгородцами / Н. Мятлев // Известия русского генеалогического общества. – Вып. 3. – СПб, 1909. – С. 36–60.
16. Насонов, А. Н. Материалы и исследования по истории русского летописания / А. Н. Насонов // Проблемы источниковедения. – М., 1958. – Т. 6. – С. 235–274.
17. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией / подг. П. И. Савvaitов. – СПб.: Сенат. тип., 1859. – Т. 1: Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. 1-я половина. – 461 с.
18. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией / подг. П. И. Савvaitов. – СПб.: Сенат. тип., 1862. – Т. 2: Переписная оброчная книга Деревской пятины, около 1495 года. 2-я половина. – 447 с.
19. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией / подг. П. И. Савvaitов, А. Тимофеев. – СПб.: Сенат. тип., 1868. – Т. 3: Переписная оброчная книга Вотской пятины, около 1500 г. 1-я половина. – 486 с.
20. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией / подг. А. И. Тимофеев. – СПб.: Тип. Мин-ва внутр. дел, 1886. – Т. 4: Переписные оброчные книги Шелонской пятины. – 300 с.
21. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией / подг. С. К. Богоявленский. – СПб.: Сент. тип., 1910. – Т. 6: Книги Бежецкой пятины. – 544 с.
22. Новгородские писцовые книги, изданные Археографической комиссией / подг. С. И. Богоявленский. – СПб.: Сент. тип., 1905. – Т. 5: Книги Шелонской пятины. – 359 с.
23. Новикова, О. Л. Из истории новгородского летописания XVI в.: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского и родственные ей памятники / О. Л. Новикова // Очерки феодальной России. – М.-СПб.: Альянс-Архео, 2005. – Вып. 9. – С. 3–40.
24. Павлов, А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове: 1584–1605 гг. / А. П. Павлов. – СПб.: Наука, 1992. – 279 с.

25. Пашкова, Т. И. Местное управление в русском государстве первой половины XVI века: наместники и волостели / Т. И. Пашкова. – М.: Дрвлекхранилище, 2000. – 215 с.
26. Писцовые книги Новгородской земли / сост. К. В. Баранов. – М.: Дрвлекхранилище. – Т. 5: Писцовые книги Деревской пятины 1550–1560-х гг. – 510 с.
27. Писцовые книги Новгородской земли / сост. К. В. Баранов. – М.: Археологический центр, 1999. – Т. 1: Новгородские писцовые книги 1490-х гг. и отписные и оброчные книги пригородных пожен Новгородского дворца 1530-х гг. – 432 с.
28. Писцовые книги Новгородской земли / сост. К. В. Баранов. – М.: Дрвлекхранилище, 2001. – Т. 3: Писцовые книги Бежецкой пятины XVI в. – 304 с.
29. Писцовые книги Новгородской земли / сост. К. В. Баранов. – М.: Дрвлекхранилище. – Т. 4: Писцовые книги Деревской пятины 1530–1540-х гг. – 866 с.
30. Писцовые материалы Тверского уезда XVI века / сост. А. В. Антонов. – М.: Дрвлекхранилище, 2005. – 760 с.
31. Полное собрание русских летописей. – СПб., 1853. – Т. 6: Софийские летописи. – 364 с.
32. Полное собрание русских летописей. – 2-е изд. – СПб., 1879. – Т. 3: Новгородские летописи. – Вып. 2. – 628 с.
33. Приселков, М. Д. История русского летописания XI–XV вв. / М. Д. Приселков. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. – 325 с.
34. Пропп, В. Я. Русский героический эпос / В. Я. Пропп. – М.: Лабиринт, 1999. – 638 с.
35. Разрядная книга 1475–1598 гг. / ред. В. И. Буганов. – М.: Наука, 1966. – 613 с.
36. Родословная Матюшкиных. – РГИА. – Ф. 1343. – Оп. 25. – Д. 2441. – Л. 8 об. – 10.
37. Савелов, Л. М. Материалы для истории рода дворян Савеловых. (Потомство новгородских бояр Савелковых) / Л. М. Савелов. – Т. 1. – Вып. 1. – М., 1894. – 215 с.
38. Садиков, П. А. Очерки по истории опричнины / П. А. Садиков. – М.: Изд. АН СССР, 1950. – 594 с.
39. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 71: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством, часть 3-я (годы с 1560 по 1570): Т. 3 / изд. род набл. Г. Ф. Карпова. – СПб., 1892 – 807 с.
40. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 5: Договоры России с европейскими и азиатскими государствами (1326–1584) / предисл. Ф. Бюлер. – М.: Тип. Всеволожского, 1894. – 202 с.

41. Тысячная книга 1550 г. и дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / ред. А. А. Зимин. – М.-Л.: Изд. АН СССР, 1950. – 449 с.
42. Чеченков, П. В. Ранние писцовые описания Нижегородского уезда / П. В. Чеченков // *Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX Междунар. науч. конф.* Москва, – М., 2008. – Ч. 2. – С. 673–676.
43. Шляпкин, И. А. Синодик 1552–1560 гг. Новгородской Борисоглебской церкви / И. А. Шляпкин // *Сборник новгородского общества любителей древности.* – Вып. 5. – Новгород, 1911. – С. 1–9.
44. Янин, В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий / В. Л. Янин. – М.: Наука, 1990. – 385 с.

Евстратьев О. И.

ФОРМИРОВАНИЕ ЮЖНОЙ ГРАНИЦЫ КУРЛЯНДСКОГО ГЕРЦОГСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

Как известно, Ливонская война 1558–1583 гг. привела к территориальному расширению Великого княжества Литовского. Непосредственно в его состав вошли Инфлянты, которые уже попали в поле зрения белорусских ученых [см.: 6]. Возрастающий интерес отечественных исследователей к историческим судьбам Восточной Прибалтики раннего Нового времени вполне объясним. Уроженцы ливонских земель (Дёнхоффы, Тизенгаузены, Плятеры и др.) оставили глубокий след в нашей истории. К тому же северо-восточные окраины польско-литовского государства в конце XVI – первой половине XVII вв. оказались в центре борьбы за господство на Балтике, развернувшейся между Шведским и Датским королевствами, курфюршеством Бранденбург, Российским царством и Речью Посполитой. В этой связи серьезным недостатком отечественной историографии представляется отсутствие исследований, посвященных герцогству Курляндия и Семигалия (сокращенно – Курляндское герцогство или просто Курляндия), возникшему в конце 1561 г. на руинах Ливонской конфедерации. Данный социально-исторический организм, который являлся единственным относительно автономным государственным образованием в землях старой Ливонии на протяжении всего своего существования вплоть до третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г., был связан отношениями вассальной зависимости с политическими предками современной Беларуси, что еще более актуализирует для нас необходимость изучения его истории.

Одним из основных компонентов межгосударственных отношений на любой стадии их развития являются границы. Именно они, с точки зрения геополитики, определяют пространственные пределы действия государственного суверенитета [5, с. 67]. В нашем случае большой интерес представляет процесс формирования границы между Курляндским герцогством и Великим княжеством Литовским, как важный элемент в налаживании взаимоотношений между этими государствами. По ряду причин именно южные рубежи Курляндии стали предметом настоящего исследования: 1) в отличие от Инфлянт, значительная часть которых была утрачена Речью Посполитой в ходе войн со Шведским королев-

ством в 1600–1629 гг., данная граница продемонстрировала стабильность в плане субъектов разделения на протяжении всего существования герцогства; 2) северо-восточная граница Курляндии с Инфлянтами, проходившая исключительно по реке Западная Двина, отличается определенной очевидностью; 3) граница Курляндского герцогства с Великим княжеством Литовским протяженностью 764 км составляла 54% всей окружности данного социально-исторического организма (26% проходило по берегу Балтийского моря и 20% – вдоль реки Западная Двина) [23, с. 194]; 4) на основе южной границы Курляндского герцогства в 1918 г. была проведена актуальная до сих пор делимитация литовско-латвийской границы, в то время как бывшая территория Инфлянт вошла непосредственно в состав Латвийской Республики. Таким образом, изучение механизмов формирования южной границы Курляндского герцогства представляется весьма злободневным.

К настоящему моменту большинство трудов по истории Курляндии написаны германскими и латышскими учеными. Наиболее свежими и полными исследованиями по проблеме формирования и развития границ герцогства являются статьи Марите Яковлевой, историка из Латвии, увидевшие свет в 2001 г. и 2008 г. [26; 25], в которых автор подробно рассматривает процесс складывания и развития территории Курляндского герцогства и делимитации его границ с Ригой, Шведской Ливонией и Великим княжеством Литовским, а также работа Альмут Буэс, вышедшая в 2011 г. и посвященная отдельному эпизоду в пограничных спорах между Курляндией и Великим княжеством Литовским во второй половине XVIII века [23]. Основу источниковой базы названных исследований составили преимущественно документы, хранящиеся в Государственном историческом архиве Латвии (*Latvijas Valsts vēstures arhīvs, LVVA*), на территории которой находилось Курляндское герцогство. В этой связи представляется возможным несколько расширить наши знания о процессах формирования литовско-курляндской границы во второй половине XVI в. за счет обращения к свидетельствам «другой стороны», представленным, в частности, в фондах Главного архива древних актов в Варшаве (*Archiwum Główne Akt Dawnych, AGAD*).

Первым документом, определявшим территориальные рубежи Курляндского герцогства, стал договор под названием *Pacta subiectionis (Provisio Ducalis)*, заключенный 28 ноября 1561 г. в Вильно. Данное соглашение предусматривало передачу последнему магистру Ливонского ордена Готтхарду Кеттлеру (1517–1587), признававшему вассальную зависимость от польско-литовского правителя Сигизмунда II Августа,

в качестве наследственного лена областей Курляндия и Семигалия на левом берегу Западной Двины. Таким образом, граница его владений проходила от Балтийского моря вверх по течению реки Святая Аа (в источниках упоминается также как *Hilga*; совр. Свента) до старой границы, установленной Радзивиллами между Жемайтией, Литвой, Русью и Ливонией, на противоположной стороне от Полоцкой земли и далее вниз по течению Двины в направлении Балтийского моря¹. При этом подчеркивалась территориальная близость Ливонии и Великого княжества Литовского, обусловленная их соседством².

Важно иметь в виду, что Курляндское герцогство во второй половине XVI века не отличалось территориальной целостностью. Область Гробин (совр. Гробиня) на юго-западном побережье Курляндии в 1560 г. была отдана Сигизмундом II Августом под залог прусскому герцогу Альбрехту Гогенцоллерну [29, с. 199]. В состав Курляндии она вошла лишь в 1609 г. благодаря браку Вильгельма Кеттлера (1574–1640), одного из наследников Готтхарда на курляндском престоле, с Софией Бранденбургской, дочерью прусского герцога Альбрехта Фридриха [31, с. XIII]. Земли бывшего Курляндского епископства, состоявшего из трех территориально разрозненных частей с центром в городе Пильтен (совр. Пильтене), в 1559 г. были проданы последним епископом курляндским и эзель-викским Иоганном фон Мюнхгаузеном датскому королю Фредерику II, который, в свою очередь, передал их своему брату Магнусу в качестве апанажа. В 1585 г. Датское королевство полностью отказалась от этих земель в пользу Речи Посполитой. На месте епископства был создан Пильтенский повет, подчинявшийся непосредственно королю польскому и великому князю литовскому [подробнее см.: 24]. К тому же фактически выделенными из состава герцогства вплоть до 1576 г. оставались владения Маттиаса фон дер Рекке, бывшего комтура Доблена (совр. Добеле), отказавшегося признавать власть Готтхарда Кеттлера [32, с. 440–442]. Таким образом, литовско-курляндская граница некоторой своей частью пролегла не по землям новообразованного государства.

¹ «*Atque conferimus, primum totum illum tractum Curlandiae et Semigalliae, incipiendo a salso mari sursum, sequendo fluvium Hilgae, ascendendo ad antiquos limites, per Radziwillum inceptos et dispositos, inter Samogitiam, Lituaniam; et Russiam ab una, et Livoniam ab altera partibus, versus Districtum Polocensem ad Dunam fluvium, descendente vero Duna usque in mare salsum; adeo, ut quidquid in istis terminis cis Dunam versus Lituaniam continetur, et ad Ordinem Livoniae spectabat, nunc et in perpetuum apud Illustritatem Suam et ejus haeredes masculos permaneat...*» [33, с. 257].

² «*Cum Terra Livoniae Nobis, ex parte Magni Ducatus nostri Lithuaniae et vicinitate... devincta et consociata*» [33, с. 254].

Рассмотренный договор (*Pacta subiunctionis*), обозначивший начало существования герцогства, весьма поверхностно, без конкретной топографической привязки определял его территориальные рубежи [23, с. 196]. Тем не менее в содержании документа обнаруживаются главные принципы, которые легли в основу делимитации и демаркации литовско-курляндской границы. Она проводилась, в первую очередь, на основе старых договоров между Ливонским орденом и Великим княжеством Литовским. По замечанию Марите Яковлевой, «в отличие от Лифляндии, которую шведы в ходе реорганизации управления в конце XVII в. разделили на латышский и эстонский округа, заложив тем самым фундамент для возникновения позднее границы между Латвией и Эстонией, граница между Курляндским герцогством и Великим княжеством Литовским не проводилась в соответствии с национальными критериями. Этническая принадлежность местных жителей при проведении границ в то время играла второстепенную роль, так как дворянам было все равно, к какой национальности принадлежали их крестьяне, ведь их главный интерес заключался в приобретении рабочей силы» [26, с. 103–104]. Аналогичным образом игнорировались географические объекты в качестве естественных обозначений для проведения границы. Немецкий историк Хайнц Маттисен, обвиняя литовцев в желании исподволь расширить свои владения, отмечал, что «предполагаемая граница вдоль и поперек разрезала все речные бассейны и холмы, разделяла верховья и низовья рек, пики и склоны», подчеркивая к тому же, что «натуральные пункты могли бы послужить четко различимыми народными, культурными и религиозными рубежами между латышскими и литовскими землями» [29, с. 201].

Данный подход проявил исключительную «живучесть». Еще в 1829–1837 гг. князя Радзивиллы, желая провести возобновление границы между Виленской и Курляндской губерниями Российской империи, апеллировали к соглашениям 1473, 1505, 1540–1541 и 1584 гг. [12–17]. Приведенный нами фрагмент из *Pacta subiunctionis* относительно южной границы герцогства в общем и целом повторяет положения т. н. Радзивилловского примирения («*Radzivilionische Ductus*»), подписанного 4 июля 1473 г. от имени короля польского и великого князя литовского Казимира IV трокским воеводой Людвиком Остиковичем (ум. 1477), считающимся основателем рода Радзивиллов [3, с. 501], что объясняет название данного документа и фразу «*ad antiquos limites, per Radziwillum inceptos et dispositos*» в *Pacta subiunctionis*, и генеральным ливонским маршалом Конрадом де Бергенроде – от имени магистра Ливонского ордена

Бернхарда фон дер Борха [33, № 22, с. 16–17]. Однако данный договор лишь на бумаге обозначил предполагаемое направление границы (с места под названием Кургун (*Kurgun*)), установившейся еще в результате заключения Мельнского 1422 и Брест-Куявского 1435 гг. мирных договоров с Тевтонским орденом [23, с. 194], которые подтвердили окончательный переход Жемайтии в состав Великого княжества Литовского. С целью фактической демаркации этой линии на местности в виде межевых знаков (т. н. «копцов», т. е. рвов, насыпей, камней, а также обозначений на деревьях в форме, например, крестов и т. п.) планировалось создание смешанной комиссии в составе 8 человек из представителей литовской и ливонской сторон (по 4 человека от каждой), которая должна была начать работу в праздник Богоявления³, т. е. 6 января 1474 г.

Однако к началу Ливонской войны, несмотря на договоренности, предусмотренные последующими актами 1505, 1540–1541 и 1545 гг. [33, № 25, с. 18–19; № 36–37, с. 27–31; № 38, с. 31–32], окончательного возобновления и «уравнения» границы в соответствии с делимитацией 1473 г. с помощью подобных комиссий так и не произошло, причиной чему были разногласия между их членами по поводу тех или иных участков пограничной линии. В этой связи Позвольский трактат 1557 г. одним из источников противоречий между Ливонским орденом и Великим княжеством Литовским называет неясность и неопределенность межевых пунктов на границе между двумя государствами и требует среди прочего организации очередной комиссии с целью их установления, которая должна была начать работу 1 августа 1558 г. под руководством архиепископа Гнезненского. Данный документ предусматривает также назначение специальных судей, уполномоченных раз в три года осуществлять контроль над соблюдением границы [4, с. 177–179]. Однако этим планам помешала начавшаяся в 1558 г. Ливонская война. Желая избежать возможных недоразумений по поводу границы между Жемайтией, Литвой и Курляндией, которая имела все шансы подвергнуться «деформациям» в военных условиях, Сигизмунд II Август и Готтхард Кеттлер в договоре о защите (*Pacta protectionis*) 1559 г., предшествовавшем образованию Курляндского герцогства, подтверждали ее незыблемость⁴. В суматохе войны до окончательной демаркации границы между этими землями так и не дошло.

³ «... *pro Festo Epiphaniarum Domini nostri Iesu Christi, alias pro Festo trium Regum...*» [33, № 22, с. 17].

⁴ «... *servatis limitibus, atque terminis antiquis inter Lituaniam, Samogitiam et Curoniam, ita, ut suarum cuique rerum certa et stabilis possessio hucusque continuata...*» [33, № 43, с. 40].

Таким образом, литовско-ливонская пограничная линия с XV в. оставалась, фактически, необозначенной, постоянно изменяясь в чью-либо пользу. Это порождало многочисленные конфликты, особенно между частными лицами, наиболее чувствительными к малейшим нарушениям рубежей своих владений. Не исчерпались они и с возникновением Курляндского герцогства, что нашло отражение, в частности, в одном из основополагающих документов курляндского законодательства под названием *Privilegia nobilitatis (Privilegium Sigismundi Augusti)*, составленном курляндским рыцарством одновременно с заключением *Pacta subiectionis* с целью получения гарантий своих привилегий со стороны нового сюзерена [подробнее см.: 19]. Среди прочего он содержит просьбу обеспечить спокойствие и безопасность каждого жителя Курляндии в пределах установленной границы, восстановить утраченные ее фрагменты с помощью делегатов или же избранных самой знатью судей и тщательно ее охранять⁵. Однако этой «привилегии» курляндские дворяне не удостоились. В своей статье Марите Яковлева приводит некоторые примеры многочисленных жалоб, которые исходили от местной знати в адрес литовцев, отбиравших земли у своих северных соседей, пользуясь «удобствами» военного времени и отсутствием четкой очерченной границы [26, с. 91].

Ситуация начала изменяться лишь с подписанием 15 января 1582 г. Ям-Запольского мирного договора между Речью Посполитой и Российским царством. Уже 30 апреля 1582 г. польско-литовский правитель Стефан Баторий отдал распоряжение о создании комиссии в составе литовского писаря Вацлава Агриппы, жемайтского епископа Мельхиора Гедройца, полоцкого каштеляна Яна Волминского и виленского тиуна Станислава Нарушевича, а также бургграфа Вильгельма фон Эфферна, канцлера Михаила Бруннова и советников Георга фон Тизенгаузена и Бартоломея Бутлера, назначенных курляндским герцогом, с целью проведения ревизии и возобновления пограничной линии в соответствии со старыми договорами [7]. Главной причиной созыва комиссии Стефан Баторий назвал многочисленные жалобы, поступавшие со стороны шляхты Браславского, Вилькомирского и Упитского поветов Великого княжества Литовского, а также от Готтхарда Кеттлера и его под-

⁵ «XIII. Ut nemo in suis graniciebus atque constitutis limitibus praediorum suorum, qui ex certis monumentis liquent perturbetur; sed in possessione illorum a Sacra ejus Regia Majestate tueatur. Si vero qui limites temporum vetustate corrupti amissive essent, ut illi sive per delegatos, sive per arbitros, prout acquitatis postulaverit ratio, innoventur, restituanturque»; «Ut fines terrarum diligenter observentur, ne praedones, et grassatores ingrediendo impune grassentur» [33, с. 261, 263].

данных по поводу нарушения границы между государствами [7, л. 1]. В этой связи особое внимание предписывалось уделить рассмотрению частных жалоб «*až do skonczenia granic, ku bregu Slonego Moria wniz, a potem nad Dwina wwierch*» [7, л. 2].

Комиссия должна была начать работу в день Святого Варфоломея, т. е. 24 августа 1582 г., в Курцуме («*w Kurcymach*»; совр. лат. *Kurcums*) недалеко от Дюнабурга (совр. Даугавпилс), куда заранее были отправлены уполномоченные лица курляндского герцога Мельхиор Фёлькерзам, Кристиан Шрёдер и Михаэль Мантойфель. В ходе инспекции они обнаружили смещение пограничной линии вглубь Курляндского герцогства на расстояние до 2 миль по сравнению с 1540-ми гг., а также большое количество литовцев, осевших в выведенных из состава Курляндии землях [26, с. 92]. Вероятно, состав комиссии и время начала ее работы несколько изменились. В отчете от 6 октября 1582 г. указан Герхард Нольде вместо Бартоломея Бутлера и отсутствует Станислав Нарушевич [18, л. 5]. Также Марите Яковлева временем начала работы комиссии называет 12 сентября 1582 г. [26, с. 92]. Так или иначе, встретившись в условленном месте, члены комиссии договорились найти и восстановить межевые знаки, установленные в ходе демаркаций 1473 г. (Радзивилловской) и 1557 г. (Позвольской) [18, л. 5]. К началу заморозков им удалось возобновить старые и учредить новые⁶ копцы до имения Элльдрен (*Dwor Elldren*; совр. лат. *Elkšņu muiža*) [18, л. 1, 10, 15].

Комиссия возобновила работу 7 сентября 1583 г., продолжив демаркацию границы от имения Элльдрен до Бауски [26, с. 93]. На этом участке ей пришлось столкнуться со множеством продолжительных разногласий частного характера, среди которых обращает на себя внимание пограничный спор между владельцем Бирж, каштеляном трокским и подканцлером литовским Христофором Николаем Радзивиллом «Перуном» (1547–1603) и курляндским герцогом Готтхардом Кеттлером, как один из показательных примеров подобного рода противоречий. Причиной конфликта стали давние претензии Христофора Радзивилла на земли, лежавшие на правом берегу реки Мемель (немецкое название; в источниках упоминается также как *Niemen, Niemna*; совр. Мемеле), т. е. на противоположной от его биржайских владений стороне, вплоть до реки Сусея (в источниках упоминается как *Suscia, Susseja*; совр. лат. *Dienvidsusēja*). В качестве арбитра в данной тяжбе выступил Юрий Радзивилл (1556–1600), епископ Виленский, занимав-

⁶ На реке Луида (совр. лат. *Lavīde*), где остановила работу комиссия 1541 г., и далее не удалось обнаружить прежних знаков.

ший в 1583–1586 гг. должность королевского наместника в Инфлянтах. Именно он подготовил компромиссарский декрет, датированный 23 сентября 1583 г. и призванный умиротворить спорящие стороны [8]. Данный документ содержит интересные сведения об одном из механизмов разрешения пограничных споров частного характера в рассматриваемом регионе.

В частности, обращает на себя внимание тот факт, что в данном случае посредником выступил инфлянтский наместник, а не члены комиссии по установлению границ. Сам Юрий Радзивилл объяснял свое живое участие в разрешении конфликта между Христофором Радзивиллом и Готтхардом Кеттлером не только желанием оказать справедливость каждому жителю вверенного ему «наместничества», что является, очевидно, служебной формулой, но и родством с обоими домами, а также особенно доброжелательным к ним расположением [8, л. 5]. Данное обстоятельство позволяет говорить о личной заинтересованности Юрия Радзивилла в разрешении спора. Недаром он всячески склонял светлейших князей прийти ко взаимному согласию и вечной дружбе, не доводя дело до рассмотрения государственной комиссией [8, л. 7], которая, таким образом, не всегда принимала участие в разрешении пограничных конфликтов между подданными Курляндского герцогства и Великого княжества Литовского – в некоторых случаях эту функцию брали на себя третьи лица. Вероятно, желание связываться с официальными органами отсутствовало и у самих спорящих, что явствует из положительного ответа, данного ими на уговоры Юрия Радзивилла урегулировать тяжбу добровольно и на частном уровне [8, л. 7–8].

Весьма примечательным представляется также механизм разрешения данного конфликта. Христофор Радзивилл и Готтхард Кеттлер вполне в духе времени апеллировали к стародавним привилегиям и другим подобного рода документам: трокский каштелян жаловался на то, что земли за рекой Мемель до реки Сусея были якобы давно и несправедливо выведены из состава его биржайского имения; курляндский герцог, в свою очередь, вознамерился доказать неоспоримыми документами, что немцы уже более ста лет имели свое поселение и владели землями за рекой Мемель, включая фольварк из имения Фрайтага (*Freitagii*), на который также претендовал Христофор Радзивилл, вплоть до границ, некогда называемых Шедиборы (*Schadebor*), а также, что немцы эти всегда принадлежали к Ливонскому ордену [8, л. 9–11]. Юрий Радзивилл, «рассудив, что в долгих спорах часто пропадает истина и что настоящее дело должно быть разрешено не на основе положений писаного

права, но добросовестно по сущей справедливости»⁷, принял решение отказаться от следования «принципу давности владения» в пользу сохранения статус-кво.

Таким образом, земли на правом берегу реки Мемель закреплялись за курляндским герцогом и его наследниками. Сама же река объявлялась совместным и равным владением Христофора Радзивилла и Готтхарда Кеттлера, оба князя могли ей беспрепятственно пользоваться⁸. По среднему течению реки Мемель до сих пор проходит участок латвийско-литовской границы, за что жители Латвии могут быть благодарны Юрию Радзивиллу, убедившему литовского подканцлера отказаться от своих претензий: в обратном случае современная Литва могла бы иметь немного более обширную территорию вплоть до реки Сусея (см. карту 1). Компромиссарский декрет Юрия Радзивилла от 23 сентября 1583 г. был утвержден королем Стефаном Баторием 7 апреля 1584 г., а 17 апреля того же года принят для включения в книги королевской канцелярии [9; 10]. Можно заметить, что частные конфликты по поводу южной границы Курляндского герцогства находили отражение и на государственном уровне.

Карта 1. Реки Мемеле и Сусея на современной карте Латвии. Если бы претензии Христофора Радзивилла были удовлетворены, латвийско-литовская граница могла бы проходить по реке Сусея. Фрагмент (источник см.: 1)

⁷ «Nos considerantes nimium altercando saepe veritatem ipsam amitti nec negotium id ex praescripto summi iuris sed ex aequo et bono decidi ac totam institutam actionem in cum finem dirigi oportere...» [8, л. 12].

⁸ «Quantum ad ipsum flumen Niemen attinet dominium atque usus liberrimus ad utrasque Illtes illorum quatenus bona Illmi Ducis Christophori sese extendunt pro mediate pertinere nec altera alteram in tali suo iuro atque usu allo ratione vel praetentu turbare molestare in posterum debebit» [8, л. 15].

В своем продвижении далее комиссия столкнулась с рядом новых разногласий и противоречий. В итоге, по свидетельству хрониста Лоренца Мюллера, находившегося на службе Стефана Батория с начала 1580-х гг., «комиссары не пришли ни к какому соглашению. Ибо литовцы хотели получить обратно населенную землю на 30 миль в длину и готовы были присягнуть, что этою землею владели их предки с древнейших времен, но доказать документами этого не могли: не было того в обычае у литовского рыцарства. Курляндцы же доказали свое право на владение грамотами и печатями, данными за полтора столетия тому назад. Обе стороны так и разошлись с досадою друг на друга, и дело отложили» [2, с. 171]. Несмотря на очевидную ангажированность автора в пользу Курляндского герцогства, а также некоторые неясности (в частности, по поводу локализации участка в 30 миль) и неточности (относительно отсутствия у литовской знати обычая апеллировать к стародавним документам), данное сообщение представляется достоверным по вопросу об итогах работы комиссии: к концу 1583 г. она не достигла удовлетворительных для обеих сторон результатов. Обращает на себя внимание также замечание Мюллера относительно успехов курляндцев в деле отстаивания своих владений, которое наравне с примером тяжбы между Христофором Радзивиллом и Готтхардом Кеттлером, сохранившим в конечном счете свои владения, ставит под сомнение тезис Хайнца Маттисена и Марите Яковлевой о подавляющем преобладании завоеваний литовцев в пограничных спорах и лишь редких и случайных победах курляндской знати и герцога [см.: 26, с. 94; 29, с. 201].

Весьма красноречиво о незавершенности работы комиссии 1582–1583 гг. свидетельствуют документы, связанные с дальнейшими попытками установить южную границу Курляндского герцогства. Предпринимались они во второй половине 1585 г., когда Готтхард Кеттлер отправил своих людей в район между Курцумом и Друей. 17 декабря 1585 г. его поддержал Стефан Баторий, издавший приказ отправить в 1586 г. тех же, что в 1582–1583 гг., комиссаров к верхнему течению реки Двина для проведения пограничной линии, которая соответствует небольшому фрагменту сегодняшней границы между Латвией и Беларусью [33, № 86, с. 97–98]. Однако, судя по всему, данное предприятие не состоялось по причине смерти короля Речи Посполитой в 1586 г. и курляндского герцога в 1587 г. [26, с. 95]. Следующие мероприятия по урегулированию пограничной линии прошли в 1587 и 1588 гг. [26, с. 95, 97]. Они были связаны с уточнением границ

между именем Гренцхоф (совр. лат. *Augstkalne*), принадлежавшим Анне Мекленбург-Гюстровской (1533–1602), вдове Готтхарда Кеттлера, и владением Шагаррен (совр. Жагаре) Яна Умястовского, равно как и соседними землями, включая волость Шавли (совр. Шяуляй) [11, л. 1–16]. Данные споры были разрешены добровольно и мирно путем обмена участками 4 ноября 1587 г. и 11 ноября 1588 г. соответственно при участии в последнем случае Яна Грасовского, «*Capitaneo Schauleñ*» [11, л. 2], и Николая Христофора Радзивилла «Сиротки» (1549–1616).

Однако процесс установления границ Жемайтии с Курляндским герцогством несколько затянулся. В этой связи «шавлинская» комиссия в составе все тех же Мельхиора Гедройца, Вацлава Агриппы и др., а также при участии Николая Христофора Радзивилла по приказу короля Сигизмунда III вновь собиралась летом 1595 г. (в день Святой Троицы) и ранней осенью 1596 г. (в день Святого Варфоломея) с целью проведения демаркации границы, в первую очередь, в районе волости Шавли, «аж до мора солоного», т. е. Балтийского, в соответствии с положениями Радзивилловского и Позвольского соглашений [11, л. 17–32]. Так или иначе, потребность в урегулировании границ Курляндского герцогства, в том числе в районе Браслава, Друи и Дрисвят, находящихся сегодня на территории Беларуси, в той или иной мере существовала вплоть до третьего раздела Речи Посполитой в 1795 г., когда Курляндия стала провинцией Российской империи [подробнее см.: 23, с. 199–203; 26, с. 97–103; 29, с. 202–204].

Подводя итоги, можно сказать, что Курляндское герцогство во многих отношениях унаследовало «долги» Ливонского ордена, включая отсутствие окончательной демаркации границы с Великим княжеством Литовским. Данное обстоятельство нашло отражение в использовании старых договоров в качестве основы для проведения межевой линии на юге Курляндии. Этот процесс по ряду причин, прежде всего военного и частновладельческого характера, сильно растянулся во времени. Важную роль в установлении границы Курляндского герцогства с Великим княжеством Литовским сыграли приватные тяжбы, пересекавшиеся в данном случае с общегосударственными интересами. Несмотря на все трудности, южные рубежи герцогства в общем и целом были установлены именно во второй половине XVI века. Как отмечалось выше, в значительной мере они сохранились до сих пор в виде границ между современными Латвией, Литвой и частично Беларусью.

Карта 2. «Livoniae Nova Descriptio» Иоанна Портанция, 1573 г.
(источник см.: 28)

В заключение несколько слов хотелось бы сказать по поводу изображения герцогства Курляндия и Семигалия на современных ему картах, поскольку данный вопрос тесно связан с проблемой формирования его территориальных рубежей⁹. На картах второй половины XVI в. новое политико-административное деление Ливонии не представлено – ее изображают как целостное образование. Это ярко видно на примере карты Иоанна Портанция, созданной в 1573 г. и впервые опубликованной в одном из переизданий атласа Абрахама Ортелия «*Theatrum Orbis Terrarum*». Будучи подготовленной после образования Курляндского герцогства, она, однако, отражает политическую ситуацию перед Ливонской войной (см. карту 2).

⁹ Данную проблему довольно обстоятельно рассмотрела Альмут Буэз [см.: 22, с. 84–92].

В 1595 г. вышло первое издание атласа известного фламандского картографа Герарда Меркатора (1512–1594). Содержащаяся в нем карта Ливонии, в основу которой среди прочего была положена работа Иоганна Портанция [20, с. 114–115], также не выделяет Курляндское герцогство в качестве отдельного политического тела. Ливония опять же представлена как единое целое (см. карту 3). Несмотря на это, южная граница Курляндского герцогства на этих картах четко различима. У Герарда Меркатора можно разглядеть, в том числе, реки Мемель и Сусею, земли между которыми оспаривали Христофор Радзивилл и Готтхард Кеттлер. Отсутствие выделения Курляндского герцогства в качестве отдельного государственного образования на картах второй половины XVI века Альмут Буэс объясняет тем, что они носили преимущественно географический характер, игнорируя во многом политические реалии того времени [22, с. 86].

Карта 3. «Livonia» Герарда Меркатора, 1595 г.
(источник см.: 30, с. XXV – карта)

Впервые обозначение Курляндии в качестве особого геополитического субъекта встречается в начале XVII в. на карте Великого кня-

жества Литовского, подготовленной под руководством упоминавшегося выше Николая Христофора Радзивилла в конце XVI в. и впервые опубликованной в 1613 г. голландским картографом и издателем Виллемом Янзоном Блау (1571–1638). Данное произведение отличается пристальным вниманием к отражению регионального устройства Великого княжества Литовского. Николай Христофор Радзивилл не мог обойти вниманием и южную границу Курляндского герцогства, которая обозначена пунктиром. Также территория Курляндии подписана именно как *Cvrlandiae Ducatus*, а не просто *Cvrland*, как на предыдущих картах (см. карту 4).

Карта 4. «Magni Ducatus Lithuaniae Caeterarumque Regionum Illi Adiacentivm Exacta Descriptio» Николая Христофора Радзивилла, 1613 г.
Фрагмент (источник см.: 27)

С начала XVIII в. Курляндское герцогство практически повсеместно проникает в названия карт, посвященных Прибалтике. Распространение подобного подхода к изображению герцогства именно с начала XVIII в. гипотетически можно объяснить вниманием, которое привлекла к прибалтийским землям начавшаяся тогда Северная война. Весьма скромное в территориальном и международном плане вассальное государство, затерявшееся на окраине Европы, в те годы попало буквально в эпицентр бури, оказавшей сильное впечатление на европейскую общественность, которая, таким образом, «открыла» для себя этот социально-исторический организм. В качестве примера возросшего в то время спроса западноевропейской публики на материалы, касающиеся Ливонии в целом и Курляндского герцогства в частности, можно привести книгу курляндского дворянина и дипломата Карла Иоганна фон Бломберга под названием «Описание Ливонии» [21]. Она

состоит из писем Бломберга к другу в Англии, затрагивающих темы из истории Ливонии и современной автору обстановки в Курляндском герцогстве, которые сам Бломберг не рассчитывал публиковать. Вероятно, большой интерес европейского общества побудил его отправить письма под печатный пресс в Лондоне в 1701 г. Судя по всему, книга пользовалась популярностью, так как в 1705 г. вышло ее второе издание на французском языке. Во второй половине XVIII в. на европейских картах Курляндия обозначается как часть Речи Посполитой, что, возможно, было связано с развитием национальных государств и централизации в Европе, которые сформировали соответствующий образ политического мышления.

Хочется отметить, что проблема эволюции изображения Курляндского герцогства на европейских картах, тесно связанная с явлением, которое Эдвард Саид называл «воображаемыми географиями», т. е. социально и культурно обусловленным восприятием пространства, достойна изучения в рамках специального исследования.

Список литературы

1. Карта Латвии // GPS info [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gps-info.com.ua/34183>. – Дата доступа: 26.09.2015.
2. Миллер, Л. Записки курляндскаго герцогскаго гофрата Лаврентія Миллера о временах Стефана Баторія / Л. Миллер // Сборникъ матеріалов и статей по исторіи Прибалтійскаго края: в 4 т. – Рига: Тип. А.І. Липинскаго, 1882. – Т. 4. – С. 125–186.
3. Пазднякоў, В. Радзівіл Осцікавіч / В. Пазднякоў // Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя ў двух тамах. – 2-е выд. – Мінск: «Беларуская энцыклапедыя імя Пятруся Броўкі», 2007. – Т. 2. – С. 501.
4. Попов, В. Е. «Война коадьюторов» и Позвольские соглашения 1557 года / В. Е. Попов, А. И. Филюшкин // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2009. – № 1/2(5/6). – 151–184.
5. Цветкова, О. В. Феномен государственной границы / О. В. Цветкова // Власть. – 2014. – № 8. – С. 66–69.
6. Якубаў, В. У. Інфлянты ў знешняй і ўнутранай палітыцы ВКЛ у канцы XVI – пачатку XVII ст.: дысертация на саісканне вучонай ступені кандыдата гістарычных навук: спецыяльнасць 07.00.02 Айчынная гісторыя / В. У. Якубаў. – Мінск, 2013. – 135 л.
7. AGAD. – Rkps. AR. Dz. II. – № 124. Poruczenie Stefana Batorego, króla polskiego, dane Waclawowi Agrypie, pisarzowi litewskiemu, dla załatwienia spraw granicznych pomiędzy Inflantami, Kurlandją i Litwą, 30.04.1582.
8. AGAD. – Rkps. AR. Dz. II. – № 128. Dekret kompromisarski Jerzego księcia Radziwiłła, biskupa wileńskiego, dotyczący Gotarda księcia kurlandzkiego

i Krzysztofa I księcia Radziwiłła, kasztelana trockiego, w sprawie granic Birż, 23.09.1583.

9. AGAD. – Rkps. AR. Dz. II. – № 132. Konfirmacja Stefana Batorego, króla polskiego, ugody o granice Birż, zawartej między Krzysztofem I księciem Radziwiłłem a Gotardem, księciem kurlandzkim, 07.04.1584.

10. AGAD. – Rkps. AR. Dz. II. – № 133. Stefan Batory, król polski, potwierdza dekret kompromisarski Jerzego księcia Radziwiłła w sprawie Krzysztofa I księcia Radziwiłła i Gotarda, księcia kurlandzkiego, 17.04.1584.

11. AGAD. – Rkps. AR. Dz. II. – № 222. Akta dotyczące odgraniczenia Żmudzi od Księstwa Kurlandzkiego, 1588–1596.

12. AGAD. – Rkps. AR. Dz. II. – № 3268. Rezolucja komisji radziwiłłowskiej w sprawie wydania z archiwum nieświeskiego akt odgraniczenia Kurlandii od Litwy, 19.09.1829.

13. AGAD. – Rkps. AR. Dz. II. – № 3269. Rezolucja komisji radziwiłłowskiej w sprawie wydania z archiwum nieświeskiego akt odgraniczenia Kurlandii od Litwy, 03.10.1829.

14. AGAD. – Rkps. AR. Dz. II. – № 3270. Rezolucja komisji radziwiłłowskiej w sprawie uzyskania od hrabiego Tyszkiewicza aktu komisji granicznej z Kurlandią, 05.10.1829.

15. AGAD. – Rkps. AR. Dz. II. – № 3271. Rezolucja komisji radziwiłłowskiej wzywająca prokuratorów do uzyskania aktu granicznego z Kurlandią, 25.02.1830.

16. AGAD. – Rkps. AR. Dz. II. – № 3272. Rezolucja komisji radziwiłłowskiej w sprawie przetłumaczenia na język rosyjski aktu granicznego z Kurlandią, 14.03.1830.

17. AGAD. – Rkps. AR. Dz. II. – № 3274. Rezolucja komisji radziwiłłowskiej w sprawie przesłania do archiwum kopii aktów rozgraniczenia z Kurlandią oraz same te kopie po rosyjsku z lat: 1473, 1505, 1540, 1541 i 1584, 12.07.1837.

18. AGAD. – Rkps. AT. – № G-791. Rozgraniczenie między Litwą i Kurlandią w r. 1582, 06.10.1582.

19. Aidnik, E. E. Zur Geschichte des «Privilegiums Sigismundi Augusti» für die livländische Ritterschaft vom 28. November 1561 / E. E. Aidnik // *Historische Zeitschrift*. – 1937. – Bd. 157, H. 1. – S. 69–74.

20. Arbusow, L. Vorläufige Übersicht über die Kartographie Alt-Livlands bis 1595 / L. Arbusow // *Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Altertumskunde zu Riga*. Vorträge vom Januar bis November 1934. – Riga: Verlag E. Bruhns, 1935. – S. 83–119.

21. Blomberg, Frhr. K. J. von. An Account of Livonia with a relation of the rise, progress, and decay of the Marian Teutonick order. The several revolutions that have happen'd there to these present times, with the wars of Poland, Sweden and Muscovy contending for that Province. A particular Account of the Dukedoms of Courland, Semigallia and the province of Pilten. To which is added the Author's Journey from Livonia to Holland, in 1698 with his observations upon Prussia,

Brandenburgh, Hanover, Hesse, and several other German Courts. Sent in Letters to his friend in London / Frhr. K. J. von Blomberg. – London: Printed for Peter Buck, 1701. – 335 p.

22. Bues, A. Das Herzogtum Kurland und der Norden der polnisch-litauischen Adelsrepublik im 16. und 17. Jahrhundert. Möglichkeiten von Integration und Autonomie / A. Bues. – Giessen: litblockin, 2001. – 370 S.

23. Bues, A. Ein Stück Wald tritt in die Geschichte oder vier Quadratkilometer bei Schoden / A. Bues // *Latvijas archīvi*. – 2011. – № 3. – S. 194–209.

24. Dybaś, B. Powiat piltyński w XVII w. – jego geneza i status w Rzeczypospolitej / B. Dybaś // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. – 2003. – T. 55, Z. 1. – S. 201–215.

25. Jakovleva, M. Granice Księstwa Kurlandzkiego w epoce nowożytnej. Wybrane zagadnienia / M. Jakovleva // *Klio. Czasopismo poświęcone dziejom Polski i powszechnym*. – 2008. – № 11. – S. 29–40.

26. Jakovleva, M. Territorium und Grenzen des Herzogtums Kurland und Semgallen im 16. und 17. Jahrhundert / M. Jakovleva // *Das Herzogtum Kurland 1561–1795: Verfassung, Wirtschaft, Gesellschaft*; hrsg. von E. Oberländer. – Bd. 2. – Lüneburg: Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, 2001. – S. 69–104.

27. Magni Ducatus Lithuaniae Caeterarumque Regionum Illi Adjacentium... // Barry Lawrence Ruderman Antique Maps Inc. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.raremaps.com/gallery/detail/30672/Magni_Ducatus_Lithuaniae_Caeterarumque_Regionum_Illi_Adjacentium/Gerritsz-Blaeu.html. – Дата доступа: 26.09.2015.

28. Maps of 16th century Livonia // National Library of Estonia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nlib.ee/html/digi/maps/mliv16-eng.html>. – Дата доступа: 26.09.2015.

29. Mattiesen, H. Gebiet und Grenzen des Herzogtums Kurland 1569–1795 / H. Mattiesen // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. – 1957. – Bd. 5, H. 1/2 (Neue Folge). – S. 198–205.

30. Mercator, G. Atlas sive Cosmographicae Meditationes de Fabrica Mundi et Fabricati Figura / G. Mercator. – Duisburgi Clivorum, 1595. – 277 p.

31. Napiersky, C. E. Actenstücke zur Geschichte der Noldeschen Händel in Kurland zu Anfang des siebzehnten Jahrhunderts / C.E. Napiersky // *Monumenta Livoniae Antiquae*. – Bd. 2. – Riga, Leipzig: E. Frantzen, 1839. – S. I–XXXVI, 1–238.

32. Seraphim, A. Die Geschichte des Herzogtums Kurland / A. Seraphim // *Geschichte Liv-, Est- und Kurlands von der „Aufsegelung“ des Landes bis zur Einverleibung in das russische Reich. Eine populäre Darstellung von Ernst Seraphim*. – Bd. 2. – Reval: Verlag von Franz Kluge, 1896. – S. 429–677.

33. Volumina Legum. Przedruk zbioru praw staraniem XX. pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydane. Prawa, konstytucye y przywileie Krolestwa Polskiego, Wielkiego Xięstwa Litewskiego y wszystkich prowincyi należących na

walnych seymiech koronnych od seymu Wiślickiego roku pańskiego 1347 aż do ostatniego seymu uchwalone: w 9 t. / Petersburg, Kraków: Nakładem i drukiem Jozafata Ohryzki, Nakładem Akademii Umiejętności, 1859–1860, 1889. – T. 6: ab anno 1697 ad annum 1736. – 1860. – 215 s.

34. Ziegenhorn, C.G. v. Staatsrecht der Herzogthümer Curland und Semgallen / C. G. von Ziegenhorn. – Königsberg: J. J. Kanter, 1772. – 476 S.

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ «ІНФЛЯНЦКАГА ПЫТАННЯ» 1582–1621 гг.

Перыяд кіравання Жыгімонта Вазы, як і яго палітыку на Балтыцы, розныя нацыянальныя гістарычныя школы разглядаюць па рознаму: адны як апошні ўздым, іншыя як пачатак заняпаду Рэчы Паспалітай. «Інфлянцкае пытанне» частка больш шырокай і працяглай «Балтыйскай праблемы», адзін з важнейшых выклікаў паўстаўшых перад кіруючымі коламі ВКЛ ў другой палове XVI ст., гэта комплекс праблем па падначаленні і ўпарадкаванні тэрыторыі Інфлянтаў (Ліфлянды) у час іх знаходжання пад кандамініўмам ВКЛ і Польскага каралеўства.

Праблемы кіравання тэрыторыяй Інфлянтаў з боку ВКЛ і Польшчы, пытанні ўнутранай і знешняй палітыкі Рэчы Паспалітай у канцы XVI – пачатку XVII ст. вывучаліся як сучаснікамі, так і даследчыкамі пазнейшага часу. У выпадках, калі аўтары друкаваных першакрыніц пачыналі не проста апісваць свае дзеянні і ўражанні ад падзей, а крытыкавалі ці ўзгадвалі іншых аўтарытэтных у сваіх галінах творцаў, іх працы могуць разглядацца як пачатак гістарыяграфіі праблемы. Сярод прац аўтараў-сучаснікаў вылучаюцца літаратурныя творы Л. Баера [1] П. Скаргі [2] якія прапагандавалі перамогі Жыгімонта Вазы над яго ворагамі, а таксама дыярыушы ананімнага Літоўскага Рыцара (прыпісваюцца К. Валадкевічу ці Т. Ляцкаму) [3], Ф. Еўлашоўскага [4] П. Пяэцкага [5] якія змяшчаюць багаты, унікальны ў сваіх дэталях фактычны матэрыял. Работы згаданых аўтараў носяць у большасці апісальны характар, як у адносінах да палітыкі РП у Інфлянтах, так і пры разглядзе барацьбы Жыгімонта Вазы з люгэранскай апазіцыяй у Швецыі. Якасна іншыя накірунак прац сучаснікаў падзей прадстаўляюць хронікі нямецкіх лівонскіх аўтараў Ф. Ніенштэта [6], Б. Русава [7], Д. Хільхена [8], якія пры захаванні ляяльнасці да РП паказвалі супраціўленне насельніцтва Інфлянтаў каланіяльнай палітыцы цэнтральных улад і барацьбу розных палітычных сіл у правінцыі.

Асобнае месца ў гістарыяграфіі займаюць гербоўнікі А. Віюк-Каяловіча [9; 10]; А. Банецкага [11], С. Дзядулевіча [12], К. Нясецкага [13], С. Урускага [14], якія ўтрымліваюць шэраг важнай генеалагічнай і біяграфічнай інфармацыі, фамільных легенд, звесткі аб валоданні маёмасцю і пасадамі ў Інфлянтах і ВКЛ, а таксама аб персанальным складзе войск РП у час вайны са Швецыяй 1600–1611 гг. Аднак характэрным

для іх з'яўляецца апісальны і фрагментарны характар падачы дадзеных, частыя недакладнасці ў імёнах, датах і лічбах.

У канцы XVIII – пачатку XIX ст. у польскай гістарыяграфіі з'явіліся першыя спецыяльныя працы, прысвечаныя перыяду праўлення Жыгімонта Вазы. У творах А. Нарушэвіча [15] і У. Нямцэвіча [16], заснаваных на шэрагу першакрыніц, якія не дайшлі да нашых часоў, асвятляецца ўнутрыпалітычная сітуацыя ў РП, у тым ліку і ў Інфлянтах у сярэдзіне XVI – пачатку XVII ст., аднак, як і ў гербоўніках, змешчаны шэраг легендарных звестак, маральных ацэнак, ідэалагічных схем, аўтарскіх гіпотэз і меркаванняў. Разам з тым, трэба адзначыць, што працы менавіта гэтых аўтараў паклалі пачатак навуковай сістэматызацыі і вывучэнню перыяду кіравання Жыгімонта Вазы ў польскай гістарыяграфіі.

Расійскія гісторыкі XIX ст. толькі ўскосна разглядалі праблемы Інфлянтаў пад кандамініумам ВКЛ і Польшчы. Рэч Паспалітая XVI–XVII стст. апісвалася як унітарная польская дзяржава, галоўнай мэтай палітыкі якой было знішчэнне пратэстантызму ў Паўночнай Еўропе і праваслаўя ва Усходняй. Паводле стаўшага традыцыйным меркавання расійскіх аўтараў, Жыгімонт Ваза не меў ніякай падтрымкі ў Швецыі і Прыбалтыцы, у РП быў марыянеткай магнатэрыі, а інфлянцы імкнуліся да пераходу ў падданства Швецыі і Маскоўскай дзяржавы. Аднак дэманстрацыя асабістых сімпатый і антыпатыі, характэрная для ўсёй гістарыяграфіі XIX ст., не змяняе інфарматыўнай якасці прац гэтых аўтараў. Найбольш матэрыялу па тэме нашага даследавання змяшчаюць творы Г. В. Форстэна [17] і П. М. Жуковіча [18]. Г. В. Форстэн стварыў шырокую панараму палітычнай барацьбы еўрапейскіх краін за *Magis Dominium* на Балтыцы ў XVI–XVII стст., акцэнтаваў увагу на міжканфесійных супярэчнасцях як рухаючай сіле канфлікту паміж кіруючымі коламі РП і Швецыі, але перабольшваў іх ролю. П. М. Жуковіч выдатна асвятліў міжканфесійную і ўнутрыпалітычную сітуацыю, прааналізіраваў рашэнні вальных соймаў, павятовых соймаў у Рэчы Паспалітай (1587–1609 гг.), іх рэалізацыю і наступствы ў ВКЛ і Польскім каралеўстве.

З 1970 г. да сённяшняга часу даследаваннем расійска-польскіх адносін другой паловы XVI – пачатку XVII ст. займаўся вядомы расійскі гісторык Б. М. Флорыя. Яго працы заснаваны на глыбокім аналізе шырокага кола архіўных крыніц і гістарыяграфічнага матэрыяла [19–21]. У іх закранаюцца пытанні міжнароднай палітыкі ў балтыйскім рэгіёне і разглядаюцца прэтэнзіі на Інфлянты з боку Масквы, РП, Свяшчэннай Рымскай імперыі і Швецыі. Аўтар, аднак, застаўся ў рамках традыцыйнай схемы расійскай гістарыяграфіі і не разглядаў асобных інтарэсаў ВКЛ, не размяжоўваў

структуры ВКЛ і Польшчы, прызнаючы іх унітарнымі і польскімі па этнічных маркерах, і толькі ў апошніх сваіх працах пачаў звяртаць увагу на адрозненні ў інтарэсах Польскай Кароны і Вялікага Княства Літоўскага.

У 20–30 гг. XX ст. з'явіўся шэраг падставовых прац па перыяду Новага часу. Так, А. Шэлянгоўскі апісаў барацьбу РП за *Maris Dominium Baltici* і эканамічнае першыньство на Балтыйскім моры ў кантэксте міжнародных палітычных і эканамічных супярэчнасцей Новага часу [22]. Даследчык у публіцыстычным стылі абмаляваў гісторыю польска-нямецкага палітычнага супрацьстаяння і прыйшоў да высновы, што на палітычныя дзеянні часткі шляхты РП уплывалі пачуцці міжнацыянальнай варожасці і адмаўлення дынастычнай палітыкі Габсбургаў [23].

Станіслаў Хэрбст вывучаў ход баявых дзеянняў у Інфлянтах у 1600–1604 гг. Яго творы лічацца адным з лепшых узораў навуковых прац у польскай гістарыяграфіі, прысвечаных апісанню і аналізу хода ваенных дзеянняў [24; 25]. Аўтар абагульніў і прааналізаваў багацейшы фактычны і гістарыяграфічны матэрыял з большасці краін Балтыйскага рэгіёну (за выключэннем Расіі), разам з аглядам ваенных дзеянняў 1600–1603 гг. зрабіў апісанне тэрыторый, на якіх адбываліся канкрэтныя баявыя аперацыі і вызначыў некаторыя персаналіі іх удзельнікаў. Храналагічныя рамкі яго даследаванняў абмежаваныя 1599–1604 гг.

Польская гістарыяграфія міжваеннага перыяду была багатая на навуковыя артыкулы, прысвечаныя розным аспектам палітыкі Рэчы Паспалітай у Прыбалтыцы. Прававы статус Інфлянтаў і барацьбу за палітычныя правы ў складзе РП даследаваў Э. Кунтзэ [26]. К. Лепшы прааналізаваў унутрыпалітычную сітуацыю ў РП у 90-х гадах XVI ст. [27] і падарожжа Жыгімонта Вазы ў Швецыю ў 1593 г. [28]. Праца Е. Натансон-Лескага [29] прысвечана ваенна-дыпламатычным узаемаадносінам Даніі, Швецыі, ВКЛ, Польшчы і Маскоўскай дзяржавы ва ўсходняй Прыбалтыцы ў 1558–1585 гг. К. Тышкоўскі падрабязна апісаў персанальны канфлікт паміж Я. К. Хадкевічам і Я. Радзівілам у пачатку XVII ст., а таксама звярнуў увагу на ролю Л. Сапегі ў яго спыненні [30 ; 31].

У 60–70 гг. XX ст. Я. Мацішэўскі сістэматызаваў і навукова прааналізаваў усю інфармацыю, назапашаную на той час адносна нарастання незадаволенасці шляхты ў Польшчы і ВКЛ, якая вылілася ў рокаш пад кіраўніцтвам М. Зэбжыдоўскага – Я. Радзівіла [32–34]. На аснове соймавых канстытуцый, соймавых інструкцый і карэспандэнцыі сучаснікаў аўтар паказаў тагачаснае сацыяльна-палітычнае жыццё, інтарэсы і дзеянні груп шляхты ў крызіснай сітуацыі, знешнюю палітыку Жыгімонта Вазы ў перыяд да Гузаўскай бітвы 1607 г.

Асабліва сці функцыяніравання, забеспячэння і рэфарміравання войска Польшчы і ВКЛ у XVII ст. вывучаў Я. Віммер [35]. Е. Тэадорчык у сваім артыкуле вылучыў спецыфічныя рысы тактыкі войска Рэчы Паспалітай [36]. М. Цяра ўпершыню прысвяціў асобнае даследаванне канфедэрацыям у дзяржаўных войсках ВКЛ і Польскага каралеўства на мяжы XVI і XVII ст. [37]. У манаграфіі Е. Урвановіча [38] была разгледжана і прааналізавана дзейнасць вайсковых канфедэрацый як феномена ў гісторыі Цэнтральнай Еўропы.

Вывучэнню спроб стварэння дзяржаўнага флота РП на Балтыйскім моры былі прысвечаны працы С. Бадняка [39] і Е. Качароўскага [40]. Аўтары падрабязна апісвалі марскія падарожжы Жыгімонта Вазы, колькасны і якасны склад флотаў і крокі кіруючых эліт краін Балтыйскага мора па іх стварэнні.

Адным з найбольш вядомых сучасных польскіх даследчыкаў эпохі кіравання Жыгімонта і Уладзіслава Вазаў з'яўляецца Г. Віснер. Яго творы адзначаюцца грунтоўным аналізам выкарыстаннага архіўнага матэрыяла і шырокім спектрам разглядаемых праблем. Разам з тым, не ўсе пытанні раскрыты ім аднолькава глыбока. Напрыклад, з прац, прысвечаных бітве 1605 г. пад Кірхгольмам і рокашу М. Зэбжыдоўскага – Я. Радзівіла 1606–1608 гг., вынікае, насуперак гістарычнай праўдзе, што ўдзельнікі гэтай бітвы і рокашу, былі этнічнымі палякамі, забяспечанымі за кошт польскага скарба і магнатаў [41; 42]. Даволі глыбока Г. Віснерам разгледжаны міжасабовы канфлікт паміж Крыштафам Радзівілам і Жыгімонтам Вазам [43], спецыфічная форма арганізацыі кавалерыі ВКЛ – «лісоўчыкаў» [44], унутрыпалітычная сітуацыя ў ВКЛ пад час рокашу М. Зэбжыдоўскага – Я. Радзівіла [45], развіццё ўзброеных сіл ВКЛ [46; 47], унутраная і знешняя палітыка Жыгімонта Вазы [48; 49], эвалюцыя грамадскай думкі Рэчы Паспалітай адносна барацьбы караля за шведскі трон [50].

А. Філіпчак-Коцур, вядучая польская даследчыца фінансавай сістэмы Рэчы Паспалітай у часы кіравання дынастыі Вазаў, вызначыла структуру і змены ў падаткаабкладанні, механізмы збірання сродкаў на вырашэнне дзяржаўных праблем [51–53]. Яна ўпершыню ў гістарыяграфіі разгледзела дзейнасць Гарадзенскай канфедэрацыі 1609–1610 гг. і яе ўзаемадачынненні з цэнтральнымі ўладамі [54]. Б. Янішэўская-Мінцер паспрабавала апісаць сацыяльна-палітычную сітуацыю ў РП у 1600–1603 гг., але шмат архіўнага матэрыяла засталася па-за яе ўвагай [55]. Г. Люлевіч прааналізаваў праблемы ўзаемадачынненняў ВКЛ і Кароны пасля Люблінскай уніі [56] унутрыпалітычны канфлікт паміж Радзівіламі і Хадкевічамі [57], апублікаваў зборнік дакументаў па перыядах міжкаралеўяў у ВКЛ [58].

У пачатку XXI ст. у Польшчы працуе шэраг даследчыкаў гісторыі Прусіі, Курляндыі і Інфлянтаў эпохі Новага часу ў якую ўвайшлі Б. Дыбась [59], Я. Хэйдэ [60], А. Землеўска [61], М. Бальцэрэк [62], У. Вальчак і К. Лапацецкі [63]. Шмат звестак аб міжканфесійных узаемадачыненнях у Рэчы Паспалітай XVI–XVII стст. змясціў у сваёй манаграфіі Т. Кемпа [64]. Гэтым жа вучоным на аснове значнай крыніцазнаўчай базы прааналізавана дзейнасць найбольш уплывовых палітычных дзеячоў РП Новага часу М. К. Радзівіла [65] і К. В. Астрожскага [66]. Л. Падгарадзецкі з’яўляецца аўтарам навукова-папулярных біяграфій Я. К. Хадкевіча, Я. Замойскага, С. Жалкеўскага [67–69]. У. Аўгустыняк даследавала жыццё і дзейнасць Крыштафа Радзівіла, а таксама кліентэльныя сувязі роду Радзівілаў, у тым ліку сярод остзэйскай нямецкай шляхты, і прааналізавала палітычную пазіцыю гэтага дзеяча, зыходзячы з магчымасцяў і інтарэсаў яго рода і тагачаснай палітычнай сітуацыі [70]. Акрамя таго, яна вывучала эвалюцыю інстытутаў улады ў XVI–XVII стст., паказала працэс пераходу вядучых пазіцый у палітычным жыцці РП ад караля і вальнага сойма да соймакаў, а таксама метады ўзаемадзеяння цэнтральнай улады з лакальнымі супольнасцямі [71].

3. Вуйцік у сваіх працах акрэсліў галоўныя падзеі і накірункі знешнепалітычнай дзейнасці Рэчы Паспалітай у перыяд Новага часу [72]. Р. Скаўрон прысвяціў асобнае даследаванне ўзаемаадносінам Жыгімонта Вазы, Габсбургаў, Ватыкана і крокам па дасягненню знешнепалітычных мэтаў не толькі з пункту гледжання тэрытарыяльных прэтэнзій дзяржаў у XVI–XVII стст., але і з улікам міжканфесійнага супрацьстаяння ў тагачаснай Еўропе [73].

Асобную групу прац у гістарыяграфіі прадстаўляюць спісы зямскіх і дзяржаўных ураднікаў Інфлянтаў, Польскага каралеўства, ВКЛ, складальнікамі якіх з’яўляюцца Я. Вольф [74], Г. Люлевіч [75], К. Мікульскі і А. Рахуба [76; 77] і інш. Гэтыя спецыялізаваныя даведачныя выданні дазваляюць пры неабходнасці аператыўна ўдакладняць няпоўную інфармацыю гістарычных першакрыніц.

Польскія гісторыкі свае працы па гісторыі вайскавай справы, дыпламатыі, эканомікі, палітычнага жыцця Рэчы Паспалітай, як правіла, засноўвалі на значнай крыніцазнаўчай базе. Разам з тым, пры асвятленні палітычных і ваенных падзей у многіх даследаваннях XIX–XX стст. шляхта ВКЛ традыцыйна прадстаўлена пазбаўленай палітычнай волі часткай адзінай дзяржавы. Эліты ВКЛ разглядаюцца як выключна польскія па духу, а ўсе спрэчкі паміж Княствам і Каронай пераведзены ў сферу асабістых адносін магнатаў. Аднак у шэра-

гу артыкулаў і манаграфій, асабліва сучасных, дастаткова аб'ектыўна асвятляюцца сацыяльна-эканамічныя, міжэтнічныя, рэлігійныя і палітычныя супярэчнасці ў РП 1582–1621 гг. і падзеі вайны ў Інфлянтах 1600–1611 гг. Трэба адзначыць, што на сённяшні дзень менавіта польская гістарыяграфія па праблемах знешняй і ўнутранай палітыкі Рэчы Паспалітай у XVI–XVII стст. з'яўляецца найбольш абшырнай па колькасці прац, глыбокай па выкарыстанні фактычнага матэрыяла і высокапрафесійнай па якасці навуковага аналізу.

Працы сучасных нямецкіх [78] брытанскіх і амерыканскіх даследчыкаў таксама заснаваны на шырокай крыніцазнаўчай і гістарыяграфічнай базе. Так, Н. Дэйвіс [79] зрабіў спробу абагульніць гісторыю Еўропы, паказаць ролю розных народаў у працэсах развіцця яе сацыяльна-палітычных і культурна-рэлігійных супольнасцей. Р. І. Фрост [80] з'яўляецца вядучым даследчыкам гісторыі ваеннай справы і баявых дзеянняў на поўначы Еўропы ў перыяд Новага часу М. Робертс [81] распрацоўваў пытанні дынастычнай гісторыі Вазаў. В. Кірхнер [82] пры разглядзе ўзаемаадносін паміж Расійскай дзяржавай і Еўропай прааналізаваў сітуацыю ў балтыйскім гандлі з XV па XIX ст.. У пачатку 90-х гадоў XX ст. ў Вісконсіне (ЗША) дзейнічаў Цэнтр балтыйскіх даследаванняў, які пачаў выданне крыніц па гісторыі Балтыйскага рэгіёну [83]. Д.Эліот [84], Г. Паркер [85] у сваіх працах прысвяцілі асобныя раздзелы барацьбе за Усходнюю Прыбалтыку ў 1582–1629 гг., але ў іх апісанне падзей і матываў бакоў, як і ў большасці англамоўных аўтараў, зводзяцца да сціслых канцэптаў дынастычнай барацьбы паміж Вазамі і сутыкнення польскага каланіялізма і геапалітычных інтарэсаў Швецыі і Расіі. Для брытанскіх і амерыканскіх аўтараў характэрны тэарэтычная і метадалагічная распрацаванасць прац, аднак першакрыніцы Усходняй Еўропы імі недастаткова вывучаны, ВКЛ застаецца па-за сферай іх навуковай распрацоўкі, асноўная цікаўнасць скіравана на сучасныя этнічныя тэрыторыі Швецыі, Расіі і Польшчы.

Найбольш яркімі прадстаўнікамі остзэйскай нямецкай гістарыяграфіі XVIII–XIX стст. былі Я. А. Хільцэн [86], Г. Мантэўфель [87], Т. Харнс [88]. Яны апісалі сацыяльна-палітычную сітуацыю ў Інфлянтах пад час барацьбы за тэрыторыю правінцыі паміж РП, Швецыяй, Даніяй і Маскоўскай дзяржавай. Грунтоўныя працы па пытаннях аграрнай гісторыі Латвіі XVI–XVII стст., ролі Рыгі і дзвінскага гандлю ў эканоміцы ВКЛ і Еўропы стварылі прадстаўнікі латвійскай савецкай гістарыяграфіі В.В. Дарашэнка [89–91] і В. Павуланс [92]. У манаграфіях А. Бірона [93] і Я. Зуціса [94; 95] зроблены глыбокі аналіз крыніц

і гістарыяграфіі Латвіі эпохі Новага часу. Палітычныя і эканамічныя праблемы ў часы кандаміума ВКЛ і Польшчы ў Эстоніі найбольш поўна раскрыў Э. Тарвэл [96; 97]. Латвійскія і эстонскія навукоўцы акрэслілі і даказалі каланіяльны характар палітыкі Рэчы Паспалітай у Інфлянтах, аднак не прасачылі змягчэння сітуацыі пад час канфлікту 1598–1611 гг.

Літоўскія навукоўцы Б. Дундуліс [98] і А. Ціла [99–101] займаліся вывучэннем узаемных уплываў Інфлянтаў і ВКЛ у XVI–XVII стст., гісторыі вайсковай справы і дзяржаўнага скарбу. У сваіх даследаваннях яны вылучалі інтарэсы і дзейнасць палітычнай эліты ВКЛ у ажыццяўленні палітыкі РП на Балтыцы, залежнасць унутрыпалітычнай сітуацыі ад асаблівасцей функцыяніравання фінансавай сістэмы, палітычных і вайсковых інстытутаў грамадства. Д. Антанавічус [102] у межах доказа аўтарства «Дзесяцігадовай вайны» якім ён лічыць Т. Ляцкага, перавыдаў і пераклаў на літоўскую мову гэту важнейшую першакрыніцу. Літоўскія навукоўцы традыцыйна большасць шляхты ВКЛ лічаць этнічнымі літоўцамі, звязваюць актыўнасць ВКЛ у дачыненні да Інфлянтаў з палітычнымі і эканамічнымі інтарэсамі даўніх жыхароў тэрыторыі сучаснай Літвы, зацікаўленасць жа насельніцтва Падзвінскіх і Падняпроўскіх земляў, якія давалі лівіную долю рыжскага гандлёвага абароту, пакідаецца імі на другім плане.

Беларускія гісторыкі асноўную ўвагу пры разглядзе гісторыі знешняй палітыкі Рэчы Паспалітай надавалі ўзаемаадносінам з Маскоўскай дзяржавай. Толькі ў апошні час з’явіліся змястоўныя працы У. А. Падалінскага [103–105], А. А. Радамана [106; 107; 108], А. І. Катлярчука [109; 110], прысвечаныя асобным аспектам удзелу грамадства ВКЛ у барацьбе Жыгімонта Вазы за карону Швецыі і тэрыторыю Інфлянтаў. Працы Ю. М. Бохана [111], Г. М. Сагановіча [112; 113], А. М. Янушкевіча [114; 115], А. І. Дзярновіча [116; 117] карысныя пры разглядзе працэсаў эвалюцыі ўзбраення, ваенна-палітычных структур ВКЛ і Інфлянтаў на працягу XIV–XVII стст., але ў іх не закранаюцца пытанні барацьбы са Швецыяй на тэрыторыі Інфлянтаў у 1600–1621 гг. У айчыннай гістарыяграфіі пакуль не знайшлі свайго адлюстравання вытокі, ход і вынікі канфлікту Рэчы Паспалітай і Швецыі ў Прыбалтыцы ў 1582–1621 гг. і яго ўзаемасувязь з інтарэсамі насельніцтва ВКЛ, Польшчы, Швецыі, Інфлянтаў.

У цэлым, нягледзячы на пэўныя дасягненні сусветнай гістарычнай навукі ў вывучэнні ролі Інфлянтаў у знешняй і ўнутранай палітыцы Вялікага Княства Літоўскага ў канцы XVI–XVII стст., гісторыкі да гэтага часу застаюцца ў рамках нацыянальных дыскурсаў, створаных у XIX ст. і сучасных палітычных тэндэнцый, асобныя аспекты тэмы закраналіся

імі або ў межах больш вузкіх тэм, або ўскосна ў сувязі з разглядам іншых пытанняў. Да сённяшняга адсутнічае комплексны аб'ектыўны аналіз інфляцкай праблематыкі з пункту гледжання жыхароў усходняй Прыбалтыкі і ўсходнеўрапейскага рэгіёну.

Спіс літаратуры

1. Biblioteka Jagełhońska (BJ. – Rkps.). – Ягеллонская бібліятэка ў Кракаве. Адзел рукапісаў. – Sygn. 18260. I. Bojer, L. Carolomachia qua felix victoria / L. Bojer. – Vilniae: Typ. Academicis S.I. Thomas Leuicki, 1606.

2. Skarga, P. Poklon panu Bogu zastępów za zwićenstwo Inflackie nad Karlusem Xiazeciem Sundermanskim dane od pana Boga w dzien Świętego Stanislaw 27 septembra 1605 roku / P. Skarga. – Kraków: Drukarnia A. Piotrkowczyka, 1605. – 38 s.

3. Equitis Lituani. De bello Livonico per decennium gesto / Equitis Lituani. – Vilniae: J. Karaczon, 1610. – 79 p.

4. Свяжынскі, У. М. «Гістарычныя запіскі» Фёдара Еўлашоўскага / У. М. Свяжынскі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1999. – 124 с.

5. Kronika Pawła Piaseckiego biskupa przemyskiego. Polski przekład wedle dawnego rękopismu, poprzedzony studyjum krytycznem nad życiem i pismami autora / tłum. A. Chrzęszczewski. – Kraków: Drukarnia Uniwersytetu Jagełhońskiego, 1870. – 457 [86] s.

6. Летопись Ниенштедта / Ф. Ниенштедт // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. – Рига: Тип. А. И. Липинского, 1883. – Т. IV. – С. 7–124.

7. Ливонская хроника Бальтзара Рюссова / Б. Рюсов // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. – Рига: Тип. А.И. Липинского, 1879. – Т. III. – С. 125–352.

8. Hilchen, D. Vita illustris, ac magnifici herois Georgii Farensbach, Palatiniolim Venden / D. Hilchen. – Zamoscii: Lenscius, 1609. – 27 p.

9. BCzart. – Rkps. 1352. IV. Wiiuk Koiałowicz, A.(W.) Divis Ancelis Lituaniae Custodinus et Sanctis eiqsdem Patronis sacer Nomenclator Familiarum et Stemmulum Magni Ducatus Lituaniae et provinciae un ad eum pertinentium discripta anno 1658.

10. Wijuk Kojałowicz, W. Herbarz Rycerstwa Wielkiego Xęstwa Litewskiego. Tak zwany Compendium / W. Wijuk Kojałowicz. – Kraków: W drukarni »Czasu», 1897. – 527 s.

11. Bonecki, A. Herbarz Polski. – Cz. 1. Wiadomości historyczno–geneologiczne o rodach szlacheckich / A. Bonecki. – Warszawa: G. Gebathner i Wolf, 1898–1913. – Т. I–XVI.

12. Dziaduliewicz, S. Herbarz rodzin tatarskich w Polsce / S. Dziaduliewicz. – Wilno: Skład główny w polskim Antykwarjace naukowym Heronima Wildera, 1929. – 496 s.

13. Niesiecki, K. Herbarz polski: w X t. / K. Niesiecki. – Lipsk: Nakladem i drukiem Breitkopfa i Haertela, 1839–1844 – Т. I–X.

14. Uruski, S. Rodzina. Herbarz szlachty polskiej / S. Uruski, A. Kosiński, A. Włodarski. – Warszawa: Skład główny Gebethnera i Wolffa, 1904–1931. – Т. I–XVI.

15. Naruszewicz, A. Historyja J. K. Chodkiewicza wojewody wileńskiego hetmana WXL / A. Naruszewicz. – Warszawa: Drukarnia № 645 przy Nowolipiuju, 1805. – Т. I. – 450 s.

16. Niemcewicz, J. U. Dzieje panowania Zygmunta III: w 2 t. / J. U. Niemcewicz. – Kraków: Nakładem Wydawnictwa Biblioteki Polskiej, 1860. – Т. 1. – 281, [LVIII] s.
17. Форстэн, Г. В. Балтийский вопрос в XVI–XVII столетиях / Г. В. Форстэн. – СПб.: тип. В. С. Балышева и К, 1894. – Т. II: 1544–1648 гг. – 632 с.
18. Жукович, П. Н. Сеймовая борьба православного западно-русского дворянства с церковной унией до 1609 г. / П. Н. Жукович. – СПб.: Тип. главного управления уделов, 1901. – Т. 1. – 609 с.
19. Флоря, Б. Н. Польско-Литовская интервенция в России и русское общество / Б. Н. Флоря. – М.: Индрик, 2005. – 414 с.
20. Флоря, Б. Н. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. / Б. Н. Флоря. – М.: Наука, 1973. – 221 с.
21. Флоря, Б. Н. Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. / Б. Н. Флоря. – М.: Наука, 1978. – 299 с.
22. Szelaḡowski, A. Walka o Bałtyk (1544–1621) / A. Szelaḡowski. – Lwów-Poznań: Nakład Wydawnictwa Polskiego, 1921. – 324 s.
23. Szelaḡowski, A. Niemcy, Austria i kwestya polska / A. Szelaḡowski. – Warszawa – Lublin: Nakład Gebethnera i Wolffa, 1913. – 97 s.
24. Herbst, S. Wojna inflancka 1600–1602 / S. Herbst. – Zabrze: Interfort, 2006. – 253 s.
25. Herbst, S. Wojna inflancka 1603–1604 / S. Herbst // *Studia historica* в 35-летие работы научной Н. Łowmiańskiego. – Warszawa, 1958. – S. 295–307.
26. Kuntze, E. Organizacja Inflant w czasach polskich / E. Kuntze. – Gdynia: W-wo instytutu Bałtyckiego, 1939. – 53 s.
27. Lepszy, K. Walka stronnictw w pierwszych latach panowania Zygmunta III / K. Lepszy. – Kraków: Gebethner i Wolf, 1929. – 230 s.
28. Lepszy, K. Trzy relacje o podróży Zygmunta III do Szwecji / K. Lepszy // *Jantar*. – 1938. – R. II. – Z. 4(8). – S. 230–237.
29. Natanson-Leski, J. Epoka Stefana Batorego w dziejach granicy wschodniej Rzeczypospolitej / J. Natanson-Leski // *Rozprawy historyczne towarzystwa naukowego warszawskiego*. – Warszawa: Nakładem Towarzystwa Naukowego Warszawskiego, 1930. – Т. IX. – Z. 2. – 166 s.
30. Tyszkowski, K. Ogłosy rokoszowe na Litwie / K. Tyszkowski // *Atheneum Wileńskie*. – 1923. – Rocznik I. – S. 36–57.
31. Tyszkowski, K. Z dziejów wyprawy Zygmunta III do Szwecji w roku 1598 (Relacje i diariusze) / K. Tyszkowski. – Lwów: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1927. – 59 s.
32. Maciszewski, J. Szlachta polska i jej państwo / J. Maciszewski. – Warszaw: Wiedza Powszechna, 1986. – 305 [3] s.
33. Maciszewski, J. W przededniu bitwy Guzowskiej / J. Maciszewski // *Z dziejów wojny i polityki. Księga pamiątkowa ku uczczeniu siedemdziesiątej rocznicy urodzin Janusza Wolińskiego*. – Warszawa: Wojskowa Akademia Polityczna, 1964. – S. 179–189.
34. Maciszewski, J. Wojna domowa w Polsce (1606–1609). Studium z dziejów walki przeciw kontrreformacji / J. Maciszewski. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1960. – Cz. I: Od Stężycy do Janowca. – 368 s.

35. Wimmer, J. Wojsko i skarb Rzeczy Pospolitej w schyłku XVI i w pierwszej połowie XVII w. // J. Wimmer // *Studia i materiały do historii wojskowości*. – Warszawa, 1968. – T. XIV, cz. I. – S. 4–91.
36. Teodorczyk, J. Polskie wojsko i sztuka wojenna pierwszej połowy XVII w. / J. Teodorczyk // *Studia i materiały do historii wojskowości*. – Warszawa, 1976 – T. XX. – S. 291–317.
37. Ciara, M. Konfederacje wojskowe w Polsce w latach 1590–1610 / M. Ciara // *Studia i materiały do historii wojskowości*. – 1988. – T. XXXI. – S. 61–80.
38. Urwanowicz, J. Wojskowe „sejmiki» koła w wojsku Rzeczypospolitej XVI–XVIII wieku / J. Urwanowicz. – Białystok: Dział wydawnictw filii UW w Białymstoku, 1996. – 265 s.
39. Bodniak, S. Polska a Bałtyki za ostatniego Jagiełłona / S. Bodniak // *Pamiętnik Biblioteki Kórnickiej*, 1946. – Vol. 3. – S. 42–276.
40. Koczarski, E. Flota Polska w latach 1587–1623 / E. Koczarski. – Warszawa: Komisja Historii Wojskowej, 1973. – 363 s.
41. Wisner, H. Kircholm, 1605 / H. Wisner. – Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony, 1987. – 157 s.
42. Wisner, H. Rokosz Zebrzydowskiego / H. Wisner. – Kraków: Krajowa agencja wydawnicza RSW Prasa–Książka–Ruch, 1989. – 80 s.
43. Wisner, H. Król i książę. Konflikt między królem Zygmuntem III Wazą i Krzysztofem Radziwiłłem / H. Wisner // *Rocznik Białostocki*. – Białystok, 1972. – T. XI. – S. 53–100.
44. Wisner, H. Lisowczycy / H. Wisner. – Warszawa: Książka i wiedza, 1972. – 357 s.
45. Wisner, H. Litwa wobec rokoszu (1606–1607) / H. Wisner // *Kwartalnik Historyczny*. – 1972. – T. 1. – S. 278–298.
46. Wisner, H. Wojsko Litewskie w XVII wieku / H. Wisner // *Studia i materiały do historii wojskowości*. – Warszawa, 1976. – T. XX. – Cz. II. – S. 5–27.
47. Wisner, H. Wojsko Litewskie w XVII wieku / H. Wisner // *Studia i materiały do historii wojskowości*. – Warszawa, 1978. – T. XXI. – Cz. III. – S. 45–149.
48. Wisner, H. Rzeczpospolita Wazów / H. Wisner. – Warszawa: Neriton, 2004. – T. II: Wojsko WKL. Dyplomacja. Varia. – 321 s.
49. Wisner, H. Zygmunt III Waza / H. Wisner. – Wrocław–Warszawa–Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 2006. – 296 s.
50. Wisner, H. Opinia szlachecka Rzeczypospolitej wobec polityki szwedzkiej Zygmunta III w latach 1587–1632 / H. Wisner // *Zapiski Historyczne*. – Warszawa, 1973. – T. XXXVIII. – Z. 2. – S. 9–50.
51. Filipczak-Kocur, A. Finanse Rzeczypospolitej w latach 1587–1632 / A. Filipczak-Kocur // *Zeszyty naukowe wyższej szkoły pedagogicznej im. Powstańców Śląskich w Opolu*, 1988. – T. XXVI. – S. 27–49.
52. Filipczak-Kocur, A. Poland-Lithuania before partition / A. Filipczak-Kocur // *The rise of the fiscal state in Europe, c. 1200–1815 / edited by R. Bonney*. – New York – Oxford: University Press, 1999. – P. 443–479.
53. Filipczak-Kocur, A. Skarb Litewski za pierwszych dwu Wazów 1587–1648 / A. Filipczak-Kocur. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1994. – 120 s.

54. Filipczak-Kocur, A. Konfederacja grodzieńska wojska litewskiego w latach 1609–1610 / A. Filipczak-Kocur // Pamiętnik Biblioteki Kórnickiej. – Kórnik, 1981. – Z. 18. – S. 175–198.
55. Janiszewska-Mincer, B. Rzeczpospolita Polska w latach 1600–1603. Narastanie konfliktu między Zygmuntem III Wazą a stanami / B. Janiszewska-Mincer. – Bydgoszcz: Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Bydgoszczy, 1984. – 144 s.
56. Lulewicz, H. Gniewów o unię ciąg dalszy (Stosunki polsko-litewskie w latach 1569–1588) / H. Lulewicz. – Warszawa: Neriton, 2002. – 457 s.
57. Lulewicz, H. Walka Radziwiłłów z Chodkiewiczami o dziedzictwo Słuckie / H. Lulewicz // Miscellanea historico-arhivistica. – Warszawa: Łódź, 1989. – T. III : Radziwiłłowie XVI–XVIII wieku: w kręgu polityki i kultury. – S. 201–215.
58. Akta zjazdów stanów Wielkiego Księstwa Litewskiego / opracował H. Lulewicz. – Warszawa: Neriton. Instytut Historii, 2006. – T. 1: Okresy Bezkrólewi (1572–1576, 1586–1587, 1632, 1648, 1696–1697, 1706–1709, 1733–1735, 1763–1764). – 437 s.
59. Dybaś, B. Terytoria inflanckie w ramach Rzeczypospolitej / B. Dybaś // Rzeczpospolita w XVI–XVIII wieku. Państwo czy wspólnota? – Toruń: Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2007. – S. 179–192.
60. Heyde, J. Zwischen Kooperation und Konfrontation: Die Adelspolitik Polen-Litauens und Schwedens in der Provinz Livland 1561–1650 // Zeitschrift für Ostmitteleuropaforschung, 1998. – H. 4, № 47 – P. 544–567.
61. Ziemlewska, A. Ryga w Rzeczypospolitej polsko-litewskiej (1581–1621) / A. Ziemlewska. – Toruń: Wydawnictwo naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2008. – 283 s.
62. Balcerek, M. Księstwo Kurlandii i Semigalii w wojnie Rzeczypospolitej ze Szwecją w latach 1600–1629 / M. Balcerek. – Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 2012. – 448 s.
63. Kunowski J. Ekspedycja inflantska 1621 roku / opracowali W. Walczak, K. Łopatecki. – Białystok: Ośrodek Badań Europy Środkowo-Wschodniej, 2007. – 257 s.
64. Kempa, T. Wobec kontrreformacji. Protestanci i prawosławni w obronie swobód wyznaniowych w Rzeczypospolitej w końcu XVI i w pierwszej połowie XVII wieku / T. Kempa. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2007. – 624 s.
65. Kempa, T. Mikołaj Krzysztof Radziwiłł Sierotka 1549–1616 / T. Kempa. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Semper, 2000. – 381 s.
66. Kempa, T. Konstanty Wasyl Ostrogski (ok. 1524/1525–1608), wojewoda kijowski i marszałek ziemi Wołyńskiej. – Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1997. – 288 s.
67. Podhorodecki, L. Dzieje rodu Chodkiewiczów / L. Podhorodecki. – Warszawa: Wolumen, Bellona, 1997. – 216 s.
68. Podhorodecki, L. Sławni hetmani Rzeczy Pospolitej / L. Podhorodecki. – Warszawa: Moda, 1994. – 560 s.
69. Podhorodecki, L. Stanisław Żółkiewski / L. Podhorodecki. – Warszawa: Łódzka spuź, 1988. – 318 s.
70. Augustyniak, U. W służbie hetmana i Rzeczypospolitej. Klientella wojskowa Krzysztofa Radziwiłła (1585–1640) / U. Augustyniak. – Warszawa: Semper, 2001. – 398 s.

71. Augustyniak, U. Wazowie i «królowie rodacy» / U. Augustyniak. – Warszawa: Semper, 1999. – 254 s.
72. Historia Dyplomacji Polskiej / pod red. Z. Wójcika. – Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1982. – T. 2. – 775 s.
73. Skowron, R. Olivares, Wazowie i Bałtyk / R. Skowron. – Kraków: Towarzystwo wydawnicze «Historia Iagellonica», 2002. – 320 s.
74. Wolff, J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386–1795 / J. Wolff. – Kraków: Drukarnia W. Anczyca i Spółki, 1885. – 354 s.
75. Urzędnicy centralni i dostojnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XVI–XVII w. Spisy / Opracowali H. Lulewicz, A. Rachuba; pod red. A. Gąsiorowskiego. – Kórnik: Biblioteka Kórnicka, 1994. – 255 s.
76. Urzędnicy inflanccy XVI–XVII wieku. Spisy / Opracowali K. Mikulski, A. Rachuba. – Kórnik: Biblioteka Kórnicka, 1994. – 292 s.
77. Deputaci Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego (1582–1696) / pod red. A. Rachuby. – Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2007. – 469 s.
78. Deutsche Geschichte im Osten Europas. Baltische Länder / red. H. Bookmann. – Berlin: Siedler, 1994. – 607 p.
79. Davies, N. Europa: rozprawa historyka z historią / N. Davies. – Kraków: Znak, 2004. – 1406 s.
80. Frost, R. I. The Northern wars 1558–1721: War, State and Society in North-Eastern Europe / R.I. Frost. – London: Longman Publishing Group, 2000. – 401 p.
81. Roberts, M. The Early Vasas: A History of Sweden 1523–1611 / M. Roberts. – Cambridge: University Press, 1968. – 509 p.
82. Kirchner, W. Commercial relations between Russia and Europe 1400–1800 / W. Kirchner. – Indiana university: Bloomington, 1996. – Vol. 33. – 332 p.
83. Salamon Henning's chronicle of Courland and Livonia for the years 1554 to 1590 A. D. / translated and edited by J.C. Smith, W. Urban and W. Jones // Wisconsin Baltic Studies. – 1992. – V. 3. – 171 s.
84. Eliot, J. H. Europe divided 1559–1598 / J. H. Eliot. – London: Fontana Press, 1990. – 432 p.
85. Parker, G. Europa in crisis 1598–1648 / G. Parker. – London: Fontana Press, 1990. – 384 p.
86. Hyltzen, J. A. Inflanty w dawnych swych y wielorakich aż do wieku naszego dziejach zebrane / J. A. Hyltzen. – Wilno: Dr. JKM Akademickiey Societatis Jesu, 1750. – [8], 414, 57, [1] cz., [17] s.
87. Manteuffel, G. Zarysy z dziejów krain dawnych Inflanckich. Czyli Inflant właściwych (tak szwedzkich jako i polskich) Estonii z Ozylia, Kurlandii i ziemi Piltynskiej / G. Manteuffel / red. K. Zajas. – Kraków: Universitas, 2007. – 325 s.
88. Thomae Hiärn's Ehst-, Lyf- und Lettlaendische Geschichte // Monumenta Livoniae Antiquae, Neudruck Ausgabe 1835–1847. – Osnabrück: Otto Zeller, 1968. – B. I. – [VIII], [XVI], 444 s.
89. Дорошенко, В. В. Мыза и рынок. Хозяйство Рижской иезуитской коллегии на рубеже XVI – XVII вв. / В. В. Дорошенко. – Рига: Зинатне, 1973. – 186 с.

90. Дорошенко, В. В. Очерки аграрной истории Латвии XVI в. / В. В. Дорошенко. – Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1960. – 322 с.
91. Дорошенко, В. В. Торговля и купечество Риги в XVII в. / В. В. Дорошенко. – Рига: Зинатне, 1985. – 350 с.
92. Павуланс, В. Хозяйственное и политическое значение Даугавского торгового пути в XIII–XVII вв. / В. Павуланс // Экономические связи Прибалтики с Россией: сб. ст. – Рига. 1964. – С. 75–94.
93. Бирон, А. Советская историография Латвии / А. Бирон, В. В. Дорошенко. – Рига: Зинатне, 1970. – 498 с.
94. Зутис, Я. Остзейский вопрос в XVIII веке / Я. Зутис. – Рига: Книгоиздательство Рига, 1946. – 648 с.
95. Зутис, Я. Очерки историографии Латвии / Я. Зутис. – Рига: Латгосиздат, 1948. – 259 с.
96. Тарвел, Э. Фольварок, пан и подданный: аграрные отношения в польских владениях на территории южной Эстонии в конце XVI – начале XVII вв. / Э. Тарвел. – Таллин: Издательство АН Эстонской ССР, 1964. – 350 с.
97. Tarvel, E. Stosunek prawno państwowy Inflant do Rzeczypospolitej oraz ich ustroj administracyjny w 1561–1621 / E. Tarvel // Zapiski Historyczne. – 1969. – T. 34. – Z. 1. – S. 49–77.
98. Dundulis, B. Lietuvos kovos dėl Baltijos jūros / B. Dundulis. – Vilnius: Moklas, 1985. – 143 p.
99. Тила, А. А. Борьба литовских и шведских феодалов из-за Ливонии в конце XVI – начале XVII вв., политические и экономические последствия для Литвы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / А. А. Тила. – Вильнюс, 1987. – 41 с.
100. Tyla, A. Lietuva ir Livonia XVI a. pabiagoije – XVII pradžioje / A. Tyla. – Vilnius: Moklas, 1986. – 219 p.
101. Tyla, A. Lietuvos Didžiosios / A. Tyla. – Vilnius: Moklas, 1989. – 281 p.
102. Antanavičius, D. Lietuvos bajoro «Dešimtmetis Livonijos karas» (1610 m.) ir autorius / D. Antanavičius. – Vilnius: Žara, 2006. – 296 p.
103. Падалінскі, У. А. Праблема статусу Інфлянтаў у дачыненнях палітычных элітаў ВКЛ і Польшчы (1582–1586 гг.) / У. А. Падалінскі // Acta Albaruthenica. – T. 7: Literatura, Język, Kultura. – Warszawa, 2007. – С. 356–365.
104. Падалінскі, У. А. Прадстаўніцтва і палітычная пазіцыя Вялікага княства Літоўскага на вальных соймах Рэчы Паспалітай: аўтарэф. дыс... канд. гіст. навук: 07.00.02. Айчынная гісторыя / У. А. Падалінскі; Інстытут гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2004. – 22 с.
105. Падалінскі, У. А. «Шведская» палітыка Жыгімонта III Вазы / У. А. Падалінскі // Castrum, urbis et bellum. – Баранавічы: РУУП Баранавіцкая ўзбуйнёная друкарня, 2002. – С. 296–300.
106. Радаман, А. Земскія ўраднікі Полацкага ваяводства (другая палова XVI – першая палова XVII стст.) // А. Радаман, В. Галубовіч, Д. Вільмас. – Полацкія гістарычныя запіскі, 2004 г. – Т. 1. – С. 73–80.

107. Радаман, А. Інструкцыя Новагародскага сойма паслам на Варшаўскі вальны сойм 1598 г. / А. Радаман // Сацыяльна-эканамічныя і правыя даследаванні: навук.-практ. і інфарм.-метад. часопіс. Заснавальнік і выдавец – прыватная ўстанова адукацыі «БІП – Інстытут правазнаўства». – 2005. – № 2. – С. 97–109.

108. Радаман, А. Соймікавая ўхвала шляхты Браслаўскага павета ад 19 снежня 1600 г. у кантэксте вайны Рэчы Паспалітай Абодвух народаў са Швецыяй (1600–1629 гг.) / А. Радаман // Матэрыялы IV навук.-краязнаўч. канф., прысвеч. 150 гадавіне з дня нараджэння браслаўскага лекара, грамадскага дзеяча Станіслава Нарбута (1853–2003 гг.) 7–8 мая 2003 г. – Браслаў, 2003. – С. 80–88.

109. Катлярчук, А. Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў / А. Катлярчук. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2002. – 272 с.

110. Катлярчук, А. У ценю Польшчы і Расеі. Вялікае княства Літоўскае і Швецыя ў часе эўрапейскага крызісу сярэдзіны XVII ст. / А. Катлярчук // *Архэ*. Пачаток. – 2008. – № 7–8. – С. 366–680.

111. Бохан, Ю. М. Вайсковая справа ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV– канцы XVI ст. / Ю. М. Бохан. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – 449 с.

112. Сагановіч, Г. М. Войска Вялікага княства Літоўскага ў XVI–XVII стст. / Г. М. Сагановіч. – Мінск: Навука і тэхніка, 1994. – 78 с.

113. Сагановіч, Г. М. ВКЛ і вайсковыя канфедэрацыі 1612–1614 гг. / Г. М. Сагановіч // *Беларускі гістарычны агляд*. – 2008. – Т. 15 (28–29). – С. 100–123.

114. Янушкевіч, А. М. Вялікае Княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558 – 1570 гг. / А. М. Янушкевіч. – Мінск: Медісонт, 2007. – 353 с.

115. Янушкевич, А. Н. Проблема принадлежности Ливонии во взаимоотношениях Польского королевства и Великого княжества Литовского в период Ливонской войны / А. Н. Янушкевич // *Балтийский вопрос в конце XV–XVI вв.*: сб. науч. ст. / отв. ред. А. И. Филюшкин. – М.: Квадрига, 2010. – С. 95–105.

116. Дзярновіч, А. І. Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносін Вялікага княства Літоўскага і Лівоніі ў канцы XV – першай палове XVI стст.: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02 / А. І. Дзярновіч; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – Мінск, 2004. – 21 с.

117. Дзярновіч, А. І. «...in nostra Livonia». Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносинаў паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы XV – першай палове XVI ст.: Сістэматызацыя і актывы аналіз / А. І. Дзярновіч. – Мінск: Athenaeum, 2003. – Т. I. – 374 с.

ДРЕВНЯЯ РУСЬ В НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТВОРЧЕСТВЕ Г. П. ФЕДОТОВА

Творчество Георгия Петровича Федотова (1886–1951) – религиозного мыслителя, историка, одного из самых известных публицистов русского зарубежья – сегодня остается для нас малоизученным, а для широких научных кругов малознакомым. Самой значительной обобщающей работой о нем и его научных трудах на сегодняшний день является вступительная статья В. Ф. Бойкова к изданному в Санкт-Петербурге в 1991 г. двухтомнику трудов Г. П. Федотова «Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры». Вместе с тем, творческое наследие этого ученого имеет большой научный потенциал. Г. П. Федотов смотрел на мир глазами христианского мыслителя, тяготеющего к церковности, но сохраняющего воспринятые им еще в юности социал-демократические убеждения. Его творчество не относилось к религиозной философии и чистому богословию. По оценке В. Ф. Бойкова, для Г. П. Федотова было характерно богословие социальное или даже социологическое [1, с.7].

Г. П. Федотов закончил историко-филологический факультет Петербургского университета. Во время учебы под влиянием профессора И. М. Гревса он увлекся медиевистикой, и в доэмигрантский период творчества выступал преимущественно как специалист по агиографии Мерovingской эпохи. Г. П. Федотов опубликовал ряд работ – «Письма» Блаженного Августина (1911 г.); «Боги подземелья» (1923 г.); «Чудо освобождения» (1925 г.); «Феодалный быт в хронике Ламберта Ардского» (1925 г.); монографию «Абеляр» (1924 г.). В этих работах он исследовал историческую эпоху сквозь призму духовной культуры, раскрывал ее особенности через анализ самосознания личности и культуры, зафиксированного в переписке людей, памятниках литературы, житиях святых [2].

С 1925 г. Г. П. Федотов находился в эмиграции (Берлин, Париж, с 1940 г. – Нью-Йорк). Там историка интересовали уже другие научные темы. Он стремился ответить на животрепещущие вопросы современности, а его труды приняли характер научно-публицистических исследований. Их Г. П. Федотов проводил на стыке философской, религиозной, исторической, культурологической, геополитической

точек зрения. Такой комплексный подход к изучению исторического процесса сегодня необычайно актуален. Это делает творческое наследие Г. П. Федотова интересным не только с историографической точки зрения. Оно может быть востребовано при решении современных социальных проблем.

Цель данной статьи – рассмотреть понимание Г. П. Федотовым культурного феномена Древней Руси, которое он продемонстрировал через анализ термина «русское христианство». Этот термин вместе с понятием «идея Киева» проходит через все научно-публицистическое творчество Г. П. Федотова. На каждом его этапе он наполнялся новыми смыслами и раскрывался новыми гранями. Однако ключевой работой ученого по данной проблематике стала статья «Три столицы» (Париж, 1926 г.). Научный анализ данной работы, выполненный в контексте всего научно-публицистического творчества Г. П. Федотова, а также современной ему историко-философской мысли и историографических работ, опубликованных историками второй половины XX – начала XXI в., – основной метод написания данной статьи.

В работе «Три столицы» Г. П. Федотов выстраивает следующую логическую цепочку рассуждений. Октябрьская революция разрушила одну из самых острых проблем русской истории – двухвековой спор между Москвой и Петербургом о выборе путей дальнейшего развития России. Это был спор между славянофилами и западниками, который решился в пользу славянофилов – Москвы. При этом старое славянофильство было упразднено. Его место заняло евразийство: «Кремль – не символ национальной святыни, а форпост угнетенных народов Азии...» [3, с. 50].

Г. П. Федотов относится к евразийству скептически. Его истоки он видит в многовековой борьбе Руси со степью. Историк пишет: «... странная эта борьба: она как будто чужда ненависти. Овладевая степью, Русь начинает ее любить; она находит здесь новую родину... В степях сложилось казачество (даже имя татарское), которое своей разбойной удалей подарило Руси Дон и Кавказ, Урал и пол-Азии. В степях сложился и русский характер, о котором мы говорим как о чем-то исконном, вечном...» [3, с. 59–60]. Г. П. Федотов видит в таком влиянии степи проявление «тяжелой туранской стихии» и отмечает: «Дух тиранов Ренессанса, последних Медичи и Валуа, живет в кремлевском дворце, под византийско-татарской тяжестью золотых одежд. Грозные цари взнуздали, измучили Русь, но не дали ей развалиться, расползтись по безбрежным просторам... Москва питается северной Русью, ее ду-

ховными силами, ее трудовой энергией, но, чувствуя ее за плечами, она смотрит – на юг и восток...» [3, с. 59].

Западнический Петербург также не вызывает у Г. П. Федотова симпатии. Он характеризует его как Петербург-чиновник, умеренно-либеральный, европейски просвещенный, внутренне черствый и пустой. Так смотрели на Петербург миллионы провинциалов, приезжающих на берега Невы обивать пороги министерских канцелярий: немецкое пятно на русской карте [3, с. 50– 51]. Г. П. Федотов делает вывод: «Западнический соблазн Петербурга и азиатский соблазн Москвы – два неизбежных срыва России, преодолеваемых живым национальным духом...» [3, с. 61].

Этот живой национальный дух Г. П. Федотов видит в «идее Киева» и «русского христианства». Историк восхищается Киевом: «Нигде в России не топчешь почвы, столь насыщенной обломками древности...» [3, с. 62]. Здесь жили люди каменного века, киммерийцы, скифы, «трипольцы», люди, не имеющие имени для нас. «Это предки наши, не прохожие гости. Мы носим их память в крови, в языке, в быту. Вспомним вклад скифов в наш словарь, греческие формы малороссийской посуды, азиатский орнамент украинских ковров. Недавно в армянском фольклоре Н. Я. Марр отыскал легенду о Кие, Щеке и Хориве и сестре их Лыбеди – с тождеством самих имен, и вероятным становится незапятнано-древнее, «яфетическое» ее происхождение...» [3, с. 62]. Однако главное значение Киева – то, что он стал православной вехой в судьбе России.

Г. П. Федотов убежден: «Культура народа вырастает из религиозных корней, и какие бы пышные побеги и плоды ни приносило славяно-русское или турано-русское дерево, оно пьет соки земли христианской через восточно-греческие корни...» [3, с. 64]. Поэтому «... истинный путь дан в Киеве: не латинство, не бусурманство, а эллинство. Наш дикий черенок привит к стволу христианского человечества именно в греческой ветви его, и это не может не быть незначущей случайностью...» [3, с. 64].

Восхищение Киевом у Г. П. Федотова перемежается горечью от того, что российская элита XIX – начала XX в. почти не интересовалась его историей: «О Киеве кажется странным говорить в наше время. Мы сами в недавнем прошлом с легкостью отрекались от киевской славы и бесславия, ведя свой род с Оки и с Волги. Мы сами отдали Украину Грушевскому и подготовили самостийников. Стоял ли Киев когда-нибудь в центре нашей мысли, нашей любви? Поразительный факт: новая рус-

ская литература прошла совершенно мимо Киева. Ничего, кроме «Печерских антиков» да слабого стихотворения Хомякова. А народ русский во все века своего существования видел в Киеве величайшую святыню, не уставал паломничать к нему и в былинах славил чудный город и его светлого князя...» [3, с. 61].

По наблюдению Г. П. Федотова, на киевской земле уже много веков идет борьба двух культур – византийско-русской и польско-украинской [3, с. 62]. Рассуждая о ней, историк заключает: «Как ни дороги воспоминания о национальном пробуждении Украины-Малороссии, они исчезают перед памятью о единственно великой эпохе киевской славы. В этой славе все исчезает. Бесчисленные народы, проходившие по этим горам, культуры, сменявшие друг друга, имели один смысл и цель: здесь воссиял крест Первозванного, здесь упало на славяно-варяжские терема золотое небо святой Софии. И этого нам не забыть, пока стоит Русь...» [3, с. 63].

Кроме Киева Г. П. Федотов выделяет еще один город, прославившийся в период Древней Руси и ставший для нее знаковым, – Великий Новгород. Ученый пишет: «Мы и сейчас не понимаем, как мог он совместить с буйным вечем молитвенный подвиг, с русской иконой ганзейский торг. Все противоречия, жившие в нем, воскресли в старом и новом Петербурге...» [3, с.55]. Петербург – наследник Великого Новгорода. Его историческая задача – соединить Запад и национальную русскую культуру. По оценке Г. П. Федотова, встреча этих двух стихий не может не быть безболезненной: «... и в Петербурге, на водоразделе их, она ощущается особенно мучительно. Но без их слияния – в вечной борьбе – не бывать русской культуре. И хотя вся страна призвана к этому подвигу, здесь, в Петербурге, слышна ее историческая задача, здесь остается если не мозг, то нервный узел России...» [3, с.55].

Историко-философские аргументы, приводимые Г. П. Федотовым в статье «Три столицы», несут в себе как авторское начало, так и отпечаток всей культуры «серебряного века» дореволюционной и эмигрантской России. В его рассуждениях о святой Софии чувствуется влияние философии всеединства В. С. Соловьева. В выводах о том, что «Петербург вобрал в себя все мужское, все разумно-сознательное, все гордое и насильственное в душе России. Вне его осталась Русь, Москва, деревня, многострадальная земля, жена и мать...» [3, с.51] – ощущается философское мировоззрение П. А. Флоренского и Н. А. Бердяева. Мысли Г. П. Федотова о «туранизме» русских своими истоками уходят в философию евразийства С. Н. Трубецкого.

В современной науке оценка этого пласта культуры «серебряного века» России очень неоднозначна. Особенно большой шквал критики вызывает «туранская» теория. Наиболее интересными в данной связи являются работы харьковского историка А. Д. Каплина [4–6]. Однако «туранская» теория жива и сегодня [7]. Ею пытаются объяснить современную историю и политику России, а потому любое свидетельство о ней, в том числе в сочинениях Г. П. Федотова, интересно и значимо.

Оригинальная, авторская часть статьи «Три столицы» развивается в других работах Г. П. Федотова. Мысль о том, что культура народа вырастает из религиозных корней, получила продолжение в его статье «Трагедия интеллигенции» (Париж, 1926 г.). В ней ученый пишет: «... киевская культура аристократична. Она не питается народным творчеством. Она излучается в массы от княжеских теремов и монастырей, и хотя рост ее в народной среде протекает страшно медленно, но органично и непрерывно...» [8, с. 73].

По мнению Г. П. Федотова, органичность культурного развития в Киевскую эпоху, как ни парадоксально, заложила в русскую культуру зерно будущего трагического раскола. Историк поясняет этот момент так: «Я имею в виду славянскую Библию и славянский литургический язык. В этом наше коренное отличие в самом исходном пункте от латинского Запада. На первый взгляд, как будто славянский язык церкви, облегчая задачу христианизации народа, не дает возникнуть отчужденной от него греческой (латинской) интеллигенции. Да, но какой ценой? Ценой отрыва от классической традиции... За расцветом религиозной и материальной культуры нельзя проглядеть основного ущерба: научная, философская, литературная традиция Греции отсутствует. Переводы, наводнившие древнерусскую письменность, конечно, произвели отбор самонужнейшего, практически ценного: проповеди, жития святых, аскетика. Даже богословская мысль древней церкви осталась почти чуждой Руси. Что же говорить о Греции языческой? На Западе, в самые темные века его (VI–VIII вв.), монах читал Вергилия, чтобы найти ключ к священному языку церкви, читал римских историков, чтобы на них выработать свой стиль. Стоило лишь овладеть этим чудесным ключом – латынью, чтобы им открылись все двери. В брожении языческих и христианских элементов складывалась могучая средневековая культура – задолго до Возрождения...» [8, с. 73–74]. Г. П. Федотов заключает: «Монах и книжник Древней Руси был очень близок к народу – но, пожалуй, чересчур близок. Между ними не обра-

зовалось того напряжения, которое дается расстоянием и которое одно только способно вызывать движение культуры. Снисхождению учителя должна отвечать энергия восхождения – ученика. Идеал культуры должен быть высок, труден, чтобы разбудить и напрячь все духовные силы...» [8, с. 75].

Такая особенность древнерусской культуры определила вектор развития будущей России на много веков вперед. По оценке Г.П. Федотова, «Тысячелетний умственный сон не прошел даром. Отрекшись от классической традиции, мы не могли выработать своей, и на исходе веков – в крайней нужде и по старой лености – должны были хватать, красть (compilare) где и что попало, обкрадывать эту нищающую Европу, отрекаясь от всего заветного, в отчаянии перед собственной бедностью. Не хотели читать по-гречески – выучились по-немецки, вместо Платона и Эсхила набросились на Каутских и Леппертов. От киевских предков, которые, если верить М. Д. Приселкову, все воевали с греческим засилием, мы сохранили ненависть к древним языкам и, лишив себя плодов гуманизма, питаемся теперь его «вершками», засыхающей ботвой...» [8, с. 75].

Еще одна особенность культуры Древней Руси в понимании Г. П. Федотова – особая роль древнерусской православной церкви в становлении национального самосознания и культуры. В статье «Национальное и вселенское» (Париж, 1928 г.) Г. П. Федотов отмечал: «Христианская Церковь с первых дней своего бытия на земле раскрывается как Церковь вселенская... Римское католичество навсегда сохранило этот универсализм (вселенскость), как свое сущностное определение – свое «имя». Отсюда развитие новых европейских народов протекало, – и до сих пор протекает, – в трениях и в борьбе с Римом... Православная Византия жила исключительно сознанием вселенским. Для нее границы православного мира совпали с вселенской, по смыслу своему, империей. Далеким русским князья, поскольку они православны, считались подданными («стольниками») василевса, единственного христианского царя на земле. Здесь происходил подмен, еще более очевидный, чем на Западе. Национально-конкретное, греческое, обьявлялось вселенским...» [9].

Для Древней Руси принять христианство означало принять греческую иерархию и греческие императорские законы. Г. П. Федотов видел в таких притязаниях Византии, извращение великой правды: «Христианское человечество должно иметь единство не только в духе, но и в полноте исторической жизни. Однако приравнение этого земного

единства Церкви внешнему государственному единству было великой ложью, провиденциально вскрытой в гибели греческого царства. Не греческой, а русской Церкви было дано раскрыть смысл национальной идеи в православии...» [9].

По мнению Г. П. Федотова, свидетельством того, что древнерусский крещеный народ стал задумываться о своем религиозном призвании и утверждать свою богоизбранность, явились первые памятники христианской письменности на Руси: похвальные слова князю Владимиру, житие святых Бориса и Глеба, Начальная летопись. Древняя Русь пережила аскетический подвиг с остротой и силой, неизвестной позднее в Московской Руси – Киево-Печерский патерик. Древнерусская церковь канонизировала десятки князей, об аскетических подвигах которых не было ничего известно. Одни из них были мучениками за веру, другие – мучениками за национальный идеал: «положили душу свою за други своя». Греческая Церковь почти не знала святых мирян. Таким образом, в святых князьях на Руси расцвела новая святость, теснейшим образом связанная со святыней национальной жизни.

Национальное религиозное сознание Руси достигло своей вершины у святого Иосифа Волоцкого. Но к концу XV в. оно уже было заслонено и отягощено новым универсализмом: идеей «Москва – Третий Рим», доставшейся в наследство от погибшей Византии. Эта идея привела к тому, что для людей XV–XVII вв., Успенский собор в Москве стал «святой, соборной и апостольской Церковью». Однако эта национальная вселенскость грозила утратой вселенского чувства Церкви.

Вселенское сознание Москвы помешало выразиться древнерусскому сознанию нации. Наказанием за это стал русский раскол. По оценке Г. П. Федотова, «... мысль XIX века – мысль светских богословов и философов – славянофилов, В. Соловьева – додумала и выразила то, чем жила Древняя Русь...» [9].

Г. П. Федотов был убежден: «Нет более распространенного недоразумения среди нас, как смешение «православного» и «русского». Православное это вселенское, это для всех. Русское – только для нас. Мы плохо знаем иные православные церкви и культуры, плохо знаем и свою собственную. Отсюда иногда мы готовы утверждать, как русское, то, что является призванием христианства восточного, а иногда выдаем за православное, вселенское, общеобязательное исторические особенности лишь нашего, русского пути. И национальное и вселенское понимание православия страдают от этого смешения. Поэтому первый долг для

нас – долг самопознания – упорный труд по изучению и осмыслению нашего прошлого...» [9].

Размышления о национальном и вселенском в православии, о роли правоправной церкви в становлении русского национального сознания Г. П. Федотов продолжил в работах «Новый идол» (Париж, 1935 г.), «Канонизация святого Владимира» (Белград, 1938 г.) и др. В частности, в статье «Новый идол» он писал: «Правда заключается в том, что национальная идея, по происхождению языческая, получила христианское крещение – довольно позднее – в свете учения о соборной личности. С этого момента она входит существенным ингредиентом в синтез христианской культуры. Однако необходимым условием ее нормальной жизни является ее соподчиненность другим великим идеям, образующим полноту Истины. Вселенское принадлежит к более глубокому и первичному слою в христианстве, нежели национальное. Церковь Христова родилась как вселенская и жива лишь там, где вселенское сознание не заглохло... Интернационализм, понимаемый как механический сплав потерявших свой духовный облик народов, противен персоналистической природе христианства. Но столь же справедливо, что национализм, восставший против вселенского единства во имя обособленного эгоизма частей, не имеет ничего общего с христианской идеей человечества...» [10, с. 62–63].

В статье «Канонизация святого Владимира» Г. П. Федотов показал себя уже не как публицист, а как историограф. Он подробно рассмотрел историю изучения в российской науке вопроса о причинах поздней канонизации крестителя Руси – святого Владимира, и пришел к выводу: «Если признать вероятным сопротивление митрополитов XI–XII в. канонизации святого Владимира, то причину его, по нашему мнению, следует искать не в грубой национальной тенденции, а в том, что может быть названо церковным консерватизмом. Канонизация князя Владимира по самому типу нового святого представляла великое новшество в традициях Греческой Церкви. Известно, что подавляющее большинство ее святых, после мучеников, принадлежат к чину преподобных и святителей. Миряне встречаются в ее календаре (в отличие от Русской Церкви) в виде исключения...» [11].

Говоря об особенностях «русского христианства», Г. П. Федотов обратился также к теме «русской святости». Наиболее полно она была раскрыта в его труде «Русское религиозное сознание» (Кембридж, 1946 г. (1 т.) и 1966 г. (2 т. – посмертно)). По оценке известного советского и российского историка А. И. Клибанова, «... главным в исследовании

Федотова является определение русской святости как кенотипической. Это – греческое понятие, встречающееся в глагольной форме у апостола Павла в Послании филиппийцам. Речь идет о добровольном самоуничтожении Христа...» [12]. Основные выводы о кенотическом типе русской святости, сделанные Г. П. Федотовым, таковы: непротивление придает смерти качество добровольных страданий и очищения; воскрешение и очищение – цель, за которую можно заплатить муками и смертью. Г. П. Федотов обратился к генетическим связям, предопределившим особый тип русской святости. А. И. Клибанов отметил, что «... особенно благодарным материалом для тонких, пронизательных размышлений Федотова, для великолепных находок его обобщающей мысли послужила житийная повесть о Феодосии Печерском. Именно Феодосий стал отцом русского монашества. В личности Феодосия был найден монашеский идеал, которому Древняя Русь сохраняла верность в течение многих веков...» [12].

Выводы А. И. Клибанова относительно вклада Г. П. Федотова в изучение «русского христианства» дополнил А. Мень. На основе изучения книги «Святые Древней Руси» (Париж, 1931 г.) он пришел к заключению: Г. П. Федотов показал, «... что, приняв от Византии аскетический идеал, русское христианство начинает вносить в него элемент каритативный, элемент служения, элемент милосердия – тот, который в Византии был меньше проявлен...» [13]. Г. П. Федотов показал, как это совершалось в Киевской Руси, в эпоху Рублева и Стефания Премудрого, во времена Возрождения. Люди, создававшие монастыри, были одновременно кормильцами, гостинниками и просветителями окружающего мира. В разделе о трагедии русской святости Г. П. Федотов показал, что в XV–XVI вв., церковное руководство, стремясь к активной социальной каритативной (милосердной) деятельности, одновременно стало также стремиться к богатству. Это приводило к злоупотреблениям.

Обозначенная Г. П. Федотовым проблематика исследования «русского христианства» в первой половине XX в. была очень популярна в среде российской эмиграции. Например, Н. А. Бердяев, соглашаясь с Г. П. Федотовым в вопросе понимания вселенского и национального в христианстве, писал на эту тему так: «Сейчас повсюду в мире происходит разделение христианства и это разделение необходимо углублять. Происходит катастрофическим путем очищение христианства от тех исторических наслоений, которые ничего общего не имеют с истоками христианства и привнесены социальными интересами царства кесаря.

Это есть одухотворение христианства, оно делается более внутренним и искренним, более связанным с заветами Христа и более творческим. Наступает конец «бытового», т. е. языческого христианства, происходит разрыв с языческими традициями в христианстве, с ложной сакрализацией исторических тел, происхождение которых должно быть объяснено социологически. Кончается царство условно-риторического, декламационного христианства. Но перед своим концом оно может еще сделать много безобразий, много злобы еще может проявить. Христиане нового типа, нового чувства жизни, творческие христиане всех вероисповеданий перекликаются между собою и между ними больше близости, чем внутри каждого вероисповедания. Они должны соединяться...» [14].

В современной исторической науке России после длительного периода советского невнимания к исследованиям, связанным с церковной проблематикой, изучение тем, поднятых Г. П. Федотовым, также активно продолжается. Например, сегодня много внимания уделяется анализу теории «Москва – Третий Рим».

В частности, по оценке российского историка А. С. Усачева, в восприятии людей, живших в Московской Руси XV–XVI вв., Москва была не столько Третьим Римом, сколько Третьим Киевом. Доказательством тому являются крупнейшие литературные памятники России этого периода: «Сказания о Владимирской иконе Богоматери», «Сказание о князьях Владимирских», Степенная книга и др. В них средневековая московская историография рисовала пространственный образ перемещения по маршруту «Киев – Владимир – Москва» главной святыни Московского государства – иконы Владимирской Богоматери, а вместе с ней и митрополита Киевского и всея Руси. Рассматривались вопросы не только церковной, но и генеалогической, политической преемственности Москвы от Киева. Утверждение такой преемственности давало основание для борьбы с ВКЛ за земли, которые признавались «отчинами» московских государей [15].

А. С. Усачев отмечает, что в массовом сознании жителей Московской Руси XVI в. концепция «Москва – Третий Рим» не была господствующей. Утверждение обратного вывода современными российскими медиевистами рассматривается как мифологема. Однако отказ специалистов по русской средневековой истории от гипербализированной оценки этой концепции сегодня очень слабо затронул российскую историософскую литературу. В ней концепция «Москва – Третий Рим» по-прежнему пользуется популярностью.

Тематика изучения «русского христианства» сегодня дополнилась понятием «Русский мир». В дискуссиях на эту тему принимают участие не только представители науки, но и политики, деятели русской православной церкви. В частности, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл 6 сентября 2014 г. высказал на эту тему мысль, созвучную идеям Г. П. Федотова: «Если говорить о цивилизации, то Россия принадлежит к цивилизации более широкой, чем Российская Федерация. Эту цивилизацию мы называем Русским миром... Русский мир – от киевской купели крещения... Русский мир – это и духовное, и культурное, и ценностное измерение человеческой личности... Непросто сегодня хранить эти ценности. Но нужно понимать, что без этих ценностей не будет существовать ни русский, ни украинский, ни белорусский народ, а все будет переплавлено в некоем котле цивилизаций. Сохранение цивилизаций, в том числе Русского мира, – это наша общая задача. Не для того, чтобы воссоздавать какие-то политические конструкции, строить новые империи, создавать военные блоки, совсем не для того. А для того, чтобы хранить величайшее наследие, которое мы получили от наших предков...» [16].

В современной науке и общественной мысли очень актуальны поднятые Г. П. Федотовым вопросы роли исторического образования в восприятии людьми своего прошлого и современности, а также роли духовной культуры и господствующих в обществе идей как оснований для геополитики. Этим вопросам помимо работы «Три столицы» Г. П. Федотов уделил особое внимание в статьях «Россия Ключевского» (Париж, 1932 г.) [17], «Судьба империй» (Нью-Йорк, 1947 г.) [18] и др.

Знакомство с работами Г. П. Федотова, в которых затрагиваются вопросы украинской истории и геополитики, поражает точностью предвидения современных событий. Например, в статье «Будет ли существовать Россия?» (Париж, 1929 г.) Г. П. Федотов дает такой ответ на этот вопрос: «Из оставшихся в России народов прямая ненависть к великороссам встречается только у наших кровных братьев – малороссов, или украинцев. (И это самый болезненный вопрос новой России)... Что касается Украины, то для нее роковым является соседство Польши, с которой ее связывают вековые исторические цепи. Украине объективно придется выбирать между Польшей и Россией, и отчасти от нас зависит, чтобы выбор был сделан не против старой общей родины...» [19, с. 177].

В статье «Проблемы будущей России» (Париж, 1932 г.) Г. П. Федотов дополняет эту мысль: «Южнорусское (малорусское) племя было

первым создателем русского государства, заложило основы нашей национальной культуры и само себя всегда именовало русским (до конца XIX в.). Настаивая на этом, мы, русские, правильнее выражаем историческую идею украинофильства, чем современные самостийники, предающие свой народ и его традицию его историческим врагам. Ближе мы, несомненно, и к национальному сознанию народных масс Украины, чем полонофильские или германофильские круги ее интеллигенции. И, однако, мы в качестве великороссов грешим невежеством и невниманием к южнорусской традиции, за Москвой теряем истинное ощущение Руси, а в настоящем просто недооцениваем грозного факта украинского отталкивания от нас...» [20, с. 250]. Г. П. Федотов был убежден: «... проблема Украины является самой трудной в ряду национальных проблем будущей России. Не разрешить ее – значит погибнуть, то есть перестать быть Россией...» [20, с. 249].

Эти мысли, высказанные Г.П. Федотовым, сегодня могут вызвать в обществе очень неоднозначную реакцию. Бесспорно одно: заслуга Г. П. Федотова перед исторической наукой заключается в том, что он показал, как современная европейская общественная жизнь своими корнями уходит в средневековые модели – политические, социальные, культурные, экономические. Г. П. Федотов описал роль религии в формировании культуры и ментальности народов Восточной Европы, суть и эволюцию религиозных идей, структурирующих общество. Он создал научную платформу для изучения культуры с богословских позиций, и продемонстрировал возможности светской науки в данной области знаний. Все это делает Г. П. Федотова значительной фигурой не только в историографии первой половины XX в., но и в современной науке.

Список литературы

1. Бойков, Ф. В. Судьба и грехи России (философско-историческая публицистика Г. П. Федотова) / Ф. В. Бойков // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т. 1. – СПб.: София, 1991. – С. 3–38.
2. Философы. Федотов Георгий Петрович [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://intencia.ru/Filosof-view-237.html>. – Дата доступа: 07.02.2015.
3. Федотов, Г. П. Три столицы // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т. 1. – СПб.: София, 1991. – С. 50–65.
4. Каплин, А. Д. Невспоминаемые предшественники евразийцев и их критики (или еще раз о «мнимом «туранизме» русских») / А. Д. Каплин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2012/05/29/nevspominaemye_

predshestvenniki_evrazijcev_i_ih_kritiki_ili_ewe_raz_o_mnimom_turanizme_russkih/. – Дата доступа: 15.08.2015.

5. Каплин, А. Д. Российская эмиграция (первой волны) о славянофилах и славянофильстве / А. Д. Каплин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2013/11/01/rossijskaya_emigraciya_pervoj_volny_o_slavyanofilah_i_slavyanofilstve/. – Дата доступа: 15.08.2015.

6. Каплин, А. Д. Европейский «туранизм» в контексте международных отношений и общественной мысли XIX – начала XX в. / А. Д. Каплин. // *Studia internationalia: Материалы III международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»*, 2–4 июля 2014г. – Брянск: ООО «Ладомир», 2014. – С. 105–111.

7. Енджейчак, М. Туранское обличье России / М. Енджейчак [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/russia/20140829/222672560.html>. – Дата доступа: 15.08.2015.

8. Федотов, Г. П. Трагедия интеллигенции // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т. 1. – СПб.: София, 1991. – С. 66–102.

9. Федотов, Г. П. Национальное и вселенское [Электронный ресурс] / Г. П. Федотов. – Режим доступа: http://odinblago.ru/nac_i_vsel. – Дата доступа: 15.08.2015.

10. Федотов, Г. П. Новый идол // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т. 2. – СПб.: София, 1991. – С. 50–65.

11. Федотов, Г. П. Канонизация святого Владимира [Электронный ресурс] / Г. П. Федотов. – Режим доступа: http://odinblago.ru/filosofiya/fedotov/fedotov_g_kanonizaciya_sv/. – Дата доступа: 15.08.2015.

12. Клибанов, А. И. Духовная культура средневековой Руси / А. И. Клибанов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mreadz.com/new/index.php?id=16831&pages=42>. – Дата доступа: 15.08.2015.

13. Мень, А. Георгий Федотов [Электронный ресурс] / А. Мень. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/fedotov/index.html>. – Дата доступа: 16.08.2015.

14. Бердяев, Н. Существует ли в православии свобода мысли и совести? [Электронный ресурс] / Н. Бердяев. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/fedotov/index.html>. – Дата доступа: 16.08.2015.

15. Усачев, А. С. «Третий Рим» или «Третий Киев»? (Московское царство XVI в. в восприятии современников) [Электронный ресурс] / А. С. Усачев. – Режим доступа: <http://godnaya-istoriya.ru/index.php/Vspomogatelnie-i-specialnie-istoricheskie-nauki/Istoriografiya/Tretie-Rim-ili-Tretie-Kiev-Moskovskoe-carstvo-XVI-v.-v-vospriyatii-sovremennikov.html>. – Дата доступа: 08.08.2015.

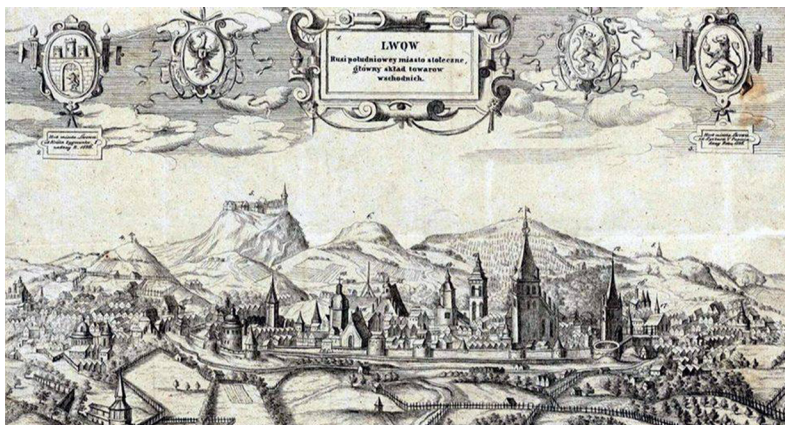
16. Святейший Патриарх Кирилл. Русский мир – особая цивилизация, которую необходимо беречь [Электронный ресурс] / Святейший Патриарх Кирилл. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3730705.html>. – Дата доступа: 07.08.2015.

17. Федотов, Г. П. Россия Ключевского // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т. 1. – СПб.: София, 1991. – С. 329–348.

18. Федотов, Г. П. Судьба империй // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т. 2. – СПб.: София, 1991. – С. 304–327.

19. Федотов, Г. П. Будет ли существовать Россия? // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т. 1. – СПб.: София, 1991. – С. 173–184.

20. Федотов, Г. П. Проблемы будущей России // Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. / Г. П. Федотов; сост., вступ. ст., прим. В. Ф. Бойкова. – Т. 2. – СПб.: София, 1991. – С. 228–255.

Источники

ЖИЛЬБЕР ДЕ ЛАННУА И ЕГО «VOYAGES ET AMBASSADES»

Источники. Мемуары Жильбера де Ланнуа, известные под названием «*Voyages et ambassades*» («Путешествия и посольства») созданы во второй половине XV века и не предназначались автором для широкого ознакомления. В основе мемуаров записи, сделанные Ж. де Ланнуа во время его путешествий в Восточную Европу в 1413–1414 и 1421 гг. и на Ближний Восток и в Египет в 1421–1422 годах. Последнее путешествие подробно отражено во включенных в состав мемуаров «*Les rapports*» («Отчетах»). Значительно позже, очевидно после 1459 г., эти записи были дополнены воспоминаниями Ж. де Ланнуа о его участии в военных кампаниях, путешествиях, паломничествах и посольствах, совершенных в период с 1399 г. по 1450 г.

«*Les rapports*». Известно, что в 1423 г. после возвращения из путешествия на Восток де Ланнуа передал один экземпляр «*Les rapports*» королю Англии, а второй герцогу Бургундскому [1, р. 68].

Экземпляр, предназначенный для английского короля, скорее всего, попал в руки герцога Бэдфорда, брата умершего в 1422 г. Генриха V и регента Франции при малолетнем Генрихе VI. Вероятно, именно этот экземпляр «Отчетов» был выкуплен в 1671 г. Бодлианской библиотекой Оксфордского университета в числе книг К. Хаттона¹. Рукопись находится там и в настоящее время (MS. Natton 90) [3].

Экземпляр, предназначенный герцогу Бургундскому, находился в его библиотеке, в инвентаре которой за 1467 г., упоминаются «Отчеты»². В дальнейшем инвентари последовательно подтверждают нахождение «Отчетов» в библиотеке герцогов Бургундских³. Последнее упомина-

¹ В «*Catalogi librorum manuseriptorum Angliae et Hiberniae...*» 1697 г. Бодлианской библиотеки в разделе «*Codicis Manuscripti CXII ex Nattonianis*» записано: «4084.59. Путешествие Гилберта де Ланнуа по приказу Генриха VI. Короля Англии и Галлии» [2, р. 184]. Составитель каталога ошибся, указав вместо Генриха V – Генриха VI.

² «Другая небольшая книга, переплетенная красной кожей, озаглавленная: «Отчеты мессира Жильбера де ла Нуа»» [4, р. 224]

³ В каталоге «*Bibliotheca Belgica*» за 1643 г. указано, что описание путешествия Ж. де Ланнуа в Египет и Сирию можно найти в городской библиотеке Брюсселя под № 561 [5, р. 288]. В 1735 г. на эту запись ссылается автор каталога «*Bibliotheca Latina*» [6, р. 718]. В каталоге «*Bibliotheca Belgica*» 1739 г. ее автор повторяет ту же информацию, но указывает, что в 1731 г. библиотека в Брюсселе сгорела, подразумевая, видимо, что вместе с ней сгорела и рукопись [7, р. 365].

ние в каталоге датировано 1797 г., после чего след рукописи теряется [1, р. 3–4].

В 1819 г. английский библеист Г. Пенн приобрел в Лилле еще один экземпляр «Отчетов» [8, р. 11]. В 1831 г. манускрипт был передан его владельцем Британской библиотеке, где храниться в отделе западноевропейских манускриптов (Kings MS 446) [9].

Оба экземпляра – Оксфордский и Лондонский – идентичны, написаны одним почерком и одинаково украшены растительным орнаментом, как будто это «копии одного печатного издания» [8, р. 14]. Разница в том, что в заглавии Оксфордского манускрипта Ж. де Ланнуа говорит о себе в третьем лице и упоминает только Генриха V, как организатора экспедиции. В Лондонском манускрипте де Ланнуа говорит о себе в первом лице и, помимо Генриха V, упоминает герцога Бургундского. Идентичность манускриптов дает основание полагать, что они создавались в одно время, а разница в заглавии, что экземпляры предназначались для разных лиц: оксфордский для короля Англии, лондонский – для герцога Бургундского Филиппа Доброго или для самого де Ланнуа.

«*Voyages et ambassades*». В «Инвентаре манускриптов находящихся в библиотеке историографов Анвера» за 1779 г., упоминаются и «путешествия» де Ланнуа. Эта библиотека принадлежала «Обществу Болландистов»⁴, отсюда манускрипт попал к бельгийскому историку и библиофилу К.-Ф. Серрьюру. Манускрипт, состоявший из 228 страниц, включал несколько произведений, в том числе, озаглавленное: «Путешествия, которые совершил мессир Гильбер де Ланнуа, в свое время сеньор де Сент, де Виллерваль, де Трошьенн и де Ваэнь» (страницы 59–122) [1, р. 5]. В 1857 г. манускрипт был выкуплен у Серрьюра за 225 франков Королевской библиотекой Бельгии в Брюсселе, в которой хранится до настоящего времени (№ 21.521–31) [11, р. 41–42].

В библиотеке графа де Ланнуа храниться еще один экземпляр «Путешествий и посольств», переписанный в XVI в. с неизвестного оригинала [1, р. 6–7]. В целом он повторяет текст предыдущего манускрипта, однако, с большим количеством вариантов в деталях.

Таким образом, на сегодняшний день достоверно известно о существовании четырех дошедших до нас манускриптов сочинения Ж. де Ланнуа. Это «Отчеты», сохранившиеся в Бодлианской библиотеке

⁴ «Общество Болландистов» – первое научное общество на территории Бельгии, основанное в XVII в. в г. Антверпене (Анвере) Жаном Болландом [10, с. 296]. Состояло из членов ордена иезуитов. Сохранилось до нашего времени.

Оксфордского университета и Британской библиотеке и два варианта «Путешествий и посольств»: один, хранящийся в Королевской библиотеке Бельгии, второй – в частной коллекции.

Историография. Наличие двух копий «Отчетов» на территории Великобритании способствовало тому, что именно английские исследователи первыми обратили внимание на сочинения Ж. де Ланнуа. В 1827 г. текст экземпляра «Отчетов» из Бодлианской библиотеки был опубликован в переводе на английский язык Дж. Веббом, который предварил публикацию исследованием, определив место и значение «Отчетов» в контексте исторических событий XV в. [12, р. 281–444].

В 1840 г. «Общество библиофилов Монса» издало «Путешествия и посольства» Жильбера де Ланнуа, по манускрипту из библиотеки К.-Ф. Серрюра⁵. Это издание имело большое значение для дальнейшего исследования «Путешествий и посольств». Уже в 1843 г., в Бельгии, на публикацию откликнулись сразу два известных историка: Э. Гаше, осуществивший первоначальную критику источника⁶, и И. Лелевель, прокомментировавший часть «Путешествий и посольств», относящуюся к поездкам Ж. де Ланнуа в Восточную Европу в 1413–1414 гг. и в 1421 г. В 1847 г. в книге о бельгийских путешественниках Ж. де Сен-Женуа дал очерк, посвященный Ж. де Ланнуа⁷. В 1878 г. в Лувене под редакцией Ш. Потвена, вышло издание сочинений Ж. де Ланнуа, которое и сегодня остается наиболее полным и авторитетным изданием «Путешествий и посольств»⁸. Со второй половины XIX в. Ж. де Ланнуа прочно вошел в историю Бельгии не только, как военный и дипломат⁹, но и как представитель бельгийской франкоязычной средневековой литературы¹⁰.

⁵ *Les Voyages et Ambassades de Messire Guillebert de Lannoy, 1390–1450. Mons, 1840.*

⁶ *Gachet, E. Voyages et Ambassades de Guillebert de Lannoy. 1399–1450 / E. Gachet // Trésor national. – Bruxelles, 1843. – T.1. Ser. 2; Gachet, E. Examen critique des Voyages et Ambassades de Guillebert de Lannoy. 1399–1450. Bruxelles, 1843.*

⁷ *Saint-Genois, J. Les voyageurs belges du XIIIe au XVIe siècles / J. Saint-Genois. – Bruxelles, S.d. [1847].*

⁸ *Oeuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste / recueillies et publiées par Ch. Potvin; avec des notes géographiques et une carte, par J.-C. Houzeau. – Louvain, 1878.*

⁹ *Van Elewyck, E. Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste du XVe siècle / E. Van Elewyck // Revue de Belgique. – Bruxelles, 1879. – T. 33. – P. 105–134; Loise, F. Lannoy (Ghillebert de) / F. Loise // Biographie nationale: en 28 t. – Bruxelles, 1890–1891. – T. 11. – P. 308–322.*

¹⁰ *Doutrepont, G. La littérature française à la cour des ducs de Bourgogne / G. Doutrepont. – Paris, 1909; Liebrecht, H. Histoire de la littérature belge d'expression française / H. Liebrecht. – Bruxelles, 1909.*

Во Франции мемуарам Ж. де Ланнуа также было уделено некоторое внимание, учитывая, что их автор – уроженец окрестностей Лилля¹¹.

Издание мемуаров Ж. де Ланнуа и работы И. Лелевеля открыли их для научной общественности Российской империи. Во второй половине XIX века появился ряд переводов отрывков из «Путешествий и посольств» на русский язык с комментариями переводчиков и рецензий на вышедшие за рубежом публикации¹². Российских исследователей интересовала только та часть записок, которая касалась описания Восточной Европы, во время путешествий 1413–1414 гг. и 1421 г.

В Новейшее время география исследований, относящихся к «Путешествиям и посольствам» Ж. де Ланнуа заметно расширилась. Традиционно сохранился интерес к теме у французских и бельгийских исследователей¹³. Германских историков заинтересовали сюжеты, в которых

¹¹ Lannoy (Guillebert de) / Grand dictionnaire universel du XIXe siècle par Pierre Larousse: en 17 t. – Paris, 1873. – Т. 10. – P. 166; *Quarré-Reybourbon, L. Vie et aventures de Ghillebert de Lannoy, chevalier lillois, au XVe siècle / L. Quarré-Reybourbon. – Lille, 1890; Quarré-Reybourbon, L. Vie et aventures de Ghillebert de Lannoy, chevalier lillois, au XVe siècle / L. Quarré-Reybourbon // Bulletin de la Société de Géographie descriptive historique de Lille. – 1890. – Т. 14. – P. 12–33.*

¹² *Савельев, П. С. Очерк путешествия в прибалтийские страны, Великий Новгород и Псков, совершенного рыцарем Гильбертом де Ланнуа в 1412–1414 гг. // Географические Известия. – СПб., 1850. – № 1–4. – С. 17–35; Брун, Ф. Путешествие Гильберта де-Ланнуа по Южной России, в 1421-м году / Ф. Брун. – Одесса, 1852; Брун, Ф. Путешествия и посольства господина Гильберта де Ланнуа, кавалера Золотого Руна, владельца Санта, Виллервала, Троншлена, Бомона, Вагени; в 1399–1550 годах / Ф. Брун // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1853. – Т. 3. – С. 433–465; Путешествие по Литве в XV веке Жильберта де Лянуа // Вестник Западной России. Историко-литературный журнал, издаваемый К. Говоровским. – Вильна, 1867. – Кн. VII. – Т. 1. – С. 38–47; *Емельянов, (студент). Путешествие Гильберта де Ланноа в восточные земли Европы в 1413–1414 и 1421 гг. // Киевские университетские известия. – 1873. – № 8. – Отд. 2. – С. 1–42; Майков, Л. Oeuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste / recueillies et publiées par Ch. Potvin; avec des notes géographiques et une carte, par J.-C. Houzeau (Сочинения Гилберта де-Ланнуа, путешественника, дипломата и моралиста. Собраны и изданы К. Потвеном, с приложением географических приложений и карты, составленных И. С. Гузо). Louvain, 1878 / Журнал министерства народного просвещения. – СПб., 1879, декабрь. – Ч. CCVI. – С. 233–243.**

¹³ *Arié, R. Un seigneur bourguignon en terre musulmane au XVe siècle: Ghillebert de Lannoy // Le Moyen Âge. Revue d'Histoire et de Philologie. – Т. 83. – 1977. – P. 283–302; Bertrand, A. Les «Voyages et Ambassades» de Guillebert de Lannoy (1399–1450). Mémoire inédit de Licence. Université de Liège. Liège, 1986–1987; Bertrand, A. Un seigneur bourguignon en Europe de l'Est: Guillebert de Lannoy (1386–1462) // Le Moyen Âge. Revue d'Histoire et de Philologie. – Т. 95. – 1989. – P. 293–309; Bertrand, A. Guillebert de Lannoy (1386–1462). Ses «Voyages et Ambassades» en Europe de l'Est // Publication du Centre européen d'études bourguignonnes (XIVe–XVIe s.). Rencontres de Middelbourg – Bergen-op-Zoom (27 au 30 septembre 1990): «Les sources littéraires et leurs publics dans l'espace bourguignon (XIVe–XVIe s.). – Т. 31. Neuchâtel, 1991. – P. 79–92; Holban, M. Du caractère de l'ambassade de Ghillebert de Lannoy dans le nord*

Ж. де Ланнуа описал свое пребывание на территории Тевтонского ордена¹⁴. В польской историографии, после работ И. Лелевеля, к исследованию текста мемуаров Ж. де Ланнуа обращался О. Халецкий¹⁵. Путешествие по территории Ливонии привлекло внимание латышских историков¹⁶. В Румынии заинтересовались кратким эпизодом встречи Ж. де Ланнуа с молдавским господарем Александром Добрым¹⁷. В 1930–1940-е гг. активно занимался изучением путешествия Ж. де Ланнуа по территории ВКЛ литовский историк П. Климас¹⁸.

Вопросами пребывания Ж. де Ланнуа на территории Чехии и его дипломатической деятельностью, связанной с гуситским движением, активно занимается чешский медиевист Я. Святэк¹⁹. Следует отметить,

et le sud-est de l'Europe en 1421 et de quelques incidents de son voyage // *Revue des études sud-est européennes*. – Т. 5. – № 3–4. – 1967. – P. 419–434; *Mund, S.* Guillebert de Lannoy, un observateur fiable de la réalité russe au début du XVe siècle // *Hainaut et Tournais: regards sur dix siècles d'histoire. Recueil d'études dédiées à la mémoire de Jacques Nazet (1944–1996)*, Bruxelles, 2000. P. 179–193; *Мунд, С.* Описание Новгорода и Пскова в мемуарах VOYAGES ET AMBASSADES рыцаря Гильбера де Ланнуа // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. – 2002. – № 1(7). – С. 47–50; *Schnerb, B.* L'éducation d'un jeune noble à la cour de Philippe le Bon d'après les Enseignements paternels de Ghillebert de Lannoy // *Liber Amicorum Raphael de Smedt. Miscellanea Neerlandica XXV*. Leuven, 2001. P. 113–132; *Van den Abeele, B.* Jean Molinet et Guillebert de Lannoy. Un nouveau témoin et un manuscrit retrouvé (Bruxelles, BR, II 6978) // *Miscellanea in memoriam Pierre Cockshaw (1938–2008). Aspects de la vie culturelle dans les PaysBas Méridionaux (XIVe–XVIIIe siècle). Aspecten van het culturele leven in de Zuidelijke Nederlanden (14de–18de eeuw)*. – 2009. – P. 515–525.

¹⁴ *Hain, R.* Die Reise des Ghillebert de Lannoy in den Ostseeraum 1413/14. Motive und Begleitumstände // *Hansische Geschichtsblätter*. 1983. Bd. 101. S. 29–42; *Maschke, E.* Burgund und der preussische Ordenstaat // *Syntagma Friburgense (Historische Studien Hermann Aubin dargebracht)*. Lindau, 1956. S. 147–172; *Rebas, H.* Die Reise des Ghillebert de Lannoy in den Ostseeraum 1413/14. Motive und Begleitumstände // *Hansische Geschichtsblätter*. – Т. 101. – 1983. – S. 29–42.

¹⁵ *Halecki, O.* Gilbert de Lannoy and His Discovery of East Central Europe // *Bulletin of the Polish Institute of Arts and Sciences in America*, 1944. – V. II. – № 2. – P. 314–331.

¹⁶ *Stepermanis, M.* Dažas ziņas par Latviju franču senajā vēstures literatūrā un avotos // *Latvijas vēstures institūta žurnāls*. 1937. Nr. 2. lpp. 226–255; *Žilbers de Lanua: ceļojuma apraksts // Zeids Teodors.* Senākie rakstītie Latvijas vēstures avoti līdz 1800 gadam. Rīga, 1992. lpp. 81–82.

¹⁷ *Iorga, N.* Basarabia noastra. Scrisă după 100 de ani de la răpirea ei de către Ruși. Valeniî-de Munte, 1912; *Giurescu, Const. C.* Întâlnirea lui Guillebert de Lannoy cu Alexandru cel Bun // *Revista Istorică Română*. – 1934. – V. 4. – P. 286–287.

¹⁸ *Klimas, P.* Vieno prancuzo ispuzdžiai Lieturoje Vytauto laikais. Gillebert de Lannoy keline 1413–14 metais // *Zidinys*. – 1930. – Bd. 13. – S. 232–245; *Klimas, P.* Ghillbert de Lannoy. Dvi kelionės Lietuvon Vytauto Didžiojo laikais (1413–1414 ir 1421 metais) // *Praeitis*. – Т. 2. – Kaunas, 1933. – P. 199–123; *Klimas, P.* Ghillebert de Lannoy in Medieval Lithuania. – New York, 1945.

¹⁹ *Sváték, J.* «Do té země jsem přijel, ale zase ji rychle opustil...» – Návštěva burgundského cestovatele Guilleberta de Lannoy v husitských Čechách // *Mediaevalia historica bohemia*. Bd. 11, 2007. – P. 195–211; *Sváték, J.* Guillebert de Lannoy, un seigneur bourguignon espion en

что чешские медиевисты первые и пока единственные в мире исследователи, осуществившие полный перевод «Путешествий и посольств» на родной язык²⁰.

В советский период российская историография не внесла ничего нового в исследования по теме, ограничившись публикацией уже известных отрывков, взятых из изданий XIX в.²¹. Как исключение можно указать на статью А. В. Соловьева, опубликованную в Германии²². В постсоветский период у российских историков традиционно вызывает интерес описание Ж. де Ланнуа Новгорода и Пскова²³.

Появился ряд публикаций о Ж. де Ланнуа белорусских историков. Хотя факт его нахождения на землях современной Беларуси остается дискуссионным, исследователей интересует, прежде всего, пребывание бургундского путешественника на территории ВКЛ в целом²⁴.

Terre Sainte // La noblesse et la croisade à la fin du Moyen Âge (France, Bourgogne, Bohème). Toulouse, 2009. – P. 85–94; *Svátek, J.* Les voyages de Guillebert de Lannoy en Péninsule ibérique au début du XVe siècle // *Diplomates, voyageurs, artistes, pèlerins, marchands entre pays bourguignons et Espagne au XVe et XVIe siècles: Rencontres de Madrid-Tolède (23 au 26 septembre 2010)*. Publications du Centre européen d'études bourguignonnes. – № 51. – Neuchâtel, 2011. – P. 17–30.

²⁰ Guillebert de Lannoy. Cesty a poselstva [traduction tchèque annotée, présentée et illustrée des Voyages et ambassades de Guillebert de Lannoy]. – Prague, 2009.

²¹ Новгород и Псков в начале XV в. (Гильбер де Ланноа) // *Хрестоматия по истории СССР: С древнейших времен до конца XV века*. – М., 1960. – С. 545–549; Литва и Украина в начале XV в. (по Гильберу де Ланноа) // *Хрестоматия по истории СССР: С древнейших времен до конца XV века*. – М., 1960. С. 661–666.

²² *Soloviev, A. V.* Le voyage de messire de Lannoy dans les Pays russes // *Orbis scriptus. Festschrift für Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag*. München, 1966. S. 791–796.

²³ *Kanneler, A.* Бургундский рыцарь в России (заметки об отчете Гильбера де Ланноа о поездках в Новгород и Псков в начале XV в.) // *Источниковедение и краеведение в культуре России: сб. к 50-летию служения Сигурда Отговича Шмидта Историко-архивному институту*. М., 2000. С. 50–52; *Кудрявцев, О.* Великая Русь рыцаря де Ланноа: Первое западное описание Руси // *Родина*. – № 12. – 2003. – С. 76–79; Жильбер де Ланнуа // *Великий Новгород в иностранных сочинениях XV – нач. XX века*. – М., 2005. – С. 25–27.

²⁴ *Алексюк, М. I.* Камянецкая вежа // *Помнікі гісторыі і культуры Беларусі*. – № 2. – 1973. – С. 28; *Бель, А.* Пад крыжом Святога Георгія // *Падарожнік*. – № 2. – 1996. – С. 11–14; *Бель, А.* Ланаа / Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя: у 2 т. – Минск, 2007. – Т. 2. – С. 180; *Мартынюк, А. В.* Пять текстов, о которых следует напомнить исследователям восточноевропейского Средневековья // *Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы*. – Минск, 2010. – Вып. 3. – С. 9–15; *Лялькоў, I.* Жыльбер де Ланаа: фламандзец у Вялікім княстве Літоўскім пачатку XV ст. // *Беларусь–Бельгія: Грамадска-культурнае ўзаемадзеянне: Матэрыялы міжнароднага «круглага стала»*. Минск, 18–19 мая 2001. – Минск, 2002. С. 47–52; *Черкасов, Д. Н.* Миссия Жильбера де Ланнуа в Польшу и ВКЛ в 1421 г. // *Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі «Лістападаўскія сустрэчы – X» (14–15 лістапада 2013 г., Мінск, БДУ) [Электронны рэсурс]*. 2013. Режим доступа: <http://www.hist.bs.u.by/images/stories/files/nauka/konf/L-2013/Cherkasov.pdf>.

Биография. Жильбер де Ланнуа родился, предположительно, в 1390 г.²⁵ и принадлежал к древнему роду, укоренившемуся в окрестностях города Лилля, в графстве Фландрия. Его отец, Жильбер де Ланнуа, сеньор де Бомон, женившись на Катрин де Маламбэ, стал основателем самостоятельной ветви сеньоров де Ланнуа [13, р. 73].

Уже в 13 лет, в декабре 1403 г., юный Жильбер участвует в первом в своей жизни военном походе. Это была экспедиция Валерана III де Люксембурга (1355–1415), графа де Сен-Поля на остров Уайт, против узурпировавшего власть Генриха Ланкастера (Генриха IV) [14, р. 119; 15, р. 91–92; 16, р. 60–61].

В 1404 г. Ж. де Ланнуа, в качестве оруженосца сенешала Эно Жана де Вершена, участвует в очередной экспедиции в Англию, которую возглавил Жак II де Бурбон, граф де ла Марш с целью оказания помощи Уэльсу, восставшему против Генриха IV. Экспедиция началась 21 ноября 1404 г., но оказалась мало результативной, после чего флот возвратился в г. Сен-Мало в Бретани [17, р. 79]. Корабль, на котором плыл Жильбер, попав в шторм, утонул. Ланнуа и другие «благородные люди» спаслись на двух лодках, но «наши слуги, вещи, вооружение утонули и погибли», пишет сам Жильбер [1, р. 10–11].

В 1405 г. Жильбер, в числе 5 благородных господ, капеллана и слуг, сопровождает Жана де Вершена в путешествии на Ближний Восток, продлившемся до июня 1406 г. [18, р. 127].

В 1407 г. Жильбер присутствует на знаменитом турнире в Валенсии, подробно описанном в хронике Монстреле²⁶, откуда отправляется в Кастилию, чтобы участвовать в войне с Гранадским эмиратом на стороне инфанта дона Фернандо Антекеры [1, р. 13]. Вернувшись в 1408 г. во Францию, Жильбер застаёт ее на пороге гражданской войны бургиньонов и арманьяков и связывает свою дальнейшую карьеру со службой Бургундскому дому. Осенью 1408 г. он участвует в походах Вильгельма Баварского и Жана Бургундского против восставшего Льежа, где получает ранение в руку и ногу [1, р. 12–13].

В 1410 г. де Ланнуа вновь отправляется в Кастилию в армию дона Фернандо и участвует в осаде Антекеры. В походе на Арчидону он ранен камнем, а при Ронде двумя арбалетными стрелами [1, р. 16–17]. После пятимесячной осады 24 сентября 1410 г. Антекера была взята,

²⁵ Год рождения определен по упомянутой в «Путешествиях и посольствах» высадке войск графа де Сен-Поля на остров Уайт, в которой принял участие 13-летний Жильбер. Однако это событие произошло не в 1399 г., как указано в «Путешествиях и посольствах», а в декабре 1403 г.

²⁶ В хронике Монстреле это событие ошибочно указано под 1403 годом [15, р. 76–81].

а 6 ноября 1410 г. между Кастилией и Гранадой было заключено перемирие [19, р. 99]. Это дало де Ланнуа возможность побывать при дворе эмира Гранады, где он «видел его положение и его быт, его город, его дворцы, его дома и сады для прогулок» [1, р. 17–18].

Вернувшись во Францию, в мае 1411 года, Ж. де Ланнуа получает должность виночерпия при дворе герцога Бургундского Жана Бесстрашного и в 1411–1412 гг. воюет в армии Жака III де Креки, сеньора д'Элли против арманьяков в Гиэни и Берри. При переходе к Буржу отряд де Ланнуа подвергся нападению, в результате чего Жильбер «был ранен в бедро через доспехи арбалетной стрелой» [1, р. 18–19].

В марте 1413 г. Ж. де Ланнуа отправился в Пруссию, чтобы принять участие в «рейзе» Тевтонского ордена против Польши и ее союзников. В перерыве (май-июнь 1413 г.) он посещает двор короля Дании Эрика Померанского [1, р. 24]. Вернувшись в Пруссию, де Ланнуа в сентябре 1413 г. участвует в «рейзе» в Мазовию, где во время штурма города «Поллёр» получил ранение стрелой в руку и был посвящен в рыцари [1, р. 27]. Затем Жильбер отправился в Ливонию для участия в зимней «рейзе», которая, однако, не состоялась. Воспользовавшись установившимся миром, Ж. де Ланнуа зимой 1413–1414 гг. посещает Новгород и Псков [1, р. 30–37]. Затем едет через земли ВКЛ – Вильно, Троки, Ковно – в замок «Позур» на Немане, где находит великого князя Витовта [1, р. 42].

Возвращаясь во Францию, на Пасху 1414 г., Ж. де Ланнуа встречается в Калише с польским королем Владиславом, от которого увозит письмо к королю Франции Карлу VI [1, р. 47]. В Праге его принимает чешский король Венцеслав Люксембург [1, р. 48].

По возвращению во Францию, Ж. де Ланнуа отправился в Ирландию в паломничество к пещере св. Патрика, но попал в плен к англичанам [1, р. 49]. Выкупленный из плена при помощи «добрых друзей», де Ланнуа 25 октября 1415 г. принимает участие в битве при Азенкуре, где он был ранен и снова попал в плен. Свобода была оплачена выкупом в виде 1200 золотых экю и боевого коня [1, р. 50]. В 1416 г. Ж. де Ланнуа назначен на должность капитана Эклюза (Слейса), которую занимает в течение 30 лет, одновременно исполняя при молодом графе Филиппе, сыне Жана Бесстрашного, обязанности чиновника по духовным делам графского дома [1, р. 50].

После убийства Жана Бесстрашного в сентябре 1419 г., Ж. де Ланнуа входит в состав делегации, направленной Филиппом Бургундским в Руан к королю Англии Генриху V с целью заключения перемирия [15, р. 360]. Он является одним из обвинителей от имени вдовы и дочерей

Жана Бесстрашного по делу о правосудии над убийцами герцога [20, р. 311]. Затем участвует в осаде Монтеро и Меллона, получает должность первого шамбеллана герцога Бургундского, которого везде сопровождает в течение трех месяцев, спит с ним в одном шатре и носит в бой его знамя. Тогда же возник план подготовки крестового похода, который должен был прославить в Европе имя Бургундского дома и удовлетворить честолюбивые амбиции молодого герцога [20, р. 311–312].

В 1421–1422 гг. Ж. де Ланнуа возглавляет посольство в Восточную Европу и на Ближний Восток, направленное от имени королей Англии и Франции. На самом деле инициаторами этого путешествия были Генрих V Английский и Филипп Бургундский [1, р. XVIII]. Официальная цель посольства – оповестить о заключении в 1420 г. мира между Англией и Францией в Труа, в действительности – выяснить отношение правителей Восточной Европы к походу на Иерусалим и осуществить разведку возможных мест высадки крестоносцев на Ближнем Востоке и в Египте. В ходе путешествия посольство посетило дворы хохмейстера Тевтонского ордена, короля Польши, великого князя Литовского, господаря Молдавии, императора Византии [1, р. 52–62]. Затем Ж. де Ланнуа отправился на Ближний Восток и в Египет, о чем, по возвращении во Францию, были составлены «Отчеты». В 1423 г. он представил их в Лондоне Королевскому Совету и получил от имени короля 300 ноблей и возмещение всех путевых расходов [1, р. 161–162].

В 1426 г. Жильбер принимает участие в войне герцога Бургундского в Голландии против Якобы (Жаклин) Баварской, получив должность капитана Роттердама. Он сражается вместе с герцогом Филиппом при Брауверсхавене [1, р. 163–164]. В 1428 г. он исполняет посольство к римскому королю Сигизмунду и электорам Империи по делу о чешских гуситах, в котором герцог Бургундский хотел быть арбитром [1, р. 164–166].

В 1430 г., Жильбер, вместе с братьями Югом и Бодуэном, становится одним из 24 рыцарей ордена Золотого Руна, основанного Филиппом Бургундским по случаю его свадьбы с Изабеллой Португальской [1, р. 164].

В составе бургундской делегации Ж. де Ланнуа участвует в заседании Базельского собора, начавшего работу в 1432 г. [20, р. 317]. В 1436 г. он совершает паломничество в Сантьяго де Компостелла во исполнение обета, данного им по смерти его второй жены [1, р. XXIV].

В 1437 г. Жильбер руководит 18-дневной обороной Эклюза, осажденного восставшими жителями Брюгге [1, р. 174]. В 1442 г. он возглавляет

посольство во Франкфурт к императору Фридриху III, по делам герцогства Люксембург, затем улаживает конфликт герцога Филиппа с французским дофином Людовиком [1, р. 174].

В 1446 г. Ж. де Ланнуа становится членом Большого Совета, учрежденного герцогом Бургундским, покидает пост капитана Эклюза и переселяется в Лилль, где приобретает дом [1, р. XXVIII]. В этом же году он совершает дипломатическую миссию к королю Арагона и очередное путешествие на Восток [1, р. 174–178]. Паломничество в 1450 г. в Рим было последним путешествием Ж. де Ланнуа [20, р. 318].

Жильбер де Ланнуа умер 22 апреля 1462 года в Лилле [1, р. 178].

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПОСОЛЬСТВА

1399–1450²⁷

Здесь начинаются путешествия, которые совершил мессир Гильбер де Ланнуа (Guillebert de Lannoy), в свое время сеньор де Сант (Sanctes), де Виллерваль (Willerval), де Троншьенн (Tronchiennes) и де Ваэнь (Wahégnies).

В году тысяча триста девяносто девятом²⁸, после дня Всех святых²⁹, был мой первый поход с монсеньором графом Валераном де Сен-Поль³⁰ в одной высадке, которую он совершил в Англии на остров Уайт (Wit), где он имел пять сотен рыцарей, а также оруженосцев, одетых в гербовые котты³¹.

Также, следующим летом был поход, который совершил старый сеньор де Жёмон (Jeumont)³² против сеньора де Лор (Lort)³³, из нас [было] триста рыцарей и оруженосцев, которые служили по причине линьяжа³⁴. И мы подошли к замку Вагиньи (Watigny)³⁵, где мы навязали сражение упомянутому сеньору де Лор, и пр.

²⁷ Перевод сделан по изданию 1878 г. под редакцией Ш. Потвена. Манускрипт из частной коллекции графов Ланнуа в примечаниях обозначается буквой А.

²⁸ Это ошибка. Высадка войск графа де Сен-Поля была осуществлена в 1403 г.

²⁹ День Всех святых отмечается католической церковью 1 ноября.

³⁰ Валеран III Люксембург (1357–1415), граф де Сен-Поль и де Линьи. В 1411–1413 гг. коннетабль Франции.

³¹ Накидка из ткани, расшитая гербами, надевается поверх доспехов.

³² Очевидно это Жан II Барбансон, сеньор де Жёмон или его отец Жан I, поскольку у Ланнуа имеется уточнение, что поход устроил «старый сеньор де Жёмон».

³³ В манускрипте А: «поход, который совершил старый сеньор ордена».

³⁴ Линьяж – многочисленный родственный коллектив, связанный кровными узами, брачными союзами, общим владением.

³⁵ Сейчас в департаменте Эн в Пикардии во Франции.

В тысяча четырехсотом году³⁶, после [дня] Всех святых, был в походе тысячи рыцарей и оруженосцев, которых вел монсеньор граф де ла Марш, позже король Неаполя³⁷, покинувший Арфлёр (Harfleu)³⁸, чтобы высадиться в Англии, совершил высадку в Фальмуте (Falmude)³⁹, который был сожжен. По возвращении из похода, наш корабль потерпел крушение у Сен-Мало (Saint-Malo) в Бретани, наши слуги, вещи, вооружение, утонули и погибли и благородные люди, милостью Божьей, спаслись в двух небольших лодках, бывших в нашем корабле.

В тысяча четырехста первом году⁴⁰, в месяце апреле, после этого похода, я участвовал вместе с монсеньором сенешалем⁴¹ в паломничестве в Иерусалим (Jhérusalem), в котором мы находились два года. Поднялись по морю к Генуе (Gennes)⁴², ехали обычной дорогой паломников и, милостью Божьей, были в Иерусалиме и вокруг, во всех святых местах, которые обычно посещают паломники. Были также в [монастыре] Святой Екатерины (Sainte-Katherine)⁴³ и затем в Константинополе у императора⁴⁴, где мы видели много святых реликвий, между прочим железо копья Господа нашего. Были также в Турции во многих местах, таких, как Галлиполи (Gallipoly)⁴⁵, Лиземьере (Lisemière)⁴⁶, старом Фёле (Feule la vielle)⁴⁷, Порпике (Porpic), и т. д. Были также на Кипре у короля⁴⁸, в городе Никосии (Nichosye)⁴⁹. Были также в Каире (Kaïre) и в Вавилонне (Babilonne)⁵⁰, где мы видели патриарха Индии⁵¹. Были также в Дамьете (Damiette)⁵², в Гадре (Gadres)⁵³,

³⁶ Ошибка. Эпизод с походом графа де ла Марш в Англию, на помощь восставшему против Генриха IV Ланкастера Оуэну Гленуору, относится к ноябрю 1404 г. [21, р. 176].

³⁷ Жак II Бурбон (1370–1438), граф де ла Марш и де Кастр. С 1415 по 1419 – король-консорт Неаполя.

³⁸ Арфлёр – порт в устье р. Сена.

³⁹ Фальмут, на полуострове Корнуолл в Англии.

⁴⁰ Ошибка, это паломничество проходило в 1405–1406 гг.

⁴¹ Жан III де Вершен (1374–1415), сенешаль Эно (Геннегау).

⁴² Генуя в Италии.

⁴³ Монастырь Св. Екатерины на Синайском полуострове в Египте.

⁴⁴ Мануил II Палеолог (1391–1425).

⁴⁵ Гелиболу, на п-ве Галлиполи в Турции [22, с. 73].

⁴⁶ Лисимахия, город на полуострове Галлиполи.

⁴⁷ Килия (сперва Флавиополис, затем Коэла) на полуострове Галлиполи в Турции. Сейчас там только руины крепости.

⁴⁸ Янус де Лузиньян (1398–1432).

⁴⁹ Никосия на Кипре.

⁵⁰ Вавилон, пригород Каира в Египте [22, с. 73].

⁵¹ Патриарх коптской христианской церкви.

⁵² Думьят в Египте, расположен в дельте Нила в 200 км к северу от Каира.

⁵³ Газа в Палестине.

в Актерии (Acterie)⁵⁴, в Раме (Rames)⁵⁵, в Бетизеле (Bétisel)⁵⁶. Были также на островах Родос (Roddes), Ланго (Lango)⁵⁷, Сиен (Syeime)⁵⁸, Тенедон (Thénédon)⁵⁹, Марбр (Marbre)⁶⁰, Монтекрест (Montecrist)⁶¹, на котором, как говорят, родилась Елена. Были также на островах Гор (Gore)⁶² и Сифлонии (Cyflonie)⁶³. И были также, при проезде и возвращении, в королевстве и на острове Сицилия, называемом Тернакль (Ternacle)⁶⁴, у короля Мартина⁶⁵, который дал мне место под своим знаменем в своем городе Катэнь (Cataigne)⁶⁶. И уехав оттуда, приехал на землю Прованса. А оттуда прибыл к монсеньору Савойскому⁶⁷, также при проезде и т. д.

В году тысяча четыреста четвертом⁶⁸ был в первом походе, который совершил герцог Гийом Баварский, граф Эно⁶⁹, в епископство Льеж, во время этого похода были взяты штурмом два города, Фосс (Fosses) и Флорен (Flogines)⁷⁰. При этом я был ранен в ногу и в руку и отвезен вместе с сеньором де Коммином (Comines)⁷¹, также раненым, на повозке в Нивель (Nyvelle) в Брабанте. И было во время этого похода сожжено от шести до семи сотен деревень в упомянутой земле Льеж, и т. д.

Также, в этом самом году, примерно три месяца спустя, был в августе месяце в большом Льежском сражении⁷², в компании монсеньора герцога Жана Бургундского⁷³, который по милости Божьей победил и льежцы

⁵⁴ В манускрипте А – в Акре. Актерия – Ассирия.

⁵⁵ Рамла в Израиле.

⁵⁶ Вефиль, ныне возможно селение Бейтин (Bethel) в Палестине.

⁵⁷ Кос, остров в юго-восточной части Эгейского моря.

⁵⁸ Хиос, остров в Эгейском море, в XV в. принадлежал генуэзцам (генуэз. Scio – Шию).

⁵⁹ Тенедос (тур. Бозджаада), остров при выходе из пролива Дарданеллы.

⁶⁰ Аморгос, остров в южной части Эгейского моря.

⁶¹ Эвбея, остров в Эгейском море. До 1470 г. – т. н. «сеньория Негропонта» под властью Венеции.

⁶² Керос, остров в составе Малых Киклад.

⁶³ Кефалония, один из Ионических островов.

⁶⁴ Тринакрия (Trinacria), латинское название Сицилии. В 1302–1416 гг. – королевство Тринакрия.

⁶⁵ Мартин I Младший (1376–1410), король Сицилии с 1390 г.

⁶⁶ Катания на о. Сицилия.

⁶⁷ Амедей VIII Савойский (1383–1451), граф Савойский с 1391, герцог с 1417 г.

⁶⁸ Ошибка, речь идет о событиях 1408 г.

⁶⁹ Вильгельм Виттельсбах (1365–1417), с 1404 г. – граф Голландии, Зеландии и Эно (Геннегау).

⁷⁰ Фосс-ла-виль и Флорен в Бельгии, в провинции Намюр.

⁷¹ Жан де Ла Клинт (? – 1443), сеньор де Коммин.

⁷² Битва при Оте 23 сентября 1408 г.

⁷³ Жан Бесстрашный (1371–1419), герцог Бургундский, граф Фландрии и Артуа.

были уничтожены, где их было убито от двадцати восьми до тридцати тысяч. Между прочими там остался их капитан сеньор де Первец (Perwez) и его сын также⁷⁴.

В году тысяча четыреста пятом⁷⁵, в месяце мае, я поехал, вместе с монсеньором сенешалем Эно, чтобы увидеть турнир, который мессир Жак де Монтене (Montenay), Танги дю Шатель (Taneguy du Chastel) и Карменьен (Carmenien)⁷⁶ дали в великой Валенсии перед королем Мартином Арагонским⁷⁷ против четырех других благородных арагонцев и гасконцев, таких, как мессир Пьер де Монкад (Moncade), Коломбар де Сент-Куломб (Colombart de Saint-Coulombe) и других. И были названные состязания в том, чтобы [противник] был сброшен всем телом на землю или потерял все свои копыя. Каковые состязания бойцы предприняли в честь одной и другой стороны.

Также, в следующем месяце июле я покинул монсеньора сенешаля Эно вместе с Жаком, сеньором де Маркетт (Marquette), и принял участие в походе, который совершил инфант дон Ферран Кастильский⁷⁸ для и от имени короля Испании, так как был наместником и регентом, чтобы идти в королевство Гранаду против мавров. В каковом походе были силы Испании в количестве двухсот тысяч человек, как пеших, так и конных. И я был под началом графа де ла Марша, который затем был королем Неаполя. И названное войско не встретило никакого сопротивления, войдя в упомянутую землю Гранады, многие города и замки были взяты без осады, такие как Аз (Aza), Ор (Hora)⁷⁹, Каньетт (Cagnette)⁸⁰, Андиш (Andiche)⁸¹, башня Алькаким (Alkakime)⁸², Монкур (Moncourt)⁸³. И была осада под Сатанилом (Satanil)⁸⁴, которая продолжалась три не-

⁷⁴ Анри де Горн (? – 1408), сеньор де Первец и его сын Тьерри де Горн (1385–1408), избранный 26 сентября 1406 г. епископом Льежским в противовес Жану Баварскому [23, Col. 1141–1142].

⁷⁵ События относятся к 1407 г.

⁷⁶ Жан де Кернан.

⁷⁷ Мартин I Гуманный (1356–1410), король Арагона с 1396 г. Отец Мартина Младшего, короля Сицилии.

⁷⁸ Фердинанд I Справедливый (Фернандо Антекера, 1380–1416). С 1407 г. регент Кастилии при малолетнем племяннике Хуане II. С 1410 г. – король Сицилии, с 1412 г. – король Арагона.

⁷⁹ Скорее всего, Аза и Нора это один город Zahara – Захара де ла Сьерра, город в провинции Кадис в Испании.

⁸⁰ Каньет ла Реал, город в провинции Малага в Испании.

⁸¹ Аудита, замок в 5–7 км. от Захары.

⁸² Торре Альхаким, город в провинции Кадис в Испании.

⁸³ Монтекорто, город в провинции Малага в Испании.

⁸⁴ Сетенил, город в провинции Кадис в Испании.

дели, и названный город не был взят. И затем, после роспуска армии, я попрощался с инфантом Кастильским, который дал моему компаньону и мне каждому лошадь и мула.

Также, покинув это войско, направился к королю Португалии⁸⁵, который принял меня очень доброжелательно и оплатил все мои издержки в его королевстве. Также, оттуда я поехал в Сен-Жак (Saint-Jacques)⁸⁶ и возвратился через Наварру, где я нашел короля больным в кровати⁸⁷. И оттуда я вернулся через Арагон к королю Мартину и королеве Иоланте, его жене⁸⁸. И оттуда во Францию, к королю в Париж, где я слушал речь, которую произнес мэтр Жан Пети в отеле Сен-Поль для монсеньора герцога Жана Бургундского против деяний герцога Орлеанского, где были лично король Франции, король Луи, король Наварры, монсеньор герцог Жан Бургундский, герцоги Баварский, Бурбонский, де Бар и Лотарингский.

В тысяча четыреста восьмом году⁸⁹, в апреле, я выехал, чтобы идти во второй поход, который готовил инфант дон Ферран Кастильский. Вышел в море в Эклюзе (Escluse)⁹⁰ с флотом Испании, каковой был в числе двадцати семи парусников⁹¹. И был названный флот почти весь уничтожен по прихоти моря, одни [корабли] разбиты волею судьбы на побережье Бретани, другие оказались плененными в портах Англии, исключая небольшой флорентийский корабль, на котором я был, который укрывался в проливе между портом Антонн (Hantonne)⁹² и островом Уайт в течение пятнадцати дней. И затем пришли два больших английских вооруженных корабля, чтобы нас взять, когда по милости Божьей, вернулся попутный ветер, какой все хотели, поэтому мы убежали от них, пришли в безопасности в порт Арфлёр. И потратили шесть недель от Эклюза до названного порта Арфлёр и там высадились. Поднялись по реке Сене, по которой я доехал до Парижа. И там купил лошадей и поехал сушей до великой Севильи (Sébile), к инфанту дону Феррану, который, объединив силы Кастилии и Испании, в количестве трехсот

⁸⁵ Жуан I Добрый (1385–1433).

⁸⁶ Сантьяго де Компостелла, город в провинции Галисия в Испании. Место паломничества мощам апостола Якова.

⁸⁷ Карл III Благородный (1387–1425).

⁸⁸ Ланнуа ошибается. Иоланта де Бар была женой старшего брата Мартина – Хуана I Охотника, умершего в 1396 г.

⁸⁹ События относятся к 1410 г.

⁹⁰ Порт в графстве Фландрия. Сейчас г. Слейс в Нидерландах.

⁹¹ В варианте А – «двухсот семи парусниках».

⁹² Англ. Hampton – Саутгемптон в Англии.

тысяч человек, как пеших, так и конных, вступил в королевство Гранада, где был от шести до семи месяцев. И взял осадой город Антекеру (Anticaire), каковая осада продолжалась шесть месяцев⁹³. И был названный город осажден дважды, и при второй осаде он был взят с помощью различных больших деревянных машин, сделанных из огромных балок, таких, как удивительная лестница, на которой помещалось сто вооруженных воинов. И две других машины, которые выдвигали на длинных мачтах вверх клетки полные арбалетчиков. Чтобы эти машины установить нужно было на каждую тысячу пехотинцев.

Также, во время этой осады Антекеры, пришли мавры, а именно два дяди короля Гранады⁹⁴, сразиться, нанесли удар по авангарду армии Испании числом от двадцати пяти до тридцати тысяч сарацинов, которые были разбиты. И было убитых от восьми до девяти тысяч, как на месте, так и во время преследования и все их трофеи взяты вместе с их палатками и тентами.

Также, затем был еще один большой штурм города Арчидоны (Archidonne)⁹⁵, где я был сильно ранен камнем, который мне попал в ногу. И не был названный город взят при этом штурме.

Также, был другой поход пятисот воинов⁹⁶ и пятисот пехоты, совершенный под началом испанского капитана, к городу Ронда (Ronde)⁹⁷, где сарацины провели атаку, при которой они были разбиты. И было как убитых, так и пленных числом до тысячи. И был ранен двумя арбалетными стрелами и мой конь также двумя арбалетными стрелами. И другой мой конь под одним из моих людей тоже был убит.

Также, еще во время упомянутой осады Антекеры, великий магистр Сэн-Жака (Saint-Jacque)⁹⁸ совершил поход и осадил Малик (Malicque)⁹⁹ с девятью¹⁰⁰ тысячами человек. Опустошил виноградники и сады, затем спалил все вокруг. Тогда мавры из города и из страны выступили на битву против христиан, каковые мавры были разбиты, и было убитых, как на месте, так и при преследовании, от шести до восьми тысяч.

⁹³ Антекера в провинции Малага в Испании. Город взят армией регента Кастилии дона Фердинанда 24 сентября 1410 г. По этому случаю Фердинанд получил прозвище «Антекера».

⁹⁴ Эмиром Гранады был Юсуф III (1408–1417). «Два дяди» – это братья Юсуфа.

⁹⁵ Арчидона, город в провинции Малага в Испании.

⁹⁶ Ланнуа употребляет словосочетание «hommes d'armes», т. е. профессиональные воины. Из текста нельзя точно понять были они конными или пешими.

⁹⁷ Ронда, город в провинции Малага в Испании.

⁹⁸ Духовно-рыцарский орден Сантьяго.

⁹⁹ Малага в Испании.

¹⁰⁰ В варианте А – «десятью».

Также, по возвращении из этого похода, инфант вернувшись в Севилью, дал мне скакуна и мула и оплатил двух лошадей, которые у меня были убиты под Рондой. И другой капитан дал мне две лошади.

Также, эта война закончилась, было заключено перемирие между королем Гранады и королем Кастилии, я поехал, с помощью инфанта, при охранной грамоте, к королю в его город Гранаду, где я пробыл девять дней и видел его положение и его быт, его город, его дворцы, его дома и сады для прогулок, и также [дворцы] других принцев там вокруг. Эти вещи были красивы и удивительны на вид.

Также, проехали обратно через город Алькала (Alcala)¹⁰¹, который принадлежит королю Кастилии и находится на границе с Гранадой и вернулись в Севилью и оттуда в Арагон и затем во Францию. И продолжалось названное путешествие одиннадцать месяцев.

В тысяча четыреста девятом году¹⁰², в мае месяце, назначен в Париже виночерпием монсеньора герцога Жана Бургундского. Затем я уехал оттуда со многими благородными людьми названного герцога на сбор перед битвой, которая была назначена на определенный день, чтобы отбить крепость Тизель (Tisel), осажденную монсеньором д'Элли (Helly)¹⁰³ и монсеньором де Пергане (Pertenay)¹⁰⁴, тогда маршалами короля, которые на тот день обладали силами в тысячу воинов и в две тысячи стрелков. В каковой день противники, называемые затем арманьяками, не пришли, и была возвращена упомянутая крепость без единого выстрела. И весь этот сезон оставался, вместе с монсеньором де Санте (Santés), моим братом¹⁰⁵, в армии монсеньора д'Элли и монсеньора де Пергане, маршалами, которые подчинили названные земли Гюйенн, Пуату и Лимузен, многие города и замки, некоторые через осаду, другие штурмом, и еще другие военной хитростью. И сделали так, что они отдали полностью Пуату и Лимузен во власть короля.

В тысяча четыреста десятом году¹⁰⁶ король вызвал монсеньора д'Элли и его силы, чтобы он вернулся из Гюйенна к нему для службы и осады Буржа. Каковой сеньор д'Элли оставил Гюйенн и с ним шестьсот воинов и пятьсот стрелков, прошли через Берри, становясь на постой и фуражируясь. Однако, оставив Бург-де-Дьё (Bourg-de-Dieu)¹⁰⁷, на первом

¹⁰¹ Алькала де Гуадариа, город в провинции Севилья в Испании.

¹⁰² События относятся к 1411 г.

¹⁰³ Жак III де Креки (? – 1415), сеньор де Элли, в 1412 г. наместник короля в Гизни.

¹⁰⁴ Жан II д'Аршевек (? – 1427), сеньор де Партене, крупный феодал в графстве Пуату.

¹⁰⁵ Юг де Ланнуа (1384–1459), сеньор де Сант, старший брат Жильбера.

¹⁰⁶ События относятся к 1412 г.

¹⁰⁷ Деол в провинции Эндр во Франции.

постое, который мы сделали в городе и замке Лимё (Limeux)¹⁰⁸, пришла одним утром добрая тысяча воинов, вышедшая из Буржа, и много хорошо вооруженных стрелков, которые атаковали нас в наших домах, преодолели наши укрепления и побили нас ужасно и жестоко. Затем взяли упомянутые воины всех наших лошадей числом до пяти сотен и убили или пленили многих наших людей. Но названный сеньор д'Элли и большая часть рыцарей, отступили в замок, в котором, казалось, их будут атаковать, но [противник] не сделал ничего, кроме, как запалил город и забрал свою добычу. И там я был ранен в бедро через доспехи арбалетной стрелой, чей след я носил на бедре более девяти месяцев. И после того, как мы снова обрели лошадей, числом от двух до трех сотен, через вылазку, которую совершили наши люди ночью в Иссудане (Estaudun)¹⁰⁹, где была их добыча, монсеньор д'Элли и его люди вернулись к королю на осаду Буржа.

В тысяча четыреста двенадцатом году, в месяце марте, я покинул Эклюз, чтобы идти в Пруссию против неверных, на войну, которую готовили сеньоры Пруссии против неверных. Сел в море на хулк¹¹⁰, прошел перед островами Голландии и Зеландии и перед Фризией, верхней и нижней, и перед Ютландией (Gusteland)¹¹¹ и прибыл в Данию в одну деревню, называемую Зуутланд (Zuutland), где находился город, называемый Скаген (l'Escaigne)¹¹², и он в ста лье¹¹³ от Эклюза.

Также, из Скагена проехал по левую руку от земли Норвегии и затем вошел в Зунд (Sonet)¹¹⁴, который лежит между островами Дании и между королевством Швеции и называется это море морем Сконе (Scoene)¹¹⁵, где ловят сельдь. И прибыл в королевство Дании, в порт и город называемый Эльзенгюль (Elsengueule)¹¹⁶. И море в этом месте наиболее узкое из имеющихся в Зунде. И на другой стороне Зунда, в одном морском лье, где земли Сконе, есть очень красивый замок, называемый Эльсанбур (Helsembourg)¹¹⁷, все это в королевстве Дании.

¹⁰⁸ Лимё, деревня в департаменте Шер, возле г. Вьерзон во Франции.

¹⁰⁹ Иссудан в департаменте Эндр во Франции.

¹¹⁰ Хулк, халк, хольк – торговый, чаще всего ганзейский, трехмачтовый корабль.

¹¹¹ Полуостров Ютландия в Дании.

¹¹² Скаген в Дании.

¹¹³ Лье во Франции в XV в. равнялся 4,5 км, хотя в зависимости от провинции его длина колебалась.

¹¹⁴ Пролив Эресунн между о. Зеландия и Скандинавским полуостровом. Нем. Зунд (Sund).

¹¹⁵ Море Сконе – пролив Каттегат.

¹¹⁶ Хельсингёр в Дании.

¹¹⁷ Хельсингборг в Швеции.

Также, оттуда прошел мимо многих городов, где были купцы и моряки, которые занимались ловлей рыбы, такой как сельдь, это Скоэн (Scoene)¹¹⁸, Вальтронен (Vaeltrenone)¹¹⁹, Дракул (Dracul)¹²⁰, Эльбуг (Eleboughe)¹²¹. И затем прошел мимо острова Веден (Weden)¹²², который является Датским, и мимо острова Борнхольм (Broucholem)¹²³, который также сеньория Дании. И затем прошли по правую руку перед землей Любека и Мезонда (Mézonde)¹²⁴ и перед всей землей герцогства Померании, которое принадлежит королю Дании и потом прибыли на землю и в страну сеньоров Пруссии в один порт и укрепленный город Данциг (Danzike)¹²⁵, через который город протекает река Виссель (Wissel)¹²⁶, которая впадает в море и называется правильно порт Виссель, по имени названной реки.

Также, принадлежит названная страна Пруссии сеньорам Белых Плащей ордена Богородицы¹²⁷ и великий магистр является их сеньором. И была давно эта страна завоевана мечом [в войне] против неверных Литвы (Létau) и Самогитии (Samiette)¹²⁸.

Также, из Данцига мы направились на повозках к названному великому магистру, которого я нашел в Мариенбурге (Mariembourg)¹²⁹, который является городом и очень сильным замком, в котором находится казна, оплот и убежище для всех сеньоров Пруссии. И есть в названном замке всегда необходимые продукты питания, чтобы поддерживать тысячу человек на протяжении десяти лет или для десяти тысяч на год.

Также, семь лье из Данцига в Мариенбург. И затем, возвратился из Мариенбурга в Данциг и вернулся морем на хулке в конце мая, чтобы нанести визит королю Дании и провести время, потому что поход из Пруссии готовился медленно. И проехал снова по левую руку перед названными землями Померании, Любека и Штральзунда, и по правую руку вдоль названного острова Борнхольма. И прибыл в море Сконе, выше

¹¹⁸ Сканьор в Дании.

¹¹⁹ Фальстербо в Дании, на старых картах обозначался, как Valsterbon.

¹²⁰ Драгьор в Дании.

¹²¹ Мальмё в Дании. Эльбог – название данное ганзейцами.

¹²² Остров Вен в Зундском проливе.

¹²³ Остров Борнхольм.

¹²⁴ Штральзунд в Германии.

¹²⁵ Гданьск в Польше, немецкий Данциг.

¹²⁶ Висла.

¹²⁷ Тевтонский орден.

¹²⁸ Жемайтя, Жмудь.

¹²⁹ Резиденция хохмейстера Тевтонского ордена с 1308 г. Сейчас Мальборк в Польше.

Зунда, на один остров Дании, называемый Зеландия (Zéeland), выше деревни и порта Эльзморуль (Elzmoerule)¹³⁰. И там сел на повозку и поехал через земли Дании, следуя дорогой. Из Эльзморуля или Хельсингёра (Elzengueule), порта и деревни, пять лье до Роскилле (Roschilt)¹³¹, который есть большой город и епископство, третий город Дании.

Также, и оттуда в Рингстед (Rainstede)¹³², добрый город в четырех лье оттуда¹³³; и оттуда в Нествед (Nastewede)¹³⁴, добрый город в пяти лье оттуда; затем в Вордингборг (Wordinghebourg)¹³⁵, который есть укрепленный город и замок в шести лье оттуда. В каковом городе Вордингборге находился король Дании¹³⁶ в компании четырех герцогов, таких как герцог Померании¹³⁷, герцог Вольгаста (Wotilgast)¹³⁸ и два брата из Саксонии (Zasseme)¹³⁹, вместе с двумя архиепископами и тремя епископами. И в один день Пятидесятницы¹⁴⁰ [король] меня посадил за свой обеденный стол и предложил мне свой орден, затем, дал мне по отъезду шелковую ткань. Но очень почтительно, как я мог, я отказался от его ордена, потому что он был тогда врагом сеньоров Пруссии, в чье войско я вступил для участия в названном рейде.

Также, вернувшись из Вордингборга, чтобы вернуться в Пруссию, я возвратился вышеупомянутым путем в один порт по имени Кокен (Cokene)¹⁴¹, который находился в четырех лье от Роскилле. И оттуда в ночь св. Иоанна¹⁴², я отправился на рынок лошадей, который был в Ритристеде (Ritristede)¹⁴³, где я купил четырех лошадей, которых я отпра-

¹³⁰ Хельсингёр в Дании.

¹³¹ Роскилле в Дании.

¹³² Рингстед в Дании.

¹³³ В манускрипте А – в пяти лье.

¹³⁴ Нествед в Дании.

¹³⁵ Вордингборг в Дании.

¹³⁶ Эрик Померанский (1382–1459), король Норвегии (1389–1442), король Дании и Швеции (1396–1439). В действительности до 1412 г. государством правила его двоюродная бабушка Маргрет I Датская.

¹³⁷ Богуслав VIII (1364–1418), князь Столпский в Померании (1377–1418), дядя короля Эрика.

¹³⁸ Варгислав VIII (1373–1415), князь Вольгаста в Померании (1405–1415).

¹³⁹ Это Иоганн IV (? – 1414) и Эрик V (? – 1435), соправители герцогства Саксен-Лауенбург.

¹⁴⁰ Христианский праздник, знаменующий сошествие Святого Духа на апостолов. Празднуется через 7 недель после Пасхи, в ближайшее воскресенье. Пасха 1413 г. пришла на 22 апреля. Лелевель указывает дату неточно – 6 июня 1413 г. [24, р. 16]. У Эрслева дается правильно – 11 июня [25, с. 443].

¹⁴¹ Кёге в Дании.

¹⁴² 24 июня 1413 г.

¹⁴³ Очевидно, это снова Рингстед.

вил морем, на лодке, в названный порт Кокен и препроводил их в вышеупомянутый город Данциг в Пруссии.

Также, из Данцига я вернулся к великому магистру в Мариенбург на Висле, а из Мариенбурга в Мелюмг (Melumghe)¹⁴⁴, который находится в четырех лье. И затем с названным великим магистром, который принял меня очень хорошо, я отправился развлечься во многие из его городов, дворов и замков их сеньоров и возвратился в Мелюмг, который является очень красивым небольшим городом и командорством, лежащим на двух реках.

Также, из Мелюмга поехав посмотреть земли, проехал через города Кинсберш (Kinseberch)¹⁴⁵, Вованбур (Wauwembourg)¹⁴⁶ и Бранденбург (Brandembourg)¹⁴⁷. Потом я прибыл в Кенигсберг (Keininczeberghe)¹⁴⁸, который есть большой город, лежащий на реке; и имеет две крепости и замок, и принадлежит маршалу Пруссии, и видны в этом городе гербы, место и почетный стол времен прусских походов, имеется из Мелюмга в Кенигсберг семнадцать лье.

Также, из Кенигсберга вернулся в Данциг и в это время пришли новости, что сеньоры Пруссии совершат поход, летом, на короля Польши и на герцога Померании, которые покровительствовали сарацинам. И покинул названное место из Данцига с упомянутыми сеньорами, которые собрали с одной стороны пятнадцать тысяч конницы, с другой шесть тысяч конницы, которой имелось большое число, без пехоты. И я шел с ними на войну через леса Пруссии в течение восьми дней, достигнув границ Польши, и вторглись в герцогство Померанию, где они были четыре дня и четыре ночи, где они спалили добрых пятьдесят городов с колокольнями (villes à cloquiers) и взяли в добычу большое количество скота.

Также, и пришли затем к укрепленному городу, называемому Поллёр (Polleur)¹⁴⁹, лежащему в Мазовии (Masoen), которое было атаковано очень храбро, и силой оружия взяли из трех ворот двое; но те из города оборонялись так храбро, что много людей было убито и ранено, что наконец нашим людям пришлось отступить, не взяв города. При этом нападении я был посвящен в рыцари рукой одного знатного рыцаря

¹⁴⁴ Эльблонг в Польше. Немецкий Эльбинг.

¹⁴⁵ Кенигсхаген. Сейчас Пястово в Варминско-Мазурском воеводстве Польши.

¹⁴⁶ Фрауэнбург. Ранее Frauwenburg. Сейчас Фромборк в Польше.

¹⁴⁷ Бранденбург, основан в 1266 г. Оттоном III, маркграфом Бранденбурга. Сейчас поселок Ушаково Калининградской области России.

¹⁴⁸ Кенигсберг. Сейчас Калининград в России.

¹⁴⁹ Это может быть Пултуск в Мазовии, укрепленный город в 60 км от Варшавы.

именем Руфф де Паллэ (Ruffe de Palleu)¹⁵⁰ и рука у меня была пробита стрелой очень сильно.

Также, потом подошли к другому укрепленному городу, сделав несколько стычек, и оттуда, не имея больше ничего делать, вернулись обратно в Пруссию, и я вернулся в Данциг. Продолжался названный поход (gèse) шестнадцать дней. И вскоре после возвращения оттуда, был великий магистр, который из-за болезни оставался в Мариенбурге, взят в плен маршалом и другими командорами, его ненавистниками. И был разжалован, и лишен своей должности за некоторые ошибки, которые они ему вменяли; и был посажен в одну крепкую башню, где он был долгое время полный нетерпения; но затем, немного погодя, он успокоился и ему вернули небольшое командорство, после того как освободили из плена, но в конце концов он умер от болезни и горя¹⁵¹.

Также, уже вскоре я отправился из Данцига в Пруссию, чтобы ехать в земли Лифляндии (Liufflant)¹⁵² для участия в зимнем походе. Так я отправился в Кенигсберг, до которого 33 лье¹⁵³, и оттуда в Мемель (Memmelle)¹⁵⁴, который есть командорство, лежащее на реке Меммель¹⁵⁵, которая очень широка. Здесь есть замок, который является последним замком Пруссии на границах Самогитии. И сторона моря по левую руку, если ехать из Кенигсберга, и по правую руку с другой [стороны] широкая река, и называют эту дорогу Странгом (Strang)¹⁵⁶. И из Кенигсберга до Мемеля восемнадцать лье.

Также, когда пересекли уже названный Странг, вошли в землю Самогитии, но имеется добрых двенадцать лье пустыни, без каких-либо следов человеческого жилья вдоль всего побережья моря по правую руку¹⁵⁷. И называется указанная пустыня Странг Литовский (Strang de Létaoen)¹⁵⁸, несмотря на то, что это земля Самогитии. И проехал через

¹⁵⁰ Возможно, это Рэйс фон Плауэн. Все Рэйс фон Плауэны носили имя Генрих. Скорее всего, это мог быть двоюродный брат хохмейстера.

¹⁵¹ Низложение Генриха фон Плауэна произошло 11 октября 1413 г. Его обвинили в покаянии ереси Джона Уиклифа [26, p. 191].

¹⁵² Ливония, часть современных Латвии и Эстонии.

¹⁵³ В манускрипте А – двадцать два.

¹⁵⁴ Мемель, современная Клайпеда в Литве.

¹⁵⁵ Неман.

¹⁵⁶ От нем. *Strand* – побережье. Так называли Куршскую косу. «Широкая река» с правой стороны, это Куршский залив.

¹⁵⁷ Потвен считает это ошибкой. Но, возможно, здесь говорится не о море с правой стороны, а о человеческом жилье, которое, если ехать по побережью, должно было находиться с правой стороны.

¹⁵⁸ Литовское побережье.

землю Курляндии (Corgelant)¹⁵⁹, которая принадлежит сеньорам Лифляндии, которые были в подчинении сеньорам Пруссии, и прибыл в город называемый Лив (Live)¹⁶⁰, лежащий на реке называемой Лив¹⁶¹, которая разделяет земли Курляндии и Самогитии. Имеется двенадцать лье из названного Мемеля до названного Лива.

Также, из Лива в Курляндии я поехал в Ригу (Righe) в Лифляндии, через многие города, замки и командорства, также принадлежащие сеньорам Лифляндии. И, прежде всего, через Гробин (Gurbin)¹⁶², который есть замок, потом через Голдинген (Guldینگhe)¹⁶³, который есть укрепленный город, через Кандаву (Cando), замок¹⁶⁴, и другие города и замки в землях Курляндии и Самогитии, принадлежащие сеньорам Лифляндии. И через многие деревни земголы (Zamegaelz), куршей (Corges) и ливов (Lives), которые имели каждый свой язык. И переправился, в двух лье перед Ригой, через большую реку, называемую Тзамегальзара (Tzamegaelzara)¹⁶⁵, и прибыл в Ригу, которая есть порт, замок и укрепленный город и главный город земли и [место] где магистр Лифляндии имеет свою резиденцию. Из Лива в Курляндии досюда пятьдесят лье.

Также, имели упомянутые курши, уже бывшие христианами крещеными силой, одну секту, где после их смерти они сжигались в месте захоронения, одетые и украшенные каждый их лучшими украшениями, в одной из ближайших рощ или лесу, на костре исключительно из дубовой древесины. И верили, что если дым пойдет прямо к небу, то душа сохранилась, но если сдувается в сторону, то душа погибла.

Также, в Риге нашел магистра Лифляндии, господина Курляндии¹⁶⁶, который является вассалом магистра Пруссии, но не нашел никакого похода. И предпринял, при посредничестве названного магистра, поездку в Великий Новгород (Noegarde)¹⁶⁷ в Руси (Russye) и поехал к ландмаршалу¹⁶⁸, который был в одном городе в семи лье, возле города называ-

¹⁵⁹ Курземе, Курония, нем. Курляндия – историческая область современной Латвии, получившая название от балтского племени куршей.

¹⁶⁰ Лива, нем. Либава, сегодня Лиепая в Латвии.

¹⁶¹ Такой реки не существует. Скорее всего, Ланнуа мог соединить Лиепайское озеро (очень вытянутое в длину) и впадающую в него реку Барту в одно целое.

¹⁶² Гробинский замок в 11 км от Лиепая.

¹⁶³ Голдинген, сейчас Кулдига в Латвии. С 1368 г. в составе Ганзейского союза.

¹⁶⁴ Кандава в Латвии.

¹⁶⁵ Западная Двина, Даугава. Semigals-Ara – река земгалов.

¹⁶⁶ Дитрих фон Торк (? – 17 августа 1415 г.), магистр Ливонского ордена с 1413 г.

¹⁶⁷ Новгород Великий в России.

¹⁶⁸ Ландмаршал – командующий армией Ливонского ордена. С 1410 г. ландмаршалом был Генрих Винке.

емого Зегевольд (Zeghewalde)¹⁶⁹. И оттуда вперед ехал все время через земли Лифляндии, из [одного] города в другой, через замки, дворы, командорства упомянутого магистра и проехал большой укрепленный город, называемый Венден (Winde)¹⁷⁰, который есть командорство и замок, и также Вольмар (Weldemaer)¹⁷¹, который есть укрепленный город, и Феллин (Vellin)¹⁷², который есть укрепленный город и командорство, и Вейсенштейн (Wisteen)¹⁷³, который есть командорство и деревня. И оттуда в укрепленный город, и командорство, и замок, находящийся на границе с Русью, называемый Нарва (Nagowe), через который держит свой путь река называемая Нарва, которая есть большая река и от которой город берет свое название. И разделяет эта река в том месте земли Лифляндии и Руси, принадлежащие сеньорам Великого Новгорода. И имеется от Риги до Нарвы восемьдесят лье, на этом пути находятся люди четырех способов речи, а именно, ливы, земгалы, леты (Loches) и эсты (Eestes). И находится, с левой стороны, между Вистеном и Нарвой, море Лифляндское и Русское, каковые названные земли видны одним взглядом, когда плывешь к названному городу Нарве.

Также, оттуда переправился через реку Нарву и вошел в земли Руси и там сел на сани (sledes)¹⁷⁴ из-за установившихся больших снегов и холодов. И имелся там один замок Руси, называемый Ниенслот (Nyeuslot)¹⁷⁵, который находится в шести лье от Нарвы. И из Ниенслота шел все время через земли Руси и проезжал через некоторые деревни и замки, лежащие в пустынных землях, полных лесов, озер и рек, затем прибыл в город Великий Новгород. И от названного замка Ниенслот до Великого Новгорода двадцать четыре лье длинны¹⁷⁶.

Также, город Великий Новгород удивительно большой город, лежащий на красивой равнине, окруженный большими лесами, в низких землях, полных вод и болотистых мест. И посередине названного города протекает очень большая река, называемая Волхов (Wolosco), но город укреплен плохими стенами, сделанными из деревянного сруба (cloyes)

¹⁶⁹ Зегевольд. Один из наиболее мощных орденских замков на территории Латвии. Как видно из сочинения де Ланнуа уже в 1413 г. замок был местом, где располагалась резиденция ландмаршала.

¹⁷⁰ Венден (нем.), г. Цесис в Латвии.

¹⁷¹ Вольмар (нем.), г. Валмиера в Латвии.

¹⁷² Феллин (нем.), г. Вильянди в Эстонии. Здесь хранилась казна ордена.

¹⁷³ Вейсенштейн (нем.), г. Пайде в Эстонии.

¹⁷⁴ Slaede (датск.), slede (норв), släde (швед.), slee (голл.).

¹⁷⁵ Дословно: «Новый замок», новгородская крепость Ям на реке Луга, современный город Кингисепп в России.

¹⁷⁶ В манускрипте А – тридцать немецких лье.

и земли, тогда как башни были из камня. И является свободным городом и управляется коммуной, где есть епископ, который как бы их суверен. И придерживаются также как и все другие русские в Руси, которая очень велика, христианского закона в их вере, как у греков. И имеется внутри названного города триста и пятьдесят церквей. И есть один замок, стоящий на названной реке, в нем главная церковь Святой Софии, которой они поклоняются, и там находится упомянутый епископ¹⁷⁷.

Также, имеется в названном городе много больших сеньоров, которых они называют боярами (Bayares). И имеется такой горожанин, который держит добрых двести лье земель в длину, богатый и могущественный удивительно, и не имеют русские Великой Руси других сеньоров, кроме тех, которых в свою очередь выберет коммуна. И их деньгами являются слитки серебра (keucelles d'argent)¹⁷⁸, около шести унций весом, без гравировки, так как [они] вовсе не куют золотой монеты. Их мелкими деньгами являются головы белок и куниц. Есть в их городе один рынок, где они продают и покупают их женщин по своему закону, но мы, истинные христиане, не осмелились бы сделать такое в жизни. И меняют одну женщину на другую за один слиток серебра или два, так как они договорятся, чтобы один дал возмещение другому. И имеют двух должностных лиц, одного герцога¹⁷⁹ и одного бургграфа¹⁸⁰, которые управляют названным городом, каковые правители обновляются из года в год. И я посетил там названного епископа и названных сеньоров.

Также, дамы имеют две косы из своих волос, свисающие за спиной и мужчины одну косу. Был девять дней в названном городе, и упомянутый епископ направлял мне каждый день добрых тридцать человек груженных хлебом, мясом, рыбой, сеном, овсом, пивом и медом¹⁸¹. И мне дали названные герцог и бургграф ужин более необычный и более удивительный из тех, что я когда-либо видел. И было в эту зиму так холодно, что удивительные вещи можно рассказать о том, что делали холода, потому что из-за холода мне пришлось уехать.

Также, одно чудо от холода было в том, что когда едешь через леса, слышно как трещат деревья и раскалываются сверху донизу от мороза. И видел навоз из помета лошадей, который на обледеневшей земле подлетал вверх от холода. И когда спал ночью в этой безлюдной местности,

¹⁷⁷ Иоанн III, архиепископ Новгородский и Псковский (1388–1414).

¹⁷⁸ Очевидно де Ланнуа имел ввиду новгородские рубли, которые весили 170,1 грамма.

¹⁷⁹ Тысяцкий.

¹⁸⁰ Посадник.

¹⁸¹ В манускрипте А дается вариант «servoise de mielz» – пивом из меда, т.е. медовухой.

находил утром свою бороду¹⁸², брови и веки, заиндеветавшие от человеческого дыхания и полные льдинок, так, что проснувшись с трудом можно было открыть глаза.

Также, другое чудо от холода – наблюдал длительное время глиняный горшок, наполненный водой и мясом, поставленный утром на огонь на одном озере в безлюдной местности, в котором я видел кипящую воду с одной стороны горшка и замерзшую в лед с другой стороны.

Также, я видел другое чудо от холода, две серебряные чаши весом в три труасские марки¹⁸³, в которые я набрал воды ночью в одном озере подо льдом, чтобы попить, утром в моих теплых руках примерзли к пальцам и, когда их опустошил, вставив один в другой, смерзлись вместе так, что взяв одну, поднимал две из-за силы примерзания.

Также, не продают ничего зимой на рынке Великого Новгорода из живности, рыбу ли, мясо ли свиньи или барана, никакую птицу, а только убитую и замороженную. И были во всей земле зайцы все белые зимой и все серые летом.

Также, все сеньоры названного Великого Новгорода имеют силы в сорок тысяч конницы и без числа пехоты и ведут часто войны со своими соседями, а особенно с сеньорами Лифляндии и выиграли в прошлые времена много больших битв.

Также, выехав из названного Великого Новгорода, чтобы увидеть мир, я поехал на санях, под видом купца, в другой большой укрепленный город королевства и сеньории Руси, называемый Псков (Plesco). И надо проехать тридцать немецких лье через большие леса из упомянутого Новгорода до Пскова.

Также, Псков очень хорошо укреплен каменными стенами и башнями; и есть один очень большой замок, куда никакой истинный христианин не может войти, чтобы не умереть. И стоит названный город в слиянии двух больших рек известных, как Мод (Moeude)¹⁸⁴ и Пскова (Plesco) и является самостоятельной сеньорией подчиненной королю Москвы (Moeusco). И во времена, когда я был там, произошла ссылка и изгнание их короля, которого я видел в великом Новгороде¹⁸⁵. И имели русские

¹⁸² Очевидно, что бороду Ланнуа отпустил уже будучи в Пруссии в 1413 г., так как во Франции XV в. ношение бороды противоречило моде.

¹⁸³ Труасская марка – мера веса в средневековой Франции, равна 244,75 г. Значит, кубки весили около 735 г.

¹⁸⁴ Река Великая, die Mode – название, которым ливонские немцы обозначали реку Великую у Пскова.

¹⁸⁵ Константин Дмитриевич (1389–1434), восьмой сын Дмитрия Ивановича Московского. В 1406–1408 и 1411–1414 гг. князь в Пскове.

этого города длинные волосы, спадающие на плечи. И их женщины имели круглые диадемы за головами¹⁸⁶, как у святых.

Также, из Пскова я ушел, чтобы вернуться в Лифляндию, поднялся со всеми моими санями по реке Мод. И из Мод вышел на лед очень большого озера, называемого озеро Пебе (Pebées)¹⁸⁷, которое было в длину тридцать лье и в ширину двадцать восемь лье¹⁸⁸, на этом озере было много островов, некоторые населенные, другие нет. И передвигался по названному озеру, не находя ни селения, ни дома, четыре дня и четыре ночи, и прибыл в Лифляндию в один очень красивый маленький город, называемый Дерпт (Drapt)¹⁸⁹, который находится в двадцати четырех лье от Пскова.

Также, город Дерпт очень красивый город и хорошо укреплен; имеет замок, лежащий в трех реках, и является епископством, не принадлежащим сеньорам Лифляндии.

Также, оттуда я возвратился через земли Лифляндии в Зегевольд к ландмаршалу для того, чтобы получить охранную грамоту и направился через Венден и через Вольмар, которые являются укрепленными городами и через многие деревни, о которых я не упоминаю. И от Дерпта до Зегевольда пятьдесят лье.

Также, из Зегевольда я поехал, чтобы посмотреть королевство Литвы, к герцогу Витольту (Witholt), королю Литвы, Самогитии и Руси. И я ехал постоянно на своих санях, прибыв в один укрепленный город и замок, называемый Кокенгаузен (Cocquenhouse)¹⁹⁰, который принадлежит епископу Рижскому, и пятнадцать лье до туда.

Также, из Кокенгаузена я поехал по реке Ливе¹⁹¹ со всеми моими санями и приехал в один замок сеньоров Лифляндии, называемый Динабург (Dimmebourg)¹⁹², который есть в том месте последний замок, который они имеют на границе с Литвой, и может быть из Кокенгаузена около пятнадцати лье.

Также, выехав из Динабурга в Лифляндии, въехал в королевство Литвы в один большой безлюдный лес и ехал по дороге два дня и две ночи, не найдя никакого жилья, через семь или восемь больших замерзших озер. И прибыл в один из дворов, упомянутого Витольта, называемый

¹⁸⁶ На загылке.

¹⁸⁷ Пейпус в Эстонии, Псковско-Чудское озеро в России.

¹⁸⁸ В манускрипте А – восемнадцать лье.

¹⁸⁹ Дерпт, Тарту в Эстонии. В древнерусских летописях – Юрьев.

¹⁹⁰ Кокнезе в Латвии.

¹⁹¹ Западная Двина, Даугава (лат.).

¹⁹² Даугавпилс в Латвии.

королевский двор (Court-le-roy)¹⁹³. И от Динабурга в Лифляндии до туда пятнадцать лье.

Также, из королевского двора, проехал через многие деревни, большие озера и леса, затем прибыл в главный город Литвы, называемый Вильно (Wilne)¹⁹⁴, в котором замок находится очень высоко на песчаной горе, укреплен камнями и землей, застроен внутри исключительно деревянными постройками. И спускаются укрепления названного замка с высокой горы вниз в две стороны крепкими стенами, в каковых укреплениях расположены многочисленные дома. И данный замок и укрепления содержат обычно названного Витольта, князя Литвы, содержат его двор и его жилище. И бежит возле названного замка река, которая направляет свое течение и свои воды через нижний город, каковая река называется Вильна (Wilne). И город совсем не укреплен, но длинен и узок с верха до низа, очень плохо застроен деревянными домами. И есть несколько церквей из кирпича. И не имеет упомянутый замок на горе укреплений, кроме деревянных на земляных насыпях, сделанных наподобие стен.

Также, и от королевского двора до города Вильно двенадцать лье. И были люди названного королевства недавно крещены под давлением сеньоров ордена Пруссии и Лифляндии и в больших городах были основаны церкви и также в деревнях основываются изо дня в день, и имеется в землях Литвы двенадцать епископств¹⁹⁵. И они имеют свой собственный язык¹⁹⁶. И мужчины здесь носят длинные волосы, ниспадающие на их плечи, но женщины убраны просто, почти как по обычаю Пикардии.

Также, земли Литвы безлюдны, в большей части заполнены озерами и большими лесами и находились в названном городе Вильно две сестры жены упомянутого герцога Витольта, и я навестил их¹⁹⁷.

Также, покинув Вильно, чтобы вернуться в Пруссию, я поехал через королевство Литвы следующей дорогой: сначала в очень большой город Литвы, называемый Троки (Transquenne)¹⁹⁸, плохо застроенный сплошь

¹⁹³ Это так называемые «гаспардарские дворы», великокняжеские имения. Упомянутый двор, возможно, располагался в Светянах (Швенченис в Литве).

¹⁹⁴ Вильно в Литве.

¹⁹⁵ В варианте А говорится о трех епископствах.

¹⁹⁶ Возможно здесь имеется в виду, что в отличие от Западной Европы в ВКЛ церковные службы велись на местных языках, а не на латинском.

¹⁹⁷ Женой Витовта в 1414 г. была, по всей вероятности, Анна Святославовна (? – 1418), дочь князя смоленского Святослава Ивановича (1356–1389). Ее сестрами были Агриппина (1350/2 – ?), вдова Ивана Ольгимундовича Гольшанского, и Ульяна (Юлиания), жена боярина Монивида, воеводы Виленского в 1413–1422 гг.

¹⁹⁸ Собственно, это были Новые Троки, сейчас Тракай в Литве.

деревянными домами и совсем не укрепленный. Имеет два замка, один из которых очень старый, сделан весь из дерева и из сруба, покрытого землей (de cloyes de terre placquies)¹⁹⁹ и располагается старый замок одной стороной на озере, но другой частью на равнине. И другой замок есть на середине другого озера, на пушечный выстрел от старого замка, он весь новый, сделан из кирпичика как во Франции.

Также, живет в названном городе Троках и в многочисленных деревнях вокруг очень большое количество татар, которые живут там племенем, и которые настоящие сарацины, не имеют никаких заповедей Иисуса Христа и имеют собственный язык называемый татарским. И живут таким же образом в названном городе немцы, литва, русские и большое количество евреев, которые каждый имеют свой особый язык. И названный город [принадлежит] герцогу Витольту. Из Вильно досюда семь лье.

Также, держит упомянутый Витольт, князь Литвы, такой закон чести в своих землях, что никакие иностранцы, прибывшие и проезжающие через них, ничего не тратят, наоборот, князь предоставляет им продовольствие и обеспечивает сопровождение для их безопасности повсюду, где они захотят быть в его землях, без оплаты и без затрат. И названный Витольт очень могущественный князь, который завоевал двенадцать или тринадцать королевств и земель своим мечом. И постоянно имеет десять тысяч лошадей под седлом, принадлежащих ему лично.

Также, в упомянутом городе Троках есть огороженный парк, в котором есть всякого рода дикие животные и крупная дичь, которую только можно найти в здешних лесах и землях (marches)²⁰⁰. И были такие, как дикие быки, называемые урофль (ourofiz)²⁰¹, и другие, как большие лошади, называемые везель (weselz)²⁰², и другие, называемые эллан (hellent)²⁰³, и есть дикие лошади, медведи, свиньи, олени и всякого рода дикие звери.

Также, из Трок направился в замок и деревню, называемую Позур²⁰⁴, расположенную на реке Меммель, которая есть очень большая река. И названный замок очень большой, весь из дерева и земли, очень сильно расположен, с одной стороны на очень крутой горе, спускающейся к названной реке, но другой стороной расположен на равнине.

¹⁹⁹ В варианте А «весь из деревянной ограды и земли».

²⁰⁰ Второй вариант перевода может быть «на рынках».

²⁰¹ Зубры. Ланнуа приводит немецкий вариант названия зубра.

²⁰² Потвен полагает, что это вариант слова «осел». Однако, описание не соответствует такому переводу.

²⁰³ Лоси.

²⁰⁴ Вероятно, это замок Пуня на Немане в Литве [27, s. 89].

И там, в упомянутом замке, нашел герцога Витольта, князя Литвы, его жену и его дочь²⁰⁵, жену великого короля Москвы²⁰⁶, и дочь его дочери²⁰⁷. И находился названный герцог в том месте, как он обычно делал, чтобы поохотиться раз в году в лесах зимой и в течение трех недель или месяца он охотится, не выезжая ни в один из своих домов или городов. И от Трок до названного замка Позур пять лье.

Также, после того как я оставил Позур я направился в другой большой укрепленный город, называемый Ковно (Сауве)²⁰⁸, который имеет очень хороший большой замок, лежащий на мысе реки Меммель²⁰⁹ в двенадцати лье от Позура.

Также, я покинул Ковно в Литве, ехал постоянно по реке Меммель на своих санях и проехал через два замка названного королевства Литвы. И из этой реки Меммель въехал на другую реку Меммелин (Memmelin). И затем проехал через очень безлюдные земли, через большие леса и через большие реки, покинул пределы королевства Литвы и вернулся в земли Пруссии, прибыл в один большой замок и небольшой город с укреплениями из дерева, принадлежащий сеньорам Прусского ордена, называемый Рагнит (Ranghenyt)²¹⁰, который является монастырем и командорством и от Ковно в Литве до названного города Рагнит пятнадцать лье.

Также, из Рагнита возвратился в Кенигсберг, затем вновь поехал по пресному морю, называемому Гаф (Haf)²¹¹ и ехал все время на санях по названному Гафу, который еще был сильно замерзший, до города Данцига в Пруссии. И содержит названный Гаф двадцать четыре лье длины и десять или двенадцать лье ширины. Берегом едут большой дорогой из Данцига в Кенигсберг двадцать семь лье, если ехать по суше ниже Гафа.

Также, после того, как я вернулся в названный Данциг, прекратились большие морозы и снега, длившиеся двадцать семь недель, а в приближении марта растаяло так сильно, что мне пришлось оставить мои сани и пересесть на лошадей. И был этот сезон такой холодный в землях Руси, Литвы и Лифляндии, что множество людей умерли и замерзли от холода.

²⁰⁵ Софья Витовтовна (1371–1453).

²⁰⁶ Василий I Дмитриевич (1371–1425).

²⁰⁷ Вероятно, это Анна Васильевна (1393–1417), которая в 1414 г. направлялась в Византию, чтобы выйти замуж за императора Иоанна VIII Палеолога [28, с. I–II].

²⁰⁸ Ковно, Каунас в Литве.

²⁰⁹ Каунас находится в слиянии рек Немана и Вилии (Няриса).

²¹⁰ Современный г. Неман в Калининградской области России.

²¹¹ Вислинский или Калининградский залив.

Также, из Данцига я вернулся в Мариенбург и попрощался с великим магистром²¹² и сеньорами ордена и затем направился в Польское королевство к королю Польши, чтобы увидеть его двор, его государство и его земли. Я проехал через земли Пруссии и прибыл в один очень красивый и богатый укрепленный город, замок, монастырь и командорство, называемый Торн (Thore)²¹³, расположенный на реке Висле. И разделяет названная река в том месте земли Пруссии и Польши. И проследовал через замок, называемый Энгельсбург (Ingleseberch)²¹⁴, в котором содержался великий магистр, который за год перед этим был низложен и лишен своей власти и [я] приехал к нему, чтобы навестить его в несчастье, пробудившем во мне большую жалость. От Данцига до Торна двадцать лье.

Также, из названного Торна направил [прошение] королю Польши, чтобы получить охранную грамоту для поездки к нему, потому что я принял вооруженное участие в упомянутом прежде прусском походе против герцога Померании, чьим союзником был названный король и направил к нему [прошение] в Краков (Craco)²¹⁵, до которого шестьдесят лье. Тем временем из названного города Торна я поехал повеселиться в другой большой укрепленный город Пруссии, называемый Колумьен (Columiēne)²¹⁶, на Висле в семи лье от Торна, являющийся отдельной землей. И оттуда в одном с половиной лье, я поехал в один замок и командорство, называемое Альтхауз (Albenhoux)²¹⁷, где поклоняются св. Варваре и где имеется одна из рук и часть головы блаженной девы, и здесь очень значительное паломничество. И оттуда направился на реку Вислу в одно место возле Торна, на один островок, где прежде, когда вся земля Пруссии была языческой, сеньоры Белых Плащей Прусского ордена сделали свое первое жилище на большом густолиственном дереве дуба, стоявшего на берегу реки и они сделали деревянный замок и укрепили вокруг рвами, наполненными [водой] из названной реки, потом благодаря их доблести, помощи и защите названного замка, завоевали всю землю Пруссии и обратили в нашу веру, и место это называется Альтхауз.

Также, и из названного Торна, я направился развлечься во многие замки и города вокруг, принадлежащие упомянутым сеньорам Пруссии.

²¹² Великим магистром, после снятия Генриха фон Плауэна, 9 января 1414 г. был избран Михаэль Кюхмайстер фон Штернберг (1414–1422).

²¹³ Торунь в Польше.

²¹⁴ Покжывно в Польше.

²¹⁵ Краков.

²¹⁶ Кульм (нем.), Кульмина (лат.). Сейчас г. Хелмно в Польше.

²¹⁷ Альтхауз возле г. Торунь в Польше.

И [когда] моя охранная грамота прибыла, переправился на другой берег Вислы и вошел в Польское королевство. Прибыл в один укрепленный город называемый Калиш (Callaiz)²¹⁸ в котором я нашел названного короля Польши и Кракова²¹⁹, который прибыл туда развлечься охотой в своих лесах и я был восемь дней вместе с ним на празднества Пасхи²²⁰.

Также, упомянутый король оказал мне честь и доброе расположение и дал для меня в один из праздничных дней удивительный и изысканный обед, посадил меня за свой стол, а затем, при уходе, дал мне золотой кубок, украшенный его гербами, и написал для меня верительную грамоту к королю Франции²²¹, в каковой грамоте он жаловался ему, который был главным из всех христианских королей, что все христианские короли посетили его через своих послов со времени его новой коронации как христианского короля, а упомянутый король Франции – нет. Имеется от названного Торна до Калиша двадцать два лье.

Также, выехав из Калиша, я выбрал дорогу, чтобы ехать к королю Богемии (Béhaigne)²²², и король Польши обеспечил мне сопровождение и проезд из своих земель через Силезию (Sleisie), которая принадлежит ему²²³ и [я] прибыл в очень красивый, очень богатый и очень торговый город, находящийся в упомянутой земле и называемый Бреслау (Bresseloen)²²⁴. И от вышеупомянутого города [Калиша] до Бреслау восемнадцать лье.

Также, из Бреслау в Силезии поехал в один укрепленный город в упомянутой Силезии, называемый Швейдниц (Schweidnitz)²²⁵, который находится в шести лье от Бреслау. И там нашел герцога Луи Бригского²²⁶, который оказал мне торжественный прием и честь и дал мне орден и [принял в] общество короля Ланд (roy de Land)²²⁷, в каковом ордене имеется добрых семь сотен рыцарей и оруженосцев и в таком же количестве благородных дам, которых он был главой.

²¹⁸ Калиш, город в Великопольском воеводстве Польши.

²¹⁹ Владислав II Ягайло, король Польский (1386–1434).

²²⁰ Пасха 1414 г. пришлось на 8 апреля. У Длугоша говорится о том, что Пасху 1414 г. Ягайло праздновал в Кракове.

²²¹ Карл VI, король Франции (1380–1422).

²²² Вацлав IV (чеш.), Венцеслав (лат.), Венцель (нем.), король Чехии (1378–1419).

²²³ В варианте А – «которая принадлежит королю Богемии», что является исторически достоверным. С 1335 г. земли Силезии находились под сюзеренитетом королей Чехии.

²²⁴ Вроцлав в Польше.

²²⁵ Свидница в Польше.

²²⁶ Людовик II Пяст, герцог Брига (Бжега) (1402–1436) и Легницы (1419–1436).

²²⁷ Орден «Rudenband» – «Ошейник гончего пса», основанный в августе 1413 г. [29, с. 312].

Также, я выехал из названного города Швейдница в Силезии, въехал в королевство Богемия и проехал многие города, которые для краткости я совсем не упоминаю. И так приехал в город Прагу, которая является главным городом королевства Богемия, расположенным на реке. В каком городе я нашел короля Жана²²⁸ и королеву²²⁹ и был с ними одиннадцать дней. И от Швейдница до Праги двадцать шесть лье.

Также, в Праге имеется два города, старый и новый, и [город] очень большой и богатый. И в новом [городе] есть большая башня, в которой я видел вместе с королем и его окружением священные реликвии, которые показывают народу один раз в год, такие как железо от копья и один из гвоздей нашего Господа и множество голов святых. И было тогда так много людей, когда я смотрел, что по свидетельству многих рыцарей и оруженосцев их могло быть около 40 тысяч голов.

Также, и было тогда все королевство из-за проповедника, называемого Гус (Housse)²³⁰, разделено одно против другого, и воевала большая часть знати против короля и королевы и [я] вошел в названную землю, но покинул [ее], чтобы не подвергнуться внезапной опасности.

Также, я покинул упомянутую Прагу, чтобы ехать в герцогство Австрийское к герцогу и приехал в один укрепленный город, называемый Берг (Berch)²³¹, в Богемии в семи лье от Праги. И там есть рудники, где добывают серебро для короля Богемии.

В тысяча четыреста тринадцатом году я вернулся из путешествия и прусского похода, поехал в Англию, чтобы совершить паломничество к святому Патрику, которое я не смог тогда завершить, потому что был захвачен и пленен в Англии. Из какого плена, слава Богу! я был освобожден и избавлен с помощью моих добрых друзей, но был так долго, что не мог быть при осаде Арраса, которая была в это время.

В тысяча четыреста пятнадцатом году в битве при Руссовиле (Rousseauville)²³² был ранен в колено и голову и лежал вместе с мертвыми, но был отделен от них, я был взят в плен и охранялся некоторое время и провел в доме недалеко от того места с десятью или двенадцатью другими ранеными пленными. Но затем, при новой атаке, которую предпринял монсеньор герцог Брабантский²³³, закричали, чтобы каждый убил своих пленных, и потому, чтобы сделать это быстрее, подожд-

²²⁸ Это ошибка. Королем был Вацлав IV Люксембург.

²²⁹ София Баварская (1376–1425), вторая жена Вацлава (с 1389 г.).

²³⁰ Ян Гус (1369–1415).

²³¹ Кутна Гора в Чехии, нем. Куттенберг.

²³² Битва при Азенкуре 25 октября 1415 г.

²³³ Антуан Бургундский, герцог Брабантский (1404–1415), погиб в битве при Азенкуре.

ли дом, где находились раненые мы. Но, милостью Божьей, я переполз через огонь на четвереньках, и оставался пока не вернулись англичане, наши враги, снова был пленен и продан монсеньору Корнуайлю (Cornuaille)²³⁴, [который] думал, что я большой господин, поэтому, хвала Богу, я был неплохо одет, как в те времена, когда впервые был пленен. Затем [меня] привели в Кале, а оттуда в Англию, до того момента, когда узнали кто я был, тогда [я] заплатил выкуп, обошедшийся мне в двенадцать сотен золотых эю²³⁵ и коня в сто франков²³⁶. И по отъезду, мой хозяин, упомянутый сеньор Корнуайль дал мне двадцать ноблей²³⁷, чтобы выкупить доспехи.

В тысяча четыреста шестнадцатом году я вернулся из плена, я прибыл к монсеньору герцогу Жану²³⁸ в Бургундию, который дал мне капитанство (capitainerie) над замком Эклюз, где я, милостью Божьей, управлял тридцать лет. Оттуда я вернулся к монсеньору герцогу Филиппу²³⁹, тогда графу Шаролуа (Charolois) и правителю нижних земель (marches de pardecha)²⁴⁰ от имени монсеньора своего отца, который дал мне должность по духовным вопросам (l'office des divines provisions)²⁴¹. И был постоянно с ним до того, как он узнал о смерти монсеньора герцога Жана, своего отца. И когда монсеньор герцог Филипп стал герцогом Бургундским, он направил посольство с епископом Арраса, который в то время был в Манте²⁴², к королю Англии, для замирения короля Франции и Англии, каковой мир был заключен в те времена, которые я вам представляю²⁴³.

В год тысяча четыреста двадцатый был с монсеньором герцогом Филиппом при осаде Монтеро (Montreau)²⁴⁴, где он забрал тело монсеньора герцога Жана, своего отца, и отправил в Бургундию. Потом была осада Мелюна²⁴⁵, длившаяся пять месяцев. И тогда, из-за смерти мессира Ате

²³⁴ Джон Корнуолл (1364–1443).

²³⁵ Золотой эю – французская монета. При Карле VI (1380–1422) равнялась 3,95 г золота.

²³⁶ Франк – французская золотая монета, выпускаемая с 1360 г. «Конный франк» – 3,87 г, «пеший франк» – 3,06 г.

²³⁷ Нобль – английская золотая монета. При Генрихе V (1413–1422) равнялась 6,8 г золота.

²³⁸ Жан Бесстрашный, герцог Бургундский (1404–1419).

²³⁹ Филипп Добрый, герцог Бургундский (1419–1467).

²⁴⁰ Нидерландов.

²⁴¹ Чиновник по духовным делам дома графа Шароле.

²⁴² Мант-ла-Жоли во Франции.

²⁴³ Договор в Труа 21 мая 1420 г.

²⁴⁴ Монтеро-на-Йоне во Франции.

²⁴⁵ Город в департаменте Сена и Марна во Франции.

де Бримо (Athéis de Brimeu)²⁴⁶, первого шамбеллана, мне была передана секретная печать моего могущественного сеньора, не имея другого первого шамбеллана. Спал рядом с ним в течение трех месяцев и носил два раза его знамя, одетый в гербовую котту, в сражении рядом с ним.

В последующие времена предпринял путешествие в Иерусалим по суше по приказу короля Англии и короля Франции и монсеньора герцога Филиппа, главного зачинщика. И тогда, был монсеньор де Рубэ (Roubaix), мой зять²⁴⁷, уведомлен, находясь тогда в Аррасе, и ему была передана упомянутая секретная печать.

В году тысяча четыреста двадцать первом, в четвертый день мая я выехал из Эклюза, в восьмером, а именно: я, Галлуа Дюбуа (Gallois Dubois), Коллар, бастард де Маркетт, бастард де Ланнуа, Жан де ла Роэ (Jehan de la Roe), Аггрежи де Эм (Aggregy de Hem), гербовый король Артуа²⁴⁸ и Копен де Пук (Corin de Poucque). И отправил моих людей, мой багаж и названные здесь подарки морем в Пруссию, а я поехал вдвоем с одним посланником (escarcelle)²⁴⁹ по суше также в Пруссию. И проехал через Брабант, Гельдерн, Вестфалию, епископства Мюнстер и Бремен в Гамбург, Любек, Висмар, Росток, Штральзунд, Грипсуль (Gripsuole)²⁵⁰, через герцогства Мекленбург, Барт, Вольгаст, Померанию и епископство Каммен, затем прибыл в Данциг на Висле, где я нашел великого магистра Пруссии вместе с сеньорами Ордена и представил ему подарки и упомянутые здесь письма²⁵¹. И совершил мое посольство от [имени] двух королей Франции и Англии, каковой сеньор оказал мне большую честь и дал мне несколько обедов, затем дал мне верховую лошадь (gonssin) и красивого иноходца (haghenée) и дал гербовому королю Артуа десять ноблей. И оставил Аггрежи де Эм, моего родственника, с великим магистром, именуемым Михаэль Кюхмайстер (Micquiel Cosquemeistre), где он находился два года, чтобы выучить немецкий.

²⁴⁶ Жан де Бримо (? – 1420), по прозвищу Ате (Athée – Безбожник), брат Давида и Жака де Бримо, рыцарей ордена Золотого Руна.

²⁴⁷ Жан V де Рубо (около 1369 – 1449), с 1391 г. женат на Агнессе де Ланнуа, родной сестре Жильбера.

²⁴⁸ Гербовым королем Артуа при Жане Бесстрашном, а затем при Филиппе Добром был Ролан ле Бретон. Известно распоряжение Филиппа Доброго, по которому Ролан ле Бретон с 19 апреля 1421 года отпускаясь герцогом «чтобы идти за море вместе с сеньором Югом де Ланнуа» [30, р. 547]. Как видно все, кроме имени сеньора совпадает с тем, чтобы предположить, что в посольстве Жильбера де Ланнуа был именно Ролан ле Бретон.

²⁴⁹ Escarcelle может быть переведен также, как «денежный мешок», «кошель», «казначей».

²⁵⁰ Грайфсвальд в Германии, в XV в. ганзейский город.

²⁵¹ Поскольку до этого в мемуарах нет никаких упоминаний о письмах, можно предположить, что часть теста была утрачена.

Также, из Пруссии я поехал к королю Польши через город Садовен (Sadowen) в Руси²⁵², какового я нашел глубоко в пустынях Польши в одном бедном месте, называемом Озимины (Ouzemmy)²⁵³, к которому я совершил мое посольство мира от двух вышеназванных королей и представил ему подарки короля Англии²⁵⁴, каковой оказал мне большую честь и отправил передо мной за добрых тридцать лье, чтобы меня проводить, за свой счет. И сделал мне в названной пустыне очень красивое жилище все из зеленых листьев и веток, чтобы держать меня при себе, и взял меня с собой на охоту, чтобы взять живьем диких медведей, и дал мне два богатых обеда, один особенный, где имелось более шестидесяти пар блюд, и меня посадил за свой стол, и посылал мне постоянно яства. И вручил мне письма, которые я просил у него, адресованные императору Турции²⁵⁵, с которым он был в союзе против короля Венгрии, чтобы я имел верительную грамоту в Турции, но он мне сказал, что названный император умер, поэтому вся Турция была в войне, и нет возможности проехать по суше. Так пробыл шесть дней рядом с ним, и по отъезду мне дал двух коней, двух иноходцев, две шелковых ткани²⁵⁶, сто шкурок соболя, перчатки из Руси, три кубка с крышками из золоченого серебра, сто венгерских флоринов²⁵⁷ и сто флоринов в богемских грошах²⁵⁸. Четырем господам, что были со мной, он дал каждому шелковую ткань, и упомянутому герольду шелковую ткань и десять рейнских флоринов²⁵⁹, повару, возчику и конюху дал каждому по флорину. И мне дали некоторые из его людей много небольших подарков, таких, как ястребы, перчатки, борзые, кинжалы и русские постели (*litz de Russie*). И потому, как король был в том пустынном месте, он меня направил и послал от себя в один свой город, называемый Ломбург (Lombourg) в Руси²⁶⁰, чтобы мне оказали хороший прием. Там сеньоры и горожане названного города дали мне очень большой обед и шелковую ткань. И армяне,

²⁵² Садова Вишня в Украине по мнению Лелевеля [24, р. 32]. Потвен считает, что это Сандомир в Польше [1, р. 53].

²⁵³ Великая и Малая Озимины в Львовской области Украины.

²⁵⁴ Длугош называет эти подарки: кусок атласа вышитого золотом, железный шлем с великолепным золотым гребнем и два английских лука [31, s. 154].

²⁵⁵ Мехмед I Челеби (1413–1421). Умер 26 мая.

²⁵⁶ В списке А – четыре шелковых ткани.

²⁵⁷ Венгерский флорин или дукат – золотая монета. При Сигизмунде Люксембурге (1387–1437) содержал 3,56 г. золота.

²⁵⁸ Пражский грош – чешская серебряная монета, вес 3,86 г. К началу XV в. весил 2,4 г.

²⁵⁹ Рейнский флорин – золотая монета, которую с 1389 г. чеканил Рейнский монетный союз, вес 3,39 г.

²⁶⁰ Львов в Украине. Немецкое название – Лемберг.

которые были там, дали мне шелковую ткань, устроили для меня танцы и хороший прием с дамами. И меня приказал провожать названный король из своего королевства за его счет в течение нескольких дней.

Также, оттуда я уехал и направился в один город в Руси называемый Белз (Belfz)²⁶¹ к герцогине Мазовецкой²⁶², которая оказала мне честь и прислала в мой отель множество провизии; и была [она] сестра короля Польши. Проехав через нижнюю Русь, я приехал к герцогу Витольту, великому князю и королю Литвы, которого я нашел в Каменце (Kamenich)²⁶³ в Руси, вместе со своей женой²⁶⁴, в окружении одного герцога из Тартарии (Tartarie) и многих других герцогов и герцогинь и рыцарей в большом числе. Каковому герцогу Витольту я совершил свое посольство мира от двух королей и представил ему подарки короля Англии, каковой сеньор также оказал мне великую честь и добрый прием. И дал мне три раза обед, меня посадил за свой стол, где сидела герцогиня, его жена, и сарацинский герцог из Тартарии, потому я видел за столом ели мясо и рыбу в день пятницы. И был один татарин, который имел длинную бороду ниже колена, обернутую тканью. И в один торжественный обед, который он дал, к нему прибыли два посольства, одно из Великого Новгорода и другое из королевства Пскова, которые принесли ему представить многие удивительные подарки, целуя землю перед его столом, такие как невыделанные шкурки куниц, шелковые одежды, шубы, меховые шапки, шерстяные ткани, зубы кураней (couragnes)²⁶⁵, которая есть рыба, золото, серебро, более шестидесяти видов подношений. И принял благожелательно тех, из Новгорода, а тех из Пскова нет, наоборот, удалил с глаз своих из-за неприязни. И вручил мне названный герцог, по отъезду, такие письма, которые мне требовались для проезда при его посредничестве через Турцию, написанные на татарском, на русском и на латинском. И предоставил мне для моего сопровождения двух татар и шестнадцать как русских, так и валахов, но мне сказал твердо, что нельзя перейти через Дунай, из-за войны, которая была во всей Турции из-за смерти императора. И был [Витовт] в союзе с коро-

²⁶¹ Белз в Украине, Львовская область.

²⁶² «Герцогиней Мазовецкой» была родная сестра Ягайло Александра Ольгердовна (1360–1434), жена Земовита IV, князя Равского и Плоцкого. В 1388 г. Ягайло, выдав свою любимую сестру за Земовита, отдал последнему в качестве приданного Белзское княжество, на условиях вассальной зависимости от польской Короны [32, s.176].

²⁶³ По поводу местоположения этого Каменца есть несколько версий: белорусский Каменец, Каменец в Польше возле г. Кросно, Кременец в Украине.

²⁶⁴ Ульяна Ивановна Гольшанская (1375/8–1448), третья жена Витовта с 1418 г.

²⁶⁵ Возможно, Ланнуа говорит о бивнях моржей, которых путает с рыбами.

лем Польши и с татарами против короля Венгрии. И дал мне по отъезду две шелковых одежды, называемые шубы (soubes), подбитые собольими мехами, четыре шелковых ткани, четыре коня, четыре островерхих шапки своей ливреи²⁶⁶, десять вышитых головных уборов, четыре пары русских сумок (tasses de Russie)²⁶⁷, лук, татарские стрелы и колчаны, три разделенных (escartelées) и вышитых покрывала, сто золотых дукатов и двадцать пять слитков серебра, равнозначные ста дукатам. Каковое золото и серебро я отклонил и вернул из-за того, что в эти времена [Витовт] был союзником гуситов (Housses) против нашей веры. И мне прислала герцогиня, его жена, золотой шнур и большой татарский флорин, чтобы носить на шее, на своей ливрее. И дал упомянутый герцог мной названному герольду коня и шубу подбитую мехом куницы, остроконечную шапку (charreau fric) своей ливреи, два слитка серебра и шесть с половиной золотых дукатов. Моему секретарю, именуемому Ламбин (Lambin), которого я отправил обратно к королю Англии, он дал шубу, которая является шелковым платьем подбитым мехом куницы, и шапку своей ливреи. И пяти господам, которые находились со мной, каждому он дал по шелковой ткани.

Также, дал мне один герцог и герцогиня из Руси, из его [Витовта] людей, хороший обед и пару русских вышитых перчаток и ...²⁶⁸. И мне были сделаны другие подарки от его [Витовта] рыцарей, такие как шапки и варежки, подбитые куньим мехом, татарские кинжалы, особенно от Гедигольда (Guedigol)²⁶⁹, капитана Плюи (Pluy) в Подолии. И был у названного Витольта девять дней и затем уехал.

Также, из Каменца я вернулся в Ломбург, до которого было пятьдесят лье, и [потому] столь сильно я свернул с моей дороги, чтобы найти упомянутого герцога Витольта. И из Ломбурга, проехав через верхнюю Русь, я приехал в Подолию, в другой Каменец²⁷⁰, прекрасно расположенный, принадлежащий упомянутому герцогу, где я нашел одного рыцаря, капитана Подолии, называемого Гедигольд (Gheldigold), который меня сильно угостил и дал мне изящные подарки и свои припасы, и изыскан-

²⁶⁶ Ливрея – парадная одежда рыцарей и придворных, означающая принадлежность тому или иному сюзерену.

²⁶⁷ Нем. Tasche – карман, походная сумка [33, р. 139]. «Четыре пары» означает, что это были переметные сумки, предназначенные для перевозки грузов на лошадях.

²⁶⁸ Слово пропущено переписчиком.

²⁶⁹ Гедигольд (? – после 1435, в католичестве Юрий), один из приближенных Витовта, с 1411 г. староста Подольский.

²⁷⁰ Каменец-Подольский в Украине.

ные обеды. Оттуда я поехал через малую Валахию (Wallackie la petite)²⁷¹, через большие пустоши, и нашел воеводу Александра (wiwoude Alexandrie)²⁷², сеньора названной Валахии и Молдавии (Moldavie), в одном его местечке, называемом Козял (Cozial)²⁷³, который мне сказал, подтвердив еще больше, правду о смерти императора Турции и большой войне, которая была во всей стране, так же со стороны Греции, как и с другой стороны рукава Святого Георгия²⁷⁴, на стороне Турции, и что имеется три сеньора, каждый из которых хочет стать императором силой²⁷⁵. И что никак невозможно пересечь Дунай (Dupowe), что никто из его людей не будет таким смелым, чтобы отважиться меня проводить и переправить. И так получилось, что я изменил свои намерения идти через Турцию. И в намерении попытаться переплыть Большое море (la mer Maïour)²⁷⁶, взял путь, чтобы идти в Кафу (Caffa)²⁷⁷ по суше. И по отъезду названный сеньор Валахии дал мне коня, сопровождение и переводчиков, и проводников, и я ехал через большие пустоши более четырех лье в названной Валахии. И прибыл в укрепленный город и порт на упомянутом Большом море, называемый Монкастро (Mancastre) или Белгород (Bellegard)²⁷⁸, где живут генуэзцы, валахи и армяне. И туда прибыл, при моем присутствии, в эти времена, на один из берегов реки, ранее названный Гедигольд, наместник Подолии, сделать и силой основать новый замок, который был сделан менее чем за месяц названным герцогом Витольгом в пустынном месте, где не было ни дерева, ни камней, но упомянутый наместник привел двенадцать тысяч человек и четыре тысячи повозок, груженных камнями и деревом.

Также, войдя ночью в названный город Монкастро, я и один переводчик были пленены, повалены на землю и ограблены разбойниками,

²⁷¹ «Малой Валахией» в западноевропейских источниках конца XIV–XVI вв. называли обычно Молдавское княжество [34, с. 33].

²⁷² Александр I Добрый (? – 1432), господарь Молдавского княжества в 1400–1432 гг.

²⁷³ Румынские исследователи, обращавшиеся к данному вопросу, не пришли к единому мнению. Так, Н. Йорга высказал предположение, что под Козялом де Ланнуа имел в виду столицу Молдавского княжества Сучаву (Сочав) [35, р. 13]. Есть версия, что Козял – это деревня Боготину (Bohotinu) на реке Козя, на территории современной Румынии, бывшая частью господарского имения, или деревня Козя (Cozia) на одноименной реке в Румынии [36, р. 286–287].

²⁷⁴ Рукав Святого Георгия – самый южный из трех рукавов в дельте Дуная.

²⁷⁵ Это сыновья Мехмеда I Челеби – Мурад II (1421–1444, 1446–1451) и Кучук Мустафа (1409–1422), а также его брат Мустафа Челеби (1393–1422).

²⁷⁶ Черное море.

²⁷⁷ Феодосия в Крыму.

²⁷⁸ Белгород-Днестровский в Украине, до 1944 г. – Аккерман. Генуэзцы называли Монкастро.

я сам избит и подло ранен в руку и, что хуже того, я был весь раздет до рубашки и привязан к дереву на всю ночь, на берегу большой реки называемой Днестр (Nestre), где я провел ночь в очень большой опасности быть убитым или утопленным; но, слава Богу, они меня освободили утром и, обнаженный, как и раньше, то есть в одной моей рубашке, сбежал сам и пришел в город, сохранив жизнь. В этот день прибыли мои другие люди, которых я оставил этой ночью в пустыне, поехав раньше, чтобы найти жилье для них. И потерял примерно от ста до ста двадцати дукатов и другие вещи, но, в конце концов, добился правосудия названного воеводы Александра так, что около девяти разбойников были схвачены и отданы мне с веревкой на шее, чтобы я мог казнить их, если пожелаю; но они мне вернули мои деньги; тогда ради Бога, попросил за них, и им сохранили жизнь.

Также, из Монкастро отправил часть моих людей, мои вещи и ценности морем на корабле в Кафу, а я с другими поехал по суше, покинул упомянутую Валахию, чтобы идти в названное место Кафу, через большую пустыню Тартарии²⁷⁹, что продолжалось восемнадцать дней. И пересек реку Днестр и реку Днепр (Nepre), на которой нашел одного герцога Тартарии, друга и слугу герцога Витольта, вместе с большой татарской деревней, которая была [в услужении] названного Витольта, мужчины, женщины и дети, и были без домов, размещаясь на земле. Каковой герцог, именуемый Жамбо (Jambo), дал мне вдоволь осетровых рыб и предоставил *sieuce de bacho*²⁸⁰, чтобы их готовить, и оказал мне добрый прием. Затем татары меня прекрасно перевезли, меня и моих людей, и мои повозки через названную реку, которая имела один лье в ширину, на маленьких лодках, все из одного куска [дерева]²⁸¹. Но после двух дней, как я ушел от него, произошло опасное приключение, потому что я потерял всех своих лошадей и моих людей, переводчиков, татар и проводников, числом до двадцати двух, бывших потерянными почти весь день и всю ночь, из-за нескольких диких и голодных волков, которые подняли моих лошадей, когда я отдыхал в безлюдном лесу. И преследовали мной названные люди около трех длинных лье, но на следующий день, благодаря милости Божьей и многим паломничествам, которые я дал обет совершить вместе с моими людьми, которые еще были со мной, мы вернули всех упомянутых переводчиков и прово-

²⁷⁹ Причерноморские степи, находившиеся под контролем Крымского ханства.

²⁸⁰ Лелевель полагает, что это оливковый сок или масло [24, р. 38]. Брун считает, что это кисляк, использовавшийся в степи как топливо [37, с. 458–459].

²⁸¹ Челны.

дников. Кроме одного татарина, очень верного человека, который преследовал моих лошадей так, что после замечательного приключения, он их вернул благодаря одному жеребцу, бывшему в стаде, и одной кобылице, которые вдвоем, без никого, были найдены первыми пасущимися вместе, на которых названный татарин сел, чтобы отыскать других. Каковой татарин назывался Гзоилос (Gzooyloos) и был одним из моих проводников, кто отплатил верностью, потому что он вернул мне всех моих лошадей, а мог бы, если бы он захотел, исчезнуть с самого начала. Таким образом, хорошо, что он проявил честность, вернув их мне, [иначе] мы бы все умерли в этих лесах и больших пустошах, так как были далеко от города, который находился в семи днях [пути].

Также, по выезде оттуда, достаточно скоро после этого, со мной произошло еще другое приключение, так как, поехав своей дорогой к одному императору Тартарии, который жил в одном дне оттуда, от упомянутой пустыни Кафы, называемому император Солхата (Salhat)²⁸², другу упомянутого Витольта, к которому я ехал, чтобы увидеть его государство как посол и вез к нему подарки упомянутого Витольта, нашел в двух днях [езды] оттуда засаду от шестидесяти до восьмидесяти конных татар, которые выскочили на меня из тростника и хотели взять меня в плен, из-за того, что совсем недавно названный император Солхата умер, и что был очень большой раздор между татарами этой Тартарии и великим Ханом (grant Kan), императором Лурд (Lourdo)²⁸³, чтобы поставить нового императора, так как каждый желал иметь своего, и были все в этой земле восставшие и вооруженные, из-за чего я был в большой опасности, но удачен был мой путь в этот день, потому что я и мои люди носили шапки и ливреи Витольта, и татары из засады были из людей старого императора Солхата, который умер и который был большим другом Витольта. Так, мне позволили ехать, посредством некоторых даров из золота, серебра, хлеба, вина и куниц, которые я им дал. И проводили меня, в объезд по другой дороге так, что избежав всех вооруженных людей, я прибыл в Самиетт (Samiette) ночью через другие ворота, с другой стороны от города Солхат, в который я приехал только чтобы постучаться и сказать, что я здесь. И без заезда туда, без остановки, скакал всю ночь и прибыл в Самиетт, а затем в город Кафу, которая является морским портом и городом из трех укреплений, находящимся в Тартарии, на Большом море, принадлежащим генуэзцам.

²⁸² Крымский хан. Солхат или Кырым (сейчас Старый Крым) – столица Крымского улуса.

²⁸³ Ханом Золотой Орды.

Каковые генуэзцы оказали мне честь и добрый прием и послали мне в подарок двадцать четыре коробки с мармеладом (вареньем), четыре факела, сто восковых свечей, бочонок мальвазии и хлеб и предоставили в городе гостиницу отдельно для меня. И там предпринял старание найти совет, проводников и переводчиков, чтобы обогнуть Большое море, для завершения пути в Иерусалим по суше, поскольку я ехал досюда все время по земле, но имел неудачу при переправе через Дунай. Но в итоге не нашлось никакого средства, ничего, чтобы я мог найти, для преодоления необитаемых пустынь многих народов живущих там, различных языков и верований. Тогда продал там своих лошадей и нашел, в течение девяти дней, четыре венецианских галеры, которые прибыли из Таны (Tane)²⁸⁴, с которыми я вернулся в город Перу (Perée)²⁸⁵ и в Константинополь. В каковом месте Константинополе я нашел старого императора Мануила и молодого императора, его сына²⁸⁶, каковым императорам представил подарки короля Англии, совместные письма мира королей Франции и Англии. И совершил мое посольство от двух королей, касавшееся упомянутого мира, совместного желания, которое они имели в продвижении союза между церквями Римской и Греческой, этим я занимался в течение нескольких дней у упомянутых императоров с послами папы, которые были тогда по этому поводу. И мне оказали названные императоры честь и добрый прием по обычаю Греческой земли. И меня водил молодой император несколько раз на свои охоты и дал мне обед в полях. И старый император дал мне по отъезду тридцать два локтя белого бархата. И мне торжественно показал достойные реликвии, которых во множестве имелось в городе и даже некоторые сокровища, которые у него хранились, такие как железо святого копья и другие очень достойные. И мне показали чудеса и древности города и церквей. Каковой город является треугольником, лежащим на море и в восемнадцать миль в окружности. И мне дал по отъезду золотой крест с одной большой жемчужиной, в котором в пяти частях, он велел поместить в каждой по одной из следующих реликвий: во-первых, от одежды нашего Господа Igrisoria, от плащаницы нашего Господа, от рубахи Богоматери, от мощей святого Стефана и святого Теодора, на каждой части по-гречески написано название каждой реликвии. Каковой крест, после моего возвращения, я поместил в серебряного ангела и передал нашей часовне

²⁸⁴ Генуэзский город в устье р. Дон, существовал до конца XV в. рядом с современным Азовом.

²⁸⁵ Пера, пригород Константинополя на берегу бухты Золотой Рог Боспорского пролива, принадлежал генуэзцам. Сейчас район Бейоглу в Стамбуле.

²⁸⁶ Иоанн (1392–1448), сын Мануила II Палеолога, с 1421 г. соправитель отца.

Св. Петра в Лилле, и добился, с помощью монсеньора де Сант, моего брата, полного отпущения [грехов] на семь лет и семь сорокадневий.

Также, в эти времена старый император освободил из своей тюрьмы одного турецкого принца, называемого Мустафа²⁸⁷, и сделал его, через свое значение и могущество, императором Турции от Греции, после смерти Гюириси Чалаби (Guirici Chalaby)²⁸⁸, его брата, бывшего императором Турции. И разместил [его] в части Греции в Галлиополи на условиях, что [он] никогда не должен пересекать рукав Роммени (Rommenie)²⁸⁹, чтобы переправиться на другую сторону в Турцию. И должен вернуть замок и весь флот Галлиополи императору Константинополя и начать постоянную войну с Мурад-Баем (Mourart-Bay)²⁹⁰, бывшим сеньором Бурсы (Burse)²⁹¹ и Турции, который тогда был признан императором после смерти упомянутого Гюириси, его брата²⁹². Но он предательски нарушил все свои обязательства, потому что он переправился на другую сторону на кораблях со своими силами, и Мурад-Бай также вышел против него с большой силой и стояли долгое время две армии одна перед другой так, что между ними двумя была только река. Так, будучи предупрежден об этом деле, я взял один корабль и снарядил его, чтобы идти к одному из названных турецких императоров в надежде, что он будет сражаться, но император Константинополя задержал мой корабль, из-за боязни за мою жизнь, и не хотел, чтобы я шел туда, что принесло мне большое огорчение. И оставшись в таких обстоятельствах, решил завершить свое путешествие в Иерусалим по морю. И так я сел на корабль и прибыл на остров и в город Родос, где был хозяином один сеньор шателен²⁹³, который оказал мне честь. И там оставил все свои вещи, вместе с золотыми часами короля Англии, которые я не мог представить, потому что нашел упомянутого императора Турции, которому они предназначались, умершим. И оставил там пребывать всех моих людей, которые были [этим] очень недовольны, до моего возвращения. И поехали только втроем, это значит названный [гербовый] Король Артуа, Жан де ла Роэ и я, чтобы совершить очень скрытно мои посещения, в предстоящем пути.

²⁸⁷ Мустафа Челеби, один из сыновей султана Баязида I (1389–1402).

²⁸⁸ Мехмед I Челеби (1413–1421).

²⁸⁹ Рукав Румелии – пролив Дарданеллы.

²⁹⁰ Мурад II (1421–1444, 1446–1451).

²⁹¹ Бурса – первая столица Османской империи. В манускрипте А указано правильно, а в тексте, взятом за основу, указано – Prusse, что является, безусловно, ошибкой переписчика.

²⁹² Его отца. Это ошибка переписчика. В тексте А указано верно.

²⁹³ Шателен – владелец замка и замковой округи.

Также, оттуда (из Родоса), поднялся на небольшой корабль, который доставил меня на остров, в порт и город Кандия (Candie)²⁹⁴, который был венецианским, где я был шесть недель, и герцог²⁹⁵ и знать оказали мне большую честь и направили много даров продуктами. И оттуда, поднялся на другой корабль, который доставил меня в порт Александрии, очень большой укрепленный город, где живут сарацины. И [там] есть два порта, старый и новый. Каковые названные места я посетил, своими силами при помощи упомянутого Жана де ла Роэ, вместе со святым местом, где святая Екатерина была мучима и обезглавлена. И совершал оттуда впредь все свои посещения, чтобы записать, из этого я сделал книгу, которую позже продолжил и которую, по моему возвращению из названного путешествия, получил король Генрих в одной копии и монсеньор герцог Бургундский в другой. И из Александрии я поехал сушей до порта Розет (Rosecto)²⁹⁶, до которого было тридцать шесть миль. И там сели на плоскодонку (germe), которая меня повезла вверх по реке Нил до большого города Каир, где находится султан Вавилонии в богатой крепости. И имеется [до Каира] четыре дня пути, что равно двумстам милям.

Также, в Каире посетил все, что можно было посетить из некоторых имевшихся чудес. И был у патриарха Индии²⁹⁷, который подарил мне, как послу короля Франции, флакон бальзама из виноградной лозы, которая произрастала, там, где он был частично господином.

Также, оттуда, взяли сарацинских переводчиков и погрузили палатки и припасы на верблюдов и [взяли] двух ослов для меня лично. И направились к [монастырю] Святой Екатерины к горе Синай через пустыни Египта по берегу Красного моря, докуда было одиннадцать дней [пути] пустынями. И имеется в монастыре Святой Екатерины похожем на крепость, крепком и квадратном [в плане], три церкви, где представлены три веры: Иисуса Христа, Моисея и Магомета. И там лежат мощи большей части тела святой Екатерины. И поднялся на упомянутую гору, в место, где Господь Наш дал первую заповедь Моисею, и потом еще выше, где тело упомянутой святой было положено в гроб ангелами из рая и лежало семь лет. Потом посетил многие жилища отшельников, которые были на горе.

²⁹⁴ Венецианское название г. Ираклион на о. Крит.

²⁹⁵ В XIII–XVII вв. на о. Крит существовало королевство или герцогство Кандия, под властью Венеции.

²⁹⁶ Город Рашид в Египте.

²⁹⁷ Возможно, это был патриарх коптов-христиан Египта Гавриил V (1409–1428).

Также, с одной стороны упомянутой горы, примерно три мили ехал на другую сторону пустыни, чтобы увидеть чудеса, квадратный камень, удивительно огромный, который послужил когда-то чудесным образом народу Израиля в пустыне. И видел еще двенадцать источников, из которых били двенадцать фонтанов, которые напоили двенадцать колен Израиля. И этот камень совсем один, далеко от скал и гор, лежит посреди песков.

Также, от Святой Екатерины я поехал в Каир и там снова взял переводчиков и припасы, сел на плоскодонку и ехал, против течения по реке Нил, в течение двух дней до христианской церкви Святого Георгия. И там пересел на верблюда и ехал в скит Святого Антония²⁹⁸, до куда имеется два дня пути, и пять дней из Каира. Святой Антоний – это аббатство монахов яковитов, обрезанных христиан²⁹⁹, которых имелось пятьдесят. И есть крепость, находящаяся на источнике, бьющем из скалы, и имеется красивый пальмовый сад и много других деревьев и фруктов.

Также, оттуда перешел на другую сторону большой горы, которая тянется на один лье в длину на виду у Красного моря, и поехал в скит Святого Павла³⁰⁰, первого отшельника, который находится в низине между горами над ручьем, бьющем из скалы. И это сильная крепость и аббатство яковитов, подчиненное [монастырю] Святого Антония, имеет пальмовый сад. И туда пришли в большом количестве обнаженные индийцы³⁰¹, чтобы атаковать место для того, чтобы напиться, как те, кто умирает от жажды, искав воду в течение трех дней и не найдя ее в пустыне.

Также, из Святого Павла вернулся к Святому Антонию и оттуда в Каир, и потратил туда и обратно, из Каира в Святой Антоний, шестнадцать дней.

Также, я оставил Каир тринадцатого июня³⁰², сел на плоскодонку и ехал вниз по течению одного из рукавов реки Нил до Дамьетты три дня. Так может быть примерно сто пятьдесят миль по воде, но по суше не более ста миль. Имеется на упомянутой реке множество хороших деревьев и хорошо вспаханных земель. И было на упомянутой реке много островов, одни высокие, другие нет, одни обитаемые, другие нет и везде

²⁹⁸ Монастырь Св. Антония в Египте, принадлежит коптской христианской церкви.

²⁹⁹ В яковитской церкви практикуется обрезание.

³⁰⁰ Монастырь Св. Павла Фивейского в 150 км юго-восточнее Каира, принадлежит коптской церкви.

³⁰¹ Возможно, под индийцами Ланнуа подразумевает нубийцев.

³⁰² 1422 года.

лодки, называемые «жерм» (germes)³⁰³. Оттуда поехал в Тен (Thènes), оттуда в Рам (Rames)³⁰⁴ и затем в Иерусалим и места вокруг, обычные для хождений паломников. Оттуда вернулся на Родос и оттуда в Венецию привычным путем, и оттуда возвращался через [земли] немцев, где я был пленен бастардом Лотарингским, но граф де Водемон³⁰⁵ меня освободил.

Список литературы

1. Oeuvres de Ghillebert de Lannoy, voyageur, diplomate et moraliste / recueillies et publiées par Ch. Potvin; avec des notes géographiques et une carte, par J.-C. Houzeau. – Louvain: impr. de P. et J. Lefever, 1878. – XCI + 551 p.
2. Catalogi librorum manuscriptorum Angliae et Hiberniae in unum collecti, cum indice alphabetico. – Oxoniae: Theatro Sheldoniano, 1697. – 1085 p.
3. Bodleian Library. MSS. Hatton [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bodley.ox.ac.uk/dept/scwmss/wmss/online/medieval/hatton/hatton.html>. – Дата доступа: 26.05.2015.
4. Bibliotheque protypographique, ou Librairies des fils du roi Jean, Charles V, Jean de Berri, Philippe de Bourgogne et les siens. – Paris: Treuttel et Würtz, 1830. – 346 p.
5. Andreae, V. Bibliotheca Belgica: de Belgis vita scriptisque claris. praemissa topographica Belgii totius seu Germaniae Inferioris descriptione / V. Andreae. – Lovanii: Iacobi Zegers, 1643. – 936 p.
6. Fabricii, J. A. Bibliotheca Latina mediae et infimae aetatis / Jo. Fabricii. – Hamburgi: sumtu viduae Felgineriae ex officina Piscatoria, 1735. – Vol. 4. Liber IX, X et XI. – 921 p.
7. Foppens, J. F. Bibliotheca belgica, sive virorum in Belgio vita scriptisque illustrium catalogus librorumque nomenclatura, continens scriptores a clariss. viris Valerio Andrea, Auberto Miraeo, Francisco Sweertio aliisque, recensitos usque ad annum M.D.C.LXXX: en 2 t. / J. F. Foppens. – Bruxellis: Petrum Foppens, 1739. – Т. 1. – 647 p.
8. Penn, G. Account of an Unknown Manuscript of 1422: illustrating the last Declaration of King Henry V., and Vindicating its Veracity against the Skepticism of David Hume. Oct. 10. 1823 / G. Penn // Transactions of the Royal Society of Literature of the United Kingdom. – London: J. Murray, 1827. – Vol. 1. Part. 1. – P. 7–16.
9. Report by Guillebert de Lannoy (d. 1462) of his travels in Egypt and Syria made at the instance of King Henry V, perhaps in view of a projected Crusade. The title runs: 'Chi sensieut le raport que ie Guillebert de Lannoy cheualier fay sur pluseurs vi [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://searcharchives.bl.uk/primolibweb/action/search.do?fn=search&ct=search&initialSearch=true&mode=Basic&>

³⁰³ Плоскодонные лодки, фелюки.

³⁰⁴ Рамла в Израиле.

³⁰⁵ Антуан Лотарингский (1400–1458), граф де Водемон. Представитель младшей ветви Лотарингского дома.

tab=local&indx=1&dum=true&srt=rank&vid=IAMS_VU2&frbg=&vl%28freeText0%29=Report+by+Guillebert+de+Lannoy+&scp.scps=scope%3A%28BL%29. –

Дата доступа: 24.05.2015.

10. Болландисты // Энциклопедический словарь (Брокгауза и Ефрона): в 86 т. – СПб.: Типо-Литография (И.А. Ефрона), 1891. – Т. 4. – С. 296.

11. Van den Cheyn, S.J. Catalogue des manuscrits de la Bibliothèque Royale de Belgique: en 13 t. / S.J. Van den Cheyn. – Bruxelles: H. Lamertin, 1907. – Т. 7. – 688 p.

12. Webb, J. A Survey of Egypt and Syria, undertaken in the year 1422, by Sir Gilbert de Lannoy, etc. / J. Webb // *Archoeologia: or, Miscellaneous tracts relating to Antiquity*. Published by the Society of Antiquaries of London. – London: J.B. Nichols, 1827. – Vol. XX. – P. 281–444.

13. Anselme, P. Histoire genealogique et chronologique de la Maison Royale de France, des pairs, grands officiers de la Couronne et de la Maison du Roy, et des anciens Baron du Royaume: en 9 t. / P. Anselme. – Paris: Compagnie des Libraires Associez, 1733. – Т. 8. – 1054 p.

14. Chronique du religieus de Saint-Denis, contenant le regne de Charle VI, de 1380 a 1422: en 6 t. – Paris: Crapelet., 1841. – Т. 3. – 780 p.

15. La chronique d'Enguerran de Monstrelet en deux livres avec pièces justificatives. 1400–1444. Publiée par L. Douet-d'Arcq: en 6 t. – Paris: J. Renouard, 1859. – Т. 3. – 451 p.

16. Foedera, conventiones, literæ, et cujuscunq[ue] generis acta publica, inter reges Angliæ et alios quosvis imperatores... accurantibus Thoma Rimer et Roberto Sanderson: in 16 t. – Hagae Comitum: Neaulme, 1739. – Т. 4. – 834 p.

17. Piaget, A. Le Songe de la barge de Jean de Werchin, sénéchal de Hainaut / A. Piaget // *Romania*. – Paris: Honoré Champion, 1909. – Т. 38. – P. 71–110.

18. Paravicini, W. Jean de Werchin, sénéchal de Hainaut, chevalier errant / W. Paravicini // *Saint-Denis et la royauté: études offertes à Bernard Gueneé*. – Paris: Sorbonne, 1999. – P. 125–144.

19. Crónica del señor Rey Don Juan, secundo de este nombre en Castilla y et Leon. – Valencia: Benito Monfort, 1779. – 658 p.

20. Loise, F. Lannoy (Ghillebert de) / F. Loise // *Biographie nationale*: en 28 t. – Bruxelles: Bruylant-Christophe & Cie, 1890–1891. – Т. 11. – P. 308–322.

21. Castex, J.-C. Répertoire des combats franco-anglais de la Guerre de Cent Ans / J.-C. Castex. – White Rock: Phare-Ouest, 2012. – 384 p.

22. Guillebert de Lannoy // *Europäische Reiseberichte des späten Mittelalters: Eine analytische Bibliographie* / hrsg. von W. Paravicini. – Teil 3. *Niederländische Reiseberichte nach Vorarbeiten von Detlev Kraack bearbeitet von Jan Hirschbiegel*. – Frankfurt am Main; Berlin; Bern; Bruxelles; N. Y.; Oxford; Wien: Lang, 2000. – S. 38–60.

23. Marchandisse, A. Hornes / A. Marchandisse // *Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques*. – Paris: Letouzey & Ané, 1993. – Т. 24. – Col. 1141–1143.

24. Lelevel, J. Guillebert de Lannoy et ses voyages en 1413, 1414 et 1421, commentés en français et en polonais / J. Lelevel. – Bruxelles: A. Vandale; Poznań: J.-K. Zupanski, [1845]. – 46 p.

25. Erslev, Kr. Erik af Pommern, hans Kamp for Sønderjylland og Kalmarunionens Opløsning / Kr. Erslev. – København-Kristiania-Stockholm: J. Erslev, J.W. Cappelen, Samson & Wallin, 1901. – 495 s.

26. Gachet, E. Voyages et ambassades de Guillebert de Lannoy. 1399–1450 / E. Gachet // Trésor national. – Bruxelles: Raspoet et Ce, 1843. – Т. 1. Ser. 2. – P. 179–225.

27. Baranauskas, T. Lietuvos medinės pilys rašytinių šaltinių duomenimis / T. Baranauskas // Lietuvos archeologija, 2003. – Т. 24. – P. 57–106.

28. Хождения инока Зосимы 1419–1422 гг. / Православный палестинский сборник. – СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1889. – Т. VIII, Вып. 3. – 110 с.

29. Kozerski, J. Zakon rycerski «Rudenband» / J. Kozerski // Szkice Legnickie. – Legnica: ATUT, 2014. – Т. XXXV. – S. 311–318.

30. Schnerb, B. Rois d'armes, hérauts et poursuivants à la cour de Bourgogne sous Philippe le Hardi et Jean sans Peur (1363–1419) / B. Schnerb // Revue du Nord, 2006. – № 3. – P. 527–557.

31. Długosz, J. Roczniki czyli kroniki sławnego królestwa Polskiego / J. Długosz: u 12 ks. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN SA, 2009. – ks. 11. – 370 s.

32. Kozłowski, F. Dzieje Mazowsza za panowania książąt / F. Kozłowski. – Warszawa: S. Orgelbrand, 1858. – 583 s.

33. Saint-Genois, J. de. Gillebert de Lannoy (Terre Sainte. – Tartarie. – Afrique 1399–1450) / J. de Saint-Genois // Les voyageurs belges du XIIIe au XVIe siècles. – Bruxelles: Jamar, S.d. [1847]. – Т. 1. – P. 127–153.

34. Пивоваров, С. Образование земли молдавской и формирование ее северных границ во второй половине XIV – начале XVI в. в свете письменных источников и археологических материалов / С. Пивоваров, М. Чучко // Русин, 2010. – № 4. – С. 28–38.

35. Iorga, N. Basarabia noastra. Scrisă după 100 de ani de la răpirea ei de către Ruși / N. Iorga. – Valeni-de Munte: Tip. Societății «Neamul Romănesc», 1912. – 180 p.

36. Giurescu, C. C. Întâlnirea lui Guillebert de Lannoy cu Alexandru cel Bun / C. C. Giurescu // Revista Istorică Română, 1934. – V. 4. – P. 286–287.

37. Брун, Ф. К. Путешествия и посольства господина Гилльбера де Ланнуа, кавалера Золотого Руна, владельца Санта, Виллерваля, Троншіена, Бомона, Вагени; в 1399–1550 годах / Ф. К. Брун // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1853. – Т. 3. – С. 433–465.

ВАЙНА ЗА СПАДЧЫНУ Ё СЯМ'І ГАРНАСТАЯЎ

Род Гарнастаяў пакінуў пасля сябе вялікі архіў, які ўтрымлівае ў сябе шмат цікавых і разнастайных дакументаў. Падскарбі ВКЛ Іван Гарнастаяў заклаў традыцыю вядзення сямейнага справаводства. Да гісторыі гэтага роду мы ўжо звярталіся ў нашых даследаваннях. Сярод іншага адзначалі і пра сямейныя канфлікты [8–11]. Аднак гісторыя правядзення вайсковых дзеянняў з-за маёнткаў Азярніца і Блізнае (Слоніўскі павет) патрабуе асобнай увагі. Крыніцы захоўваюцца ў Галоўным архіве старажытных актаў у двух справах. Яны дазваляюць прааналізаваць прычыны ўзнікнення, канфлікту, яго ход і вынік.

Іван Іванавіч Гарнастай (кл. 1520–1569) быў дарсуніўскім намеснікам, лыскоўскім і межырцкім дзяржаўцам. Ажаніўся з дачкой Міхаіла Богуша Багавіцінавіча і Фядоры Андрэеўны Сангушкаўны – Ульянай (? – 1575). Так як у сям'і не было нашчадкаў мужчынскага полу, то маёмасць была падзелена паміж дочкамі – Ганнай, Фядорай і Ульянай. Фрыдрых Пронскі з жонкай Фядорай Багавіцінавічаўнай памяняліся з Іванам Іванавічам Гарнастаем і яго жонкай Ульянай маёнткамі. Гарнастай атрымалі Азярніцу, Блізнае (Слоніўскі павет) і Промезі¹ (Пуньскі павет), а Пронскія – замак Жукаў, Берасцечка, Ераславевіча і Свінарын на Валыні. Фядора падаравала сястры Ульяне і яе мужу Івану Гарнастаю за добрае да сябе стаўленне Яблочна. Маёмасць пераходзіла ва ўласнасць пасля яе смерці².

Іван і Ульяна апошнія дзесяць год не жылі разам, але фінансавыя дачыненні былі аформлены дакументальна. Гэта стварыла глебу для канфлікту пасля смерці Івана з яго братамі. Так як павятовыя суды толькі пачыналі сваю дзейнасць пасля земскай рэформы, то заможная шляхта працягвала па ранейшаму вырашаць свае спрэчкі ў судзе вялікага князя літоўскага. Ульяна падала дзве скаргі Жыгімонту Аўгусту на Гаўрылу і Астафея Гарнастаяў з-за пазыкі яе мужа – 2000 коп літоўскіх грошаў на 1/3 маёмасці (Канаплі, Ратнае, Мінковічы, Балатковічы, Такары), якая тады яшчэ не была падзелена паміж братамі. Пасля смерці мужа, 5 мая 1569 г., браты забралі яго маёмасць, а грошы Ульяне не вылучылі (1569). У іншай скарге адзначалася, што яны падзялілі паміж сабой

¹ Мясцовасць у дакументах называлася яшчэ Промеж, Промезы.

² Падрабязней гл.: [8, с. 43–50].

рухомыя рэчы Івана, якія ён падарыў жонцы, забралі рэчы з Азярніцы і Блізнай, у тым ліку скрыню з царквы Св. Міхаіла [14, sygn. 349, к. 1; sygn. 389, к. 1, 2, 5]. Пасля смерці Івана браты сапраўды правялі там інвентарызацыю рэчаў³.

Пры гэтым жанчына не стала чакаць міласці ад Гарнастаяў, а ўвайшла ў валоданне Азярніцай і Блізнай (1 ліпеня 1569 г.) [14, sygn. 389, к.11]. Да гэтага часу маёнткі трымаў Іван, бо Ульяна запісала мужу 1/3 маёмасці Азярніца, Блізнае, Промезі навечна, а на 2/3 – 4000 коп літоўскіх грошаў (1557)⁴. Як сведчаць дакумент дарсунішскі намеснік пільнаваў свае ўладанні [8, с. 43–50]. Ульяна бачачы, што самастойна не можа справіцца з сітуацыяй, падарыла маёнткі Азярніца і Блізнае сваёй пляменніцы Кацярыне Цянчынскай і яе мужу Юрыю Юр'евічу Слуцкаму Амелькавічу (1569) [1, арк. 81–81 адв.]. Гэта ў многім абумовіла далейшы ўдзел Слуцкага ў канфлікце.

Гарнастаі адпаведна падалі скаргу Жыгімунту Аўгусту на дзеянні Ульяны. Суд прыняў рашэнне на іх карысць, што азначала вяртанне маёнткаў Гарнастаям. На гэтым судовы шлях рэгулявання канфлікту быў скончаны. Азярніца і Блізнае становіцца месцам вайсковых дзеянняў.

Важна звярнуць увагу на гістарычную сітуацыю, якая склалася на той час. Краіна знаходзілася ў стане вайны з Маскоўскім княствам. Шляхта не адзін раз выпраўлялася ў вайсковыя паходы. На 1570 г. ужо быў скончаны першы этап Інфлянскай вайны. 22 ліпеня было падпісана трохгадовае перамірра [6; 13].

Ульяна адмовілася добраахвотна перадаць Гарнастаям Азярніцу і Блізнае. У выніку было прынята рашэнне аб вайсковай выправе шляхты Слонімскага павета. Шляхта, якая не заўсёды ахвотна рушыла на вайну з Маскоўскім княствам, у вялікім складзе сабралася для ўвязання маёмасці. Значную ролю тут адыгралі Гаўрыла Гарнастай і слонімска староста Грыгорый Валовіч.

Паводле рээстра рухомах рэчаў Івана можна казаць, што Азярніца – замак з добрым узбраеннем. Першую выправу ўзначалілі слонімска ўраднікі. 3 сакавіка 1570 г. шляхта Слонімскага павету спрабавала ўвязаць у валоданне Гарнастаяў. Амаль з кожнага маёнтка былі выстаўлены людзі, як на вайну са зброяй. Але яны сустрэлі моцны супраціў. Быў падстрэлены з гакаўніцы возны Ждан Васілевіч [14, sygn. 349, к. 5–12].

³ Дакумент надрукаваны, гл.: [8, с. 62–71].

⁴ Даравальны запіс быў актыкаваны ў кнігі троекага ваяводы Мікалая Радзівіла ў 1559 г. [14, sygn. 389, к. 56, 58, 73, 74, 77, 78–82, 86; 11, с. 84].

Важнай крыніцай здарэння з’яўляецца попіс удзельнікаў, які быў складзены гродскім пісарам Станіславам Мікалевічам і замацаваны пячаткай. З дакументу вынікае, што ў выправе ўдзельнічалі самі або выпраўлялі сваякоў ці слуг 164 асобы. Асноўныя ўраднікі не прысутнічалі на выправе, а былі іх слугі. Аднак у дакуменце зафіксаваны толькі прозвішчы, без пазначэнне зброі. Шляхта паходзіла з Бусежа, Дзераўное, Узловіч, Скрэндзевіч, Белай Залецяловічаў, Сакалова, Перавалокі, Грыўды, Мехава, Высоцка, Рагонай, Мізгіраў, Плаўскага, Адгінловічаў. У асноўным гэта была дробная павятовая шляхта. Большасць з іх зафіксавана ў попісах 1565 і 1567 гг. [5, стб. 313–319, 838–852], значыць мела вопыт удзелу ў вайсковых выправах У апошнім адзначана пра ўдзел 275 асобаў. У попісу за 1570 г. было на 111 менш, што зразумела тлумачыцца не такой важнасцю падзеі як вайна, а хутчэй праяўленнем ляльнасці да ўраднікаў [гл. дадатак 1].

Наступная выправа адбылася праз год. 2 верасня 1571 г. пад замак Азярніца рушыла шляхта ўжо трох паветаў Ваўкавыскага, Слонімскага і Навагарадскага. Гэта азначала, што ў войску было не менш чым 300 чалавек. У складзе войска знаходзіліся ўраднікі трох паветаў: навагарадскі кашталян і слонімскі староста Грыгорый Валовіч; берасцейскі ваявода і ваўкавыскі староста Юрый Васілевіч Тышкевіч. Ад гаспадара быў адпраўлены каралеўскі сакратар Якуб Пэнкоўскі. Але Азярніца была падрыхтавана да асады. 1 верасня князь Аляксандр Палубінскі прывёз у замак гакаўніцу з дзеламі, расплавіў яе і з’ехаў. Таму шляхту сустрэла “густая стральба з гакаўніцы і ручніц”. Ураднік Леў Ляткоўскі ўзначальваў абарону замка. Ю. Алелькавіч загадаў яму трымаць абарону коштам свайго жыцця. Войска з трох паветаў адступіла. 3 верасня Г. Валовіч напісаў ліст вялікаму князю аб падзеях [гл. дадатак 2, 3]. Такі ж самы ліст напісаў на наступны дзень каралеўскі сакратар Якуб Пэнкоўскі [14, sygn. 389, к. 18, 23–24, 39–40, 42, 112–113, 116, 321–322, 326].

Цяжка дакладна казаць ці быў складзены спіс шляхты трох паветаў, у дакументах ён не выяўны. Аднак тым не менш харугвы трох паветаў не здолелі ўзяць драўляны замак. Хутчэй за ўсё арганізатары выправы ваяваць не збіраліся. Яны спадзяваліся на маральнае ўздзеянне: маёнткі здадуць без бою, глядзячы на такую значную колькасць вайскоўцаў. Сама шляхта не вельмі хацела гінуць за чужую ўласнасць, і Азярніца была сур’ёзна падрыхтавана да супраціўлення. Гэта была апошняя выправа. Далей Гарнастаі спрабавалі ўрэгуляваць справу праз суд.

27 жніўня 1571 г. Астафей Гарнастай перадаў права вядзення судовых спрэчак у Ульянай брату Гаўрылу. Дакумент быў актыкаваны

у слонімскай гродскай кнізе [14, sygn. 349, k. 15–16]. Далей усе спрэчкі вырашаліся паміж Гаўрылам Гарнастаям і Юрыем Слуцкім.

16 лістапада 1573 г. Юрый Алелькавіч склаў пагадненне, па якому 2000 коп пазыкі І. Гарнастая Ульяне было залічана за кампенсацыю судовых выдаткаў, а рухомыя рэчы былі вернуты. Ю. Слуцкі прызнаў 4000 коп як уласную пазыку. А маёнткі заставаліся ў валоданні Ю. Слуцкага. Аднак да 1576 г. справа яшчэ не была вырашана да канца [14, sygn. 389, k. 33–34, 55–58, 65–67, 73, 74, 77, 88–89, 315–316, 319, 339–342, 347–350].

Відавочна, што гэта быў канфлікт паміж магнатамі. Ульяна не адзін год атрымлівала дапамогу ад Ю. Слуцкага і яго жонкі, таму для яе было лепшым выйсцем падарыць ім маёмасць. Канфлікт з мужам перарос у канфлікт з яго братамі. Слуцкія хоць на той час ужо зыходзілі з палітычнай арэны ВКЛ, але яшчэ мелі пэўны ўплыў [16]. Акрамя таго, атрымалася на свой бок прыцягнуць Аляксандра Палубінскага, які меў вялікі вайсковы досвед у Інфлянскай вайне [18]. Гарнастаі здабылі статус у шляхецкім грамадстве дзякуючы дзейнасці падскарбія Івана Гарнастая. З яго сыноў толькі Гаўрыла займаў высокія дзяржаўныя пасады. Гэта дазволіла яму абараняць інтарэсы не толькі ў судзе, але нават двойчы сабраць войска.

Калі браць прававы аспект справы, то дарэнне Ульянай маёмасці двум розным асобам справакавала канфлікт. Сітуацыя не ўзнікла, калі б яна давяла да канца шлюбаразводны працэс з Іванам Гарнастаям. Гэта дазваляла скасаваць дадзены адзін другому лісты, акрамя пазыковых. Але пасля смерці мужа для Ульяны падарыць маёнткі Слуцкаму аказалася адзіным выйсцем. Для Гарнастаяў судовыя спрэчкі і сваркі ў сям'і даўно сталі звычайнай справай [8, с. 38–72]. На пагадненне Г. Гарнастай пайшоў тады, калі атрымаў жорсткі супраціў, а судовыя выдаткі сталі перавышаць кошт уладанняў.

Вырашаць спрэчкі сілавымі метадамі было ўласціва для грамадства ВКЛ. Суды ўтрымліваць шмат скаргаў аб наездах на маёмасці і нападах на дарозе, у горадзе і іншых месцах. Аднак гэта выключэнне, калі для вырашэння сітуацыі збіралі войска аднаго павету, а пасля і трох паветаў.

Дадаткі

Дакументы напісаны на старабеларускай мове. Пры транслітарацыі тэксту ў аснову пакладзены прынцып палітарнай перадачы. Старажытныя літары захаваны, вынасныя – пададзены курсівам. Прапушчаныя літары ў словах пад цітламі раскрыты з улікам асаблівасцяў правапісу старабеларускай мовы і заключаныя ў круглыя дужкі. Пашкоджаныя месцы пазначаны ў квадратных дужках.

Дадатак 1

*Рэестр шляхты Слонімскага павету,
якая ўдзельнічала ў выправе 1570 г.*

Значная частку шляхты атрымалася ідэнтыфікаваць у іншых дакументах, што адзначана ў падстаронкавых спасылках. Дакумент падрыхтаваны да друку літоўскім даследчыкам Гедымінасам Лесмайцісам. Крыніца захоўваецца ў Галоўны архіве старажытных актаў: *Archiwum Potockich z Radzyna*, sygn. 349.

[5] Реестръ списанѣ шляхты повѣту Слонимског(о) которіе се рѣшили и были под Взерницею при мне подстаростим слонимском наима при Шпанасу

Кгдым ездил в нее ѡвазоват его м(и)л(о)сти п(а)на воеводы менского и п(а)на воеводица новгородского ихъ м(и)л(о)сти п(а)нов Горностаев на назначоныи рокъ и ден то есть третего дня марта в року деселшом тисеча пѣтсот семдесятомъ

На прод

При мне подстаростим яко при врад был возныи тогож повету слонимског(о) Ждан Василевич с Плавског(о) которого тамъ жо пострелено в ногу вышеш колена з гаковници

Васко Кореевич⁵ з Высоцка возныи другии

Его м(и)л(о)сть пан Миколаи Сопега воеводич новгородский⁶ сам не был але при ѡраднику своем лущневском и серебряском наиме при Григорю Богущѣ посылал кони десет

Его м(и)л(о)сть пан Аврам Мелешко⁷ з Девяткович сам с почтом своим был

⁵ У дакументах сустракаецца напісанне прозвішча як Карэвіч. Васіль Андрэвіч Карэвіч набыў маёнтак у Высоцку ў Астапкі Міхайлавіч Карэвіча і яго жонкі Марыны Пятроўны (1570), сенажаць за рэчкай Сарока ў Івана Ілініча і яго жонкі Аксінні (1574) [2, с. 432–433; 4, спр. 5, арк. 79адв.–80адв.]

⁶ Мікалай Сапега (? – 1599) быў сынам навагарадскага ваяводы Паўла. На той час актыўна ўдзельнічаў у дзяржаўнай палітыцы ВКЛ, таму адпаведна не мог быць у выправе. У Слоніmsкім павеце валодаў Узовіцамі [17; 12, с. 332–339].

⁷ Аврам Мялешка (? – 1599), займаў пасаду маршалка ЯКМ. Быў жанаты двойчы, першай жонкай была Ганна Бачанка, другая – Багдана Епімахаўна Вайнянка. Разам з братам Іванам трымаў Дзявяткавічы [9, с. 107–108].

пан Иван Мелешко⁸ з Девяткович сам был
пан судя⁹ сам не был але слуг двухъ на конех посылал
пан Елец подсудок¹⁰ слуг посылал
пан Михаило Волович¹¹ з Деречина сам не был але толко двухъ бояръ
присылали
[6] Пан Васил Киянин сына¹² присылал и зъ чотырма конми
Пан Шостовицький¹³ сам хор але слугъ присылал
З Бусези
Рофал Яфанасович¹⁴ сам былъ
Виктор Шдинцович¹⁵ сам был
Богдан Котович сам был
З Деревное
С той Дерево Михаило сам был
З Узловиць
Янь Миневский¹⁶ сам был
Андреи Зубцевич сам был
Ян Зубцевич¹⁷ слугу выслал
Удова Давыдоваа слуг выслала
Гневошова Влоченска¹⁸ слуг высылала

⁸ Иван Мялешка (кл. 1552 – 1622) сын Івана Іллі і Настассі Тышкевічаўны. Вызначыўся на розных пасадах: мазырскі падкаморы (1591), слоні́мскі падстароста (1591), берасцейскі (1610), месціслаўскі (1611) і смаленскі кашталян (1615). Ажаніўся з Ганнай Фурсаўнай [7, с. 135–150].

⁹ Слоні́мскім земскім суддзёй быў Міхаіл Лаўрынавіч Сакалоўскі [12, с. 366].

¹⁰ Слоні́мскім земскім падсудкам быў Пацей Елец [12, с. 366].

¹¹ Міхаіла Валовіч (? – 1580), сын навагарадскага кашталяна Грыгорыя Валовіча, займаў пасаду слоні́мскага старосты, быў жанаты з Гальшкай Глябовічаўнай [12, с. 407–412].

¹² Васіль Багданавіч Кіянін (? – 1595) зямянін Слоні́мскага павета, валодаў маёнткам Пескі, дваром Голешчава. У яго былі сын Дзмітры і дачка Марына (замужам за Янам Багуматкам). Сын стаў асноўным спадчыннікам яго маёмасці [12, с. 496–501; 3, спр. 3, арк. 7–7адв.]

¹³ Імя не адзначана, але найбольш верагодна, што гэта быў Багдан Сямёнавіч Шаставіцкі (? – да 1587), быў жанаты з Аляксандрай Вайнянкай [12, с. 447–453].

¹⁴ У крыніцы напісана Яфанасавіч, правільна Афанасавіч [3, спр. 1, арк. 327–328].

¹⁵ Адзінцовіч Віктар згадваецца як сведка ў тэстаменце Васіля Тышкевіча (1570) [12, с. 351].

¹⁶ Ян Мінеўскі быў жанаты з Тамілай Міхайлаўнай Скіпараўнай. Яна згадваецца ў тэстаменце сваёй маці Ганны Міхайлаўны Катоўны (1574) [12, с. 305].

¹⁷ Ян Зубцэвіч згадваецца як сведка ў тэстаменце Льва Вайніловіча (1592) [12, с. 492].

¹⁸ У дакументах прозвішча пісалася як Влочэнскі, Аўлачэмскі, Аўлучэмскі. У дакуменце згадваецца Марына, дачка Астафея Слізня (1505–1551), якая выйшла замуж за Івана Фёдаравіча Гнявошавіча Аўлачэмскага [7, с. 135–150].

Андреи Влоченский¹⁹ слугъ высылал
 Воитехъ Венцславович сам былъ
 Стас Маркович сам былъ
 Шчасныи Андрушкович сам был
 Ърбан Стасевич сам был
 [7] Янь Михаилович самъ былъ
 Андреи Богданович²⁰ самъ был
 Болтроеи Яцкович сам был
 Янь Абрамовичъ слугу высылал
 З Скрендевич
 Звезда Иванъ²¹ сам был
 Левъ Воинич²² сам был
 Иван Федкевич сам был
 Яков Макаревич сам был
 Андреи Мишкович²³ слугу высылал
 Куприян Петрович сам был
 Васко Петрович сам был
 Матеи Томкович²⁴ сам был
 Юри Каспорович сам был
 Богдан Мишкович²⁵ слугу выслал
 Миколаи Колкович самъ был
 Гаврило Вознович сам был
 Гришко Курелевич сам был
 Лаврин Курелевич сам был
 Федор Михнович сам был
 Якуб Станкевич сам был

¹⁹ Андрэй быў брагам Івана Фёдаравіча Гнявошавіча Аўлачэмскага.

²⁰ Андрэй Багдановіч падаў скаргі ў Слоні́мскі гродскі суд, адна была пра абрабаванне (1570), другая на Шчаснага Грыгоревіча за напад на яго маёнтак Узловіца (1592) [3, спр. 1, арк. 291–291адв.; 15, с. 25].

²¹ Іван Звезда (? – 1579) быў у атачэнні падстарбія ВКЛ Івана Гарнастая. Быў жанаты з Ганнай Мікалаўнай (? – 1592), у шлюбе нарадзіліся дзеці Мацей, Олюхна, Марына. Апошняя выйшла замуж за слонімскага шляхціча Яхіма Грыгорывіча (? – 1598). Сын быў непаўнаспраўны, ім апекавалася Марына. У Слоні́мскім павеце Іван валодаў Скрэндзевічамі [12, с. 403–407, 484–489, 530–533].

²² Леў Войніч абвінавачваў Войцеха Ляховіча ў збіцці падданных (1564) [2, с. 185].

²³ Андрэй Мішковіч (Мішкевіч) родны брат Багдана [12, с. 470].

²⁴ Мацей Томкавіч падаў скаргу на яворскага ўрадніка Льва Яцыніча – Барташа аб збіцці і абрабаванні (1566) [2, с. 294].

²⁵ Багдан Мішковіч (Мішкевіч) памёр на 1590 г. Быў жанаты з Тамілай Іванаўнай Быкаўшчанкай, пасля яго смерці выйшла замуж за Івана Васілевіча Глаза [12, с. 469].

Тимош Иванович сам был
 Матеи Василевич сам был
 Петръ Николаевич сам был
 Амброжеи Улизарович сам был
 [8] Васил Михаилович, Михаило Абрамович, Мишко Увдеевич сами
 были
 З Белои
 Дума Брескии сам был
 Матеи Бартошевич²⁶ сам был
 Григорей Томкович²⁷ сам был
 Воитех Скварский²⁸ сам былъ
 Миколаи Станкевич сам был
 Зъ Залетелович
 Янъ Щавинский²⁹ сам был
 Уд Соколова
 Гришковая Удинцовичовая слугу выслала
 Федор Чечот³⁰ сам фор(!) слугу выслал
 мачоха Чечетова³¹ слугу выслала
 С Переволоки
 Собко Маркович слугу выслал
 Зъ Гривды
 Богуринские³² послали слуг с конми 2
 З Роготнои
 Миколаи Станкевич сам был

²⁶ Мацея Барташэвіча абвінавачваў у нападзе на дом і крадзяжы вепра брат Аўрам (1574) [3, спр. 1, арк. 500адв.].

²⁷ Грыгорый Томкавіч быў жанаты з Ганнай Корбутаўнай. На 1597 г. памёр. Яго брат Шчасны быў апекуном яго дзяцей Войсеха, Шымкі, Юркі і Андрэйкі. Грыгорый быў сведкам у тэстаменце Мікалая Гурскага (1570) [12, с. 354, 522–523].

²⁸ Войсех Скварскі быў сведкам у тэстаменце Мікалая Гурскага (1570) [12, с. 354].

²⁹ Ян Якубавіч Шчавінскі быў жанаты з Марынай Сямёнаўнай Верашчанкай. Яна падарыла сваё вена, якое атрымала ад першага мужа Савы Аляксеевіча – 100 коп літоўскіх грошаў на маёнтку Сергееўскім (Слоніўскі павет), а таксама пазыку ў 20 коп (1574). У тэстаменце Каспера Вянцковіча згадваецца яго жонка і сын Пракоп (1581) [4, спр. 5, арк. 69–70 адв.; 12, с. 418].

³⁰ Фёдар Васілевіч Чачот меў канфліктныя адносіны са сваёй мачахай А. Пішчалаўнай (1566). Падданы Ф. Чачота абвінавачваўся братам Канстанцінам у нападзе і збіцці (1574) [3, спр. 1, арк. 458–458адв.; 2, с. 195–196, 224–225].

³¹ Аўдоця Міткуна Пішчалаўна была мачахай Фёдара Чачота, на той час удава. Падала скаргу на пасынка з-за збіцця падданных (1574) [3, спр. 1, арк. 458–458адв.].

³² Найбольш верагодна, што гаворка ідзе пра Даніэля Храптовіча Богурынскага, які пазней стаў слоніўскім земскім пісарам, і яго сваяках [12, с. 500].

Пётр Матеевич сам был
 Чиж³³ сам фор але слуг высылал 2
 Славутина³⁴ слугу высылала
 3 Высоцка
 Павел Кореевич сам был
 Ждан Тишкевич сам был
 Януш Русинович сам был
 Игнат Михнович³⁵ Федор Богданович а Васюта Тарасович сами были
 [9] Иван Илинич³⁶ сам был
 Васюк Тишкович сам был
 Шверко Русинович сам был
 Кузма Русинович сам был
 Тимош Кулакович сам был
 Михно Гаврилович сам был
 Янко Бурчич сам был
 Павел Мацкевич сам был
 Ждан Гриневич сам был
 Васко Гриневич сам был
 Возный³⁷ Богуш Михайлович³⁸ сам был
 Федор Чаренович сам был
 Матыс Хотылевский³⁹ слугу высла
 3 Мехова
 Митко Леневи⁴⁰ сам был
 Андреи Леневи сам был

³³ Войцех Марцінавіч Чыж з жонкай Багданай Іванаўнай набыў у братоў Грыгорыя, Андрэя, Рафала і Лукаша Зенковічаў сенажаць, якую яны атрымалі па старэйшаму брату Мацвею Васілевічу, за 12 коп літоўскіх грошаў (1574). Чыж згадваецца як сведка ў тэстаменце Альжбеты Янаўны Віктарынаўны (1571) [3, спр. 5, арк. 73–75; 12, с. 386].

³⁴ Жонка Славуты, але дакладна ідэнтыфікаваць цяжка. У 1560-х згадваецца слонімскі віж Фёдар Славута [3, спр. 1, арк. 73адв.]

³⁵ У тэксце памылкова – Минхович.

³⁶ Иван Ілініч і яго жонка Аксіння прадалі Васілю Карэвічу сенажаць за рэчкай Сарока ў (1574) [4, спр. 5, арк. 79адв.–80адв.]

³⁷ Слова дапісана з боку.

³⁸ Богуш Міхайлавіч згадваецца на гэтай пасадзе ў іншых крыніцах. Разам з жонкай Галенай набыў у Цімафея Антановіча частку валокі ў Рэпнічах (1573) [3, спр. 1, арк. 336, 337адв.; 4, спр. 5, арк. 27–28адв.].

³⁹ Мацвей Клімантовіч Хатылеўскі (? – 1586) быў жанаты з Кацярынай Сямёнаўнай Івашкевічаўнай. У іх былі дзеці Иван, Бенедыкт, Іеў, Багуміла, Аляксандра, Аленка. Маёмасць Мацвей меў у Высоцку [12, с. 435–440].

⁴⁰ Митко Ляневич набыў у Санюка Сямёнавіча, яго жонкі Олюшкі і сына Гаўрылы ніўку ў Мехаве за капю літоўскіх грошаў (1574) [4, спр. 5, арк. 65–65адв.]

Щепан Богданович⁴¹ сам был
Иван Богданович⁴² сам был
Васил Кондратович сам был
Парфен Кондратович сам был
Андреи Еришкович сам был
Иван Лукашевич⁴³ сам был
Игнат Клиномович⁴⁴ сам был
Марко Климович⁴⁵ сам был
[10] Сидор Климович⁴⁶ сам был
Зенов Лукашович сам был
Санко Селинович сам был
Гришко Селинович сам был
Куцко Тарасович сам был
Васко Яковцевич сам был
Хома Семенович сам был
Кондрат Петикович сам былъ
Васил Борисович сам был
Егнат Борисович сам был
Богдан Шлешкович сам был
Федор Тарасович⁴⁷ сам был
З Мизкгиров
Костантын Семонович сам был
Павел Васкевич сам был
Павел Лацевич сам был

⁴¹ Шчапан Багдановіч набыў у братоў Лукашэвічаў частку зямлі ў Мехава за 15 коп літоўскіх грошаў (1571). згадваецца як сведка ў тэстамента Марка Клімовіча (1587) [12, с. 443; 4, спр. 4, арк. 131адв.–134].

⁴² Иван Багдановіч быў жанаты з Даротай Вайткоўнай. Атрымаў па бацьку жонкі 1/3 яго ўладанняў (1556). Падаў скаргу на роднага брата Шчапана і яго жонку Аксім'ю Ленцаўну аб збіцці і гвалтоўным выгнанні з іх дома (1566). У 1570 г. згадваецца яго другая жонка Алена Томкаўна. Иван прадаў агарод у Мехава за 15 коп літоўскіх грошай Льву Ляткоўскаму і яго жонцы Багдане Іванаўне (1571) [2, с. 14–15, 294, 351–352; 4, спр. 4, арк. 75адв.–78].

⁴³ Иван Лукашэвіч разам са сваімі братамі Пратасам і Якавам прадаў частку зямлі ў Мехава Шчапану Багдановіча за 15 коп літоўскіх грошаў (1571) [4, спр. 4, арк. 131адв.–134].

⁴⁴ У тэксце памылка, трэба – Климович. Игнат Клімовіч і яго брат Сідар прадалі частку сваёй зямлі ў Мехава слонімскаму земскаму судзі М. Сакалоўскаму (1570) [2, с. 442–443].

⁴⁵ Марк Клімовіч (1587) быў жанаты з Таццянай Навіцкай, меў дзяцей Пятра, Навума, Фёдара, Сцепаніду. На момант смерці займаў пасаду вознага [12, с. 441–443].

⁴⁶ Сідар Клімовіч родны брат Марка, быў жанаты з Марынай Ходараўнай. Разам з братамі Маркам, Мікітам і Іванам прадалі частку зямлі ў Мехава Льву Ляткоўскаму (1575) [4, спр. 5, арк. 9–10; 12, с. 441–443].

⁴⁷ Фёдар Тарасовіч фігуруе ў справе ад падданных (1570) [2, с. 330].

Ждан Таипович⁴⁸ сам был
 Васко Павлович сам был
 З Радивиловичѣе
 Мартин Безусый сам был
 Янь Бартошевич⁴⁹ сам был
 Болтроеи Миклашевич сам был
 Стас Янкович сам был
 Каспор Мартинович сам был
 [11] Миколаи Котович⁵⁰ сам былъ
 Болтроеи Матеевич сам был
 Кгабриял Петрович сам был
 Матыс Котович сам был
 Юхно Михтилович сам был
 Валенты Жданович⁵¹ сам был
 Стас Павлович сам был
 Болтроеи Павлович сам был
 Матеи Воитехович сам был
 Янь Мартинович самъ был
 Стец Михнович сам был
 Юхно Янович⁵² сам был
 Матеи Шукевич сам был
 Петръ Мишкович сам был
 Петръ Каспорович сам был
 Стас Венцкович сам был
 Миколаи Матеевич сам был
 Лукашь Петрович сам былъ
 Юхно Мартинович сам был

⁴⁸ Ждан Тайпович разам з братам Станіславам прадалі сенажаці каля рэчкі Бусяж Войцеху Чыжу за 4 капы і 20 грошаў (1570) [2, с. 342–344].

⁴⁹ Ян Барташэвіч быў сведкам пры складанні тэстамента Каспра Вянцковіча (1581) [12, с. 419].

⁵⁰ Мікалай Катовіч меў спрэчку з Паўлам Ставуцічам з-за зямлі. Мікалай Яновіч абвінавчваў яго ў пагрозях здароўю, а Грышка Лаўрыновіч ў збіцці падданага. 12 рублёў навязкі ён павінен быў выплаціць за збіццё вознага Станіслава. Яго маці Магдалена спрабавала атрымаць ад сына праз суд 1/3 маёмасці як удава па яго бацьку Катэ. Але аказалася, што яна выйшла замуж, і сын ужо не быў абавязаны яе ўтрымліваць. Аднак са сваёй маёмасцю ён павінен быў выдаць пасагі сёстрам, калі яны пойдучь замуж (1556) [2, с. 7–8, 25, 29, 33, 37–38].

⁵¹ Валенты Ждановіч згадваецца ў тэстаменце Каспра Вянцковіча (1581). Апошні пазычыў 30 грошаў у Валентыя [12, с. 419].

⁵² Юхно Яновіч згадваецца як віз са слонімскага замку (1560) [12, с. 303].

Матеи Мордасович сам былъ
 [12] З Плавского
 Васил Иванович сам был
 Данило Федкович сам был
 Ростолук Кондратович сам был
 Юцко Гриневич сам был
 Гаврило Шверикович⁵³ сам был
 Трохим Селинович сам был
 Захариа Чорнышевич сам был
 Матеи Славутичъ самъ был
 Михаило Резанъ⁵⁴ сам был
 Щепан Резанович⁵⁵ сам был
 Якубъ Станькевич Слонилицки сам был
 З Дкгиновичъ
 Андреи Мартиновичъ сам был
 Стась Павлович самъ был
 Миколаи Петкевич⁵⁶ сам был
 Якубъ Матеевичъ сам был
 Щасныи Блажеевич⁵⁷ сам был
 Шрабан Лавринович сам был
 Петръ Жданович сам был
 Воитехъ Стасевич сам был
 [13] Богут Ганутевич сам был
 Адамъ Яновичъ сам был
 Януш Якубович сам был
 Аньдреи Матеевич сам был
 Юско Павловичъ сам былъ

⁵³ Гаўрыла Аверкавіч (? – 1591) меў уладанні ў Плаўску. Быў жанаты з Матрынай Лебедзеўнай. Дачку Тащяну выдалі замуж за Сцяпану Сарочыча. Уся спадчына перайшла ёй па тэстаменту бацькі (1591). У 1570 г. абвінавачваў свайго суседа Васіла Ярмовіча ў згвалтаванні жонкі [12, с. 472–475; 3, спр. 1, арк. 302].

⁵⁴ Міхайлу Разана абвінавачваў у абразах пляменнік Сямён Разан (1556). У яго быў сын Макар. Фядора Бельцаўна падала на яе скаргу аб нанясенні шкодаў маёмасці (1559). Міхайлу, яго жонку Ганну Міткоўну і сына збіў слонімскі падстароста Лаўрын Мацеевіч Сідароўскі (1566) [2, с. 42, 76, 261–262].

⁵⁵ Шчапан Хурсовіч Разан абвінавачваў свайго брата Сямёна Разана ў нападзе на дом і збіцці (1564) [2, с. 144].

⁵⁶ Мікалай Петкевіч быў жанаты з Зафэяй Вайткоўнай. Атрымаў па бацьку жонкі 1/3 яго ўладанняў (1556) [2, с. 14–15].

⁵⁷ Блажэвіч Шчасны згадваецца як сведка ў тэстаменте Альбеты Яноўны (1596) [12, с. 513].

Пан Федор а пан Петръ Влховские⁵⁸ з ымена своего сами были⁵⁹
Станислав Миколаевич кгород(ский) писар⁶⁰

Дадатак 2

*Скарга менскага ваяводы Гаўрылы Гарнастая на аказанне
супраціўлення пры ўвязанні ў маёнтак Азярніца, 1571 г.*

Дакумент захоўваецца ў Галоўны архіве старажытных актаў: Archiwum Potockich z Radzunia, sygn. 389. Замацаваны пячаткай. Пашкоджанні ў некаторых месцах пазначаны квадратнымі дужкамі і пры магчымасці тэкст адноўлены.

Выпісь с книгъ кгроцкихъ двора г(о)с(по)д(а)рского волковыиского.

Лета Бож(его) нарож(еня) 1571 м(е)с(е)ца сент(бра) 6 дня 8 четвергъ.

Присылалъ до двора г(оспо)д(а)рского волковыиского до мене Федора Якимовича подс[т]аростего волковыиского вельможныи пан его м(и)л(о)сть пан Гаврило [Горноста]и пан воевода менский шповедаючи то через служебника своег(о) М[икала]я Станиславовича што *же* деи будучи мне м(е)с(е)ц сеньтебра вто[ро]го дня 8 неделю при рушеню поветов то *ест* Слонимског(о), Новгородско[г(о)] и Волковыиског(о) воспол зъ их м(и)л(о)стями паномъ Григоремъ Воловичом кашталаном новгородскимъ, старостою слонимским а зъ его м(и)л(о)стью паномъ Юремъ Василевичем Тишковичом воеводою берестеиским, старостою волковыискимъ а паномъ Якубомъ Пековскимъ секретаромъ его королевскеи м(и)л(о)сти и со всею шляхтою рыцёрствомъ его королевскеи м(и)л(о)сти тых трех поветов вышеи менов[ан]ых за листовнымъ росказанемъ ег(о) королевскеи м(и)л(о)сти под Взерницо[ю] [...] ямоцного ўвязана 8 тые имена Взерницу и Близную мен[...] паномъ Встафеемъ Горностаем паномъ братом[ъ] [...] нашу 8 тот час деи были возные повету Новгородского на име Васко Дешинич а повету Слонимског(о) Станислав Михаилович з замьку и з двора Взерницкого

⁵⁸ Пётр і Іван паходзілі з сям'і Івана Іванавіча Альхоўскага і Марыны Грынькоўны. Акрамя іх у сям'і былі Андрэй, Астафей, Магдалена, Таміла і Таццяна. У сваім тэстаменце маці ўсю сваю маёмасць запісала Івану, аддаліўшы іншых дзяцей за іх неадпаведнае да яе стаўленне (1574) [12, с. 387–391].

⁵⁹ Дакумент замацаваны пячаткай.

⁶⁰ Станіслаў Мікалаевіч (? – 1598) да канца свайго жыцця займаў пасаду пісара. У тэстаменце пісаўся з прозвішчам Падрэза. быў жанаты з Маранцыйй Матысоўнай. У шлюбe нарадзіліся Аляксандр і Марухна (жонка Яраш Быкоўскага) [12, с 533–537].

шт ўрадніка дна вблновы приходили при которых вблновах пытал его м(и)л(о)ст пан кашталан новгородский тых возных восполь зь их м(и)л(о)стью паны вышеи меноваными если бы было што людеи на замку прибылых вны се возные повелили же деи людеи иных неть х вно яко дна ўчорошнег(о) ў суботу м(е)с(е)ца сентебра первого дна кн(ѣ) зь Александро Полубенский з стрелбою то ест з дель з гаковницами до замьку и до двора приездял и вную стрелбу расплавивш[и] и на замку и в дворе Взерницкомъ оставивши проч зъехал яко ж его м(и)л(о)сть пан Гаврило Горностаи слушечи тую повест от тых возных и розумеючи быт кн(ѣ)зя Александра Полубенского таковыи же способе просил абы то было до книгъ записано яко ж то ест записано ш чога выпис печатю моею собе ўзял. П(и)сан ў Волковыиску.

Григорей Юрославовичъ Риски

Дадатак 3

*Ліст навагарадскага кашталеяна Грыгорыя Валовіча
з апісаннем выправы на Азярніцу, 1571 г.*

Дакумент захоўваецца ў Галоўны архіве старажытных актаў: Archiwum Potockich z Radzunia, sygn. 389.

[39] Григорей Волович кашталан новгородский староста слонимский взнаимую то всим вобец иж яко его королевскаѣ м(и)л(о)ст пан наш м(и)л(о)стивый часу недавно минулог(о) листы писат до мене такъ до поветов Новгородског(о), Слонимског(о), Волковыиског(о) розказат рачил жебых ѣ з оными поветы рушившыся до Взерницы и Близной вные имена за сказанемъ суду моег(о) кгородског(о) так и за листы его кр(олевскаѣ) м(и)л(о)сти их м(и)л(о)сть п(а)ном Горностаем моцно подал и их м(и)л(о)ст в сто ўвезал так и п(а)нюю Ивановую Горностаевую п(а)нюю Ульяну Богушевну яко спротивную и не послушную зверхности его королевское м(и)л(о)сти поимал ее ку его королевскои м(и)л(о)сти вдослал а так ѣ чынечы досыт воли и розказаню его королевское м(и)л(о)сти давши собе час и ден певный з оными трима поветы ку рушеню до Взерницы и Близной притегнути а коли есмо притегнули под замок и двор Взерницкий сплечне изь их м(и)л(о)сти п(а)ны Горностаи яко з стороною ўкривжоною в тот час зь замку и двора Взерницкого стрелба густаѣ з дел з гаковниц на нас ўчинена же нелзе было далеи опступит то пакъ мы видечи таковую стрелбу и ўчинивши есмо вбмову зь их м(и)л(о)сти п(а)ны шляхтою рыцарством его королевскои м(и)л(о)сти там

тот час будучими и вбравши с кождо(о) повету по три шляхтичи а при них по возному до замку и двора *Взерницко(о)* слал мовечи и *в*поменаючи то(о) хтобы на тот час там на тым замку и дворе владал им справовал и тую стрелбу чинил *и*ж бы *вн* тои стрелбы занехавши *вн*шыи замок и двор *Взерницы* и двор *Близную* их м(и)л(о)сти п(а)ном *Горностаем* за сказанем суду мое(о) *в*городско(о) слонимско(о) так за листы его *к*(олевское) м(и)л(о)сти и за притегненемъ повету *я*ко близкост их м(и)л(ости) пустил в *мо*ц и в держане ихъ м(и)л(о)сти подал под закладом на его *к*(олевское) м(и)л(о)сть дванадцатма тисечми копами грошеи так и п(а)ною *Ивановую Горностаевую* п(а)ною *в*льяну *Богушеву* *я*ко спротивную и не послушную *з*верхности его *к*(олевское) м(и)л(ости) выдал так же под таковою [40] зарукою дванадцатма тисечми копами грошеи а где бы на тое *в*поминане мое недбал *вн*ых именеи доброволне поступит тот и п(а)ною *Ивановую Горностаевую* *я*ко спротивную и не послушную *в*дати не хотел тогды *я* заховываючысе водлуг воли розказаня и листов его *к*ролевское м(и)л(о)сти и чинечы досыт Статутови *в*сполок з оными поветы *в*зявши *вн*ые именея *мо*цно их м(и)л(о)стыя п(а)ном *Горностаем* подам и *в*вежу то пак *в*радовник на тот час будучи на *Взерницы* и *Близной* *не*акии *Лев Летевский* котории се менил *б*ыт *в*радовником на тых именеях *вн*т его м(и)л(о)сти п(а)на *Юр*я *Ю*ревича *Слущкого* через тых посланцов *н*(а)шых *вн*тказ *в*чинил *и*ж *я* навпоминане п(а)на *новгородско(о)* так и на тые заруки которие именею короля его м(и)л(о)сти *к*ладеи недбаю а *вн*ых именеи *Взерницы* и *Близное* не поступлю бо его м(и)л(о)сть *кн*(а)зь *пан* мои розказал ми абых тых именеи до горла боронил и их не поступовал так тож и п(а)ною *Ивановую Горностаевую* хотябы теж и тут была ее не выдавал а так *я* *в*сполок з оными поветы *ш*ляхтою и *ры*цырством его *к*ролевскои м(и)л(о)сти маючы *вн*ых *вн*тказ и слышечи таковое спротивене *н*апротивку *з*верхности его *к*ролевскои м(и)л(о)сти а хотечи воли и розказню его *к*ролевскои м(и)л(о)сти так и статутови досыт *в*чинит а *в* *вн*ые именеи *Взерницу* и *Близную* их м(и)л(о)ст п(а)нов *Горностаев* *мо*цно *в*везат вси есмо сполне ку замку и двору *Взерницкому* рушилися то пак тои *в*радовник *в*зерницкий *Лев Летевский* не *д*баючи ничо(о) *я*ко *в* *з*верхности его *к*ролевское м(и)л(о)сти так и *в* *вн*ые заруки которие мел именею его *к*ролевское м(и)л(о)сти *к*лал *п*овторе еще *б*ольшую *к*рутеишную стрелбу зъ замку и з двора *Взерницко(о)* *в*чинил же есмо *л*едве в *ц*але *н*азад *вн*ступоват могли. *я*ко *я* *в*идечи такое великое спротивене и непослушенство *н*апротивку *з*верхности *к*ролевское м(и)л(о)сти томъ южь до *в*ядомости

его королевское м(и)л(о)сти через секретара его королевское м(и)л(о)сти [43] п(а)на [Я]куба Пенковског(о) вдослал и тое зознане мое ку подпертью 8 права под печатю моею их м(и)л(о)сть п(а)ном Горностаем их м(и)л(о)стьм п(а)ном Горностаем далом. Писан 8 Слониме. Року Бож(его) нарож(еня) 1571 м(е)с(е)ца сентебра 4 дня.

Федоръ Богушевиць крод(ский) слон(имский) писаръ.

Спіс літаратуры

1. Адзел рукапісаў Бібліятэкі Літоўскай Акадэміі Навук. – Ф. 16. – Спр. 72.
2. Акты, издаваемые Виленскою археографическою комиссиею. – Т. 22. Акты Слонимского земского суда (1555–1570). – Вильна, 1895.
3. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 1785. – Воп. 1. – Спр. 4, 5.
4. НГАБ. – Ф. 1737. – Воп. 1. – Спр. 1, 3.
5. Русская историческая библиотека. – Т. 33: Литовская Метрика. Отдел третий. Ч. 3: Книги публичных дел. Переписи Литовского войска. – Петроград, 1915.
6. Сагановіч, Г. Інфлянцкая вайна / Г. Сагановіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Т. 3. – Мн., 1996. – С. 499–500.
7. Сліж, Н. Вяноўныя запісы ў слонімскай земскай кнізе за 1575 г. / Н. Сліж // Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы юбілейн. навук.-практ. канф., прысвечанай 70-годдзю Нац. гіст. архіва Беларусі (Мінск, 8 ліп. 2008 г.) / Уклад. З.Л. Яцкевіч; навук.рэд. У.І. Адамушка. – Мінск, 2008. – С. 135–150.
8. Сліж, Н. Лёс дзяцей Івана Гарнастая, падскарбія ВКЛ / Н. Сліж // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. – 2013. – № 39. – С. 38–72.
9. Сліж, Н. Сямейныя адносіны і шлюбныя стратэгіі Саламярэцкіх у 16 – першай палове 17 ст. / Н. Сліж // Гістарычны альманах. – 2005. – Т. 11. – С. 86–121.
10. Сліж, Н. Сям'я Івана Гарнастая, падскарбія ВКЛ / Н. Сліж // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. – № 38. – Беласток, 2012. – С. 7–46.
11. Сліж, Н. Як вярнуць збеглую жонку: прыгоды з жыцця Ульяны Гарнаставай з роду Багавіцінавічаў (? – 1575) / Н. Сліж // *Homo historicus*. – 2008. – С. 78–91.
12. Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. (з актавых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / А. Ф. Аляксандрава, В.У. Бабкова, І. М. Бобер; Нац. гіст. архіў Беларусі. – Мінск: Беларуская Эцыклапедыя імя П. Броўкі, 2012.
13. Янушкевіч, А. Вялікае княства Літоўскае і Інфлянцкая вайна 1558–1570 гг. / А. Янушкевіч. – Мінск, 2007.
14. *Archiwum Główne Aktów Dawnych*. – *Archiwum Potockich z Radzyna*. – Sygn. 349, 389.
15. *Gabinet rękopisów BUW*. – Sygn. 316.
16. Kempa, T. Zbiego kniaziów Olelkowiczów słuckich o uzyskanie miejsca w senacie po 1569 roku / T. Kempa // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. – 2003. – T. XLVII. – S. 65–88.

17. Plewczyński, M. Połubiński Aleksandr / M. Plewczyński // Polski Słownik Biograficzny. – T. 27. – Wrocław, Warszawa, Kraków, Gdańsk, Łódź, 1983. – S. 355–358.

18. Lulewicz, H. Sapięha Mikołaj / H. Lulewicz H. // Polski Słownik Biograficzny. – T. 35 / 1. Zesz. 144. – Warszawa; Wrocław; Kraków, 1993. – S. 116–119.

РЕЦЕНЗИИ

Келлер О. Б.

РЕЦЕНЗИЯ НА СБОРНИК «ИССЛЕДОВАНИЯ О “ШВАБСКОМ ЗЕРЦАЛЕ” В ПРИДУНАЙСКИХ ОБЛАСТЯХ»

В начале XXI в. Саксонской Академией наук (г. Лейпциг) было инициировано издание серии «Право саксонско-магдебургское на востоке» («Ius saxonico-maidebvrge in Oriente»). Под саксонско-магдебургским правом мы подразумеваем синтез Магдебургского городского права с Земским правом «Саксонского Зеркала». Первый том, изданный в 2008 г., представляет собой сборник докладов ученых, сделанных на международной конференции, организованной Саксонской Академией наук в 2003 г., и затрагивающих самые разные аспекты распространения саксонско-магдебургского права в Центральной и Восточной Европе в периоды Средневековья и Нового времени [1]. Том второй, изданный в 2011 г., был посвящен распространению саксонско-магдебургского права на землях Польши [2]. В третьем томе, изданном в 2013 г., наряду с рассмотрением вопроса о саксонско-магдебургском праве в Венгрии и Румынии, отображены автономия и трансферт немецкого права в регионах Дуная и Карпат [3]. В 2015 г. увидел свет четвертый том из серии «Право саксонско-магдебургское на востоке» [4].

Этот четвертый, рецензируемый том под названием «Исследования о “Швабском Зерцале”» в придунайских областях» и посвященный средневековому трансферту немецких правовых Зерцал – результат двух международных конференций, организованных кафедрой европейской истории права Сегедского университета (Венгрия). Первая из двух конференций была проведена 29 февраля 2008 г. и называлась «Исследования о “Швабском Зерцале” в придунайских областях»; вторая – под названием «“Швабское Зерцало” и другие правовые сборники в области Дуная» проводилась в период с 1 по 2 марта 2012 г.

Конференция, проводившаяся в Сегеде (Венгрия) 29 февраля 2008 г.

Нельзя не отметить, что большинство докладов, прозвучавших на первой конференции в 2008 г., уже были опубликованы [5]. Но чтобы сделать научные доклады доступными более широкому кругу читателей, было решено опубликовать их еще раз в рецензируемом сборнике.

В своем докладе венгерский теолог **Гюорги Бенюик** из Сегеда предоставил всеобщему вниманию точки соприкосновения между Священным писанием (Библией) и «Швабским Зерцалом». Помимо этого, автором в его докладе были тематизированы следующие три вопроса: 1) литература о «Зерцалах»; 2) сопоставление введений к «Саксонскому Зерцалу» и к баварскому источнику и 3) роль Бертольда из Регенсбурга в появлении введения к «Швабскому Зерцалу» [6].

Венгерский историк **Лазло Блазович** подробно описал значение и роль «Швабского Зерцала» в Венгрии, а также заострил свое внимание на «Швабском Зерцале из Кошице» [7]. Рукопись «Швабского Зерцала» из Кошице датируется 1430 г., оригинал рукописи хранится в городском архиве Кошице. Через Офен (Буду) южнонемецкое право «Швабского Зерцала» попало на территорию современной Словакии, и, прежде всего, в Кошице. Но несмотря на то, что Кошице переняла южнонемецкое право при содействии Офена (Буды), «Швабское Зерцало» из Кошице не только не идентично «Сборнику городского права Офена», но и принадлежит к значительному числу правовых рукописей Южной Германии, генеалогия которых до конца всесторонне не выяснена. Хотелось бы особенно отметить именно этот доклад, так как он представляет несомненный интерес для всех исследователей проблематики распространения немецкого права к востоку от Германии. В нем Лазло Блазович довольно подробно проанализировал статьи из «Сборника городского права Офена» и «Швабского Зерцала», установив сходство и различия между немецким и венгерским правовыми сборниками. Так, например, он указывает на то, что «Офенский правовой сборник» содержит следы 26 статей «Швабского Зерцала» [7, S. 15]. Интересен тот факт, что из «Саксонского Зерцала» правовым сборником Офена было перенято только 15 статей [7, S. 15]. Это, вне всякого сомнения, свидетельствуют о том, что влияние баварского сборника на венгерских землях было несколько ощутимее влияния сборника саксонского.

Некоторые немецкие гости посвятили свои выступления каждый одному из конкретных правовых институтов «Швабского Зерцала», а именно: **Хайнц Хольцхауэр** из Мюнстера – уголовному праву [8]; **Бернд Канновский** из Фрайбурга в Брайзгау (ныне профессор в Байройте) – доказательственному праву [9]. Бернд Канновский подчеркивает, что на «Швабское Зерцало» сильное влияние оказало «ученое» («постороннее»), а не немецкое право. И это, скорее всего, сыграло свою роль в той оценке, которую давала баварскому сборнику классическая немецкая историография XIX в. [9, S. 35].

Другие гости из Германии провели сравнительный анализ «Саксонского» и «Швабского» Зерцал: **Петер Ландау** из Мюнхена сравнивал сборники касательно области избрания короля [10], а заведующий кафедрой истории права университета имени Мартина Лютера профессор **Хайнер Люк** из Галле – в области самых различных аспектов.

В частности, в своем докладе под названием «Связи, параллели, различия» профессор **Хайнер Люк** сконцентрировал внимание на следующих трех моментах: 1) история возникновения и сохранившиеся на сегодняшний день тексты двух правовых средневековых сборников; 2) происхождение права; 3) география распространения двух Зерцал [11]. Что касается появления и сохранения текстов «Саксонского» и «Швабского» Зерцал, то тут профессор Хайнер Люк подчеркнул, что, согласно последним исследованиям Петера Ландау, «Саксонское Зерцало» появилось в монастыре цистерцианцев (бернардинцев) Альтцелла, расположенного возле г. Мейсен (Майсен) в федеральной земле Саксония [11, S. 59]. «Швабское» же Зерцало, записанное в 1275 г. в Аугсбурге, вне всякого сомнения, имеет отношение к Ордену францисканцев [11, S. 60]. В общей сложности сохранилось около 470 различных текстов и отрывков «Саксонского Зерцала», в том числе 4 проиллюстрированных рукописи XIII в. [6, S. 59]. Почти столько же (470) сохранилось текстов «Швабского Зерцала», включая одну рукопись с иллюстрациями [11, S. 62]. Что касается происхождения права, то тут Хайнер Люк сообщает, что в своем «*textus prologi*» создатель «Саксонского Зерцала» Эйке фон Репков указывает на то, что записанное им право перешло от предков: якобы саксонское право берет свои истоки от христианских императоров Константина Великого (годы правления 306–337) и Карла Великого (годы правления 768/800–814). До сих пор, подчеркивает профессор Хайнер Люк, этому факту уделялось мало внимания. А ведь в этом можно увидеть своего рода когерентность и параллели между двумя средневековыми сборниками – «Саксонским» и «Швабским» Зерцалами, так как при анализе происхождения «Швабского Зерцала» учеными изначально констатировалась связь последнего с разносторонними правилами и правовыми принципами, взятыми из римского и канонического права, а о первом памятнике речь практически не велась [11, S. 63]. Причины этого, на наш взгляд, очевидны: начиная с середины XIX и до середины XX вв. немецкая историография пыталась превозносить национальный фактор. Что же касается третьего момента, а именно рецепции обоих сборников, то тут Хайнер Люк отмечает, что в отличие от истории распространения «Саксонского Зерцала» сфера трансферта «Швабского

Зерцала» изучена мало. Это, безусловно, связано с общественно-политической ситуацией в Германии в XX в. (однозначно не в пользу «Швабского Зерцала») [11, S. 68]. Несмотря на то, что оба памятника правовой мысли нашли достаточное широкое применение в Центральной и Восточной Европе, сфера распространения и влияния «Саксонского Зерцала», по мнению профессора Хайнера Люка, была намного обширнее, чем «Швабского Зерцала» [11, S. 69]. Помимо этого, по мнению Хайнера Люка, интересен тот факт, что оба источника отличаются своими переводами, а именно: «Швабское Зерцало» было переведено на чешский и старофранцузский языки, «Саксонское Зерцало» – на польский; вдобавок к этому имеются переводы «Саксонского Зерцала» на верхне-немецкий язык, а «Швабского Зерцала» – на нижне-немецкий [11, S. 69].

Австрийский историк права **Гернот Кохер** из Граца порадовал гостей конференции диа-докладом о «Швабском Зерцале». Причем выступление австрийского ученого, в отличие от предыдущих авторов, опубликовано в другой книге [12].

Конференция, проводившаяся в Сегеде (Венгрия) 1–2 марта 2012 г.

В рамках второй конференции профессором **Хайнером Люком** был поставлен на обсуждение вопрос о том, должны ли рассматриваться правовые сборники как достижения частного характера сведущих в вопросах юриспруденции современников [13]. Более детальное рассмотрение показывает, что развитие права достаточно сильно зависело от того, считали ли некоторые «предприимчивые» деятели того времени необходимым включать в свои сборники отдельные правовые нормы. Применительно к развитию права, это предположение подтверждается многочисленными косвенными доказательствами методического и содержательного характера.

На второй конференции с докладами, помимо профессора Люка, выступили такие ученые, как Каталин Гёнчи, Виланд Карлс и Инге Билы. **Каталин Гёнчи** сделала исторический обзор изучения правовых сборников в Венгрии [14], **Виланд Карлс** предоставил вниманию участников конференции свои наблюдения о сохранившихся исторических традициях [15], а **Инге Билы** посвятила свое исследование анализу юридических терминов на основе историко-правовых текстов [16]. **Франк Айхлер** из Гамбурга осветил проблематику передачи традиций устным путем и письменной фиксации правовых источников [17]. Затем были заслушаны доклады, посвященные отдельным правовым институтам: в частности, **Тамаш Антал** из Сегеда презентовал правовое

положение судьи [18]; **Лазло Блазович** из Сегеда высказал свои мысли по поводу наследственного права [19], а **Ульрике Мюссиг** из города Пассау рассказала о соответствующих последней воле судебных постановлений в средневековых правовых и шеффенских книгах [20].

Характерные для средневековой Венгрии правовые сборники также были представлены на этой конференции. О «Трипартитуме Иштвана Вербёци» вел речь исследователь из Будапешта **Габор Хамза** [21]. В центре внимания и повествования **Эрики Николицы** из города Дунауйвароша находился «Офенский правовой сборник» [22]. **Магдольна Гедон** из города Мишкольца, расположенного на северо-востоке Венгрии, ссылаясь в своих размышлениях на правовой сборник из города Банска-Штьявница (Шемнитц) и «Горный порядок» Максимилиана [23]. А **Бела Сцабо** из Дебрецена предоставил вниманию публики доклад на тему «Собственное Земское право саксов из Ципса (Спиша)» [24]. Особой теме, в частности, животным в обоих правовых сборниках – в «Саксонском» и «Швабском» Зерцалах было посвящено исследование профессора **Бернда Канновского** [25]. Роли женщины в «Швабском Зерцале» посвятила свой доклад **Иболия Каталин Конч** из города Мишкольца [26]. И, наконец, хотелось бы упомянуть еще один доклад, сделанный ныне покойным финским профессором **Илпо Тапани Пиирайненом**, длительное время работавшим в Институте немецкого языка, литературы и ее дидактики Вестфальского университета имени императора Вильгельма в городе Мюнстере под названием «Влияние права Ципса (Спиша) на последующие правовые сборники XVI–XVII вв.» [27].

Вне всякого сомнения, абсолютно все без исключения доклады, сделанные на двух конференциях в Сегедском университете (Венгрия) в 2008 и 2012 гг., являются своего рода «кирипичиком» в монументальном строении центральноевропейской правовой культуры и вносят существенный вклад в рассмотрение проблематики распространения немецкого права в Центрально-Восточной Европе в периоды Средневековья и раннего Нового времени.

Список литературы

1. Rechts- und Sprachtransfer in Mittel- und Osteuropa: Sachsenspiegel und Magdeburger Recht: intern. u. interdisziplinäre Konf., Leipzig, 31. Okt. – 2. Nov. 2003 / Hrsg.: E. Eichler, H. Lück. – Berlin: De Gruyter Recht, 2008. – 332 S. – (Ivs saxonico-maidebvr gensense in Oriente; Bd. 1).
2. Bily, I. Sächsisch-magdeburgisches Recht in Polen: Untersuchungen zur Geschichte des Rechts und seiner Sprache / I. Bily, W. Carls, K. Gönczi. – Berlin: De Gruyter Recht, 2011. – VIII, 479 S. – (Ivs saxonico-maidebvr gensense in Oriente; Bd. 2).

3. Gönczi, K. Sächsisch-magdeburgisches Recht in Ungarn und Rumänien: Autonomie und Rechtstransfer im Donau- und Karpatenraum / K. Gönczi, W. Carls, unter Mitarbeit von I. Bily; Sächsische Akad. der Wissenschaften zu Leipzig. – Berlin: De Gruyter Recht, 2013. – 223 S. – (Ivs saxonico-maidebvrghense in Oriente; Bd. 3).

4. Balogh, E. Schwabenspiegel-Forschung im Donaugebiet: Konferenzbeiträge in Szeged zum mittelalterlichen Rechtstransfer deutscher Spiegel / E. Balogh (Hrsg.). – Berlin: De Gruyter Recht, 2015. – VII, 449 S. – (Ivs savonico-maidebvrghense in Oriente; Bd. 4).

5. Acta juridica et politica 71. – Fasc. 17.1–7 (2008). – S. 519–596.

6. György, B. Einflüsse der Bibel auf den Schwabenspiegel // Balogh, E. Schwabenspiegel-Forschung im Donaugebiet: Konferenzbeiträge in Szeged zum mittelalterlichen Rechtstransfer deutscher Spiegel / E. Balogh (Hrsg.). – Berlin: De Gruyter Recht, 2015. – VII, 449 S. – (Ivs savonico-maidebvrghense in Oriente; Bd. 4). – S. 5–11.

7. Blazovich, L. Die Wirkung des Schwabenspiegels in Ungarn // Balogh, E. Schwabenspiegel-Forschung im Donaugebiet: Konferenzbeiträge in Szeged zum mittelalterlichen Rechtstransfer deutscher Spiegel / E. Balogh (Hrsg.). – Berlin: De Gruyter Recht, 2015. – VII, 449 S. – (Ivs savonico-maidebvrghense in Oriente; Bd. 4). – S. 13–24.

8. Holzhauer, H. Familien- und strafgeschichtliche Beobachtungen am Schwabenspiegel // Balogh, E. Schwabenspiegel-Forschung im Donaugebiet: Konferenzbeiträge in Szeged zum mittelalterlichen Rechtstransfer deutscher Spiegel / E. Balogh (Hrsg.). – Berlin: De Gruyter Recht, 2015. – VII, 449 S. – (Ivs savonico-maidebvrghense in Oriente; Bd. 4). – S. 25–34.

9. Kannowski, B. Zum Beweisrecht des Schwabenspiegels // Balogh, E. Schwabenspiegel-Forschung im Donaugebiet: Konferenzbeiträge in Szeged zum mittelalterlichen Rechtstransfer deutscher Spiegel / E. Balogh (Hrsg.). – Berlin: De Gruyter Recht, 2015. – VII, 449 S. – (Ivs savonico-maidebvrghense in Oriente; Bd. 4). – S. 35–48.

10. Landau, P. Die Königswahl vom Sachsenspiegel zum Schwabenspiegel // Balogh, E. Schwabenspiegel-Forschung im Donaugebiet: Konferenzbeiträge in Szeged zum mittelalterlichen Rechtstransfer deutscher Spiegel / E. Balogh (Hrsg.). – Berlin: De Gruyter Recht, 2015. – VII, 449 S. – (Ivs savonico-maidebvrghense in Oriente; Bd. 4). – S. 49–55.

11. Lück, H. Kohärenzen, Parallelen, Divergenzen // Balogh, E. Schwabenspiegel-Forschung im Donaugebiet: Konferenzbeiträge in Szeged zum mittelalterlichen Rechtstransfer deutscher Spiegel / E. Balogh (Hrsg.). – Berlin: De Gruyter Recht, 2015. – VII, 449 S. – (Ivs savonico-maidebvrghense in Oriente; Bd. 4). – S. 57–72.

12. Kocher, G. Das Bild vom Recht im Schwabenspiegel // Beiträge zur Rechtsikonographie, Rechtsarchäologie und Rechtlichen Volkskunde. – Bd. 4, 1990. – S. 75–105.

13. Lück, H. Rechtsbücher als „private“ Rechtsaufzeichnungen? // ZRG GA 131 (2014). – S. 419–433.

14. Gönczi, K. Vom ungarischen „Volksgeist“ bis zum europäischen Kontext // Balogh, E. Schwabenspiegel-Forschung im Donaugebiet: Konferenzbeiträge in Szeged zum mittelalterlichen Rechtstransfer deutscher Spiegel / E. Balogh (Hrsg.). – Berlin: De Gruyter Recht, 2015. – VII, 449 S. – (Ivs savonico-maidebvr gens e in Oriente; Bd. 4). – S. 169–178.

15. Carls, W. Überlieferungsgeschichtliche Beobachtungen zum Verhältnis von Schwabenspiegel und Sächsisch-magdeburgischem Recht // Balogh, E. Schwabenspiegel-Forschung im Donaugebiet: Konferenzbeiträge in Szeged zum mittelalterlichen Rechtstransfer deutscher Spiegel / E. Balogh (Hrsg.). – Berlin: De Gruyter Recht, 2015. – VII, 449 S. – (Ivs savonico-maidebvr gens e in Oriente; Bd. 4). – S. 127–135.

16. Bily, I. Wortanalysen anhand historischer Rechtstexte – Zu einigen deutschen Lehnwörtern in der polnischen und tschechischen historischen Rechtsterminologie // Balogh, E. Schwabenspiegel-Forschung im Donaugebiet: Konferenzbeiträge in Szeged zum mittelalterlichen Rechtstransfer deutscher Spiegel / E. Balogh (Hrsg.). – Berlin: De Gruyter Recht, 2015. – VII, 449 S. – (Ivs savonico-maidebvr gens e in Oriente; Bd. 4). – S. 85–99.

17. Eichler, F. Rechtsbücher und die Mündlichkeit des mittelalterlichen Rechts // Balogh, E. Schwabenspiegel-Forschung im Donaugebiet: Konferenzbeiträge in Szeged zum mittelalterlichen Rechtstransfer deutscher Spiegel / E. Balogh (Hrsg.). – Berlin: De Gruyter Recht, 2015. – VII, 449 S. – (Ivs savonico-maidebvr gens e in Oriente; Bd. 4). – S. 137–158.

18. Antal, T. The Legal Status of Judges in the German „Spiegels“ and in the Medieval English Common Law // Balogh, E. Schwabenspiegel-Forschung im Donaugebiet: Konferenzbeiträge in Szeged zum mittelalterlichen Rechtstransfer deutscher Spiegel / E. Balogh (Hrsg.). – Berlin: De Gruyter Recht, 2015. – VII, 449 S. – (Ivs savonico-maidebvr gens e in Oriente; Bd. 4). – S. 73–83.

19. Blazovich, L. Das Erbrecht in den mittelalterlichen Rechtsbüchern und in der Praxis der Städte // Balogh, E. Schwabenspiegel-Forschung im Donaugebiet: Konferenzbeiträge in Szeged zum mittelalterlichen Rechtstransfer deutscher Spiegel / E. Balogh (Hrsg.). – Berlin: De Gruyter Recht, 2015. – VII, 449 S. – (Ivs savonico-maidebvr gens e in Oriente; Bd. 4). – S. 101–126.

20. Müssig, U. Verfügungen von Todes wegen in mittelalterlichen Rechts- und Schöffenrecht // Balogh, E. Schwabenspiegel-Forschung im Donaugebiet: Konferenzbeiträge in Szeged zum mittelalterlichen Rechtstransfer deutscher Spiegel / E. Balogh (Hrsg.). – Berlin: De Gruyter Recht, 2015. – VII, 449 S. – (Ivs savonico-maidebvr gens e in Oriente; Bd. 4). – S. 237–266.

21. Hamza, G. Das Tripartitum von István Werböczy als Rechtsquelle // Balogh, E. Schwabenspiegel-Forschung im Donaugebiet: Konferenzbeiträge in Szeged zum mittelalterlichen Rechtstransfer deutscher Spiegel / E. Balogh (Hrsg.). – Berlin: De Gruyter Recht, 2015. – VII, 449 S. – (Ivs savonico-maidebvr gens e in Oriente; Bd. 4). – S. 179–190.

22. Nicolicza, E. Der Einfluss des Magdeburger Rechts auf das Ofner Stadtrecht in der deutschen Fachliteratur // Balogh, E. Schwabenspiegel-Forschung im Donaugebiet:

Konferenzbeiträge in Szeged zum mittelalterlichen Rechtstransfer deutscher Spiegel / E. Balogh (Hrsg.). – Berlin: De Gruyter Recht, 2015. – VII, 449 S. – (Ivs savonico-maidebvr gens e in Oriente; Bd. 4). – S. 267–181.

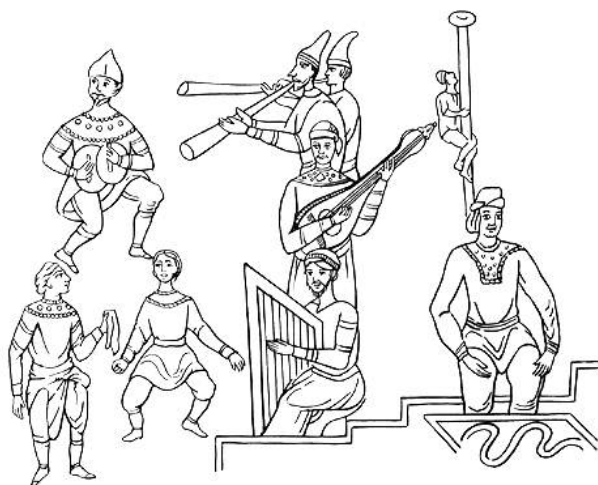
23. Gedeon, M. Das Rechtsbuch von Schemnitz und die Maximilianische Bergordnung // Balogh, E. Schwabenspiegel-Forschung im Donaugebiet: Konferenzbeiträge in Szeged zum mittelalterlichen Rechtstransfer deutscher Spiegel / E. Balogh (Hrsg.). – Berlin: De Gruyter Recht, 2015. – VII, 449 S. – (Ivs savonico-maidebvr gens e in Oriente; Bd. 4). – S. 159–168.

24. Szabo, B. Das Zusammentreffen von germanischen Rechtstraditionen und vom transferierten gemeinen Recht im „Eigen-Landrecht“ (1583) der Siebenbürger Sachsen // Balogh, E. Schwabenspiegel-Forschung im Donaugebiet: Konferenzbeiträge in Szeged zum mittelalterlichen Rechtstransfer deutscher Spiegel / E. Balogh (Hrsg.). – Berlin: De Gruyter Recht, 2015. – VII, 449 S. – (Ivs savonico-maidebvr gens e in Oriente; Bd. 4). – S. 317–337.

25. Kannowski, B. Tiere im Schwabenspiegel // Balogh, E. Schwabenspiegel-Forschung im Donaugebiet: Konferenzbeiträge in Szeged zum mittelalterlichen Rechtstransfer deutscher Spiegel / E. Balogh (Hrsg.). – Berlin: De Gruyter Recht, 2015. – VII, 449 S. – (Ivs savonico-maidebvr gens e in Oriente; Bd. 4). – S. 191–218.

26. Koncz, I.K. Die Wurzeln der Frauenrechte in den mittelalterlichen Rechtsbüchern // Balogh, E. Schwabenspiegel-Forschung im Donaugebiet: Konferenzbeiträge in Szeged zum mittelalterlichen Rechtstransfer deutscher Spiegel / E. Balogh (Hrsg.). – Berlin: De Gruyter Recht, 2015. – VII, 449 S. – (Ivs savonico-maidebvr gens e in Oriente; Bd. 4). – S. 219–235.

27. Piirainen, I. T. Das Zipser Recht und seine Auswirkungen auf weitere Rechtbücher des 16.–17. Jahrhunderts // Balogh, E. Schwabenspiegel-Forschung im Donaugebiet: Konferenzbeiträge in Szeged zum mittelalterlichen Rechtstransfer deutscher Spiegel / E. Balogh (Hrsg.). – Berlin: De Gruyter Recht, 2015. – VII, 449 S. – (Ivs savonico-maidebvr gens e in Oriente; Bd. 4). – S. 283–298.

Научная жизнь

Евстратьев О. И.

ДРЕВНЯЯ РУСЬ: «СВОЯ» И «ЧУЖАЯ»

(Международная научная конференция «Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства», Минск, 4–6 ноября 2015 г.)

Как известно, за последние полтора года белорусская столица дважды попадала в поле зрения мировой общественности как площадка для переговоров по урегулированию конфликта в Украине. Переговоры эти проходили на высшем политическом уровне. На современном этапе развития исторической науки соответствие актуальным потребностям общества может рассматриваться как один из важнейших признаков, характеризующих высокий качественный уровень и научного мероприятия. 4–6 ноября 2015 г. в Минске прошла научная конференция, полностью отвечающая данному критерию. На этот раз уже на высшем научном уровне здесь обсуждали проблему зарождения современных наций у восточных славян. Этот форум был инициирован Германским историческим институтом в Москве (ГИИМ) и организован при деятельном и активном участии Республиканского института высшей школы в Минске (РИВШ). Участие в нем приняли не только русские, украинские, белорусские, но также польские, литовские и немецкие коллеги.

Конференция, получившая название «Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства», – первая в рамках заявленного Германским историческим институтом в Москве проекта «Восточные славяне в поисках новых надрегиональных идентичностей в XVI – середине XVIII в. в контексте зарождения современных наций в Европе». Следующие конференции запланировано провести в Киеве и Москве. Открыли конференцию ректор РИВШ профессор **Виктор Гайсенок** и директор ГИИМ профессор **Николаус Катцер**. Заявленной целью конференции было обсудить, «как восточные славяне в XVI–XVIII вв. инструментализируют свое прошлое в поисках новых, современных, надрегиональных идентичностей».

Говоря о непосредственных участниках конференции, общее число которых составило 35 человек, необходимо подчеркнуть высочайший уровень их профессионализма и научного авторитета. Среди выступавших здесь ученых оказались такие видные специалисты, как белорусский историк профессор **Игорь Марзалюк** с крайне актуальным в оте-

чественных реалиях сообщением под названием «От Руси к Беларуси. Историческое самосознание “белорусских” русинов ВКЛ и их потомков в XV–XVIII вв.»; его коллега из Санкт-Петербурга профессор **Александр Филюшкин**, представивший доклад по теме «Библейская концепция этногенеза и концепция происхождения Древней Руси в летописании XV–XVII вв.»; профессор **Алексей Сиренов** (Санкт-Петербург) с темой «Церковное почитание древнерусских князей в России XVI–XVII вв.»; профессор **Елена Конявская** (Москва), изложившая свои научные разработки по теме «Тверь в XV в.: грезы о прошлом и будущем»; профессор **Василий Ульяновский** (Киев), осветивший тему «Старая, Литовская и Московская Русь в представлениях двух князей Константинов Острожских и острожской книжности»; историк из Казани **Булат Рахимзянов**, затронувший столь интересную проблематику, как «Ордынское наследие и историческая память московской Руси: могли ли татары стать фактором восточнославянского дискурса?» и др. Своим присутствием белорусскую столицу почтили ученые из «дальнего зарубежья»: профессор **Маттиас Ниндорф** (Грайфсвальд) с докладом «Между востоком и западом, между севером и югом: Русь в Речи Посполитой после Люблинской унии 1569 г.»; польский исследователь профессор Хероним Граля, поделившийся результатами своих изысканий по теме «“Ruś Nasza” vs Московия: наследие древней Руси в дипломатической практике Польско-литовского государства в XVI – первой половине XVII в.», и его соотечественник профессор **Дариуш Домбровский**, выступивший с докладом под названием «Поиски древнерусских предков со стороны семей ВКЛ и Московии, XVI – первая половина XVII в. (избранные примеры)». Отдельно хотелось бы отметить плодотворную работу историков из Беларуси, самым активным образом способствовавших организации конференции, в которой они также приняли участие в качестве докладчиков, а именно **Василия Воронина** с исследованием по теме «“Свиток Ярославль” в церковной и интеллектуальной жизни Великого княжества Литовского конца XV–XVI в.» и **Алену Любую**, представившую свою работу «Легенда о Полевоне: ренессансная идея на древнерусском ландшафте».

К сожалению, объем данного обзора не позволяет назвать имена всех ученых, принявших участие в конференции. В этой связи мы можем лишь еще раз подчеркнуть высочайший уровень научного мастерства каждого из них, что придало данному мероприятию крайне продуктивный импульс. Даже политическая острота и модернизаторская «податливость» обсуждавшейся проблемы не смогли нарушить строго науч-

ной и дружественной атмосферы, царившей на протяжении всех трех дней конференции. Особую ценность данное обстоятельство приобрело в связи с отсутствием разделения докладчиков по национальным и тематическим секциям. Это дало возможность белорусским, российским и украинским исследователям объединить усилия в решении задач, которые, по замечанию белорусского историка Алексея Мартынюка, в условиях существования территориального подхода по разграничению прошлого на «свое» и «чужое», зачастую оказываются на стыке разных национальных историографических традиций.

В содержательном плане подавляющее большинство докладов было посвящено рефлексии над использованием наследия Древней Руси IX–XIII вв. в исторической памяти восточных славян, которые к концу XV в. оказались разделенными между Великим княжеством Литовским (Литовской Русью) и Великим княжеством Московским (Московской Русью), в контексте формирования у них надрегиональных форм раннемодерной идентичности. Не имея возможности провести анализ каждого доклада в отдельности (на момент написания данного обзора авторские тексты находились в печати), мы попытались объединить их в некоторые тематические блоки.

Теоретическую базу всей конференции заложил ее идейный вдохновитель, научный сотрудник ГИИМ **Андрей Доронин**. В краткой презентации проекта («Восточные славяне в поисках новых надрегиональных идентичностей в XVI – середине XVIII вв. в контексте зарождения современных наций в Европе»), озвученной в рамках пленарного заседания, историк обозначил признаки современной нации, в соответствии с которыми предлагалось предпринять поиски у восточных славян идеи некой общности, которая, по словам ученого, переходит границы воеводства, региона, королевства, чего угодно, что так или иначе связано с местом. В основании современной нации лежит общая историческая память, утверждающая нацию как единую этнокультурную общность. Общность, претендующую на древние автохтонные корни.

Интегральным сюжетом, красной нитью проходившим практически через все доклады и разворачивавшиеся вокруг них дискуссии, был анализ содержания летописей, хроник и исторических сочинений, созданных в «русских» землях в XV–XVIII вв. и, в некоторых случаях, ранее. Обращение к данному типу источников неудивительно, ведь они содержат ценные сведения, которые отражают сходства и различия в интерпретации общего наследия Древней Руси в странах Восточной Европы, а также позволяют судить о представлениях относительно восточнос-

лавянского (не)единства в раннее Новое время. При этом внимание ученых не ограничилось «классическими» источниками. В частности, историк из Санкт-Петербурга **Игорь Прохоренков** посвятил свой доклад сравнительному анализу описания истории Древней Руси в русских хронографах XVI–XVII вв. («Описание прошлого как описание другого: сравнение описания истории Древней Руси как части мировой истории в русских хронографах XVI–XVII вв. и восточноевропейском космографическом нарративе»).

В контексте проекта как целого большой интерес представляют выводы московского историка **Петра Стефановича**, который выступал с докладом на тему «Обработки и переработки Легенды о призвании варягов в летописях конца XV–XVII вв.: развитие династического мифа», высказанные им в завершающей конференции дискуссии, о том, что ренессансная историография в виде переводов польско-литовских летописей Мартина Бельского, Матея Стрыйковского и др. постепенно проникала на территорию Московского государства через территорию Украины, где такие переводы появились уже в конце XVI в. Не случайно, подчеркнул ученый, что первые в «русских» землях ренессансные этногенетические поиски, ориентированные на автохтонность происхождения и т.д., мы находим именно в украинской историографии на примере Густынской летописи.

Данное замечание было поддержано Андреем Дорониным, который совместно с другими историками указал на важную роль Польши в качестве медиатора и своего рода канала в распространении ренессансных представлений о нации в «русских» землях. При этом именно в землях западных и юго-западных «русских», в отличие от московских, ученый и рассчитывает найти национальную идентичность «раннеевропейского образца». С данным взглядом косвенно солидаризовался Александр Филюшкин, выразивший мнение относительно необходимости всмотреться в польское и литовское «зеркало» для понимания процессов этногенеза и нациестроительства у предков современных белорусов и украинцев в XIV–XVI вв., в то время как русское «зеркало» в данном контексте актуализируется лишь в XVII–XIX вв. Была подчеркнута необходимость отхода от изоляционистской модели при рассмотрении процессов нациогенеза у восточных славян.

Пристальное внимание в рамках конференции было уделено проблеме многозначности термина «русский». В практике его использования, безусловно, отразились представления о древнерусском наследии в постдревнерусских реалиях. В своем докладе под названием «Древ-

няя Русь после Древней Руси: к теоретической постановке проблемы) **Алексей Мартынюк** подчеркнул инструментальную важность, некоторую идеологическую ангажированность и проблемность этого этнонима: «С каким войском князь Витовт участвовал в битве на Ворскле в 1399 г. – с русским, русинским, литовским, литвинским, восточнославянским, войском ВКЛ, старобелорусским/староукраинским или даже просто с белорусским или украинским? – найдутся историки, которые и так будут говорить». В качестве альтернативы для описания постдревнерусских этнополитических реалий историк предложил термин латинского происхождения – «Рутения». В то же время слово «русский» несет в себе определенный «надрегиональный» посыл. Как отметил Александр Филюшкин, говоря о «тутейшести» как одной из наиболее распространенных форм средневековой идентичности, в русских источниках XV–XVI вв. используются определения вроде «пскович, муж пскович, муж новгородец», но не «русский». В рамках конференции всесторонней ревизии была подвергнута кажущаяся очевидность этого термина, автоматическое использование которого применительно к восточнославянским землям XV–XVIII вв. приводит к модернизаторским искажениям и, соответственно, непониманию эпохи.

Довольно широко на конференции был представлен религиозный «кластер». Пристальное внимание при этом уделялось противостоянию между *Slavia Orthodoxa*, *Slavia Latina* и *Slavia Unita* (последний термин использовал львовский историк **Игорь Скочиляс** в своем докладе «“Русьская старина” в этноконфессиональной модели *Slavia Unita* XVII–XVIII вв.») в Литовской и Московской Руси, а также практике почитания древнерусских святых и князей в землях восточных славян в раннее Новое время. Доклады по генеалогии затрагивали вопросы обращения к древнерусским «предкам» и династическим легендам при конструировании родословных семьями ВКЛ и Московии в XVI–XVII вв. Также был представлен военно-политический и дипломатический вектор в использовании наследия Древней Руси во взаимоотношениях между Великим княжеством Литовским, Речью Посполитой и Московским государством. Отдельные доклады были посвящены специфике восприятия в «русских» землях ордынского и хазарского наследия, а также ренессансной легенды о Полемене.

С методологической точки зрения, многие из прозвучавших докладов можно отнести к истории идей, отраженных, в первую очередь, в историческом нарративе «русских» земель. Данное обстоятельство объясняется концепцией самого проекта, в рамках которого приоритет

отдавался рассмотрению нации как воображаемого сообщества, скрепленного совокупностью институционализирующих ее коррелятов, среди которых одну из главных ролей играет общее (сконструированное) историческое прошлое, в нашем случае на материалах древнерусского наследия. В этой связи важное место среди исследовательских методов и приемов, использованных учеными, занял лингвистический подход (дискурс- и контент-анализ), а также методы герменевтики. Но не одними лишь традиционными письменными текстами удовлетворялись исследователи. Среди использованных ими источников – визуальные памятники и предметы материальной культуры, требующие специфических методов анализа. Необходимо отметить сильное влияние культурно-антропологического подхода в озвученных докладах: каждый из представленных сюжетов в той или иной мере касался конкретных персоналий в контексте их культурного окружения.

В ходе дискуссий участники конференции обозначили также ряд болезненных мест и перспективных направлений в рамках современной исторической науки. В частности, Александр Филюшкин указал на необходимость отказа от экстраполяции идей, изложенных в произведениях интеллектуалов-книжников, на широкие слои населения. Историк подчеркнул, что в Средневековье и раннее Новое время читали мало, получая информацию, в первую очередь, благодаря «смотрению» (визуально) и «слушанию» (аудиально). Данное обстоятельство требует обращения, соответственно, к визуальным источникам (вещам, иллюстративным материалам и т.п.) и церковным проповедям. С точки зрения ученого, эти массовые источники, до сих пор находящиеся на «обочине» исторической науки, могут дать нам куда более адекватные сведения о самосознании и мировоззрении эпохи, в том числе, применительно к тематике рассматриваемого здесь проекта. Игорь Марзалюк указал на господство стихийного позитивизма в белорусской историографии, что, по замечанию историка, находит, в частности, фатальное отражение при выборе тем кандидатских диссертаций.

Как можно заметить, проблема, заявленная в названии и концепции конференции, на практике была рассмотрена с применением широкого спектра исследовательских методов и приемов. В попытке дать общую характеристику содержания всех выступлений мы можем указать на отсутствие единства в интерпретации и использовании древнерусского наследия и исторической памяти о Древней Руси в землях, оказавшихся после распада Древнерусского государства в составе различных военно-политических и культурно-религиозных ареалов. В то же время исто-

рики подчеркивали тесные контакты между ними, которые проявились, в частности, во взаимообмене между польско-литовским и московским историописанием раннего Нового времени.

Весьма меткую характеристику данному мероприятию, с нашей точки зрения, дал Василий Ульяновский, назвав его «пиршеством ума». Однако не одним лишь «интеллектуальным хлебом» остались сыты участники конференции. Увлекательную экскурсию по Верхнему городу в Минске провел для участников конференции белорусский историк **Олег Дзярнович**, участвовавший в конференции с докладом на тему «Образ Руси в трудах интеллектуалов Великого княжества Литовского XVI–XVII вв. Есть ли место для культуртрегерства?».

Напоследок мы можем с удовлетворением признать, что эта конференция не затерялась на фоне проходившей одновременно в Национальной Академии наук Беларуси конференции, посвященной истории ВКЛ. Пусть вторая значительно превзошла первую по количеству участников (более 140 человек против 35), но не по качеству и злободневности рассмотренных проблем. Данное обстоятельство позволяет выразить надежду на то, что Минск еще не раз будет принимать гостей для участия в «пиршествах ума» столь высокого научного уровня.

Подберезкин Ф. Д.

ВЛИЯНИЕ ИЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ?

(«Русь и страны латинского Запада»: VI Международная конференция из серии *Colloquia Russica*, Краков, 26–28 ноября 2015 г.)

В своем послании к киевскому князю Изяславу Ярославичу 1075 г. римский папа Григорий VII желает русскому королю здоровья и перехода к «вечной славе», минуя «временные блага». Понадобилось чуть более ста лет, чтобы для латинских королей и клириков русские стали «схизматиками» и даже «язычниками», а князья Владимиро-Суздальской Руси избрали путь конфронтации с Западом.

26 ноября 2015 г. исследователи из восьми стран Центральной и Восточной Европы собрались в Кракове под сводами Большой коллегии (*Collegium Maius*) Ягеллонского университета для того, чтобы обсудить культурные, политические и личностные аспекты многовекового сосуществования Руси и латинского мира (X–XVI в.). Показательно, что страны латинской культуры и византийского содружества на конференции были представлены поровну: с одной стороны – Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, с другой – Россия, Беларусь, Украина, Сербия. Высокий научный уровень обеспечивали известные историки, руководители своих национальных «курий»: Хероним Граля, Дариуш Домбровский, Леонтий Войтович, Владимир Александрович, Мирослав Волошук, Алексей Мартынюк, Степан Темушев, Игорь Данилевский и др. Наиболее многочисленными были польская, украинская и белорусская «курии», при этом организаторы следовали одному из основных принципов *Colloquia Russica*: наряду с опытными историками «мастер-класс» получали молодые коллеги. Общее руководство и организацию конференции осуществлял доктор **Виталий Нагирный** (Краков).

В конференции чередовались разные формы работы: пленарные доклады, доклады по секциям, круглые столы, а также насыщенная культурная программа. Инаугурационные доклады в начале конференции зачитали профессор **Мацей Саламон** («Русь и “Римы” в средневековье») и профессор **Малгожата Сморог-Ружицкая** («Киев – королевский город во времена Гертруды с Пястов, жены Изяслава»). В первом докладе был дан сравнительный контекстуальный анализ городских самоназваний “Рим” в текстах европейских интеллектуалов, во втором рассматри-

валась встреча двух культур – латинской и греческой – в лице Гертруды, жены князя Изяслава Ярославича.

После официального открытия участники конференции имели возможность ознакомиться с экспозицией Музея Ягеллонского университета – увидели древнюю библиотеку, средневековую столовую комнату университетских профессоров, современные ректорские инсигнии и астрономические приборы Николая Коперника, а также большое количество астрономических и математических приборов периода Средневековья и Нового времени. Все это дало им возможность представить себя на месте средневековых схоластов в университетских кабинетах.

Секции были разделены таким образом, что было представлено, как правило, два или три, максимум четыре доклада, благодаря чему все участники конференции могли принять участие в дискуссии в конце секции. Необходимо отметить, что на протяжении всей конференции старшие коллеги внимательно выслушивали молодых «воинов» и давали ценные указания, расширявшие исследовательские перспективы последних. В нашем обзоре мы постараемся максимально подробно рассказать о работе секций, хотя у нас нет возможности охарактеризовать или даже просто назвать все доклады.

Первая секция была посвящена «франкскому вектору»: молодая исследовательница **Василина Сидорова** из Москвы пыталась узнать, каким образом сведения о Руси попадали во Францию в XI в., а известный специалист по налогово-даннической системе Руси **Степан Темушев** сравнивал компетенции древнерусского посадника и франкского графа («Древнерусский посадник и франкский граф: причины различий функционально близких институтов»). Оба доклада претендовали на новизну в своей области: Василина Сидорова пыталась увязать сведения о Руси во французских текстах XI–XII в. с поиском мощей св. папы Климента; Степан Темушев в своем докладе продолжил тренд, намеченный российскими историками Александром Назаренко, Петром Стефановичем и Павлом Лукиным – сравнения административных институтов Руси и средневекового Запада. Белорусский историк пришел к выводу, что русский посадник, в отличие от французского графа, не имел ряда иммунных привилегий, которые позволили бы ему укреплять локальную власть независимо от князя.

Вторая секция была посвящена давно «забытым» сюжетам русской и западной традиции: особенно стоит отметить доклады **Андрея Павлюка** («Изготовление чаш из исторических черепов на Руси и в западной традиции: миф или историко-культурный евразийских феномен?»),

Вадима Аристова («Забытая гипотеза о латинском источнике Повести временных лет»). В первом докладе была сделана попытка проследить самостоятельную традицию изготовления чаш из черепов в евразийском регионе; Вадим Аристов «воскресил» идею Петра Бицилли о влиянии на Повесть временных лет франкского текста «*Liber Historiae Francorum*».

Третья секция была представлена преимущественно молодыми исследователями. Особенно стоит отметить выступление **Виктора Адамовича** («Князь-изгой: чешский князь Болеслав I Жестокий и русский князь Святополк Окаянный – сравнительный анализ») и **Юрия Довгана** («Сексуальная жизнь средневековой Руси IX–XII веков»). По утверждению Виктора Адамовича, негативный образ Святополка Окаянного как проклятого князя формировался под влиянием Болеслава I Пшемисловича в чешской агиографии св. Вацлава. На это российский историк Игорь Данилевский заметил, что образ Святополка имеет прямые параллели с Антиохом Епифаном в еврейской неканонической традиции; таким образом, молодому исследователю была представлена возможность расширить свое исследовательское поле. Живой интерес вызвал доклад Юрия Довгана, посвященный теме, доселе экзотической в восточнославянской историографии.

Следующая секция носила «религиозно-обрядовую» тематическую нагрузку. Особенно стоит отметить доклады **Норберта Мики** («Крестное целование как знак мира во время заключения политических договоров при участии русских князей (до конца XIII в.)»), **Дюры Гарди** («Религиозная принадлежность князя Ростислава Михайловича во время его пребывания в Венгрии»). Доклад Норберта Мики носил фундаментальный характер, так как традиция крестного целования на Руси рассматривалась с привлечением обширного корпуса текстов византийского происхождения. Доклад Дюры Гарди вызвал оживленную дискуссию, поскольку источники, которыми пользовался сербский историк, не свидетельствуют однозначно о вероисповедании князя Ростислава. Было отмечено (особенно в свете последних исследований российского историка Бориса Флори), что применительно к периоду 30–50-х гг. XIII в. идея о конфронтации латинян и «схизматиков» только начинала формироваться в текстах нецерковного происхождения.

После заседания четвертой секции все участники конференции, которые терпеливо и с интересом выслушали все доклады, отправились на торжественный ужин, где в неформальной обстановке беседовали и потчевали друг друга традиционными яствами средневекового Кракова заслуженные историки и начинающие исследователи.

Следующий день был «Днем Д» белорусской историографии, так как на пятой секции было заслушано сразу два доклада историков из Минска: **Алексея Мартынюка** («Новгород – Вильна – Краков – Львов: где могли встретиться в середине XV века киевский митрополит Исидор и доминиканец Иоанн?») и **Юрия Афанасенко** («“Русский папа” и Констанцкий собор: религиозные контакты Литовской Руси со странами латинской культуры»). Алексей Мартынюк продолжил детективное расследование в отношении автора рукописи второй половины XV в., хранящейся в городской библиотеке Нюрнберга (по мнению историка им был Иоанн Реллах из рода Эрлахов), и попытался связать его с обратным путешествием митрополита Исидора из Флоренции в Москву после Ферраро-Флорентийского собора. Доклад Юрия Афанасенко представлял результаты своей продолжающейся работы по сбору информации об участниках Констанцкого собора. Представленные им материалы – гипотетические гербы епископов-участников, краткие биографические сведения о них и др. – вызвали большой интерес и оживленную дискуссию в зале.

После перерыва проводилась дискуссия на тему «Западные влияния на Руси в X–XIII в.» с участием **Леонтия Войтовича**, **Херонима Грали**, **Алексея Мартынюка**, **Дариуша Домбровского** и **Игоря Скочиляса**. Несмотря на упорное сопротивление модератора – профессора Херонима Грали – представителям Руси при поддержке профессора Игоря Данилевского удалось иначе поставить акцент в дискуссии: с тезиса о «влиянии» на тезис о «взаимодействии» двух культур. Тезис о «влиянии» был признан модернизацией, продуктом историографии XIX и XX вв. Завершив дискуссию, участники конференции отправились в археологический музей Кракова, посмотрели коллекции средневекового оружия, потрогали Збручского идола и половецкую «бабу», увидели древнеегипетские и перуанские коллекции.

Получив эстетическое удовольствие, участники отправились на открытый доклад профессора **Владимира Александровича** «Украинский “разворот лицом к Западу”: опыт религиозной иконографии XIII–XVI веков». По мнению известного украинского историка искусства, западная традиция присутствовала в украинском художественном синтезе со второй половины XIII в., однако до самого конца эпохи средневековья она оставалась лишь одним из элементов в общей картине художественной культуры.

Конференция продолжилась «ганзейской темой»: шестая секция была представлена докладами **Филиппа Подберезкина** из белорусской

«курии» («Братья-ефремяне: Русь начала XIII века глазами ливонских пилигримов») и **Павла Смржа** из Чехии («Ганзейские купцы и запрет ввоза пива в Великий Новгород и Псков во второй половине XV века»). Автор первого доклада попытался применить библейский тематический ключ к ливонским хроникам и папским буллам, объяснив таким образом, почему рыцари Немецкого ордена грабили церковную атрибутику на землях Новгорода и Пскова. Доклад вызвал дискуссию с профессором Дариушем Домбровским и профессором Игорем Данилевским. Первый указал на тесную связь политики Апостольского престола с личностью каждого конкретного римского папы. Игорь Данилевский наметил перспективы для дальнейшего исследования тематики, указав на особенности применения метода тематического ключа к крестоносным хроникам. Павел Смрж коснулся малоизученного сюжета о запрете ввоза пива русской стороной ганзейцам в 70–80-е гг. XV в. Вопреки распространенному в научной литературе мнению, согласно которому запрет ввоза пива защищал интересы русской торговли, чешский историк, основываясь на документах делопроизводства Ордена, был склонен рассматривать запрет как стремление новгородских властей сохранить порядок в городе, что было в интересах как немцев, так и русских. Тема пива оживила участников конференции и позволила бодро перейти к работе седьмой секции.

На седьмой, вечерней панели докладывал завсегдагой конференций *Colloquia Russica* **Марчин Граля** («Политика Дмитрия Ивановича в отношении Литвы в первые годы функционирования Кревской унии») и двое новых участников – **Доминик Кадзик** («Образ Московского государства, его правителя и общества во время войны с Речью Посполитой в 1576–1582 годах в *Анналах Рейнгольда Гейденштейна*») и **Ирина Колузаева** («Филон Кмита Чернобыльский: “gente Ruthenus natione Lithuanus”»). Марчин Граля попытался показать, каким образом Москва реагировала на унию Польши и Литвы в 1385 г., а представители краковской и варшавской научных школ соответственно реконструировали геополитические образы эпохи на основании текстов Гейденштейна и Кмиты Чернобыльского.

После окончания заседания участники отправились в подzemелье Рынка – центра старого Кракова. В прекрасно оборудованном музее команда историков дружно взвесилась на средневековых весах и благодаря видео- и аудиоэффектам ощутила атмосферу одного из древнейших городов Польши. Дальнейшее общение было продолжено в неформальной обстановке в центре Кракова за чудесным пивом местного приготовления.

28 ноября, в последний день конференции, были представлены доклады восьмой секции. Особенно стоит отметить доклад украинского историка **Сергея Дубчака** «Русины, поляки и другие славяне как потомки Вандала в представлении Хроники Дзервы». Автор является специалистом по истории вандалов в Северной Африке, в докладе он попытался проследить один из восточноевропейских путей распространения образа вандалов, анализируя польскую хронистику (Кадлубек и Дзерва). В результате дискуссии автор пришел к выводу, что рецепцию имени «вандалы» в европейской хронистике необходимо рассматривать в широком контексте текстов о вандалах немецко- и латиноязычного происхождения.

Завершением научной программы конференции стала вторая научная дискуссия, посвященная русским летописям как источнику по культурным контактам Руси и стран латинского Запада. Высокий уровень дискуссии задали ее участники – профессор **Хероним Граля** и профессор **Игорь Данилевский**, признанные специалисты в данной области. Не последнюю роль сыграла в успехе дискуссии сыграла и профессиональная и тонкая модерация профессора **Дарнуша Домбровского**: например, у всех участников конференции вызвал живое оживление вопрос «о любимой летописи» – как выяснилось, у каждого специалиста по истории Древней Руси действительно есть свой любимый летописный текст.

После окончания заседания секции историки-медиевисты могли зреть рыцарские бои (одиночные и групповые), устроенные для них специально во дворе университета. Крики разгоряченных воинов, большое скопление монахов (настоящих(!)) и ренессансная архитектура подержали атмосферность исторической конференции.

После обеда прошла презентация новейших изданий в области истории Восточной Европы. Затем наступил печальный момент: доктор Виталий Нагирный торжественно закрыл конференцию, высказав слова благодарности всем участникам конференции – и получив от них в ответ такую же искреннюю благодарность за насыщенную программу и великолепную организацию мероприятия.

После окончания конференции мы, представители белорусской «курии» – Алексей Мартынюк, Степан Темушев, Юрий Афанасенко и Филипп Подберезкин – размышляли о том, что сделало нашу работу в эти дни такой насыщенной и продуктивной. В результате мы сошлись на мнении, что при организации «идеальной конференции» необходимо обращать внимание на несколько факторов. Это, во-первых, сочетание

разных форм работы: пленарные доклады, доклады по секциям, дискуссии, во время которых исследователи могут концентрироваться не только на решении своих узкоспециальных задач, но и выходить на общую тематику конференции. И т. д. Во-вторых, необходима насыщенная культурная программа и совместные обеды и ужины, во время которых участники имеют возможность неформального общения. В-третьих – это активное привлечение молодых историков, которые могут получить ценные советы старших коллег. Все это имело место на VI конференции *Colloquia Russica* в Кракове. Автор данных строк уверен, что если бы почивший в Бозе папа Григорий VII имел возможность ознакомиться с организацией и проведением конференции, символическим единением молодых и уже состоявшихся историков, тематикой докладов, он обязательно бы отметил стремление к «вечной славе» всех участников сего научного собрания – и «русинов», и «латинян».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Афанасенко Юрий Юрьевич – магистр философских наук, преподаватель кафедры библеистики и христианского вероучения Института теологии имени святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета (Минск)

Бенцианов Михаил Михайлович – кандидат исторических наук (Екатеринбург)

Евстратьев Олег Игоревич – магистр исторических наук, аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Минск)

Жарко Сергей Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета (Минск)

Келембет Станислав Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Кременчугского университета экономики, информационных технологий и управления (Кременчуг)

Келлер Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Средних веков Тюбингенского университета (Тюбинген)

Мартынюк Алексей Викторович – кандидат исторических наук, докторант кафедры истории России Белорусского государственного университета (Минск)

Матюшевская Мария Иосифовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и специальных исторических дисциплин Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова (Могилев)

Подберезкин Филипп Дмитриевич – магистрант кафедры истории России Белорусского государственного университета (Минск)

Пономарева Ирина Гавриловна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Московского государственного лингвистического университета (Москва)

Самонова Мария Николаевна – кандидат исторических наук, ассистент кафедры довузовской подготовки и профориентации Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины (Гомель)

Слиж Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры общественного и международного права Гродненского филиала «БИП – Института правоведения» (Гродно)

Черкасов Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической истории Белорусского государственного экономического университета (Минск)

Чорэф Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории региональных исторических исследований Нижневартковского государственного университета (Нижневартовск)

Ширинский Олег Юрьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белорусского государственного университета (Минск)

Якубов Виктор Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Полоцкого государственного университета (Полоцк)

РЕЗЮМЕ

(в квадратных скобках – дата поступления статьи в редакцию)

Чорэф. М.М. *К вопросу о технологии монетного литья в византийском Херсоне* [3.09.2015]

Одной из основных задач современной нумизматики является выявление исторических данных, отсутствующих в иных источниках информации. Дело в том, что изучение монетного материала позволяет наилучшим образом оценить уровень развития цивилизаций, организацию и степень устойчивости государственной власти, благосостояние населения и совершенство технологий. С целью проиллюстрировать этот тезис, попытаемся рассмотреть в этом ключе дискуссионные вопросы денежного дела византийского Херсона, а, точнее, организацию выпуска в нем литых бронз.

Келембет С.Н. *Князь Олег Вещий и поход руси на Константинополь* [12.08.2015]

В статье предлагается версия, согласно которой поход на Царьград князя Олега Вещего, описанный в «Повести временных лет» под 907 г., явно на основании устной легенды, на самом деле идентичен знаменитому нашествию руси на Константинополь в 860 г., о котором сообщают целый ряд византийских и других источников. Похода же 907 г. никогда не было, поскольку такое событие не могло не отразиться ни в одном источнике Византийской империи. В летописи же Олег Вещий, предводитель руси в 860 г., был объединен в одно лицо с другим Олегом, который заключил договор с Византией в 911 г. Один из них был похоронен в Киеве, а другой – в Ладоге.

Самонова М.Н. *«Эймунд конунг» на службе у Брячислава: шведский след в истории Полоцкого княжества* [29.09.2015]

Анализируются сведения «Эймундовой пряди» об обстоятельствах службы Эймунда у полоцкого князя Брячислава. Автор приводит аргументацию в пользу гипотезы о том, что Эймунд из «Эймундовой пряди» идентичен шведскому конунгу Эймунду Старому. Одним из результатов исследования стало обоснование предположения, что после участия в походе на Новгород и битве на реке Судоме Эймунд получил в управление земли на северо-западной окраине Полоцкого княжества. На долгие годы резиденцией Эймунда и его скандинавской дружины стало укрепленное поселение в Масковичах.

Жарко С.Б. *«Путешествие в восточные страны» Гильома Рубрука о христианах-несториянах и Монгольской империи XIII в.* [1.09.2015].

В статье рассматривается быт христиан в Монгольской империи, а также происхождение, быт и религия монголов XIII в. Дается описание порядков и традиций, установленных в Монгольской империи, ее структура и организация. Сопоставляются, анализируются и сравниваются сведения автора с трудом его предшественника – итальянского монаха Иоанна де Плано Карпини.

Пономарева И.Г. *Обряд вассальной присяги в Древней Руси* [24.09.2015]

В статье предпринята попытка показать существование на Руси в период бытования служебных отношений публичного акта, сопоставимого с оммажем. На материалах источников, отражающих события X–XVI вв., реконструируются отдельные части и элементы церемонии, выявляются некоторые ритуальные фразы.

Мартынюк А.В. *Восточноевропейские эпизоды путешествий Освальда фон Волькенштейна* [28.09.2015].

В статье рассматриваются биографические сюжеты тирольского поэта Освальда фон Волькенштейна (около 1376 – 1445 гг.), связанные с его путешествиями по Восточной Европе. На основании анализа его произведений и иных источников устанавливается, что поэт принимал участие в крестовых походах в Пруссию, участвовал в торговле на Черном море, возможно побывал и в других странах – Литве, России, Татари и др. Произведения Освальда фон Волькенштейна являются интересным источником по истории межкультурных контактов в период «темных веков» восточноевропейского Средневековья.

Афанасенко Ю.Ю. *Новогрудский собор 1415 г. в церковной политике великого князя Витовта* [30.09.2015].

В предлагаемой статье приводятся и систематизируются основные историографические версии, анализируются актуальные проблемные вопросы, связанные с созывом и ходом Новогрудского собора 1415 г. Автор рассматривает проблему признания Григория Цамблака Константинопольским патриархатом. Автор приходит к выводу, что в пределах Великого княжества Литовского образовалась отдельная самоуправляемая Православная церковь, а Григорий Цамблак был признан «официальным церковным иерархом» на основании канонического прецедента,

возникшего во время правления митрополита Алексия и митрополита Киприана, когда фактически Киевская митрополия была разделена на две независимые части.

Ширинский О.Ю. *Право на самоуправление городов великого княжества Литовского и немецкое городское право: сравнительно-правовой анализ* [17.09.2015]

В статье рассмотрены основные этапы становления и развития права городского самоуправления в Германии, Польше и Великом княжестве Литовском в XVI–XVII вв. Дана классификация права городского самоуправления. На основе сравнительно-правового анализа установлены закономерности и отличия в применении магдебургского права и других правовых семей. Раскрыто содержание основных памятников магдебургского права: *Speculum Saxonum* и *Jus Municipale*. Оцениваются итоги и значение немецкого права городского самоуправления в Великом княжестве Литовском.

Бенцианов М.М. *Новгородские бояре – новгородские дети боярские. К вопросу о преемственности* [31.08.2015]

В статье ставится вопрос о механизмах преемственности существовавших в Великом Новгороде общественно-политических и культурных традиций. «Выводы» мятежного новгородского боярства конца XV в. не стали препятствием для восприятия созданных здесь традиций сменившими их детьми боярскими из Московской Руси. Широкое привлечение различных источников позволяет восстановить картину постепенной адаптации «москвичей» к местным условиям, проследить основные направления, по которым шел процесс их интеграции в новгородскую среду. Предпринятый анализ показывает, что уже во втором-третьем поколениях эти новые новгородцы воспринимали себя в качестве своеобразных наследников новгородских бояр, что во многом предопределило специфическую роль Новгорода в системе Московского государства.

Евстратьев О.И. *Формирование южной границы Курляндского герцогства во второй половине XVI века* [12.09.2015].

Статья посвящена выяснению механизмов формирования границы между герцогством Курляндия и Семигалия и Великим княжеством Литовским во второй половине XVI века. В основу делимитации границы между данными социально-историческими организмами легли старые договоры периода существования Ливонского ордена. Отсутствие фак-

тической демаркации рассматриваемой пограничной линии к моменту возникновения Курляндского герцогства в 1561 г. обусловило ряд крупных частновладельческих конфликтов. Так или иначе, установленные к концу XVI века южные рубежи Курляндии в значительной мере сохранилась до сих пор в виде границ между современными Латвией, Литвой и частично Беларусью.

Якубов В.В. *Историография «Ливонского вопроса» 1582–1621 гг.* [27.08.2015]

Статья посвящена историографии борьбы за Ливонию между ВКЛ, Польшей и Швецией в 1582–1621 гг. Анализируется состояние изучения проблематики в национальных исторических школах России, Польши, Германии, Литвы, Латвии, Эстонии, Швеции, англоязычных странах и в Беларуси. Делается вывод о некоторой национальной тенденциозности и в целом слабой разработанности этой проблематики в историографии.

Матюшевская М.И. *Древняя Русь в научно-публицистическом творчестве Г. П. Федотова* [16.08.2015]

Статья посвящена религиозным взглядам российского историка-эмигранта первой половины XX века Г. П. Федотова. Концепция «русского христианства» Г. П. Федотова проанализирована на основе его работы «Три столицы» (Париж, 1926 г.). Научная концепция Г. П. Федотова рассмотрена в контексте всего научно-публицистического творчества историка.

Черкасов Д.Н. *Жильбер де Ланнуа и его «Voyages et ambassades»* [23.09.2015].

В статье рассматривается сочинение второй половины XV века фламандского путешественника и дипломата Жильбера де Ланнуа, в котором значительное место уделено описанию его поездок в Восточную Европу в 1413–1414 и 1421 гг. Дается источниковедческий анализ и историографический обзор, краткий биографический очерк автора мемуаров, а также перевод части текста «Voyages et ambassades» за 1399–1422 гг.

Слиж Н.В. *Война за наследство в семье Горностаев* [8.09.2015].

Статья посвящена конфликту в семье Горностаев. После смерти Ивана Ивановича Горностаев его жена Ульяна Боговитиновна заняла имения Озерница и Близноя, которые она сначала подарила мужу, а позже своей

племяннице Катерине Тенчинской и ее мужу Юрию Юрьевичу Слуцкому Олельковичу. Братья Горностаи – Гаврила и Остафей пробовали юридически вернуть наследство брата. Ульяна отказалась добровольно его отдать. В результате было принято решение о военном походе шляхты Слонимского повета. Нападение 3 марта 1570 г. замок Озерница отбил. Безрезультатно закончился поход 2 сентября 1571 г. со шляхтой трех поветов – Волковысского, Слонимского и Новгородского. Дальше дело решалось юридически. Но это уникальный случай, когда для решения семейного конфликта созывалось посполитое рушение.

SUMMARY

Choref M.M. *To the question of technology of monetary moulding in the Byzantine Cherson*

One of the main objectives of modern numismatics is detection of the historical data which are absent in other sources of information. The matter is that studying of monetary material allows to estimate in the best way a level of development of civilizations, the organization and degree of stability of the government, welfare of the population and perfection of technologies. With the purpose to illustrate this thesis, we will try to consider in this way debatable questions of monetary business of the Byzantine Cherson, and, more precisely, the organization of release in it cast bronzes.

Kelembet S.N. *Prince Oleg The Prophetic and the campaign of Rus' to Constantinople*

The article suggests the version, according to which the campaign of Prince Oleg The Prophetic to Tsargrad, described in “The Tale of Bygone Years” in 907 years, based on the oral legend, in fact identical to the famous Rus' invasion to Constantinople in 860. The range of Byzantine sources and other materials inform about this. There was no campaign in 907, because such event had to be reflected in any source of the Byzantine Empire. In the Chronicle, Prince Oleg The Prophetic, the leader of Rus' in 860, was united in one face with the other Oleg, who concluded the agreement with Byzantine in 911. One of them was buried in Kiev, the other – in Ladoga.

Samonova M.N. *«Eymund konung» at the service of Bryachislav: Swedish mark in the history of the Principality of Polotsk*

The data of «Eymundar þátt» about the circumstances of Eymund's service at the Polotsk prince Bryachislav are analyzed. The author gives argu-

ments in favor of the hypothesis that Eymund of «Eymundar þáttr» is identical to the Swedish king Emund the Old. One of the results of the research was the grounding of the hypothesis that after taking part in a campaign against Novgorod and the battle on the river Sudoma Eymund was given control of land on the northwest border of the Principality of Polotsk. For many years the residence of Eymund and his Scandinavian squad had become a fortified settlement in Maskovichi.

Zharko S.B. *«Journey to the East» of William of Rubruck the Christians-Nestorians and 13th century Mongol Empire*

The article examines the Christians in the Mongol Empire, as well as the origin, life and religion of the 13th century Mongols. A description of the procedure and to the traditions established in the Mongol Empire, its structure and organization. Mapped, analyzed and compared with information website work of his predecessor – Italian monk John of Plano Carpini.

Ponomareva I.G. *Rite of the military oath in the Ancient Rus*

The article attempts to prove the existence of a vassalage official act in Rus comparable to homage. The article reconstructs some parts and elements of the ceremony, identifies some ritual phrases basing on the materials, which reflect events of 10th–16th centuries.

Martyniouk A.V. *Eastern European episodes of Oswald's von Wolkenstein travels*

The article introduces the biographical scenes from the life of Oswald von Wolkenstein (about 1376–1445), the Tyrolean poet, related to his travels in Eastern Europe. Basing on the analysis of his works and other sources it has been discovered, that the poet took part in the crusades to Prussia, participated in the trade in the Black Sea, most probably visited Lithuania, Ruś, Tataria and others. Oswald von Wolkenstein's works seem to be a helpful source for studies of the history of cross-cultural contacts during the “dark ages” of the East European Middle Ages.

Afanasenka Yu.Yu. *The Novogradok Council (1415) in church policy of Grand Duke Vytautas*

This article shows and organizes the main historiographic versions, analyzes current issues related to the calling and sequence of events at Novogradok Council (1415). The author writes on the problem of recognition of Gregory Tsamblak, the Patriarch of Constantinople. The author concludes

that within the Grand Duchy of Lithuania a separate self-governing Orthodox Church was formed. Gregory Tsamblak was recognized as an «official church hierarchy» based on the canonical precedent. The precedent arose during Metropolitan Alexius and Metropolitan Cyprian governing, when, in fact, the Kievan Metropolis was divided into two independent parts.

Schirinsky O.Yu. *Right to self-government of Grand Duchy of Lithuania and the German city rights: comparative legal analysis*

The article considers main stages of formation and development of the law of municipal government in Germany, Poland and the Grand Duchy of Lithuania in the 16th–17th centuries. The classification of the right to the city government. On the basis of comparative legal analysis are identified the regularities and differences in the application of the Magdeburg law and other families. The content of the main monuments of the Magdeburg Law: *Speculum Saxonum* and *Jus Municipale*. Evaluated the results and meaning of the German law of municipal government in the Grand Duchy of Lithuania.

Bentsianov M.M. *The Novgorod boyars – the Novgorod gentry. To the question of continuity*

In article the question of mechanisms of continuity of the political and cultural traditions existing in Novgorod is raised. Evictions of rebellious Novgorod nobility of the end of the 15th century didn't become an obstacle for perception of the traditions created here gentry of the Moscow Russia who replaced them. Broad attraction of various sources allows to restore a picture of gradual adaptation of «Muscovites» to local conditions, to track the main directions in which there was a process of their integration on the Novgorod society. The undertaken analysis shows that already in the second or third generations these new Novgorodians perceived themselves as peculiar successors of the Novgorod boyars that in many respects predetermined a specific role of Novgorod in system of the Moscow state.

Yeustratsyeu A.I. *The formation of the southern border of the Duchy of Courland in the second half of the 16th century*

The article is devoted to the mechanisms of the formation of the border between the Duchy of Courland and Semigallia and the Grand Duchy of Lithuania in the second half of the 16th century. Delimitation of the border between these socio-historical organisms was based on the old contracts from the period of the Livonian Order. The lack of an actual demarcation line right

up until the moment of the emergence of the Duchy of Courland in 1561 resulted in a number of highly varied privately fought disagreements. This said, the southern borders of Courland, established by the end of the 16th century, are largely preserved to this day in the form of boundaries between modern Latvia, Lithuania and partially Belarus.

Jakubau V.V. *The historiography of “Livonian issue” in 1582–1621*

This historiography story devoted to the problems of the struggle for right-bank Livonia (Inflanty) between CDL, Poland and Sweden in 1582–1621. The condition of the study of the historical perspective in national schools of Russia, Poland, Germany, Lithuania, Latvia, Estonia, Sweden, the English-speaking countries, and Belarus. The conclusion of a particular national bias and weak level of elaboration of this theme perspective in historiography.

Matsiusheuskaya M.I. *Ancient Russia in the scientific and journalistic works G. P. Fedotov*

The article is devoted to religious views of the Russian immigrant historian of the first half of the twentieth century G.P. Fedotov. The concept of “Russian Christianity” of G. P. Fedotov is analyzed on the basis of his work “Three Capitals” (Paris, 1926). Scientific concept of G. P. Fedotov is considered in the context of the scientific and journalistic works of the historian.

Cherkasov D.N. *Gilbert de Lannoy and his «Voyages et ambassades»*

The article deals with the composition of the second half of the 15th century Flemish traveler and diplomat Gilbert de Lannoy, in which an important place is given to the description of his travels in Eastern Europe in 1413–1414 and the 1421’s. Given source analysis and historiographical review, a brief biographical sketch of the author’s memoirs, as well as the translation of the text «Voyages et ambassades» for 1399–1422 years.

Slizh N.U. *War for inheritance in the family of Harnastais*

The article is devoted to the conflict in the family of Harnastais. After Ivan Ivanavič Harnastai’s death his wife Uliana Bahavicinaūna occupied estates Aziarnica and Bliznae. At first she gave them her husband and her niece Kaciaryna Ciančynskaia and her husband Juri Jerjevič Slicki Alelkavič. Brothers Harnastais – Hauryla and Astafej – tried to return Ivan’s inheritance by law. But Uliana denied to give back the estates. As the result brothers came

to a determination to initiate the campaign with help of the nobility of Slonim district. Aziarnica castle repulsed the attack on 3 March, 1570. The second campaign with the nobility of Slonim, Vaŭkavysk and Navagaradak districts finished without result on 2 September, 1571. After that the case was discussed by lawyers. But it was a unique situation: using troops for decision family problems.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного сборника «*Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы*» объявляет о подготовке к печати девятого выпуска сборника. К участию в сборнике приглашаются ученые Беларуси, России, Украины и других стран, чьи научные интересы лежат в сфере исследования истории Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (до конца XVI века).

К публикации принимаются статьи (до 2 п. л.), рецензии (до 0,5 п. л.) и иные материалы. Рабочие языки сборника – русский и белорусский. К статье необходимо приложить справку об авторе (ученая степень и звание, должность, место работы, контактная информация) и резюме до 10 строк на русском и английском языках. Заявки на участие в альманахе и тексты материалов принимаются **до 1 июня 2016 года** по e-mail: a.martyniuk@mail.ru или по адресу: 220007, г. Минск, ул. Московская 15, Республиканский институт высшей школы, кафедра историко-культурного наследия Беларуси, каб. 319.

Просим Вас обратить внимание на нижеследующие требования к оформлению материалов, которые продиктованы требованиями ВАК Беларуси.

ПРАВИЛА оформления статей

1. В редакцию предоставляется электронный файл с текстом статьи (название файла – фамилия автора). Текст статьи следует набирать в редакторе Word (гарнитура – Times New Roman, кегль – 14, интервал – 1,5, поля со всех сторон – 20 мм).

2. Ссылки на использованную литературу и источники приводятся в порядке цитирования, порядковый номер и страница даются в квадратных скобках после цитаты/упоминания (например: [1, с. 44]). Список использованной литературы прилагается в конце статьи и должен быть оформлен в соответствии с требованиями ВАК Беларуси. Более подробно с инструкцией по оформлению списка литературы можно ознакомиться на сайте ВАК Беларуси www.vak.org.by.

3. При необходимости использовать в статье иллюстрации, таблицы, графики и т. д., автор должен обратиться в редакцию за дополнительными сведениями об их должном оформлении.

4. В случае передачи статьи автору на доработку, в редакцию необходимо вернуть первоначальный и окончательный варианты.

5. Представленные к печати материалы проходят независимое рецензирование. Редакция оставляет за собой право отбора статей по теме издания.

6. Статьи, оформленные с нарушением вышеприведенных правил, редакцией не принимаются.

С уважением, Редакция

Научное издание

STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Научный сборник

Выпуск 8

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *А. А. Любая*
Компьютерная верстка *С. С. Руховой*

На обложке: воины отправляются в крестовый поход.
Фрагмент рельефа на саркофаге (Швеция) (к статье М. Н. Самоновой
«“Эймунд конунг” на службе у Брячислава: шведский след в истории
Полоцкого княжества»)

Подписано в печать 14.12.2015. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 17,2. Уч.-изд. л. 18,1. Тираж 100 экз. Заказ .

Адрес редакции: ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.
Республиканский институт высшей школы,
кафедра историко-культурного наследия Беларуси.
Тел.: +375(17) 219-06-68. E-mail: a.martyniouk@mail.ru.

Издатель и полиграфическое исполнение
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/174 от 12.02.2014.
Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.